
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 4(68), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.04.2021
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 000

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Тушков А.А.* Агрегативные качества политической власти русской локальной цивилизации 992
- Кузьмин А.Г.* Особенности имперского проекта модернизации в русском национал-патриотическом движении современной России: «левый поворот»? 998
- Ван Цзясюй.* Китайская мечта как цель политической модернизации 1010
- Первалова Е.А.* Вектор развития политического действия в условиях формирования виртуального информационного пространства 1015
- Биринчи Э.* Понятие «фактор внешней политики» и основные факторы российской ближневосточной политики 1023

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Магадиев М.Ф.* Государственная система патриотического воспитания современной российской молодежи 1033
- Бекмуродова Г.* Проблемы формирования политической компетенции личности 1042
- Устюжанинов И.Д.* Общественные движения города Кирова в 2012 году: взаимосвязь федерального политического процесса и активности местных сил на примере деятельности движения «За честные выборы» 1047
- Муратов А.Х.* Методология исследования антитеррористической деятельности в условиях трансформации современного социума 1054

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Сажаяев М.И., Оселедец А.Г., Тушков А.А.* Формирование военно-кадровых технологий в межвоенный период военного строительства 1062
- Мартынова М.Ю., Жолманов А.С.* Противодействие коррупции в современной России: особенности формирования государственной политики 1072
- Равочкин Н.Н.* Политико-правовая институциональная динамика нового и новейшего времени (Часть 1) 1079
- Белов С.И.* Перспективы использования видеоигр с историческим сюжетом как инструмента политики памяти Российской Федерации 1089
- Крюкова Е.В.* Роль «молчаливого большинства» в развитии современных демократий 1097
- Беспамятнова М.Н., Попов С.И.* Перспектива гармонизации функций институтов местного самоуправления в контексте взаимодействия с общественными организациями 1103
- Александров А.Р.* Конституционные преобразования – новый этап развития местного самоуправления в России 1108
- Денисенко П.В., Есиев Э.Т.* Интернет-технологии как инструмент политической мобилизации в эпоху Big Data 1115

Мельникова Ю.Д. Модели и опыт реализации гражданской инициативы на местном уровне в США	1122
До Тхань Ту. Социальная сеть как пространство реализации политической деятельности гражданами Вьетнама: результаты прикладного политического анализа (2020)	1132
Семибоков Д.А. Этнополитические конфликты как фактор нестабильности политических систем непризнанных республик	1142
Сардар Алаа. Публичная политика как сфера деятельности групп интересов в современном государстве: субъекты и механизм взаимодействия	1153
Плешакова Д.И. Региональный парламентаризм в современной России: особенности становления и проблемы развития	1161
Нешков С.В. Причины вовлечения молодежи в процесс дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России	1169
Рузавина А.К. Интернет и социальные сети как фактор распространения молодежного экстремизма.....	1174

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сыздыкова Ж.С. Мегaproект Китая «Один пояс, один путь»: внутренние и внешние вызовы	1182
Чу Лин, Хань Хаолэй. Динамика китайско-российского энергетического сотрудничества в контексте двусторонних политических отношений.....	1190
Магадиев М.Ф. Глобальная нестабильность как фактор политической мобилизации и радикализации массового сознания.....	1197
Жетпымбаев С.К. Казахстанский путь к независимости – путь к демократизации и интеграции	1204
Блинов В.В. Atlas of the Greater Mediterranean area: Crimea at the Crossroads of Civilizations/Атлас Большого Средиземноморья: Крым на перекрестке цивилизаций.....	1217
Бацазов Г.Т. Влияние внешнего фактора на внутривнутриполитические процессы в Ливанской Республике.....	1236
Афонин А.Д. Политика Евросоюза в отношении Казахстана: энергетический аспект.....	1241
Бузанов Н.А., Воровская Д.В. Кто может нарушать международное право? Взаимосвязь национального и международного права. Монизм и дуализм. Влияние на российско-китайское стратегическое партнерство	1247
Чернышев Р.С., Рашкован А.А. Правовые проблемы международных отношений в киберпространстве	1254
Черпакова А.И. Отношение Франции к Восточному партнерству ЕС	1260

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Мохаммад Анвар Бакташ, Камвар Ахмад Джавид,</i> <i>Мохманд Хаширатулла.</i> Языковая политика в Афганистане.....	1267
<i>Комаров К.С.</i> Современная геополитическая инженерия Израиля на Ближнем Востоке	1275
<i>Сунь Вэньсянь.</i> Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате: причины и последствия	1282
НАШИ АВТОРЫ	1293
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	1300

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLITICS

- Tushkov A.A.** Aggregate Qualities of Political Power
of Russian Local Civilization..... 997
- Kuzmin A.G.** Features of the Imperial Project
of Modernization in the Russian National-Patriotic
Movement of Modern Russia: «Left Turn»? 1008
- Wang Jiaxu.** The Chinese Dream as a Goal of Political Modernization..... 1014
- Perevalova E.A.** The Development Vectors of the Political
Action According to the Virtual Information Space Setting 1022
- Birinchi E.** The Concept of “Foreign Policy Factor”
and the Main Factors of Russian Middle East Policy 1032

POLITICAL SOCIOLOGY

- Magadiev M.F.** State System of Youth
Patriotic Upbringing in Modern Russia 1041
- Bekmurodova G.** Problems of Forming
the Political Competence of the Individual..... 1046
- Ustyuzhaninov I.D.** Public Movements of the City of Kirov in 2012:
the Correlation between the Federal Political Process and the Activity
of Local Forces as Exemplified by the Activities of the
«For Fair Elections» Movement 1053
- Muratov A.H.** Methodology for Researching Anti-Terrorist Activities
in the Context of the Transformation of Modern Society 1061

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Sazhaev M.I., Oseledets A.G., Tushkov A.A.** Formation of Military
Personnel Technologies in the Interwar Period of Military Construction 1070
- Martynova M.Yu., Zholmanov A.S.** Countering Corruption
in Modern Russia: Features of State Policy Formation 1077
- Ravochkin N.N.** Political and Legal Institutional
Dynamics of New and Modern Time (Part 1)..... 1088
- Belov S.I.** Prospects for Using Video Games with a Historical Plot
as a Memory Policy Instrument of the Russian Federation 1096
- Kryukova E.V.** The Role of the “Silent Majority”
in the Development of Modern Democracies 1102
- Bespamiatnova M.N., Popov S.I.** The Prospect of Local Self-Government
Institutions Functions’ Harmonization in the Context of its’ Interaction
with Public Organizations..... 1107

Alexandrov A.R. Constitutional Reforms – a New Stage in the Development of Local Self-Government in Russia.....	1114
Denisenko P.V., Yesiev E.T. Internet Technologies as a Tool for Political Mobilization in the Era of Big Data.....	1121
Melnikova Yu.D. Models and Experiences of Local Civic Initiative – Implementation in the United States	1131
Do Thanh Tu. Social Network as a Space Implementation of Political Activities by Citizens of Vietnam: Results of Applied Political Analysis (2020).....	1141
Semibokov D.A. Ethnopolitical Conflicts as a Factor of Instability of the Political Systems of the Unrecognized Republics	1152
Sardar Alaa. Public Policy as a Sphere of Activity of Interest Groups in the Modern State: Subjects and Mechanism of Interaction	1160
Pleshakova D.I. Regional Parliamentarism in Modern Russia: Features of Formation and Development Problems.....	1167
Neshkov S.V. Reasons for the Involvement of Youth in the Process of Destabilizing the Internal Political Situation in Russia.....	1173
Ruzavina A.K. Internet and Social Networks as a Factor of Spreading Youth Extremism.....	1181

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS,
FOREIGN AND WORLD POLICY

Syzdykova Zh.S. China’s One Belt, One Road Megaproject: Internal and External Challenges.....	1189
Chu Ling, Han Haolei. Dynamics of China-Russia Energy Cooperation in the Context of Bilateral Relations Political Relation.....	1196
Magadiev M.F. Global Instability as a Factor of Political Instability Mobilization and Radicalization of Mass Consciousness.....	1202
Zhetpysbaev S.K. Kazakhstan’s Path to Independence is the Path to Democratization and Integration.....	1215
Blinov V.V. Atlas of the Greater Mediterranean: Crimea at the Crossroads of Civilizations	1217
Batsazov G.T. The Influence of the External Factor on the Domestic Political Processes in the Lebanese Republic.....	1240
Afonin A.D. EU Policy Towards Kazakhstan: Energy Aspect	1245
Buzanov N.A., Vorovskaya D.V. Who Can Violate International Law? The Relationships between National and International Law. Monism and Dualism. Impact on Russian-Chinese Strategic Partnership	1253
Chernyshev R.S., Rashkovan A.A. Legal Problems of International Relations in Cyberspace.....	1259
Cherpakova A.I. France’s Attitude Towards the EU Eastern Partnership.....	1266

STUDENT SCIENCE

Mohammad Anwar Baktash, Kamwar Ahmad Javid,

Mohmand Hashmatullah. Language Policy in Afghanistan 1274

Komarov K.S. Modern Geopolitical Engineering of Israel in the Middle East..... 1281

Sun Wenxian. Integrative Approach to the Formation
of Economic Competence of Future Technology Teachers 1292

OUR AUTHORS..... 1297

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 1300

АГРЕГАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ РУССКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проблема исследования столкновения цивилизаций в политической науке становится все более актуальна в связи с современной обстановкой, при которой изучение различий между обществами стоит наиболее остро и может привести к пониманию того, как функционируют данные общества и как разрешить накопившиеся противоречия. Выявление агрегативных свойств систем в этой связи играют ведущую роль. Предложенный авторами цикл статей ставит задачей провести анализ таких методологических подходов исследования цивилизаций, как западно-ориентированные, западно-скептические, культурологические, биологические или естественные подходы, а также упаднические. В данной статье авторами рассматривается такой комплекс структурно-разработанных подходов, как западно-ориентированные подходы.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, западно-ориентированный подход.

Учитывая тот фактор что, социальные установки современных элит прошли изменения от патерналистской, советской традиции через архаичную элитарно-олигархическую на постсоветском этапе с частичным сохранением ее на современном этапе, прогнозирование следующей возможной структуры установок зависит от множества факторов, в том числе от процессов социализации – ресоциализации, преимущества одного из видов локуса контроля внешнего или внутреннего, отношений общество-индивид наименее подвижной структуры в системе мира большинства обществ, а также структуры ценностей и установок и особенностей рациональности определенной нации. Политическая культура по большому счету зависит от ценностной ориентации как общества, так и в большей степени элит, которые в свою очередь формируют цивилизационные ценности на каждом

этапе выступая в роли агентов-носителей определенного типа культуры, либо заимствованной, либо национальной, сформированной внутри среды цивилизации. Переплетение архаичных и современных черт властного процесса в современной России дают возможность говорить о том, что характеристики цивилизации влияют на свойства власти – власть создает прецеденты в рамках цикла, являясь агентом, через который внешние элементы поступают в среду цивилизации.

Цивилизация, как явление существует в трех плоскостях: **время, пространство и прецедент**, которые являются переменными величинами и также связаны с таким циклом, как **стагнация – хаос – отчуждение – восстание**. Русская локальная цивилизация влияет на власть через базовые свойства, а власть на цивилизацию – через прецедент, внедряя новые внешние элементы. Тем самым происходит адаптация привнесенных отношений и систем ценностей к внутренней среде. При этом задача элиты в цивилизационном плане создать свою субкультуру, на основе национальных интересов и особенностей, которая сможет конкурировать в мировом масштабе с остальными элитами. Так как сами условия среды цивилизации, в частности, природные, не способствуют сохранности материальных ценностей и материи как таковой. Принципиальным отличием русской локальной цивилизации от западной является создание культурной среды и субкультуры, позволяющей сохранять идеи, знания, (дух) цивилизации и передавать, транслировать внедрение внешних элементов «материально-ориентированной» западной цивилизации, где материальное важнее смыслового. Данный фактор подрывает способ жизни русской локальной цивилизации и является базовым элементом культурной экспансии.

Политическая власть в рамках цивилизационного развития в таком случае носит следы травмы восприятия соседней, противостоящей цивилизацией, где маркирована как «антимир». Такое посттравматическое состояние влияет на рациональность всей нации, ставя культуру русской локальной цивилизации в подчиненное положение, создавая феномен отчуждения. При этом каждая власть всегда должна иметь внутренний ресурс, совершать обмен с обществом. Современная ситуация видится тупиковой потому, что обменные отношения в культурном контексте не представляют моделей эффективного обмена. Ресурс такого общества либо истощается для современной элиты, что ведет к кризису общества в целом либо, лишившись поддержки общества и возможностей обмена, элита начинает воспроизводить репрессивное поведение, что также ведет к разрешению конфликта через кризис. Последующее изменения трех аспектов цивилизации, таких как, структура ценностей и цивилизационный выбор моделей и ориентиров, изменения самоидентификации и репрезентации, а также динамику элит и процессы, происходящие в процессе социализации и рекрутинга последних, определяют выживаемость и успешность цивилизации на следующем этапе.

Для современной российской политической практики характерны три вида различных социальных установок, обусловленных социальными причинами: **корпоратократические**, которые являются установками новообразованных элит, чаще всего экономического толка. Второй вид – это **традиционные элиты**, включающие национал-патриотически ориентированные элиты, также представители так называемых «силовиков». Третья разновидность культурных установок относительно политики можно обозначить как **гражданские или народные представления** больше связанные с концепцией социал-демократии. Важную роль в изменении принципов действия политической власти в локальной цивилизации имеет процесс вторичной архаизации. Создаваемая квазитрадиция из эклектичного сплава предыдущих практик меняет облик не только процессов управления, но и основные принципы. Существующий культурный упадок ставит общество и элиты перед задачей создания нового общества через формирование образа будущего для всех, либо для избранных, в чем и заключается основная проблема. Так как частично ядро цивилизации – это ценности и язык, основным изменениям под влиянием, в том числе внешних факторов, подвергаются именно они как наиболее уязвимые и неустойчивые к воздействию элементы. Тактика цивилизационных конкурентов в смещении акцентов, изменении центра локальной цивилизации, с ценностей на технологии и механические действия, с языковых практик в практики социальных сетей, которые подменяют язык и его нормы. Также подобные процессы сопровождаются четко прослеживаемым процессом трансгрессии.

Здесь уместно рассматривать явление трансгрессии и в рамках изменения языковых практик, выход языка за собственные рамки, так и в рамках политического, где трансгрессия может означать злоупотребление по Г. Гегелю, как выход за пределы социального и ассоциирование объекта с внешним актором. Преодоление моральных регуляторов и способов мышления не только на индивидуальном плане, но и уровне обществ и цивилизации по Ж. Батаю сопряжено с «абсолютной негативностью», практическим распадом через стадию «безумия».

Ответом на деструктивные тенденции становятся попытки вывести понимание «Русского мира» на другой уровень дискурса [4. С. 18]. Негативный имидж русской локальной цивилизации, складывающийся в западном сознании с XVII века, связан не только с естественной конкуренцией цивилизаций, но и с восприятием «другого» в западной традиции, где «другой» заранее «враждебен». Поэтому восприятие концепции «Русский мир» внутри России и вовне носит противоположные коннотации. По версии националистов таких территорий бывшего Советского Союза, как Украина, Беларусь, а также прибалтийских стран «Русский мир» проявление экспансионистских устремлений и попытка навязать «русскость», при этом культурная экспансия запада не воспринимается этими элементами как враждебная [1. С. 7].

Попытка осмысления цели существования не только самой России, но и всех причастных к «Русскому миру», создание целостного имиджа русской локальной цивилизации, ставит задачи не просто формирования идентичности, но также преодоление последствий распада 90-х годов и раскола внутри самого «Русского мира». Согласно подходу, В.А. Никонова существует три возможные сферы осмысления «Русского мира» как феномена, а, следовательно, и русской локальной цивилизации. **Геополитическая**, связанная с суверенитетом страны и культурной самобытностью; **геоэкономическая**, приобретающая особую актуальность в условиях надвигающегося мирового экономического коллапса [3. С. 453], а также непосредственно **геокультурная**, связанная с работой как с соотечественниками за рубежом, так и мигрантами, прибывающими в Россию [2]. Несколько уровней существования русской локальной цивилизации согласно вышесказанному предполагают не только разнообразие культур и возможных сценариев развития, но также разные уровни восприятия власти как феномена. Это – светский, государственный уровень, внешний транснациональный, а также культурная и духовная оценка политической реальности. Каждый уровень в свое время соответствует ядру локальной цивилизации. Архетипические отношения элементов системы, власти и культурной матрицы позволяют моделировать способ развития цивилизации или ее отдельных, так и проследить изменения власти в русской локальной цивилизации, которая задает определенный тон всей социальной жизни сообщества.

Исследователь Р.П. Трофимова вводит новую дефиницию «культурно-экономическая система», которая, по мнению автора, является системой взаимосвязанных элементов, алгоритмов, формирующих структуру локальной цивилизации. Она определяет функции и особенности развития локальной цивилизации [6. С. 23]. В данную схему также можно добавить элемент политического, так как от взаимоотношений с властным началом зависит успешность развития экономики и соответственно культуры. Наполнение отношений содержанием и формирование структуры зависит от государственно-политического элемента, то есть от иерархии общества, а также распределения властных ресурсов в обществе. Постепенно образующаяся система ценностей того или иного общества, также зависят от состояния элит и прогрессивных либо трансгрессивных тенденций в рекрутинге последних. Следовательно, система ценностей не всегда устойчивое образование и имеет свойство изменяться в зависимости от большого количества факторов. Тоже самое можно сказать и про язык, несущий определенный заряд изменчивости. В то время как потребность во власти и иерархии в любом обществе перманентна.

Обозначенная в начале 2000-х гг. необходимость создания новейшей методологии для исследования русской локальной цивилизации, остро ставит вопрос о том, как именно изучать самобытность России. Утратившие акту-

альность попытки изменить страну без учета цивилизационной специфики, привели к расколу внутри русской локальной цивилизации на уровне матриц. По мнению И.Г. Яковенко разрыв между западноевропейской формой самоорганизации и евразийской матрицей привел к формированию внутри России двух квазинародов с разными менталитетами [7]. Зависимость жизнеспособности цивилизации от качества менталитета и аттитюдов также связана с действием архетипов. Созидательная деятельность, а также поддержание иерархии выступает способом сохранения общества.

Нарушение априорных моделей поведения ведет к распаду и увеличивает риски. В ситуации угрожающей целостности общности возникает потребность в справедливости, которая предполагает сотрудничество, а не конкуренцию. Поэтому важен эффект синергии не только в плане группового единства и отделимости от конкурирующих групп, но и сочетание бессознательных моделей поведения с деятельностью социальных институтов и культурных форм. Стабильное развитие самоорганизации цивилизации зависит от способности учитывать бессознательные архетипические установки при формировании политической линии, в том числе культурной. Непринятие либеральных ценностей в России как раз и является проблемой архетипической несовместимости [5].

Таким образом, бессознательное восприятие власти, пространства, «иноного» и самих себя формирует те принципы, на которых основывается русская локальная цивилизация. Здесь изменчивость власти, ее стремление перетягивать чуждые архетипы, саму форму «чужеродности» как способ легитимации не совсем совпадает не только с ожиданиями населения, но и с логикой процесса. Парадоксальным образом периферийный менталитет преломляет восприятие элитами места и пространства русской локальной цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бильченко Е.В. Концепт «Русский мир» в контексте культурологии // Человек. Культура. Образование. 2012. № 4 (6).
2. Градировский С.Н. Русский мир как объект геокультурного проектирования / С.Н. Градировский, Б.В. Межуев // http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/histori2003/gradirovsky-russmir.
3. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во Московского университета, 2015.
4. Николенко А.А. «Русская власть» как модель организации политической власти и властных отношений в контексте современной отечественной политической традиции и практики»: автореф. диссертации кандидата политических наук: 23.00.02 / Николенко Анастасия Алексеевна; [Место защиты: ФГАОУВО Дальневосточный федеральный университет], 2017.

5. Рябова Т. «Медведь как символ России: социологическое измерение» // <http://statehistory.ru/5564/Pochemu-medved---simvol-Rossii/>; <https://www.novayagazeta.ru/news/2014/10/24/107121-putin-k-nam-ne-lezte-i-ne-korchite-iz-sebya-vershiteley-sudeb-mira>.

6. Трофимова Р.П., Селезнев П.С. Алгоритмы культурной политики российской цивилизации // Власть. 2016. № 5.

7. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые знания, 2014.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

AGGREGATE QUALITIES OF POLITICAL POWER OF RUSSIAN LOCAL CIVILIZATION

The problem of researching the clash of civilizations in political science is becoming more and more urgent in connection with the current environment, in which the study of differences between societies is most acute and can lead to an understanding of how they function society and how to resolve the accumulated contradictions. The authors' proposed series of articles aims to analyse such methodological approaches as the study of civilizations as Western-oriented, Western-skeptic, cultural, biological or natural approach, as well as decadent. This article explores a basic structurally-designed approach as a Western-oriented.

Key words: «civilization», local civilization, social process, power, features of the political process, Western-oriented approach.

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.002

УДК 323.14; 323.14

А.Г. КУЗЬМИН

*кандидат политических наук, доцент
кафедры социальной работы и психологии
Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина,
Россия, г. Сыктывкар*

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА МОДЕРНИЗАЦИИ В РУССКОМ НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ»?¹

Статья посвящена, прежде всего, оценке новейших общих тенденций, прослеживающихся в современном русском национализме, и в первую очередь основным модернизационным моделям, выдвигаемым представителями современного русского национализма. Цель работы – анализ идеологии современного русского национализма в контексте проблемы модернизации российского общества в начале XXI века, чтобы показать востребованность ряда идей русского имперского национализма.

Задачами исследования являются выяснение различных аспектов практической и теоретической деятельности представителей русского национализма разных направлений по поводу самопрезентации ими путей модернизации российского общества и государства. Кроме того, в свою очередь, проведенный анализ имеет тесную связь с рассмотрением реальных возможностей воплощения данных идей, реакции на них со стороны российской власти и социума и определением степени дальнейшего развития отношений в условиях, когда русские националисты имперского направления создали проект «красно-белой» империи, отдельные элементы которого вошли в состав современного российского модернизационного комплекса на основе баланса между предлагаемыми ими идеями и действиями властей. Этот синтез идей особенно эффективно проявил себя с 2014 года, во время и после событий воссоединения Крыма и Донбасского вооруженного конфликта. В проведенном анализе в основном используются исторический и сравнительный методы исследования.

Результатом проведенной работы мы можем отметить, что некоторые положения русского националистического имперского проекта сегодня

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации».

сумели создать востребованные политические идеи и лозунги и русский национал-патриотизм в его имперском варианте, стал одной из актуальных политических идеологий, влияющих на характер современных изменений в стране. Привлечение в официальную российскую парламентскую политику представителей русского имперского национализма свидетельствует об изменении отношения российской власти к русскому национализму как политическому актору. В российской политической науке исследование развития и классификация моделей трансформации и решения проблем пути политической модернизации страны современными русскими националистами стало иметь важное значение и может послужить основой для дальнейших научных и прикладных исследований.

В заключение статьи проанализированы перспективы модернизационного развития страны в изменившихся условиях внешне и внутривнутриполитической ситуации.

Ключевые слова: *политическая идеология, русский национализм, «Русская весна», имперский национализм, этнонационализм, империя, модернизация.*

В российском обществе на протяжении довольно долгого исторического периода присутствует определенный запрос на модернизационные процессы, связанный с переходом от традиционного общества к современному. Начиная с эпохи реформ Петра I этот процесс имеет постоянный, хотя и не непрерывный характер, причем критерии представлений о модернизации менялись очень существенно. Так, царь Петр I объявив себя российским императором, пытался создать свою империю как новое государство, по западноевропейскому образцу и этот проект оказался довольно устойчивым, – с некоторыми перерывами на так называемые «контрреформы» российское государство следовало в этом направлении практически триста лет. Второй этап модернизации, советский, сильно отличался от предыдущего, он начался с Великой Октябрьской революции в 1917 г. и просуществовал до развала СССР в 1991 г.

Главной особенностью этого периода было построение общества нового типа, аналогов которого в мире еще не существовало. Оба этих этапа имели общую основу, которой являлась имперская модель, хотя составные элементы, сильно различались друг от друга. В самом общем смысле их можно назвать проектами «белой» и «красной» империй.

После краха, постигшего СССР, начался третий этап модернизации российского общества, который был ориентирован на так называемую либерально-демократическую модель, пример который представляют современные страны ЕС и США. Сегодня, через тридцать лет усилий по модернизации российского общества по данному образцу можно сказать, что этот процесс получился крайне неоднозначным с довольно противоречивыми

результатами. Вряд ли с уверенностью можно сказать, что российское общество получило целиком положительный эффект от проведения либеральных реформ в политической, экономической, социальной и других важнейших сферах деятельности социума. Отметим, что либеральные основы развития закреплены в целом ряде положений Конституции РФ – так, экономические процессы в стране переведены на рыночные рельсы, приватизирована большая часть государственной собственности, российский корпус законов в целом основан на принципах западной демократии, несмотря на существенные изменения в Конституции страны, произошедшие летом 2020 г. Несмотря на то что, российское законодательство диктует всем гражданам страны вполне либеральные правила жизни, тем не менее, значительные для основного большинства населения потери в результате произошедшей «либеральной модернизации» привели к довольно неожиданному эффекту возникновения и закрепления в обществе имперского сознания и амбиций. Более того имперские коннотации российской постсоветской политики периодически актуализируются во внешней сфере (события, связанные с Приднестровьем, а позднее – с Абхазией, Южной Осетией, Сирией, Крымом, республиками Донецка и Луганска). При этом российское руководство по-прежнему, заявляет о приверженности модернизационной модели, но она существует уже в особом формате, являясь современным изобретением российской постсоветской политики, по типу «суверенной демократии» Владислава Суркова. Надо сказать, что в случае с имперскими амбициями в современной России речь не идет о простом «пересмотре границ» в духе российской имперской исторической традиции, скорее дело «в элементах неоимпериалистической политики, проявляющейся в попытках установления и поддержания определенного контроля над внутренней и внешней политикой государств, возникших на месте Российской империи и Советского Союза» [4. С. 290].

У российского политолога В. Милецкого со ссылкой на французского социолога Алена Турена есть формулировка концепции «модернизация в обход модернити». Это понимание процесса модернизации, происходящего при сохранении специфики национального архетипа и национальной культуры, национальной идентичности и фундаментальных традиций образа жизни. Важным моментом является то, что он исключает навязывание западных стандартов в результате вестернизации [8. С. 15].

Со второй частью определения можно спорить, все-таки влияние западных образцов, повсеместно внедрявшихся в России 90-х гг. прошлого века и сегодня продолжает иметь огромное значение, прежде всего через СМИ, культурные и образовательные механизмы, уже выросло целое поколение людей, испытывающих повседневное воздействие этой пропаганды и в быту, и в других сферах своей жизни и деятельности. Поэтому вестернизация является неизбывным фактором российской истории последние

тридцать лет и будет являться таковым еще достаточно долгое время. Тем не менее, запрос на имперскую идеологию можно считать своего рода «национальным проектом», который разрабатывают не только представители официальной российской власти, но и различные представители русского национализма, для многих из которых российская действительность после 2014 г., дает шанс если не на вхождение в официальную политику, то, как минимум, присутствие в информационном поле, что дает уникальную возможность манифестировать свои идеи большому числу российских граждан, включая сюда и ведущих российских политиков.

Если говорить о русских националистах, то не все они относятся положительно к имперскому проекту. Помимо собственно, националистов-«имперцев» существует также объединяющая в себе ряд направлений значительная группа так называемых «этнических националистов» (национал-демократы, русские республиканцы и т.д.), подавляющее большинство которых относятся к имперскому проекту резко отрицательно. Как отмечает российский историк Алексей Миллер, неодинаковое отношение к империи существовало в русской националистической среде давно, еще в царской России. Например, он отмечает, что «Русский национализм не был един, и у него были сложные отношения с империей. ... русский национализм все время находился в состоянии спора и борьбы с династией. Это не совсем верно. Какая-то часть русских националистов стремилась сотрудничать с империей, это была довольно большая часть. Какая-то часть оппонировала в надежде династию переделать, перевоспитать, если угодно, а какая-то часть – в надежде династию уничтожить» [9. С. 29].

Можно сказать, что, в отличие от русских национал-патриотов имперской ориентации, принявших присоединение Крыма в 2014 г., события «Русской весны» и поддержавших Кремль, который, по их мнению, выполнил часть их требований, которые провозглашались сторонниками империи еще в 90-х гг. прошлого века, этнонационалисты «не приручились», перейдя, в основной своей массе, в оппозицию не только к российской власти, но и к бывшим соратникам по националистическому движению. Основу этнонационалистов-демократов составляет русская молодежь, нередко образующая группировки так называемых правых скинхедов. Многие из них входили и входят в известные русские националистические партии, в основном закрытых из-за экстремистской деятельности. Как отмечает российский политолог В.А. Ачкасов, именно за «антиимперские, антисоветские и антипутинские установки» наиболее известные из этих партий – Движение Против Нелегальной Иммиграции (ДПНИ) 2011 г., Славянский Союз (СС) 2010 г., Национал-социалистическое общество (НСО) 2010 г. были запрещены [1. С. 197].

Стоит отметить, что примером единственной запрещенной русской националистической партией «имперской» ориентации является Национал-

большевистская партия (НБП) Эдуарда Лимонова, которая была официально запрещена за экстремистскую деятельность еще в 2007 г. На тот период ей можно было вменить в вину антипрезидентские настроения (направленные лично против В. Путина), но против проекта возрождения империи или СССР партия Лимонова не выступала ни до своего запрета под именем НБП, ни в период своей обновленной версии под названием «Другая Россия». После событий на Украине в 2014 г. русские этнонационалисты продолжили нести ощутимые организационные потери – были запрещены такие крупные группировки как ЭПО Русские (2015), и Рубеж Севера (2016).

Нельзя утверждать, что все члены данных организаций являлись сторонниками этнонационализма, последовательными противниками империи или, начиная с украинских событий 2014 г., сторонниками киевского майдана. Мы говорим, в основном, о достаточно молодых людях, чьи политические взгляды могут измениться, не сформироваться окончательно или вообще отсутствовать. Свои этнонационалистические предпочтения имеют и более-менее связно могут изложить как правило лидеры этих объединений или наиболее активный сегмент этих партий. Есть и обратные исключения, например, К. Крылов (умер в мае 2020 г.), лидер Национально-Демократической Партии (НДП), главный редактор издания «Вопросы национализма» сразу поддержал присоединение Крыма и борьбу ополчения Донбасса, хотя далеко не все его однопартийцы сделали такой выбор. Надо сказать, что водораздел между условными «имперцами» и «этнонационалистами» в русском национализме имеет сегодня достаточно условный характер, нужно смотреть на конкретные характеристики и реальную ситуацию в каждом случае, когда требуется определить принадлежность какой-то организации или политического деятеля-националиста к тому или иному направлению. Как отметила авторитетная французская исследовательница русского национализма М. Ларюэль, деление русских националистов на «государственников» и «этнонационалистов» служит удобным орудием анализа, так как «четко фиксирует разлом, который находится в самом сердце русского национализма: отношение к государству и к империи» [7. С. 24].

В экспертной среде существует точка зрения, что этнический русский национализм является важным политическим ресурсом. Так, А. Миллер указывает, что если в 90-х гг. XX в. партии, разделяющие подобные взгляды постоянно проигрывали, набирая не более 4% голосов, то на парламентских выборах 2003 г. национально-консервативная партия «Родина» (Сергей Бабурин, Сергей Глазьев, Дмитрий Рогозин) взяла более 9-ти % голосов российских избирателей. Этот успех пока еще не был превзойден, но еще тогда показал, что ситуация на выборах может серьезно измениться. В связи с этим Миллер отметил, что можно говорить об образовании «эффекта порочного круга», когда «дискриминация русских в национальных автономиях служит питательной средой для этнического русского национализма,

а рост этнического русского национализма повышает чувство угрозы среди меньшинств, которые видят в «своих» республиках главный ресурс защиты» [10. С. 522].

Укрепление позиций этнического русского национализма в самой России может сыграть большое значение в случае использования в различных политических целях русских (или прорусски ориентированных) жителей постсоветского ближнего зарубежья из числа постсоветских государств. Еще один вариант – превращение этнонационализма в инструмент «мягкой силы», усиление влияния России в этих государствах через русских соотечественников, что, возможно, в какой-то мере уже происходит в установке развития концепции «русского мира», в том числе и на Донбассе [4. С. 291].

Можно предположить, что потенциал русского этнического национализма пока не раскрыт, очевидно, что различные политические силы попробуют его использовать, но современная политическая повестка дня пока заставляет обратить внимание на имперское направление русского национализма, которое сегодня переживает небывалый для себя в постсоветской российской истории ренессанс в информационном и политическом пространстве российской внутриполитической жизни. По мнению ряда современных русских националистических идеологов с начала 2000-х годов в России «начался неоимперский период, который характеризуется процессами восстановления РФ суверенитета, нарушенного распадом СССР, возвращения статуса сверхдержавы и имперского политического влияния в мире» [12. С. 171].

Разговор об империи ведут некоторые представители левой идеологической ориентации и даже деятели КПРФ – крупнейшей левой парламентской партии, представители которой постоянно участвуют в работе российских органах государственной власти на протяжении всего постсоветского времени. Так, лидер КПРФ Г.А. Зюганов в одной из своих книг пишет: «Империя – исторически и геополитически обусловленная форма развития Российского государства. ... Россия издревле сознавала себя преемницей и хранительницей имперского наследия» [5].

Практически мы можем говорить о формировании вполне жизнеспособного «красно-белого» («красно-коричневого») проекта, который объединяет в себе ряд сторонников «красной» и «белой» империй из числа русских националистов, готовых работать совместно на условиях разумного компромисса не только друг с другом, но и искать союзников во власти.

С точки зрения российского политолога и публициста, Б. Кагарлицкого «... решающую роль в формировании новой идеологии власти сыграли... теоретики из оппозиционной газеты «Завтра» и проникшиеся их идеями лидеры компартии. Именно они провозгласили «красно-белый» союз. Православные фундаменталисты, добивавшиеся причисления к лику святых царя Николая II, прозванного «кровавым», должны были объединиться в одной колонне с политическими наследниками красных комиссаров, расстреляв-

ших царя и его семью. Разногласия предлагалось отбросить во имя «державности». Надо иметь сильную власть, и не важно – под какими флагами, в чьих интересах. Главное, она должна быть сильной и страшной. ... Поддерживалось в советском опыте все то, что роднило его с царизмом, с империей, все, что было консервативного, реакционного» [6. С. 462-463]. Среди русских националистов немало сторонников красной империи, которые видят ее построение в XXI в. как в определенной степени продолжение советского социалистического проекта. Один из авторов газеты «Завтра», журнала «Изборский клуб», писатель и публицист С. Белкин отмечает «Если патриоты хотят строить капитализм – так он уже худо-бедно построен, и речь может идти лишь о призывах типа «дай порулить» и «мы, придя во власть не будем воровать»». По его мнению, нужно конкретнее обозначить цель – «единственно верное направление – строительство социализма. ... слово «империя» не заработает, если это не явит себя как социалистическая империя. «Красная империя» – паллиатив: описывает, но не мобилизует». ... «Только в социалистическом, просоветском эгрегоре... есть огонь, есть энергия, способная и объединить, и мобилизовать к действию.... Это бесценный ресурс: и интеллектуальный, и эмоциональный. Ничего равного этому нет ни у нас самих, ни у кого-то еще в мире...» [2. С. 4]. Как мы видим у ряда русских националистов проект «Красной империи» имеет устойчивую популярность, несмотря на очевидную сложность совмещения основных положений левой и правой идеологий. Кроме того, очевидно, что в современной российской ситуации, в отсутствии достойной идеологической конкуренции, русским националистам имперского направления, удается более-менее успешно синтезировать модель «красно-белой» идеологии, что вызывает обоснованную уверенность в более устойчивом положении таких теорий по сравнению с однозначными классическими идеологемами белой или красной традиции. В свою очередь, при соответствующих исторических обстоятельствах, «красно-белый» проект имеет значительные шансы на практическое воплощение, в отличие от большинства других концепций, разделенных по классической идеологической «лево-правой» градации.

Часть русских националистов из числа имперцев, учитывая современные обстоятельства, полагают, что у них появился реальный шанс прийти как минимум, если не к союзу, то к конструктивному диалогу с властью. Так О. Платонов, один из идеологов современного русского национализма полагает, что «Задача русских православных патриотов – поддерживать здоровые силы во власти. Не надо стесняться сотрудничать с той частью власти, интересы и задачи которой совпадают с нашими. Надо поддержать национально мыслящих чиновников и национальный капитал. Надо идти в «партию власти», которая сейчас выдвигает лозунги официального патриотизма, чтобы вдохнуть в эти лозунги жизнь и вытеснить из власти политиков и финансистов, связанных с мировой закулисой [13. С. 3]. Российское эксперт-

ное сообщество обратило внимание на то, что российская власть с определенного периода активно использует идеи как «левого», так и «правого» направлений, в том числе и ряд актуальных лозунгов русских националистов. Так, известный российский социолог, Л. Бызов, еще в 2008 г. писал о так называемой «путинской метаидеологии» следующее: «Действующая власть и ее партийные представители в лице «Единой России» во многом «впитали» как левые, так и правые идеи, что позволило им как бы «выпасть» из идейно-политического спектра, привлечь на свою сторону даже те группы, которые в логике идейно-политического пространства ранее противостояли друг другу. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства – определяют «лево-правый» синтез, характерный для государственной «квазиидеологии», сформировавшейся при В. Путине» [3. С. 22]. М. Ларюэль, в том же году писала, что «Одна из удач Владимира Путина как раз и заключалась в том, что ему удалось подхватить некоторые идеологемы, принадлежавшие до этого националистам, которые после этого оказались их лишены и потеряли одну из своих главных социальных функций. Однако он сам, скорее всего, отдает предпочтение государственному определению российской нации, несмотря на то, что сохраняет некоторые этнические элементы» [7. С. 30].

Сегодня мы имеем практические примеры взаимного использования возможностей официальных российских политических институтов и публично известных представителей русского национализма. Например, российские парламентские партии не только идут на равный диалог с русскими националистическими объединениями, но и объединяются с ними, как это сделала партия «Справедливая Россия» Сергея Миронова и непарламентские партии «Патриоты России» Геннадия Семигина и «За Правду» Захара Прилепина. С января 2021 г. она называется «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». З. Прилепин и Г. Семигин получили посты сопредседателей новой организации, председателем был избран С. Миронов [11].

Думается, что Г. Семигин, хотя и имеет, помимо руководства своей партией довольно большой стаж работы в официальных структурах власти, не является в России легко узнаваемым публичным политиком, о котором постоянно пишут СМИ. Показательно, что в официальном сокращенном варианте названия партии «Справедливая Россия – За правду» нет названия «Патриотов России» Г. Семигина, но присутствует «За правду» З. Прилепина. Последний, в отличие от Семигина, очевидно, обладает большей медийной известностью как общественный деятель, имеющий определенные «брутальные» черты известного «лимоновца» (член запрещенной в РФ Национал-большевистской партии (НБП) Э. Лимонова), командир боевого подразделения народного ополчения Донбасса, известный писатель, член «Изборского клуба». Мы должны отметить, что «Справедливая Россия»

накануне парламентских выборов в сентябре 2021 г. сознательно пошла на риск добавления к своему политическому весу известной фигуры русского имперца-националиста, хотя и «левопатриотического направления». Это говорит о согласии С. Миронова и, очевидно, других высокопоставленных представителей российской политической элиты на привлечение в большую политику таких своеобразных политических фигур, которые еще недавно на таких должностях были не совсем удобны. Но ввиду изменившихся обстоятельств, в первую очередь, возможности активизации потенциала русского националистического ресурса после событий на Украине 2014 г., мы видим, что такие продвижения стали возможны даже в официальной политической обстановке.

Россия продолжает проводить модернизацию, используя и опираясь на свой исторический опыт, в том числе и позитивный опыт империи. Это не мешает РФ оставаться правовым, демократическим и социальным государством. Современный этап развития страны связан с тем фактом, что он происходит в сложнейшей международной обстановке, в условиях продолжающейся пандемии, продолжающихся с 2014 г. санкций со стороны ЕС и США, что негативно отражается на внутреннем состоянии российской социально-экономической и ряда других важнейших сфер общества. В такой ситуации власти вынуждены идти на нестандартные меры по сохранению социальной стабильности внутри страны. Особенности динамики развития современного российского общества определяют специфику модернизационного процесса, одним из характерных признаков которой является своеобразный «левый имперский поворот». Так, некоторые идеологемы русского имперского национализма были задействованы официальной властью, особенно после присоединения Крыма в 2014 г. Позитивный результат этого эффекта был во многом достигнут благодаря достаточно успешному синтезу в имперском русском национализме «красно-белой» идеологии. Варианты устройства страны, предлагаемые русскими этнонационалистами не обладали такими привлекательными свойствами, так как не учитывали особенности исторического, культурного и религиозного развития страны. Тот факт, что подавляющее большинство представителей этого направления русского национализма критически оценило выбор Крыма и события «русской весны» на Донбассе усугубило их маргинальное положение, отделив их одновременно не только от российской власти и подавляющего количества своих сограждан, но и от значительного числа другой части русского националистического движения, выступивших на стороне Крыма, Донбасса и российской официальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ачкасов В.А.* Власть и русский национализм в современной России // Власть и элиты. 2018. Т. 5.

2. Белкин С. «Здрасьте-либерасьте!» О российском идеологическом бес-силлии // *Завтра*. Декабрь 2019. № 48 (1335).
3. Бызов Л. От кризиса ценностей к кризису институтов // *Свободная мысль*. 2008. № 4.
4. Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсовет-ском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // *На-следие империй и будущее России* / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Ли-беральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008.
5. Зюганов Г.А. Уроки жизни. Держава // <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/6486.html>.
6. Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам на-вязали. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
7. Ларюэль М. Еще раз к вопросу о классификации идеологических те-чений русского национализма // *Русский национализм: Социальный и куль-турный контекст* / сост. М. Ларюэль. М., 2008.
8. Милецкий В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.
9. Миллер А. Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005.
10. Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // *Наследие им-перий и будущее России* / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008.
11. Президиум ЦС СР принял Заявление о необходимости объедине-ния левопатриотических сил во имя будущего России // <https://spravedlivo.ru/10966110>.
12. Проханов А., Стариков Н., Папаяни Ф. *Словарь патриота Отечества*. С предисловием Николая Старикова. СПб.: Питер, 2019.
13. Проханов А. Олег Платонов: «Русская Мечта – Святая Русь!»: Юби-лейная беседа с директором Института русской цивилизации // *Завтра*. Ян-варь 2020. № 3 (1361).

A.G. KUZMIN
*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of social work and psychology
of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin,
Syktyvkar, Russia*

FEATURES OF THE IMPERIAL PROJECT OF MODERNIZATION IN THE RUSSIAN NATIONAL-PATRIOTIC MOVEMENT OF MODERN RUSSIA: «LEFT TURN»?¹

The article is devoted, first of all, to an assessment of the latest general trends that can be traced in modern Russian nationalism, and first of all to the main modernization models put forward by representatives of modern Russian nationalism. The purpose of this work is to analyze the ideology of modern Russian nationalism in the context of the problem of modernizing Russian society at the beginning of the XXI century, in order to show the relevance of a number of ideas of Russian imperial nationalism.

The objectives of the study are to clarify various aspects of the practical and theoretical activities of representatives of Russian nationalism of different trends regarding their self-presentation of ways to modernize Russian society and the state. In addition, in turn, the analysis carried out has a close connection with the consideration of the real possibilities of implementing these ideas, the reaction to them by the Russian authorities and society and the determination of the degree of further development of relations in conditions when Russian nationalists of the imperial direction created the project empire, some elements of which became part of the modern Russian modernization complex on the basis of a balance between the ideas they proposed and the actions of the authorities. This synthesis of ideas has been especially effective since 2014, during and after the events of the reunification of Crimea and the Donbas armed conflict. The analysis carried out mainly uses historical and comparative research methods.

As a result of the work carried out, we can note that some of the provisions of the Russian nationalist imperial project today have managed to create popular political ideas and slogans, and Russian national patriotism in its imperial version has become one of the topical political ideologies influencing the nature of modern changes in the country. The involvement of representatives of Russian imperial nationalism in the official Russian parliamentary policy indicates a

¹ The research was supported by the RGNF, project No. 19-011-00594 “Modern Russian nationalism and modernization of the country: ideological aspects of impact and implementation prospects.”

change in the attitude of the Russian authorities towards Russian nationalism as a political actor.

In Russian political science, the study of the development and classification of models of transformation and solving problems of the path of political modernization of the country by modern Russian nationalists has become important and can serve as the basis for further scientific and applied research.

In conclusion, the article analyzes the prospects for the country's modernization development in the changed conditions of the external and internal political situation.

Key words: *political ideology, Russian nationalism, “Russian Spring”, imperial nationalism, ethno-nationalism, empire, modernization.*

КИТАЙСКАЯ МЕЧТА КАК ЦЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Политическая модернизация – это процесс трансформации от традиционной политики к современной. Китайская мечта – это новая идея, выдвинутая Си Цзиньпином, это вера в идеалы и цели Китая, чтобы объединить цели партии и народа на этапе всеобъемлющей углубляющейся реформы. Китайская мечта разъясняет цель политической модернизации Китая, обогащает ее содержание. Реализация китайской мечты имеет огромное значение для стимулирования политической модернизации Китая.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, китайская мечта, политическая модернизация.

Китайская мечта – это важная ведущая идеология и важная правительственная философия, выдвинутая генеральным секретарем Си Цзиньпином, начиная с 18-го Всекитайского собрания народных представителей, которая была официально выдвинута 29 ноября 2012, который определил «китайскую мечту» как «осуществление великого возрождения китайской нации, являющегося величайшей мечтой со времен новой истории», и сказал, что эта мечта «обязательно будет осуществлена». Конкретным проявлением модернизации являются богатство и могущество государства, возрождение нации и счастье народа. На пути к достижению этой цели необходимо идти по социалистическому пути, придерживаться теоретической системы социализма, развивать национальный дух, учитывая китайскую специфику, и объединять силы Китая. Средствами реализации является «Интеграция пяти областей строительства», а именно строительство политики, экономики, культуры, социума и экокультуры.

Китайская мечта проясняет цель Китая на нынешнем этапе и является общим идеалом китайского народа на этом этапе. На основе анализа соответствующих элементов политической модернизации Китая обсуждается значение реализации китайской мечты с целью обеспечения теоретического ориентира для развития политической модернизации Китая. Политическая модернизация – это динамичный процесс развития от традиционной политики к современной политике, это воплощение модернизации в сфере поли-

тики, проявляющееся в повышении уровня политической систематизации. Основное содержание включает в себя модернизацию государственных функций, общественных услуг и других технических аспектов. Модернизация основана на равенстве непрерывного индивидуального роста, на постоянном повышении умения политической системы к адаптации к окружающей среде, дифференциации институтов и структур в качестве стандарта. И состоит из следующих четырех аспектов: рационализация власти, дифференциация структуры, специализация политических функций и расширение участия. Включает в себя модернизацию основного органа политического действия, политической культуры и политических отношений.

Рационализация власти заключается в достижении объема власти, в достижении цели, которая может соответствовать общей воле и интересам. Для достижения модернизации власти необходимо добиться рационализации власти. Дифференциация структуры является важной особенностью развития политики, перестроившейся на научный лад. Дифференциация заключается в том, что политическое развитие достигло определенной стадии и в соответствии с практическими потребностями привело к росту политических институтов, вследствие чего их функции становятся все более специализированными. Специализация политических функций также является важным аспектом развития политики модернизации. В соответствии с потребностями политического развития, функция политических институтов осуществит разделение труда, каждый из которых выполняет свои собственные функции. В качестве стандарта должности и полномочия все больше будут основываться на индивидуальных достижениях. Расширение участия в основном относится к расширению участия субъекта и содержания участия. В процессе политического развития граждане непосредственно участвуют в различных государственных делах, выражают свои взгляды на политические дела и борются за собственные интересы.

Степень развития политической модернизации имеет свою меру, обычно измеряемую через адаптивность, сложность, самостоятельность и сплоченность организаций. Адаптивность организации отражается в научном характере трех аспектов, которые включают в себя построение основного органа организации, а именно эпоху субъекта, эпоху правящего поколения класса лидеров и процесс модернизации. Сложность относится к постепенной дифференциации и конкретизации организационной структуры, усилению взаимосвязи между различными системами, взаимное включение становится все более ясным, взаимные ограничения между системами. Под самостоятельностью понимается растущая сила легитимных политических групп, способных самостоятельно решать дела группы, не подверженных влиянию неполитических групп и внешних сил в обществе, усиливающих эту способность. Сплоченность непосредственно связана с единством мнений внутри политических групп и является важным фактором развития политической модернизации [3].

Целью политической модернизации Китая является реализация народной демократии и прав человека, социалистической демократии и верховенства закона. Счастье народа – это цель и важное содержание китайской мечты. Политическое выражение народного счастья состоит в том, чтобы увеличить содержание демократических прав народа, усовершенствовать процедуры их осуществления, расширить политическое участие, полностью реализовать народную демократию и права человека, и действительно гарантировать, чтобы народ стал полноправным [4].

Основное содержание китайской мечты выражает цель политической модернизации Китая. Во-первых, основной целью богатства и могущества страны является счастье народа, возрождение нации создает условия для счастья народа, а политическим проявлением счастья народа является полная реализация демократии народа и прав человека. Степень счастья народа – это воплощение уровня развития страны, уровня общей национальной силы и непосредственное отражение степени политической модернизации страны. Счастье народа – это важный аспект основного содержания китайской мечты, это воплощение цели политической модернизации Китая. Во-вторых, богатство и могущество государства проявляются в укреплении общей мощи государства, более развитой экономике, более демократической политике, более процветающей культуре, более гармоничном обществе и лучшей экологии, что обеспечивает материальную основу, духовный импульс и экологическую среду для расширения участия и реализации народной демократии и прав человека. В-третьих, национальное возрождение требует продвижения прекрасной национальной культуры, расширению влияния китайской национальной культуры, утверждению научных идей. Кроме того, благосостояние народа требует лучшей гарантии прав народа, возможности для всех достичь общего развития и разделить плоды развития, что обеспечивает неотъемлемую потребность и объективную неизбежность участия в расширении, реализации народной демократии и прав человека [1].

Политическая модернизация – это процесс, который должны пройти все национальные государства [2]. Это важное содержание социалистической модернизации и Китай должен сформулировать стратегию развития политической модернизации в соответствии со своими характерными особенностями страны [5]. Со стороны действительного положения Китая в настоящее время, реализация политической модернизации заключается в дальнейшем укреплении строительства партии, укреплении строительства социалистического гармоничного общества и стремлении к мирной международной обстановке.

Прежде всего, нужно придерживаться убеждения о строгом внутривнутрипартийном управлении для крепкого построения марксизма. Строгое внутрипартийное управление является залогом прогрессивности и беспорочности партии Китая, а также важным аспектом укрепления партийного строи-

тельства для достижения рационализации авторитета. Вся партия должна полностью понять научность марксистской теории, твердо установить руководящую позицию марксистской теории. Во-вторых, нужно укрепить демократическое строительство партии. В настоящее время Китай добился значительного прогресса в деле социализма, и сделал важные изменения в национальной, мировой и партийной сферах. Укрепление строительства демократии внутри партии поможет лучше укрепить силу объединения партии и сплоченность, и привести китайский народ к борьбе за осуществление китайской мечты.

Проект адресного оказания помощи бедным является важной мерой расширения совместного участия народа в политической модернизации национального управления Китая, ключом к сокращению разрыва между богатыми и бедными. Со времени политики реформ и открытости материальная и культурная жизнь народа все больше обогатилась, постепенно сформировалась социальная среда для свободного и всестороннего развития народа. Несмотря на это, на данный момент в большей части регионов большая часть населения находится в нищете, не пользуется средними национальными достижениями в области развития. Все еще существует большой разрыв в материальном и духовном развитии. Разрыв явно расширяется и в будущем он может повлиять на сбалансированное социальное развитие, на реализацию китайской мечты и также может ограничить политическую модернизацию и развитие Китая. Поэтому обеспечение материальных условий жизни народа и обеспечение блага народа в процессе реформ является важным аспектом дальнейшего расширения политического участия народа.

Таким образом, реализация китайской мечты требует усиления строительства государственных структур и институтов, а также дальнейшего усиления рационализации и научности строительства китайских правительственных органов и институтов. Политическая модернизация Китая также нуждается в достижении структурной дифференциации и функциональной специализации в усилении строительства государственных структур и институтов.

С одной стороны, усиление строительства государственных институтов – это объективная необходимость реализации китайской мечты и необходимость политической модернизации Китая для достижения дифференциации и развития политических структур: Китай добился значительных успехов в строительстве государственных институтов, обеспечив политические гарантии для реформ, открытости и социалистической модернизации. Функции китайского правительства меняются, чтобы создавать благоприятную среду для развития, предоставлять высококачественные государственные услуги и охранять общественную беспристрастность и справедливость. С другой стороны, нужно усилить строительство политической системы и законодательства. Для этого важно обеспечить модернизацию системы

государственного управления и потенциала в области управления, укрепить демократическую систему и научный характер правительственных функций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ли Цзе*. Коммунистическая партия Китая и две исторические задачи. Исследование по истории Коммунистической партии. 2011. № 7.
2. *Ли Аньцзэн*. Исследование политической модернизации: взаимосвязь между политической модернизацией, политическим развитием и политической цивилизацией // Журнал теоретических исследований. 2007. № 9.
3. *Чжан Ин*. Движущая сила развития политической модернизации // Журнал Муданьцзянского Института образования. 2006. № 5.
4. *Чжан Сяолин, Ван Руолей*. Китайская мечта – это счастливая мечта открыть новую эру развития прав человека в Китае // Китайская газета «Учебный таймс». 17.03.2014.
5. *Ян Хунлян*. Краткая дискуссия о развитии политической модернизации Китая // Журнал Лоянского педагогического университета. 2000. № 4.

WANG JIAXU

*Postgraduate, Institute of History and Politics,
Moscow state pedagogical university, Senior lecturer
at Heilongjiang University, China*

THE CHINESE DREAM AS A GOAL OF POLITICAL MODERNIZATION

Political modernization is the reflection of modernization in politics and is a process from traditional politics to modern politics. The new idea of the Chinese dream, proposed by Xi Jinping, is the belief and goal to unite the party and the people in the stage of Chinese comprehensive reform. The Chinese dream expounds the goal of China's political modernization, enriches the content of China's political modernization, and makes clear the main body and core of leadership of China's political modernization. The realization of the Chinese dream has great significance to the promotion of China's political modernization.

Key words: *Xi Jinping, the Chinese dream, political modernization.*

ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

В данной статье анализируются структурные и качественные изменения политического действия. Автор рассматривает внедрение информационных и коммуникационных технологий в сферу политики, когда функционирование и восприятие политического действия в традиционном социуме значительно отличается от вектора развития данного понятия в информационном обществе. Современный этап данного процесса характеризуется формированием виртуального политического пространства и возрастающей политизации средств массовой информации.

Ключевые слова: *политическое действие, информационные технологии, информационное общество, сетевизация.*

В современных условиях развития общества человек привык иметь дело с большим объемом информации. Знания провозглашены одной из самых главных ценностей XXI века. В связи с этим общество глубоко погружено в информационное море, где обмен информацией ускоряет свои темпы с каждым годом. В 2020-2021 годах условия работы, учебы и жизни в целом стали максимально зависеть от информационных технологий. Именно они позволили осуществлять деятельность во время пандемии COVID-19. Информационные и коммуникационные технологии, несомненно, пришли и в сферу политики. Данные процессы происходят в глобальных масштабах и характеризуют современное состояние общественного развития.

В данной статье рассматривается влияние формирования виртуального информационного пространства на структурные и качественные изменения политического действия, в таких условиях развития общества, когда без учета актуальных реалий инфосферы достижение эффективного политического результата не представляется возможным.

Ситуация с пандемией в 2020-2021 гг. стала своего рода лакмусовой бумажкой для выявления данных трансформаций. Политические акторы действуют согласно социокультурным представлениям людей и основываются на актуальных условиях существования общества. Соответственно, на данном этапе само содержание понятия «политическое действие» подвергается некоторым изменениям.

Доктор философских наук Огородников В.П. подчеркивает особенности данного понятия, определяя его как «вид человеческой активности... в сфере властных отношений, вызванный стремлением влиять на социальное бытие». По мнению ученого, мотивы и направленности политического поведения детерминируются «политическими ценностями, потребностями и интересами, которые предопределяют не только направленность политической активности, но и многообразные формы ее проявления» [7. С. 210-211].

Так, в традиционном обществе классическая картина мира рассматривала политическое действие как реакцию, как своего рода систему «ответов на вызовы времени» [1. С. 209-212]. Основатель социологии Т. Парсонс писал о «самоорганизующейся системе», основанной на триединстве символов, ценностей и воли, особенность которой состояла в «символичности (символические механизмы регуляции – язык, культура); в нормативности (зависимость индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм); в волонтаристичности (способность индивида, независимо от условий среды, самому определять действие, исходя из своей субъективной оценки ситуации)» [8. С. 21-22]. Парсонс, как основатель структурно-функциональной методологии, препарировал данное понятие, наглядно выделяя структурную и функциональную составляющие, что демонстрирует схема «Колесо политического действия» (см. рис. 1).

На рисунке 1 политическое действие представлено в виде колеса (самоорганизующаяся система), которое приводят в действие три направляющие силы: ценность и норма, язык и культура, оценка и воля. Такая схема ярко иллюстрирует понимание политического действия в традиционном обществе, где не наблюдается влияние извне информационных технологий, а отправной точкой служат объективные, устоявшиеся позиции общества.

Здесь приверженность традициям выступает гарантом самодостаточности, поскольку классические субъекты политики, а именно политические лидеры, партии, политические авторы, политические классы, подтверждали собственное право на политическое лидерство и продвижение своих позиций и политических решений в ходе дебатов, митингов, политических дискуссий. Доктор политических наук Василенко И.А. иллюстрирует данный факт известным выражением немецкого критика-просветителя Готхольда Эфраима Лессинга: «украсть стих у Шекспира также невозможно, как дубинку у Геракла» [1. С. 210]. То есть невозможно украсть у политика победу, завоеванную на поле политических сражений.

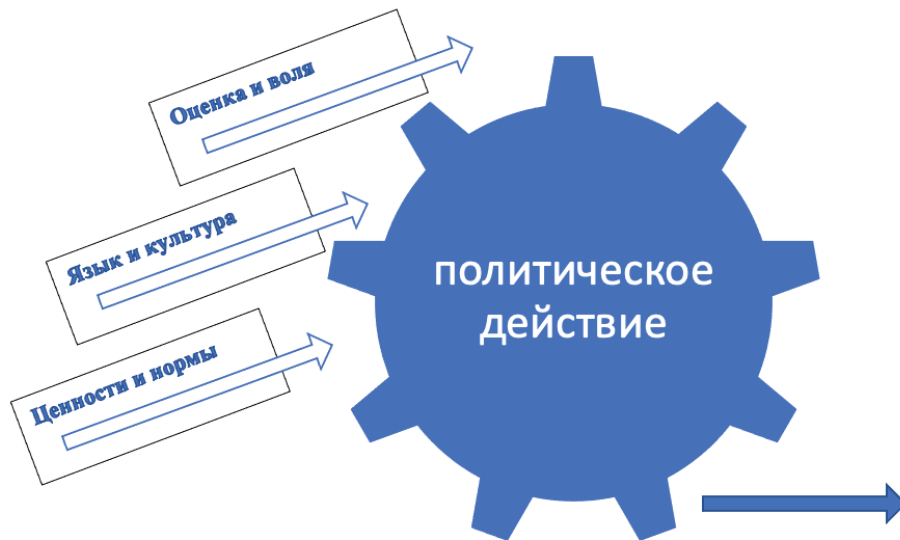

Рисунок 1. Колесо политического действия

Таким образом, традиционное общество, не избалованное информационными технологиями, опиралось на прочный и незыблемый фундамент традиций с заранее прописанными ролями для каждого участника «обрядов». Опора на социокультурные установки гарантировала устойчивость политического уклада и легитимность принятых на ее основании решений. Классическое политическое действие не испытывало на себе влияние извне, оно не подвергалось воздействию информационных технологий и представляло законченную самостоятельную систему, что в значительной степени отличает сущность политического действия, осуществляемого в современных условиях.

На смену экстраполяции, стабильности и устойчивости в политическом поведении, приходит процесс переосмысления и адаптации традиционного подхода в политике – интерпретация сложившихся культурных кодов по отношению к новым политическим реалиям.

Однако, американский социолог Эдвард Шилз обращал внимание на сдерживающий фактор традиционализма, утверждая, что «фетишизация традиций усиливает пагубное стремление к архаичному образу жизни» и «приводит к стагнации» [1. С. 215]. Действительно, слепое следование устаревшим традициям может привести к опасным результатам, порождая жестокость, эксплуатацию, дискриминацию, иррациональные верования – все то ложное, от чего человеческое общество старалось освободиться в ходе своей

истории. Тем не менее, английский социолог Энтони Гидденс подчеркивает, что культура не является застывшим экспонатом, который должен пылиться на полке в силу своей архаичности и неактуальности, скорее наоборот, является кладезем новых ответов, основой для «создания широкого разнообразия альтернативных политических ценностей» [3. С. 104]. С ученым согласен другой британский экономист и профессор Найджел Харрис в своем труде «Beliefs in Society: The Problem of Ideology» («Вера в обществе: Проблема идеологии»), который пишет, что «культура – это не какая-то внешняя смиренная рубашка, это многослойная одежда» [1. С. 216].

Большинство исследователей сходились во мнении, что культурная основа формируется веками, она впитала в себя весь многослойный опыт предшествующих поколений и несет уникальный код своего общества. Этот код позволял политикам обосновывать цели и задачи, служил гарантом легитимности актуальным политическим действиям. К концу XX века политические руководители применяли способ реинтерпретации для формирования поддержки населения и поднятия национального духа, единства народа. Многие страны мира встали не на путь глобализации, а сделали выбор в пользу собственного развития, основываясь на адаптации национальных традиций к современным условиям, в особенности страны Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

Но начало XXI века ознаменовано новым вызовом и новой формой адаптации политического действия к сложившимся в социуме реалиям – стремительному развитию средств массовой коммуникации. Теперь, в контексте применения политического действия неизменно возникают термины «виртуальное политическое пространство», «информационное общество», «сетевизация».

Характерная для традиционного общества самодостаточность в политике сменяется на виртуальный политический имидж, который может в значительной степени отличаться от имиджа в реальной жизни. На место традиций, передаваемых из поколения к поколению, принимаемых в своей основе как объективная данность и не подверженных глубинному критическому анализу, но претерпевающим адаптацию к актуальным политическим условиям, приходит новая эра активного внедрения электронных средств массовой информации. Аудиовизуальные технологии позволяют максимально быстро и масштабно доносить информацию до глобальной аудитории, обладают значительно большей убедительной и впечатляющей силой нежели традиционные печатные и устные сообщения. В политической сфере наступает новый этап информационной революции.

О данных изменениях написал доктор политических наук Грачев М.Н. в своем труде «Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития», обращая особое внимание на их «проникновение в сферы управления деятельностью, обслуживания, образования и научных

исследований» и утверждал, что информационные технологии «знаменуют становление качественно нового этапа социально экономического развития человечества, который получил название информационного общества» [2. С. 81-82].

Также, об этой новой реальности писал доктор философских наук Комаровский Владимир Савельевич. Ученый называет использование средств массовой информации «новой ступенью в развитии современной цивилизации». В качестве основных характеристик Комаровский В.С. указывает «увеличение роли информации и знаний в жизни общества, возрастающую роль инфокоммуникаций, информационных продуктов и услуг, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах» [4. С. 503].

Резюмируя, можно сказать, что информационные и коммуникационные технологии прочно вошли в жизнь современного социума. Роль и значение подобных технологий стремительно повышается. В XXI веке мы с точностью можем утверждать, что информация предоставляет определенную власть, благодаря которой человек значительно влияет и даже управляет природой, техническими и социально-политическими процессами.

Несомненно, подобное масштабное погружение человечества в Интернет имеет свои плюсы и минусы. Мгновенный обмен любой информацией в глобальных масштабах провоцирует избыточное ее количество. Каждый пользователь стремиться к получению и созданию новых смыслов, тенденций, последней информации о происходящих событиях. Соответственно, информационная революция и формирование информационного общества дали множественные возможности и в сфере политического поведения, значительно повлияв на политическую реальность, а также на механизмы политического действия. Важно понимание того, что большинство читателей газет, зрителей телевидения, слушателей радио доверяют выбранному ресурсу получения информации и стремятся быть осведомленными в том, что происходит рядом с ними, желая, как писал Роберт Рождественский, иметь «утром свежую газету – с человечеством родство».

Действительно, большинство людей на планете регулярно пользуется информационными ресурсами, а средства массовой коммуникации не только предоставляют необходимые данные, повышая уровень образования, обеспечивая развитие науки и техники, но и несут важную социально-политическую функцию формирования мнений, интересов, а, следовательно, широко используются в качестве виртуальной площадки для политического действия с расчетом на получение максимального результата.

Поскольку политические процессы в первую очередь нацелены на формирование информационных потоков, использование электронных каналов

передачи информации позволяет политическому человеку, политической партии или социальной группе охватить максимально большую аудиторию. Виртуальные конструкции все чаще используются в качестве инструмента влияния на политические и общественные процессы, образуя, так называемое, виртуальное политическое пространство.

Исследователь влияния электронных средств коммуникации на человека и общества, канадский философ Маршалл Маклюэн выразил интересную мысль о виртуальном имидже политика: «в конце концов живых политиков окончательно вытеснят их образы в СМИ» [5]. Этими словами философ подтверждает убеждающую и формирующую силу информационных технологий, которая создает для реципиентов эффект полной и исчерпывающей картины на электронных информационных ресурсах и данный факт непременно отражается современными политиками при реализации политического действия.

Виртуальное политическое пространство можно определить, как последнюю на текущем этапе стадию развития социума. Реальное публичное пространство полностью или отчасти заменено на интерактивное. Доктор политических наук Мирошниченко И.В. в статье «Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики» пишет о формировании некой новой сетевой публичной политики, включающей в себя «политические явления и события, в которых наблюдается «прорастание» эффектов сетевизации поверх рутинных практик традиционной публичной политики» [6. С. 61]. Это означает, что к сетевой политике и виртуальному политическому пространству относятся те факты, которые возникают и развиваются в электронных средствах массовой коммуникации – так называемом «сетевом ландшафте»: на специализированных сайтах, в социальных сетях, мессенджерах и др.

Таким образом, отношения реципиента с политическими акторами становятся опосредованы виртуальным пространством. Внедрение информационных технологий в процесс политического действия накладывает определенные изменения на саму его структуру. На данный момент политическое действие становится объектом информации тогда, когда производится его фото-, видеосъемка, тиражирование, публикации, репосты на сайтах Интернета, репортажи и фильмы по телевидению, радио и т.п. Профессиональные приемы операторов, фотографов, сценаристов помогают воссоздать событие в электронном виде и донести до широкой аудитории. В связи с этим возникает ряд проблем, относительно применения информационных технологий при реализации политического действия, а именно в области политической праксеологии, герменевтики, суггестии и контрсуггестии.

И мы можем наблюдать, как данное стремление современного общества заменить реальное пространство виртуальным особым образом проявилось

в период пандемии COVID-19, когда не только сфера культуры (музеи, театры, научные и бизнес-сообщества, музыканты) предложили различные варианты электронной коммуникации, но и общественно-политические деятели активно погрузились в процесс сетивизации: организация общественных онлайн-движений, онлайн-конференций по важным вопросам для населения, проведение прямых эфиров в социальных сетях, онлайн-приемы граждан и многое другое. Мы наблюдаем, как информационная революция проходит новый виток развития, который всецело отражается на векторе развития политического действия в рамках расширения виртуального информационного пространства.

В данной статье рассмотрено понятие «политическое действие» и направление его развития в современных условиях. Отражая те изменения, которые происходили в социуме, понятие меняло свою теоретическую составляющую и характер практического применения. Если для традиционного общества политическое действие было самодостаточным, основанным на реальных поступках, личностях, общностях людей, отталкивалось от социальных ценностей и традиций, то сейчас политическое действие качественно изменилось – потеряло свою самостоятельность, стало напрямую зависеть от виртуального информационного пространства, информационных технологий, интернет-образов, убеждающей функции и фрагментарной структуры средств массовой информации. Именно данные категории теперь определяют эффективность в политике. Последние исследования, а также сам интерес общества и власти к электронным средствам коммуникации доказывают данное утверждение. Во время выборов противостоящие стороны активно используют электронные формы агитации и аккаунты в социальных сетях. Например, блокировка страниц Дональда Трампа в Твиттере и Фейсбуке в ходе предвыборной гонки и событий января 2021 года в Вашингтоне, лишившая кандидата в президенты одного из главных коммуникационных каналов. Подобные факты доказывают, что информационные технологии значительно влияют на сферу политики в целом и на политические действия отдельного актора в том числе.

Таким образом, политика первой трети XXI века вынуждена подстраиваться под актуальные реалии электронной коммуникации, имея целью донести политические убеждения, интенции, ценности, агитационные смыслы до реципиентов. Актуальная стадия развития общества характеризуется значительным информационным рывком, к которому необходимо адаптироваться всем сферам, и прежде всего области политического действия. Особенно остро данную тенденцию демонстрируют 2020-2021 года, когда самоизоляция, карантин, удаленная форма работы и учебы продемонстрировали, насколько современный социум зависим от информационных технологий, которые в указанный период стали единственным способом связи с тем, что происходит за закрытой дверью квартиры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Василенко И.А.* Политическая философия: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010.
2. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004.
3. *Гидденс Э.* Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
4. *Комаровский В.С.* Политология: учебник / под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: РАГС, 2006.
5. *Маклюэн М.* Рыцарь медийного образа / Гаков В. // Коммерсант-Деньги. 2001. Аналитическая статья // <http://www.mcluhan.ru/articles/rycar-medijnogo-obraza/>.
6. *Мирошниченко И.В.* Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики. Пермь: Вестник Пермского университета. Политология, 2014.
7. *Огородников В.П.* Политология: учебное пособие / В.П. Огородников, Н.М. Сидоров. СПб.: Питер, 2009.
8. *Парсонс Т.* О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Акад. Проект, 2002.

E.A. PEREVALOVA

Senior lecturer at the Northwestern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; postgraduate student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

THE DEVELOPMENT VECTORS OF THE POLITICAL ACTION ACCORDING TO THE VIRTUAL INFORMATION SPACE SETTING

In this article the author analyzes structure and quality changes of the political action occurred on different stages of society development. The article examines the implementation of information and communication technologies in the sphere of the political action. The functioning and the perception of political action in traditional societies largely differ from the development vector of this notion in the information society. The actual stage characterizes by the construction of virtual political space and the sthenic media politization.

Key words: *political action, information technology, information society, traditional society, networking.*

ПОНЯТИЕ «ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ» И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье обсуждается понятие «фактор внешней политики» и основные факторы внешней политики России на Ближнем Востоке. С этой целью, во-первых, рассматривается использование выражения «фактор внешней политики» в российских и англоязычных исследованиях. Во-вторых, обсуждаются факторы внешней политики с точки зрения разных теорий международных отношений. В результате будет сделан вывод о том, что теории реализма и конструктивизма предлагают основные факторы внешней политики России на Ближнем Востоке, на которые влияют система международных отношений и российская идентичность.

Ключевые слова: фактор внешней политики, внешняя политика России, конструктивизм, неореализм, Ближний Восток.

Введение. Изучение факторов внешней политики, в первую очередь, требует уточнения или аналога русского слова «фактор». Оно может означать «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» [1]. Вместе с тем, фактор внешней политики переводится на английский язык как «factors of/in foreign policy» или «elements of foreign policy», которые отличаются друг от друга. В российских научных работах встречаются исследования какого-то явления как фактора другого явления, в которых, во-первых, анализируется влияние первого явления на второе, а во-вторых, рассматривается эволюция первого явления во взаимодействии с вторым. Таким образом, когда исследование посвящено анализу определенного явления как фактора внешней политики, явление не всегда выступает как независимая переменная. Следовательно, выявление понятия фактора внешней политики требует рассмотрения и описания факторов внешней политики в различных теориях международных отношений.

Несмотря на то, что центральные объекты внешней политики и международной политики различаются, обе эти области международных отно-

шений способствуют комплексному анализу факторов внешней политики, поскольку они дополняют друг друга в современных условиях, в которых увеличивается количество внешних и внутренних участников политических отношений, и теория внешней политики развивается через осмысление теории международных отношений. Важно отметить, что цели внешней политики не ограничиваются другими странами. Внешняя политика может быть нацелена на конкретных людей, таких как конкретный лидер, на негосударственные субъекты, такие, как международные организации, правозащитные группы, работающие через границы, многонациональные корпорации, террористические организации, другие государства, международное окружение или глобальная экономика [3. Р. 3].

Анализ внешней политики начинается с теорий, которые определяют различные факторы – различные силы, которые влияют на внешнюю политику государства. Очевидно, что любое объяснение внешней политики обычно включает в себя несколько факторов. Внешнеполитический курс любого государства находится под влиянием многочисленных факторов, влияющих на формирование внешней политики государства и ее применение. Наряду с этим, когда речь идет о факторах внешней политики, нельзя принимать их только в качестве независимой переменной, поскольку эти факторы воздействуют друг на друга и постепенно меняются.

В настоящее время не существует общепринятой классификации факторов внешней политики. Вместе с тем значительное количество работ и исследований посвящено определению этих факторов, поскольку именно факторы внешней политики являются базовыми основами ее формирования. Факторы в разных научных работах подразделяют на объективные и субъективные факторы, внешние и внутренние факторы, зависимые и независимые переменные. Некоторые теории внешней политики изучают отдельные факторы, влияющие на внешнюю политику государства. В целом в подходах к определению факторов среди исследователей не существует принципиальных различий, но в то же время они по-разному рассматривают степень их важности в определении внешней политики государства: например, неореалисты делают акцент на централизованность структуры международной системы, а конструктивисты – на идентичность каждой конкретной системы. В данном исследовании использован метод определения внешних и внутренних факторов, поскольку изучение внешней политики однозначно связывает изучение международных отношений и внутренней политики, учитывая, как внутренние и внешние факторы влияют на политику государства.

Внешние факторы. Все государства вне зависимости от их типа политической системы, их истории или их культуры, находятся в международной системе, ограничивающей выбор, который они могут сделать во внешней и внутренней политике. Распределение во всем мире экономического бо-

гательства и военной мощи, а также *действия других влиятельных государств*, многонациональных корпораций и международных и транснациональных организаций часто означают, что государства не могут использовать предпочтительные для них внешнеполитические стратегии. Специалисты по внешней политике давно признали, что для понимания того, как государства ведут себя по отношению друг к другу, важно понимать взаимовлияние этих системных факторов, внешних действующих лиц и условий, находящихся вне контроля политиков. В течение длительного времени многие исследователи утверждали, что внешняя политика государств является исключительно продуктом международной системы, т.е. просто реакцией на внешние условия и других субъектов. Это ожидание, вытекающее из таких теорий международных отношений, как реализм и варианты либерализма и конструктивизма. Таким образом, эксперты по внешней политике часто используют взгляды на международную систему, чтобы сделать вывод о действиях, которые государства могут предпринять в своей внешней политике.

Реалистический подход. Реалисты считают, вся активная борьба на международной арене возникает исключительно на почве характеристик внешней среды, однако при этом внешняя среда как международная система, конструируется под влиянием великих держав. Другими словами, «содержание» государства не является определяющим при формировании его внешней политики [14. Р. 54-57]. Кроме того, реалистическая теория предполагает, что именно анархия является той характеристикой международной среды, которая так сильно отличает международную политику от внутренней политики. Неореалисты предписывают политику, которая максимизирует интересы государства, пытаясь добиться относительных выгод и сохранить баланс сил.

Без защиты международной правовой системы или глобальных полицейских сил государства должны заботиться о своих собственных интересах. Движущей силой внешней политики становится постоянная необходимость приобретать и защищать свою безопасность и власть с помощью военных инструментов (по мнению большинства реалистов), поскольку в конечном итоге целью каждого государства является выживание и защита его территориальной целостности. После распада СССР изменения в международной системе подтвердили существование других сфер, связанных с национальными интересами государств. Это может быть международная экономика или экология, где военный инструмент оказывается неэффективным в защите национальных интересов. Если государство не обладает значительной властью, оно должно вступить в союз с государствами, которые являются более могущественными и могут защитить его. Таким образом, альянсы и могущественные союзники также становятся дополнительными внешними условиями, которые могут сдерживать государства и корректив-

ровать их политику. Влияние природы мирового порядка сказывается по-разному на формировании внешней политики разных государств: например, в биполярной системе средняя сила сталкивается с сильным давлением, чтобы стать совместимым партнером по альянсу одной из главных держав и в конечном итоге отказаться от автономии в своей внешней политике ради безопасности [3. Р. 8, 9]. Таким образом, в реалистической перспективе как независимая переменная международная система является важнейшим фактором, определяющим внешнюю политику государства, так как она направлена на защиту национальных интересов, находящихся не на территории данной страны.

Розенау в своей книге «The Study of World Politics» отсылает нас не к факторам внешней политики, а к источникам, формирующим внешнее поведение государств. Он разделяет эти переменные на пять категорий. Это – политическая личная, функциональная (роль), государственная, общественная, системная переменная [9. Р. 319]. Для неомарксистов внешние факторы также являются определяющими, однако они больше внимания уделяют не политической компоненте внешней среды, а ее экономическим характеристикам.

Либералистический подход. Для либералов взаимозависимость между государствами и система международных отношений представляют собой важнейшие факторы внешней политики. Согласно либералистической концепции, для большинства государств представляет интерес именно сотрудничество, а не конфликты. Примерами сотрудничества, которое может принести пользу государствам, являются соглашения о контроле над вооружениями, торговые соглашения и культурные обмены. Взаимозависимость также означает, что государства могут быть довольно ограничены в своей политике. Поскольку судьба одного государства связана с судьбой других, когда одно государство вредит другому, оно делает это на свой страх и риск. Таким образом, либерализм рассматривает экономическую взаимозависимость как ключевую характеристику международной среды, которую государства должны учитывать при разработке внешней политики. С появлением необходимости международного сотрудничества в форме международных организаций и с ростом транснациональных корпораций в качестве двигателей глобализации у государств нет иного выбора, кроме как иметь дело с этими негосударственными субъектами и иногда конкурировать с ними за влияние в международной политике [3]. Кроме того, идеи о значительном влиянии внутренних факторов на внешнюю политику государства характерны и для различных направлений либерализма, но со значительным креном в сторону взаимодействия не в сфере государственной безопасности, а экономики.

Конструктивистский подход. Представители конструктивистского направления, попытавшиеся примирить реалистов и либералов, а также преодолеть дихотомию объективных и субъективных факторов, обратили внимание

на идею развития. Внешняя политика рассматривается ими как развивающаяся и меняющаяся, в результате чего вчерашние субъективные факторы могут стать сегодня объективными за счет самой деятельности и порождаемых ею продуктов. Конструктивистская перспектива рассматривает международную систему как социальные взаимодействия государств и взаимопонимание в глобальном обществе. Международная система включает в себя не только объективные силы власти, интересов и организации. Для конструктивизма анархия и интересы не определены объективно. Напротив, они состоят из действий агентов, таких как состояния, и значений, которые агенты придают им, идей, которые связываются с ними в сознании агентов.

Конструктивисты рассматривают нормы надлежащего поведения как социально международные структуры, которые ограничивают внешнюю политику государств. Государства в основном стремятся избегать внешней политики, которая не рассматривается международным сообществом как законная. Международные законы могут кодифицировать то, что считается законным. Хотя государства не всегда соблюдают международные законы, система действительно обладает неким моральным и нормативным авторитетом, который государства поддерживают [3]. Теория идентичности более значима для изучения международных отношений. Лучшее понимание того, как национальные лидеры понимают различия между государствами, является шагом к учету формирования национальных интересов. Это обычно исключается из рационалистических (неореалистических и неолиберальных) объяснений международной политики на том основании, что ни один набор интересов не является более рациональным, чем любой другой. Это исключение оставляет неореализм и неолиберализм без теории предпочтений и, следовательно, без теории внешней политики [8. Р. 270].

А.П. Цыганков в своей работе утверждает, что центральная категория конструктивистского подхода к внешней политике – это «идентичность». Прежде чем страны выяснят, как наилучшим образом защитить свои интересы, используя имеющиеся материалы и дипломатические средства, они сначала стремятся понять, каковы их интересы в международном сообществе. Взаимодействуя с другими членами международного сообщества, страны развивают связи, привязанности и, в конечном итоге, свою собственную идентичность. Исторически некоторые нации или культурные сообщества оказываются более важными, чем другие, и именно через этих значимых *Других* (the other) национальные *Я* (Selves) определяют свой соответствующий характер и типы действий [12].

Внутренние факторы. Теории, ориентированные на внутренние источники внешней политики, предлагают несколько иную перспективу и набор ожиданий. В отличие от внешних теорий, те, кто указывает на внутренние источники государства, ожидают, что должны проявляться различия между стратегиями, используемыми во внешней политике государств, несмотря

на их схожие обстоятельства в международном общении. Для этих аналитиков большое разнообразие политических систем, культур и лидеров являются факторами, которые направляют государства в разные стороны, даже если они сталкиваются с одними и теми же внешними силами. Ученые, указывающие на внутренние источники внешней политики, выделяют множество различных мнений по поводу внешней политики. Эти мнения высказываются на нескольких уровнях субъектов и институтов внутри стран – общественности, общественных групп, правительственных организаций и лидеров [3]. Например, Т.А. Романова отмечает три составные части, влияющих на поведение государства с точки зрения неоклассического реализма:

- «независимую переменную» (внешнюю среду, систему);
- «вмешивающуюся переменную» (весь комплекс внутри государства: институты, взаимоотношения власти и общества, восприятие и идеология);
- «зависимую переменную» (внешнюю политику) [2].

Таким образом, существующие теоретические подходы к исследованию внешней политики государства утверждает важность как внешних, так и внутренних факторов для исследования внешней политики государства. В этом смысле теория анализа внешней политики помогает сочетать разные факторы внешней политики, которые определяют отдельные теории международных отношений. Например, уровни, описанные в работе таких теоретиков международных отношений, как Хадсон и Дайа, являются действительно глобальными:

- 1) индивидуальные лица, принимающие решения;
- 2) групповое принятие решений;
- 3) культура и идентичность;
- 4) внутривнутриполитическое оспаривание;
- 5) национальные атрибуты и международная система [5. Р. 34].

Факторы внешней политики России на Ближнем Востоке. Хотя ведутся серьезные дискуссии об относительном значении внутренних и внешних обстоятельств в формировании направления российской внешней политики, нельзя отрицать, что имеет место заметное влияние международной среды на внешнюю деятельность российского государства. Изучение внешней политики России на Ближнем Востоке (учитывая, что внешняя политика является зависимой переменной) позволяет понять, что Россия не проводит *suī generis* ближневосточную политику, специфичную для этого региона, а координирует свои действия в соответствии со своим общим подходом к мировым делам. Исходя из этого при исследовании факторов внешней политики России, мы можем использовать неореалистический подход в связи с его направленностью на влияние международной системы на внешнюю политику и конструктивистский подход для выяснения и понимания того, как формируются факторы, которые сдерживает международная система (то есть третий и пятый уровни анализа внешней политики по Хадсону

и Дайа). Здесь важно вспомнить исследование Цыганкова, определяющее поведение «другого» как фактор, влияющий на формировании национальной идентичности, в соответствии с внешней политикой государства. Таким образом, Запад является тем «*другим*», *влияющим на поведение России* в изучении ближневосточной политики России [2].

В реалистической концепции внешняя политика России, в частности, ее конфронтация с США по вопросам ядерного нераспространения, расширения НАТО и участия США во внутренних делах бывших советских государств является отражением несовместимых друг с другом интересов. Для России эти действия США и НАТО уменьшают ее влияние и самостоятельность в мировой политике и угрожают ее безопасности и самому выживанию российского государства. Российская внешняя политика преследует цель сохранить военное преимущество страны и компенсировать влияние других могущественных государств в данном регионе. Поскольку западные державы, особенно Соединенные Штаты, имеют свои политические интересы в этом регионе, Россия не может проводить политику на Ближнем Востоке, не взаимодействуя с Западом. Когда дело доходит до анализа российской внешней политики, представляется ошибкой не принимать во внимание российскую национальную идентичность, поскольку долгая история российского и советского взаимодействия со странами Ближнего Востока сформировала устойчивый курс данных стран на сотрудничество. Современная российская политика в отношении Ближнего Востока опирается на эту традицию. Причиной такого предположения является то, что внешняя политика России во многих отношениях основана на осознании идентичности [13].

Ближний Восток был важен для СССР из-за географической близости к территориям СССР. После распада СССР Российская Федерация оказалась географически отделенной от Ближнего Востока буферными государствами Кавказа и Центральной Азии, жизненно важные интересы Москвы в этих бывших советских республиках сделали этот регион приоритетным для российской внешней политики [4].

Примечательно, что в начале переходного периода в российской внешней политике под влиянием доминирующих атлантических/либеральных идей политиков таких как А.В. Козырев, Россия стремилась развивать хорошие отношения с Западом. Арабо-израильский мирный процесс стал единственным важным направлением ближневосточной политики России. Тем не менее, и особенно с того момента, когда Евгений Примаков стал министром иностранных дел России в 1996 году, неизменной целью Москвы было уже восстановление ее статуса как великой державы [6. Р. 3]. Наконец, геополитическая стратегия В.В. Путина содержала более сбалансированный синтез западной и евразийской политической ориентации. Вместо того чтобы извлекать выгоду из угрозы однополярности – одного из принципов дипломатии Примакова – Путин стремился добиться признания от запад-

ных лидеров, вовлекая их в совместную коалицию по вопросам экономики и безопасности [12]. Путин пришел к власти, когда Россия столкнулась с очень важными изменениями: в 1998 г. – вмешательство НАТО в конфликт в Косово и начало второй чеченской войны в 1999 г. [10].

Значение Ближнего Востока для России не ограничивается борьбой великих держав, прямым источником которой является фактор «международная система». Ближний Восток играет непосредственную роль в международных и внутренних делах России, затрагивая ее жизненно важные интересы тремя способами:

– эта близость влияет на геостратегический, политический или военный доступ России к теплым водам и мировому океану, главным образом в Индийском океане;

– тесная связь с основными странами-производителями нефти и газа, расположенными в основном на Ближнем Востоке и Аравийском полуострове, открывает широкие энергетические возможности для России;

– решающее значение играет мусульманский фактор; соседний мусульманский Аравийский полуостров и русская быстро растущая мусульманская община, по оценкам различных источников, более 16% населения России [7].

Кроме экономических и геостратегических факторов, важным фактором внешней политики России на Ближнем Востоке является терроризм. Это тесно связано с многочисленным мусульманским населением России. В течение десятилетия после середины 1990-х годов политика России на Ближнем Востоке была чрезмерно искажена по причине озабоченности российских властей ростом исламистских настроений внутри страны и, как следствие, терроризма на Северном Кавказе и связанной с этим международной напряженности.

Как связанная с Украиной конфронтация с Западом с 2014 года, так и вспышка арабской весны с появлением террористической организации ИГИЛ, которая привлекла значительное число русскоязычных мусульман из России и постсоветских стран, ускорили дальнейшее участие России в делах региона в том, что касалось необходимости снижения потенциальных угроз безопасности, возникающих вблизи границ постсоветского пространства. Многие исследователи объясняют активную в последние годы российскую ближневосточную политику через призму российско-западных отношений. Военная операция России в Сирии считается стратегическим маневром для преодоления и/или уменьшения отрицательного эффекта западных санкций, которые подвергают Россию изоляции. Екатерина Степанова в своей статье пишет об этом:

«Еще в 2015 году основные движущие силы военного участия России в Сирии имели мало общего с самим регионом. Сирия была в значительной степени использована для достижения более широких целей российской внешней политики – в качестве карты в ее отношениях с Западом после 2014 года. То

есть, Россия показала недопустимость силовой смены режима, особенно учитывая фактор вмешательства Запада в сирийский конфликт» [11].

Учитывая первоначальные и исторически неизменные факторы внешней политики России на Ближнем Востоке, такие как столкновение с Западом, возникающее на уровнях идентичности и международной системы, важно отметить, что благодаря многовекторной и прагматичной политике в ближневосточном регионе в последние годы Россия достигла даже большего количества целей, чем запланировала. Российская Федерация появилась в регионе как единственная держава, способная вести диалог со всеми сторонами региональных конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ожегов С.И. Толковый Словарь Ожегова. 2012.
2. Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России [News Article] // Россия в глобальной политике. М., 2012. Vol. 10.
3. Beasley Ryan K. et al. Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior. London: Sage, 2013.
4. Gvosdev Nicholas K. Russian Strategic Goals in the Middle East [News Article] // Russia's Policy in Syria and the Middle East: Determination, Delight, and Disappointment The Initiative "Islam in Russia, Russia in the Islamic World" is generously: CAP The George Washington University, 2019. Vol. 212.
5. Hudson Valerie M. and Day Benjamin S. Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory. London: Rowman & Littlefield, 2020.
6. Karasik Theodore and Blank Stephen. Russia in the Middle East. Washington: The Jamestown Foundation, 2018.
7. Kreutz Andej. Russia and the Arabian Peninsula // Journal of Military and Strategic Studies. 2004. Vol. 7.
8. Kubalkova Vendulka. Foreign policy in a Constructed World. 2001.
9. Rosenau James N. The Study of World Politics [Book]. London and New York: Routledge, 2006.
10. Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behaviour Theory and Practice. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016.
11. Stepanova E. Regionalization as the Key Trend of Russia's Policy on Syria and in the Middle East [Book Section] // Russia's Policy in Syria and the Middle East: Determination, Delight, and Disappointment: Institute for European, Russian and Eurasian Studies, George Washington University, 2019.
12. Tsygankov A.P. Do Rationalists Have a Theory of Foreign Policy? Understanding Russia's Geostrategic Choices after the Cold War [Conference] // ISA. Hawaii, 2005.
13. Tsygankov A.P. Handbook of Russian Foreign Policy. London and New York: Routledge, 2018.
14. Waltz Kenneth N. International politics is not foreign policy // Security Studies. 1996. Vol. 6.

E. BIRINCHI

Postgraduate student at the Chair of comparative political science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF “FOREIGN POLICY FACTOR” AND THE MAIN FACTORS OF RUSSIAN MIDDLE EAST POLICY

This article discusses the concept of “foreign policy factor” and the main factors of Russia’s foreign policy in the Middle East. For this purpose, the author, first, considers the use of the expression “foreign policy factor” in Russian and English-language studies. Secondly, the foreign policy factors are discussed from the point of view of different theories of international relations. As a result, the author comes to the conclusion that the main factors of Russia’s foreign policy in the Middle East are suggested by the theories of realism and constructivism and are influenced by the system of international relations and Russian identity.

Key words: *foreign policy factor, Russian foreign policy, constructivism, neorealism, the Middle East.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена рассмотрению основ государственной политики патриотического воспитания современной российской молодежи, определены возможности ее развития. Определено, что именно патриотическое воспитание молодежи в России является важнейшим стимулом для поддержания исторически сложившейся ментальности людей и формирования ценностного отношения к подвигам и победам, совершенным российским народом. Патриотизм выступает ярким качеством русского человека, и чтобы донести его до каждого, требуется воспитание детей в патриотической среде и позитивно настроенных идеологически родителей. В данной статье исследуются основные проблемы, преодоление которых сможет оказать существенное влияние на повышение уровня патриотизма среди российской молодежи.

Ключевые слова: государственная политика, молодежная политика, национальные и культурные ценности, патриотическое воспитание, российская молодежь, «цветные революции», национальная безопасность.

В условиях внешней нестабильности и отдаления новых времен от Великой отечественной войны, удерживать патриотизм в мировоззрении молодежи становится все сложнее. Участие зарубежных стран, пытающихся средствами социальных сетей и СМИ опровергнуть историю России, значительно усугубляет положение. Примером являются митинги, приводимые в защиту «мнимых героев», националистические организации среди молодых людей, негативные информационные сбросы в СМИ о России и ее национальных героях. Безусловно, в данной ситуации важна работа Правительства РФ, нацеленная на предотвращение данных фактов и повышение

уровня патриотизма современного населения. Понимание проблемы определило необходимость разработки государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», которая была принята Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 [8].

Имеет место и ряд других программ и национальных проектов, реализуемых в рамках патриотического воспитания населения России. Примером служит Федеральный проект «Патриотическое воспитание», целью которого является обеспечение системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации [9].

Позитивным аспектом в данной сфере является Президентский закон, вступивший в силу в 2020 году, внесший поправки в ФЗ «Об образовании в РФ» [10]. Данные правки нацелены на ориентацию в воспитании школ в области патриотического воспитания. В соответствии с данным законом в воспитательном процессе патриотизма должны принимать участие и учителя, и классные руководители.

Помимо всего прочего в России проводится множество мероприятий, нацеленных на повышение патриотизма у населения и молодежи. Примером является Всероссийская научно-практическая конференция «Воспитание гражданина и патриота современной России», прошедшая 3 февраля 2021 года в онлайн-формате [4].

Цель всех реализуемых Правительством РФ программ и мероприятий в части патриотического воспитания современной российской молодежи заключается в привитии ценностей внутри семьи, таких как: любовь к Отчеству, дружба и взаимовыручка.

Так в рамках реализации Федерального проекта «Патриотическое воспитание» предусмотрено усиление воспитательной составляющей в учебной и учебно-методической литературе, в содержании уроков, во внеучебной деятельности, в системе дополнительного образования.

Планируется развернуть широкую онлайн работу, в процессе которой на доступном языке для детей будут объясняться те или иные вещи, касаемые патриотического поведения. Итогом данной программы к 2024 году должно стать вовлечение не менее 24% граждан Российской Федерации в систему патриотического воспитания. При этом основные показатели, действовавших методов вовлечения граждан приведены на рисунке 1 [10].

Поставленные цели являются довольно значимыми, поскольку каждый вовлеченный в программу школьник привлекает еще несколько человек, своих друзей.

Проводится множество мероприятий и на локальных уровнях. Особенно это ярко просматривается в специализированных школах и классах, работающих по программе военной подготовки детей. Так показательными являются, так называемые, уроки мужества, проводимые с кадетами 14-15 лет.

Создание патриотического движения Ассоциации студенческих патриотических клубов «Я ГОРЖУСЬ»	Всероссийские, окружные и межрегиональные мероприятия патриотической направленности, в которых примут участие не менее 640 тысяч человек	Вовлечение около 3 000 детей в деятельность Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «РОССИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ»
600 тысяч детей вовлечены в деятельность Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ»	Просмотр не менее 25 МИЛЛИОНОВ ОНЛАЙН-УРОКОВ, направленных на гражданско-патриотическое воспитание детей	Не менее 550 тысяч участников принимают участие во Всероссийских конкурсах «Большая перемена»

Рис. 1. Планируемые показатели реализации Федерального проекта «Патриотическое воспитание» к 2024 году

В большинстве своем они проводятся с привлечением сотрудников военных подразделений и ветеранов военных действий [5].

Подобные уроки проводятся во всех городах России. Так члены Кировского отделения «Боевого братства» сотрудники спецотряда «Алмаз» в городе Кирове ежегодно проводят среди кадетов «урок мужества и патриотизма». Сотрудники спецназа знакомят ребят с историей создания подразделения и особенностях службы «спецназа», а также показывают фильмы об истории становления и буднях работы отряда [1].

Большое впечатление на кадетов производит оружие и спецсредства, которые находятся на вооружении современного отдела. Ребята с большим интересом и вниманием слушают и осматривают представленный арсенал. Во время подобных уроков воспитанникам кадетского корпуса показывают выступление лучших рукопашников «Алмаза». Бойцы отдела демонстрируют навыки захвата и обезвреживания противника, защиту от нападения.

Встречи детей и сотрудников спецподразделения проводятся регулярно и стали уже хорошей традицией. Проведение подобных мероприятий способствует воспитанию в подрастающем поколении любви к Родине, чувства патриотизма, мотивирует их поступать на службу в ряды силовых структур. Они формируют у подростков правильные представления о чести, достоинстве, ответственности и нравственности.

Еще одним примером являются «уроки мужества», проводимые военнослужащими отдельного инженерно-саперного батальона грозненского соединения войск национальной гвардии РФ. При этом в городе Грозный ежегодно проходят акции «Неделя мужества», приуроченные ко Дню защитника Отечества.

В ходе мероприятий сотрудники военной службы рассказывают ребятам об особенностях службы, функциях и задачах инженерных подразделений ведомства. Учащиеся в ходе мероприятия также узнают о героических подвигах, навечно зачисленных в списки батальона военнослужащих, погибших при исполнении воинского долга [3].

Кадетам показываются видеоролики о служебно-боевой деятельности инженерных подразделений Росгвардии. В формате прямого общения ребята задают росгвардейцам интересующие их вопросы о порядке поступления в ведомственные учебные заведения, об особенностях подготовки и прохождения службы в инженерных подразделениях.

Проводимые мероприятия являются очень содержательными. Такое общение необходимо для определения верных жизненных ориентиров у подрастающего поколения.

В Нижегородской гимназии №2 также проводятся на постоянной основе тематические «Уроки мужества». Один из них был посвящен Дню снятия блокады Ленинграда. На уроке присутствовали ученики старших кадетских классов [2]. Урок проводила Старший помощник руководителя следственного управления СК России по Нижегородской области, которая рассказала кадетам о героической обороне Ленинграда, продолжавшейся 872 дня, был представлен фильм и презентация. Кроме того, кадетам была поведана история о Тане Савичевой – ленинградской школьнице, которая в условиях блокады Ленинграда (ныне г. Санкт-Петербурга) вела краткие записи о том, как на ее глазах умирали ближайшие родственники. Ее дневник описал судьбу тысяч семей, погибших в осажденном городе, из блокадного Ленинграда в 1942 году Таню эвакуировали в детский дом, расположенный в п. Шатки Горьковской области (ныне Нижегородская область). Дневник Тани Савичевой стал одним из символов Великой Отечественной войны и вещественных доказательств на Нюрнбергском процессе.

Урок мужества доносит до подростков, что «Никто не забыт и ничто не забыто». И эти слова выступают символом великого подвига, который совершили наши соотечественники. Именно они высечены на мемориальной стене Пискаревского кладбища в городе Санкт-Петербурге.

В рамках Всероссийской акции памяти «Блокадный хлеб», кадеты увидели тот маленький кусочек хлеба, который получали жители блокадного города.

В целом воспитание патриотизма – это неустанная работа по созданию у школьников чувства гордости за свою Родину и свой народ, уважение к его великим свершениям и достойным страницам прошлого.

Истинный патриотизм – это такое нравственное качество, которое включает в себя следующие направления (рисунок 2).

Патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством.

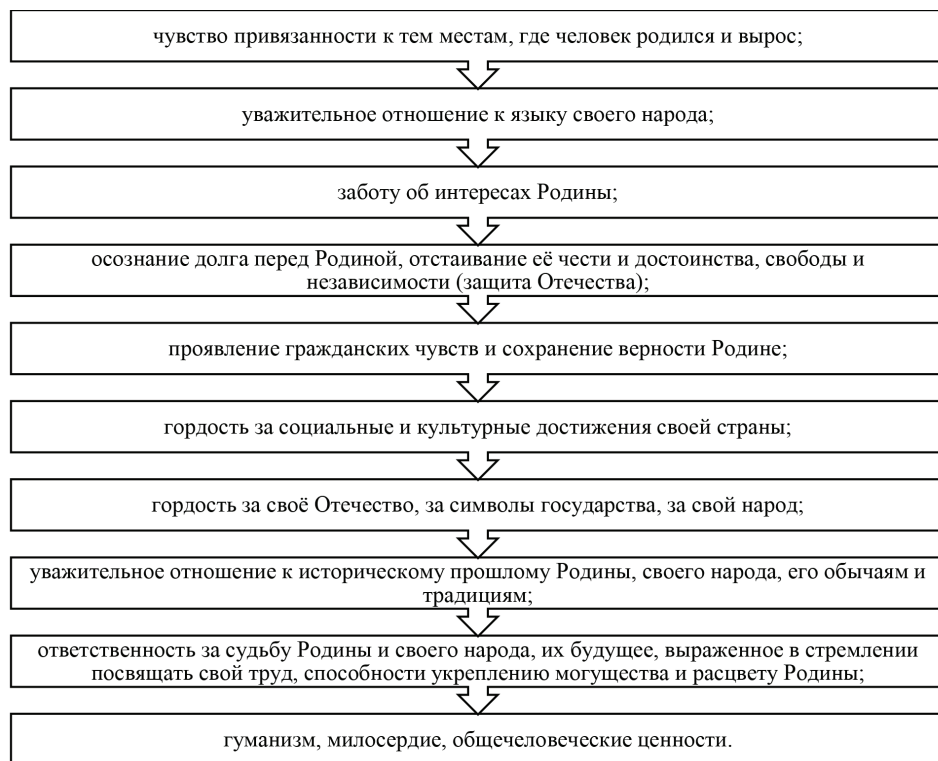

Рис. 2. Направления патриотического воспитания молодежи в России

Тем не менее, проблема снижения патриотизма у современной молодежи в России зреет очень серьезно. Просматривается дефицит патриотизма, что доказывают события последнего года. Так ярким примером является митинг в защиту Алексея Навального [7], прошедший в феврале 2021 года. Несмотря на то, что данный гражданин публично осквернил память ветеранам Великой отечественной войны, огромное количество молодых людей вышло на защиту его интересов. Причиной этому стало наводнение социальных сетей призывами к малолетнему населению, подросткам и студентам прийти на митинг. На митинг вышло в большей степени только молодое население, не разбирающееся в политике, а зачастую действующее по принципу «против всех». Другая категория присутствующих вышла «ради хайпа» и подобных причин. Для подтверждения вышенаписанного можно привести мини-опрос, проведенный среди студентов, участников мероприятий февраля 2021 года. Опрос проводился посредством тематических групп в социальных сетях в начале марта 2021 года. При этом удалось получить ответы от 70 человек в возрасте от 16-25 лет.

Первый вопрос заключался: «Назовите конкретную причину, почему Вы решили пойти на митинг?». Распределение ответов приведено на рисунке 3.

Результаты опроса доказывают, что большая часть вышедших на митинг таким образом, решила «показать себя» без каких-либо на то причин. В тоже время 17% сообщили, что шли на митинг «за свободу». И лишь 5% пошли на митинг действительно в защиту Навального. Далее стоит пояснить, что респондентам, которые ответили на данный вопрос «за свободу», был задан вопрос: «Поясните, что вы понимаете под этим понятием». Полученные результаты свидетельствовали, что сознание большинства опрошенных до сих пор не сформировалось, и они не понимают суть понятия, а находясь под воздействием СМИ посчитали, что «свобода» – это другая власть, другой президент, другая страна.

Далее приведено распределение ответов на вопрос об источнике информации о проводимых митингах в Ваших городах (рисунок 4).

Многие опрошенные ответили, что узнали об этом от друзей. Однако, конечно, эти «друзья» тоже откуда-то получили данную информацию. И как представляется – из социальных сетей, в которых лоббировалась информация об Алексее Навальном. При этом данные проекты финансировались зарубежными странами. По данным Минюста России – это Roberto Fabio Monda Cardenas из Испании и Star-Doors.Com из США [6].

Возвращаясь к социальным сетям, можно увидеть, что далеко не все сторонники Навального являются гражданами России. Среди них много иностранцев. Тем не менее, данный пример является ярким доказательством того, что под воздействием социальных сетей и отсутствием понимания сути своих деяний, молодое поколение теряет чувство патриотизма, перемещаясь таким образом на сторону против своей же страны. При этом подавляющая часть молодежи не понимает, что своими действиями наносит значительный удар по стабильности в обществе, который может привести к его расколу и ряду негативных внутривнутриполитических событий в стране. Поэтому развитие государственной системы патриотического воспитания современной российской молодежи получает все более высокую степень значимости.

Далее необходимо продвигать мероприятия, проводимые на уровне специализированных кадетских и иных классов, в общем масштабе школьной деятельности.

Также важно осуществлять более жесткий контроль социальных сетей и пресекать деятельность каких-либо сообществ, так или иначе пропагандирующих негативные настроения против Российской Федерации.

Целесообразно стимулировать клубы «Мужества» и подобные образования, привлекающие молодежь более существенно, поощряя за каждый конкретный результат, который будет достигнут соответствующими организациями.

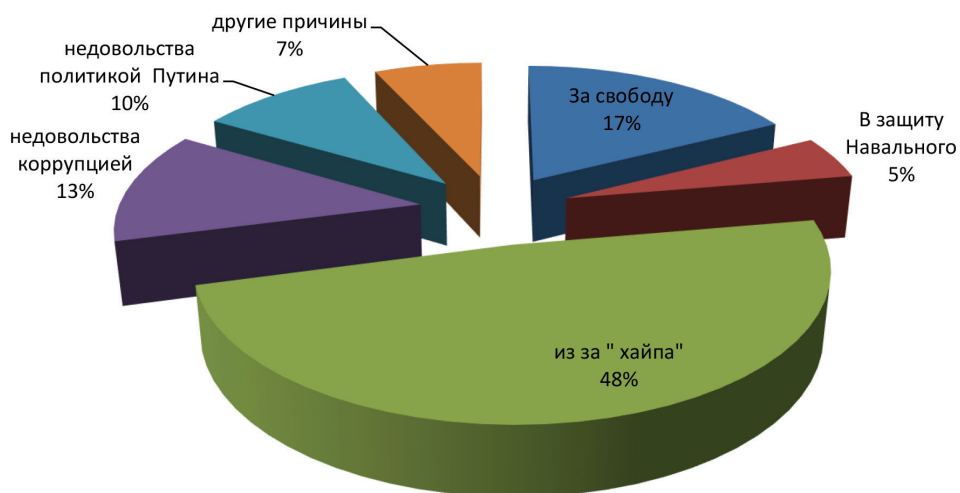

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Назовите конкретную причину, почему Вы решили пойти на митинг?»

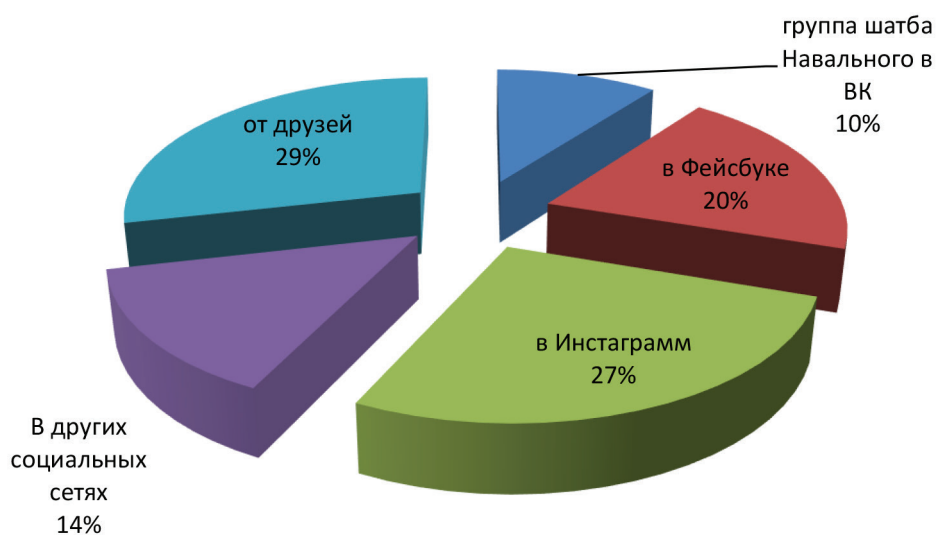

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Скажите из какого источника Вы узнали о митингах, планируемых к проведению в Вашем городе»

Таким образом, для того, чтобы не терять дух патриотизма и сформированный человеческий капитал в стране важно передавать историю страны с ее подвигами и победами каждому новому поколению молодежи. К сожалению, в настоящее время со стороны некоторых стран происходит мощное нагнетание на молодое поколение страны с перевертыванием фактов истории. Именно молодежь стала целью Западных стран и США для ослабления патриотического духа в России и перемены взглядов и позиций в сторону новых времен. При этом пропагандируются враги страны и те, кто принес множество смертей и горя. Все это делается с целью потери столь важного потенциала в России, как патриотически настроенное население, что может значительно снизить оборонные позиции нашей страны в мире. Для противостояния возникающим вызовам времени на данном фоне необходимо проводить политику воспитания подрастающих поколений в духе патриотизма. При этом именно воспитание позволит уменьшить внешнее давление на ментальность российской молодежи, не давая добиться целей ее морального разложения, которые стоят у других стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Кирове сотрудники спецподразделения «Алмаз» провели урок мужества для кадетов // <https://bbratstvo.com/2019/04/23/v-kirove-sotrudniki-spedpodrazdeleniya-almaz-proveli-urok-muzhestva-dlya-kadet>.
2. В Нижнем Новгороде офицеры Следственного комитета провели урок мужества, посвященный Дню снятия блокады Ленинграда для кадетов (фотографии, фильм) // <https://nnovgorod.bezformata.com/listnews/blokadi-leningrada-dlya-kadetov/90732618/>.
3. Военнослужащие Росгвардии провели урок мужества для кадетов ведомственной школы в Грозном // <https://rosguard.gov.ru/ru/news/article/voennosluzhashhie-rosgvardii-proveli-urok-muzhestva-dlya-kadet-vedomstvennoj-shkoly-v-groznom>.
4. Всероссийская научно-практическая конференция «Воспитание гражданина и патриота современной России» // https://togirro.ru/aktualno_segodn/institute_news/03.02.2021.html.
5. *Косенков О.Н.* О программах начального военного обучения в общеобразовательных школах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-programmah-nachalnogo-voennogo-obucheniya-v-obscheobrazovatelnyh-shkolah>.
6. Минюст обнародовал данные о перечисливших ФБК деньги фирме из США и испанском торговце // <https://www.interfax.ru/russia/679757>.
7. Провал митингов Навального: результаты и выводы // <https://regnum.ru/news/polit/3171550.html>.

8. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».

9. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» на 2021-2024 гг.

10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «Об образовании в Российской Федерации».

M.F. MAGADIEV

*Candidate of Sciences (sociology),
Associate Professor at the Chair of state
administration in foreign policy activities, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation, Corresponding Member of the
Russian Academy of Natural Sciences,
Moscow, Russia*

STATE SYSTEM OF YOUTH PATRIOTIC UPBRINGING IN MODERN RUSSIA

The article considers the basics of the state policy of patriotic upbringing of modern Russian youth and the possibilities of its development. It has been established that the patriotic upbringing of young people in Russia is the most important incentive for maintaining the historically established mentality of the people and formation of a value attitude to the feats and victories accomplished by the Russian people. Patriotism is an important quality of the Russian people and to convey it to everyone it is necessary to educate children in a patriotic environment and by ideologically positive parents. The article examines the main obstacles, the overcoming of which can have a significant impact on the level of patriotism of Russian youth.

Key words: *state policy, youth policy, national and cultural values, patriotic education, Russian youth, “color revolutions,” national security.*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ

Данная статья посвящена современным проблемам формирования социально-политической компетенции личности, место и роли личности в социально-политической жизни общества.

Ключевые слова: общество, личность, компетенция, формирование, факторы.

Современное узбекское общество, переживающее период социально-экономических трансформаций, требует изменений в условиях жизни и качествах личности, которая формируется в этих условиях. Изменения касаются всех сфер жизнедеятельности общества, представляющего собой динамичную самоорганизующуюся систему.

Личность человека формируется и развивается в результате воздействия многочисленных факторов, объективных и субъективных, природных и общественных, внутренних и внешних, независимых и зависимых от воли и сознания людей, действующих стихийно или согласно определенным целям. При этом сам человек не мыслится как пассивное существо, которое фотографически отображает внешнее воздействие. Он выступает как субъект своего собственного формирования и развития. И поэтому целью данного реферата я вижу рассмотрение роли личности как субъекта политики, а также влияние образования и – главное – воспитания, на формирование личности. Плюс к этому мне хотелось бы посмотреть, существует ли связь между педагогикой и политологией. Для начала рассмотрим личность как субъект политики.

Идея об огромной роли человека как субъекта политики получила широкое признание в истории политической мысли. Проблему роли личности в политике поднимали в своих трудах Платон и Аристотель, развивали в своих теориях Т. Гоббс и Дж. Локк, а в интерпретации марксизма личность вообще является центром всей жизнедеятельности общества, в том числе политической. Рассмотрим, что же такое субъекты политики? Просто сказать, что это участники политической жизни, явно недостаточно. Под субь-

ектами политики понимаются участники политической жизни, способные формулировать и реализовывать собственные цели. Субъектами политики являются: государство, партия, лидер, нация, избиратель, рабочий класс, буржуазия, крестьянство и отдельная личность, конечно. Все они обладают определенной самостоятельностью. Самостоятельность этих фигур проявляется в наличии собственных интересов и потребностей, которые выделяют их среди прочих действующих лиц и ими осознаются. Только на почве осознания интересов возникает самосознание субъекта, а, следовательно, способность реалистически оценивать себя и свое положение в политике и обществе, силу и влияние союзников и противников. Важным качеством субъекта является его активность. Активность выражает меру интенсивности деятельности субъекта.

Политическая активность, как и все другие виды активности, может принимать разнообразную направленность. Она может носить конструктивный характер, ориентированный на создание политической системы, стабилизацию общественных отношений. А может быть и деструктивной, нацеленной на дестабилизацию системы и даже ее разрушение. Рассматривая различные субъекты политики нельзя обойти вниманием отдельную, рядовую или массовую личность, к числу которых относятся или относит себя большинство людей.

По отношению к политике личность может быть, как объектом, так и субъектом. Проблема личности как субъекта политики состоит в определении возможности и степени ее влияния на политическую власть, а также в возможности достижения власти и способах ее реализации. Мерой политической субъективности человека является его политическая активность, участие в политической жизни. Она поддается количественным измерениям, поэтому изучается методами социологии и психологии. Например, в последние годы в нашей стране широкое распространение приобрели опросы общественного мнения по поводу актуальных политических событий, результаты которых дают представления о степени политизированности масс, их готовности к определенным политическим действиям [2]. Участие в политической жизни – нормы демократии. Личность становится подлинным субъектом политических отношений только в демократическом обществе, где человеку предоставлены широкие политические права и возможности для удовлетворения своих политических потребностей, для полноценной политической деятельности. К условиям становления личности как политического субъекта относятся также: развитость политического сознания, уровень образования, культуры, политическое мышление, коллективная деятельность и др. Политическая активность и политическое влияние отдельных личностей различны. Этим объясняется наличие лидеров и людей, их поддерживающих. Активное участие личности в политической жизни общества имеет многоплановое значение.

Во-первых, через такое участие создаются условия для более полного раскрытия всех потенций человека, для его творческого самовыражения, что в свою очередь составляет необходимую предпосылку наиболее эффективного решения общественных задач. Так, качественное преобразование всех сторон жизни предполагает всемерную интенсификацию человеческого фактора, активное и сознательное участие в этом процессе широких народных масс. Но вне демократии, доверия и гласности становятся невозможны ни творчество, ни осознанная активность, ни заинтересованное участие.

Во-вторых, всеобщее развитие человека как субъекта политики является важным условием тесной связи политических институтов с гражданским обществом, контроля над деятельностью политико-управленческих структур со стороны народа, средством противодействия бюрократическим несправедливостям в аппарате управления, отделений функций управления от общества [1].

В-третьих, через развитие демократии общество удовлетворяет потребность своих членов участвовать в управлении делами государства. Любые достижения предприятия, отрасли региона, народного хозяйства в целом – это по большому счету все же промежуточный результат, конечный же – всегда человек. Участие в демократическом политическом процессе является способом самоутверждения человека, формирования культуры общения, навыков управленческой и самоуправленческой деятельности. По мере все более полного удовлетворения основных материальных потребностей человека, роста его культуры и самоуважения, будут развиваться потребности и интересы участия в общественно-политической жизни.

Всесторонне развитый человек – это активный общественный деятель. Предоставление личности возможностей для осознанного, активного участия в общественно-политической жизни – это способ возвышения человеческого в человеке. Достижение целей широкого политического участия людей в значительной степени зависит от мотивов, которыми руководствуется личность в своей политической деятельности, так как сама мотивация может быть с точки зрения общественных интересов настолько негативной, что не будет способствовать ни укреплению демократии в обществе, ни нравственному совершенствованию и всестороннему развитию личности. Вопрос о мотивации политического участия или неучастия очень сложный. Известный американский политолог Г. Лассвелл в свое время объясняя присущее части людей стремление к политическому лидерству, выдвинул следующую теорию: «...стремление человека к власти есть отражение его низкой самооценки, что при помощи власти такая личность стремится компенсировать низкую самооценку, повысить свой престиж и преодолеть чувство собственной неполноценности» [4]. Однако эта точка зрения не получила всеобщего признания. Была и другая: низкая самооценка тормозит вовлечение личности в политический процесс, снижает ее возможности

в развертывании активной политической деятельности. Чтобы получить достаточно полное представление о мотивации участия в политическом процессе, необходимы широкие социологические исследования отдельных мотивов конкретных личностей с учетом их принадлежности к разным социальным группам и других факторов социальной среды.

Активное включение личности в политический процесс требует определенных предпосылок. Их можно разделить на три группы: политико-правовые, материальные, социально-культурные. Доказано что для участия человека в нормальной политической деятельности необходимо удовлетворение его основных потребностей в пище, товарах и услугах, жилищно-бытовых условиях, достижение определенного уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки, общей и политической культуры.

Особенно сильное воздействие на политическое сознание и поведение личности, по мнению многих политологов, оказывает такой фактор культуры как образование. Известно высказывание о том, что неграмотные люди никакого отношения к политике иметь не могут. Как раз в силу своей необразованности они могут оказаться объектом политического манипулирования, быть втянутыми в политические движения экстремистского толка. Неграмотный человек стоит вне осознанной политики и является объектом политических действий, а не их субъектом [3].

В зарубежной политологии сделан однозначный вывод: чем выше уровень образования человека, тем более он политически ориентирован и предрасположен к демократическим установкам и поступкам. Образование расширяет политический кругозор человека, в значительной мере защищает от приверженности к экстремистским доктринам. Помогает человеку сделать разумный выбор. «Чем выше у человека образование, – пишет С.М. Липсет, – тем более вероятно, что он верит в демократические ценности и поддерживает демократическую практику» [4]. Более образованный гражданин считает, что может влиять на политический процесс, и ему открыт доступ к политической власти или эффективное участие в ней. Чем более образован человек, тем больше вероятность его участия в политических дискуссиях и с более широким кругом лиц. Итак, политическая деятельность личности основывается на совокупности определенных предпосылок, которые либо способствуют развитию политической активности, развитию потенциальных качеств человека как общественно-политического деятеля, формированию личности, как действительного субъекта политической жизни общества, либо существенно затрудняют все эти процессы и консервируют политическую апатию и пассивность. Целенаправленное формирование и развитие личности обеспечивает научно-организованное воспитание.

Таким образом, политическое поведение личности – очень сложное для изучения общественное явление. Сегодня, процесс политизации общества вызвал к жизни лавинообразный рост количества людей, принимающих

участие в политике. Это ставит проблему личности в политической жизни не только перед органами, призванными каким-то образом влиять на этот сложный процесс, но и перед политологами, которые должны исследовать возможные формы, закономерности и последствия такого процесса. Воспитание имеет огромное влияние на поведение личности, в том числе и в политической сфере, так как определяет ее установки и взгляды на определенную политическую ситуацию. Если личность получила хорошее воспитание и образование, и процесс этот не явился для нее травматичным, то, скорее всего, я думаю, она способна осуществлять деятельность, которая пошла бы на благо всего общества. Она также может являться в таком случае активным субъектом политики, предпринимать решительные шаги, быть достаточно уверенной в себе. Роль личности в политике, как ее субъекта, действительно огромна, как и роль образованной личности для формирования демократического общества и его дальнейшего развития. Образованная, имеющая хорошее воспитание личность более способна повлиять на политику, чем личность не знающая и имеющая низкие моральные ценности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авдюкова А.Е.* Социализация как социокультурный феномен // Философия и наука: материалы первой научно-практической конференции аспирантов и соискателей «Философия и наука». Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002.
2. *Демидов А.И.* Гласность и политическая культура // Философские науки. 1989. № 3.
3. *Назаров Қ.* Қадриятлар тизимининг барқарорлиги ва ўзгаришлари. Т., 1994.
4. Политология. Учебник / под ред. М.Н. Марченко. Второе издание. М.: Зерцало, 1997.

G. BEKMURODOVA

*Candidate of Sciences (philosophy),
Associate Professor at Karshi State University,
Karshi, Uzbekistan*

PROBLEMS OF FORMING THE POLITICAL COMPETENCE OF THE INDIVIDUAL

The article discusses the modern problems of the formation of the socio-political competence of the individual, the place and role of the individual in the socio-political life of the society

Key words: *society, personality, competence, formation, factors.*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ ГОРОДА КИРОВА В 2012 ГОДУ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И АКТИВНОСТИ МЕСТНЫХ СИЛ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЯ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

События зимы 2011-2012 годов в целом активизировали политическое участие россиян. Недовольство результатами выборов в Государственную думу привели к массовым демонстрациям, которые проходили по всей стране вплоть до июня 2012 года. Впрочем, основными центрами протестной активности являлись столицы: Москва и Санкт-Петербург, тогда как небольшие областные города не создавали основной тренд на участие в данных акциях. В данной статье анализируется взаимосвязь общественной активности жителей города Кирова и федеральных трендов 2012 года. Основной вопрос данной статьи заключается в том, насколько кировчане готовы были поддержать общероссийские политические настроения и каково было отношение горожан к общественной деятельности сил, опирающихся не на проблемы местного значения, а на федеральную повестку.

Ключевые слова: *политическая активность, гражданское общество, политические партии, политическая регионалистика, политическое участие, политические системы регионов, Кировская область.*

Введение. Участие общественных движений в жизни города является маркером для множества процессов. Часть из них касаются внутренних вопросов жизни муниципалитета: состояние социальной, культурной, дорожной инфраструктуры; планы развития города и отдельных его районов. Другая же часть процессов касается реакции жителей города на региональные и федеральные события, которые могут отразиться на дальнейшей жизни государства в целом. События, которые произошли в первой половине в 2011-2012 годов в России нашли свое отражение в повестке кировских объединений [2. С. 31]. Актуальность статьи заключается в анализе ре-

акции местных политических сил на изменения в федеральном процессе 2011-2012 годов. Другой немаловажный аспект заключается в активности Кировских общественных движений в течение данного периода, при этом стоит отметить динамику и количественные показатели проведенных мероприятий, чтобы ответить на вопрос: какова была степень вовлеченности Кировчан в политический процесс и насколько события 2011-2012 годов отразились в дальнейшем на участии горожан в событиях, затрагивающих общероссийскую повестку.

Хронологические рамки исследования: в декабре 2011 года в г. Кирове происходит, как и в целом по всей стране, рост активности населения, связанный с политическими процессами в стране. Реакция на выборы в V созыв Государственной думы была неоднозначной, что позволило ряду акторов организовать митинги и демонстрации, которые в том числе проводились в Кировской области. Пик данной активности приходится на декабрь 2011 года, когда было организовано три крупных митинга, которые в общей сложности собрали около трех тысяч человек [2. С. 30]. Снижение активности наблюдается в течение февраля-марта 2012 года, когда было организовано три крупных шествия и после них никаких крупных акций не происходило.

Степень разработанности темы. Следует отметить, что данный вопрос подробно освещен в контексте выступлений и активности объединений в Москве и Санкт-Петербурге, двух самых крупных городах. Впрочем, в данных публикациях затрагиваются некоторые региональные аспекты: в статье «Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности» Д.Г. Зайцева и В.Е. Карастелева [3. С. 33] одним из вопросов является активность в регионах в данное время. Они обозначают географию протеста и отмечают, что региональные акции были не столь многочисленны.

Отдельно стоит подчеркнуть статью И.В. Ксенофонтовой «Новые солидарности в интернете: от дискуссии к действию (на примере движения «За честные выборы»)» [4. С. 126] за то, что автор проводит анализ того, что объединяет протестующих и какую активность ведет в интернете движение «За честные выборы», которое стало одним из ключевых общественных акторов в первой половине 2012 года. Исследования, которые освещали бы активность общественных движений г. Кирова непосредственно во время акций 2011-2012 годов, отсутствуют, однако стоит выделить материалы, которые позволяют понять, как действовали общественные силы в городе: новостные сводки газет «Вятский наблюдатель», «ProГород 43», «Российская газета».

Также следует выделить ежегодный доклад о состоянии гражданского общества за 2012 год [2. С. 88], который составила Общественная палата Кировской области. Данный документ представляет комплексный срез динамики развития общественных движений в регионе, описывает отношение

жителей районов области, а также города Кирова к участию в политической жизни своего муниципалитета в период календарного 2012 года.

Таким образом, тема достаточно разработана в плане наличия источников (доклады общественной палаты, областная программа развития гражданского общества), но исследовании по данной теме недостаточно для построения полной картины развития общественных движений в городе Кирове.

Общественные движения города Кирова в 2012 году: общая характеристика. Основным источником, служащим для построения картины развития гражданского общества в Кировской области и в городе Кирове служит доклад о состоянии гражданского общества, подготовленный Общественной палатой Кировской области по итогам 2012 года. В нем подготовленные данные по опросу, который был проведен среди жителей Кировской области по оценке качества работы местных органов власти и степени заинтересованности последней в развитии гражданского общества. Кировчане, по данным опроса, считали в 2012 году, что городская власть борется с текущими проблемами, однако не учитывает интересы населения муниципалитета [2. С. 13]. Эти данные взаимосвязаны с результатами другого опроса, также проведенного Общественной палатой области. Он посвящен степени вовлеченности местного населения в развитие гражданского общества. Оценка производилась по десятибалльной шкале, где 1 – абсолютно неверно, 10 – абсолютно верно [2. С. 14]. Полученные данные говорят о низкой активности гражданского общества в г. Кирове по следующим причинам: «не верю, что могу повлиять на ситуацию» – 7,34; «Нет желания» – 5,94; «Нехватка времени» – 5,92 [2. С. 16]. Эти высказывания получили наиболее высокие баллы по городу. То есть социологами Общественной палаты признается, что гражданская активность в городе находится на невысоком уровне. Эти данные дополняются результатами по вопросам о протестной активности: лишь 12% кировчан (59 респондентов) готовы выйти на «улицу», тогда как большая часть (58%, 299 респондентов) сомневаются в том, что выйдут, а оставшаяся часть из 500 опрошенных (142 человека, 30%) [2. С. 24] сказали, что ни при каких обстоятельствах не выйдут на акции протеста. То есть федеральные тренды, которые были установлены в декабре 2011 года, а именно акции протеста, посвященные результатам выборов в Государственную Думу ФС РФ, не смогли укрепиться и развиваться в области. Действительно, как подчеркивают составители доклада и участники протестов в г. Кирове, на акции в декабре 2011 вышло в общей сложности не более 2,5 тысяч человек (около 2 тысяч 10 декабря 2011 и 500 человек 24 декабря 2011 года) [3. С. 13]. На общероссийский митинг, который был 4 февраля 2012 года, в городе Кирове вышло не более 500 человек [1. С. 1].

Местное население, согласно проведенному опросу, опубликованному в докладе Общественной палаты, больше беспокоили вопросы, связанные

с низким уровнем доходов, плохими дорогами, проблемами ЖКХ, коррупцией и со слабым развитием социальной инфраструктуры – т.е. в основе протестной повести лежали не проблемы общероссийского значения, а социальные вопросы. При этом организаторы митингов в Кирове практически не прибегали к данным проблемам, акцентируя свое внимание в большей степени на результаты голосования в Госдуму и на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года.

Если говорить о состоянии некоммерческих организации, которые являются фундаментом гражданского общества, то в Кировской области в целом в 2012 году количество НКО сократилось на 276 единиц и к концу года составило 1934 единицы [2. С. 24]. Основными причинами авторы доклада выделяют следующие: «отсутствие самостоятельного баланса или; отсутствие зарегистрированных в ЕГРЮЛ видов экономической деятельности (подпункт «п» пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей); несоответствия положений уставов требованиям действующего законодательства». Такие причины указывают на то, что деятельность НКО не является столь активной в регионе, при этом Общественная палата предприняла ряд мер для развития НКО: запустила конкурс проектов на сумму более 8.6 млн рублей, устроило курс повышения квалификации для членов НКО, но этого было недостаточно для роста числа организаций. В целом данный тренд на сокращение числа НКО во взаимосвязи с активностью населения свидетельствовал о том, что общероссийские процессы не смогли развиваться в регионе и в областном центре, но, с другой стороны, получили больше поддержки, чем вопросы местного значения, такие, например, как возвращение некоторым улицам города исторических названий, кампания против реструктуризации вузов г.Кирова (объединение Вятского Государственного университета и Вятского государственного гуманитарного университета) [2. С. 32].

Таким образом, общественная активность и развитие гражданского общества в Кировской области и в городе Кирове характеризуется отрицательной динамикой (сокращение числа НКО), незаинтересованностью местного населения в решении политических проблем и высокий интерес к социальным вопросам.

Стоит отметить, что несмотря на общий негативный тренд на сокращение общественной активности в 2012 году, появлялись организации в городе, которые вели активную политическую деятельность. В частности, «За честные выборы», которая стала общероссийским движением, смогло развиваться в городе Кирове и принять участие в ряде политических акций первой половины 2012 года.

«За честные выборы»: взаимосвязь федеральной повестки и местных политических вопросов. Зима 2011-2012 годов стала временем ро-

ста политической активности населения. Выборы в Государственную думу V созыва стали катализатором общественного недовольства [5. С. 35]. На волне акции протестов было образовано движение «За честные выборы», которое в г. Кирове стало основным проводником общероссийской протестной активности в городе. Кировское представительство было образовано на митинге 24 декабря 2011 года, однако основная активность пришлась на первую половину 2012 года.

Стоит отметить, что в общей сложности движение смогло собрать около 30 активистов, которые стали костяком организации. Они набирали волонтеров, занимались коммуникацией с оппозиционными партиями, такими как КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко», бывшими деятелями Союза правых Сил. Движение смогло организовать две акции зимой 2012 года: 4 февраля и 26 февраля, на которые пришли 300 и 200 человек соответственно [1. С. 1]. Малочисленность акции объясняется тем, что населения города Кирова не было заинтересовано в общероссийской политической повестке, не был найден отклик, который затрагивал бы городские проблемы. Стоит отметить также то, что само населения города не было готово и настроено вести активную политическую деятельность. Исходя из данных опроса Общественной палаты, основной вид активности, к которым готовы были местные жители – это участие в выборах и благоустройство территории своего района [2. С. 17], что слабо коррелировало с теми методами, которые предлагало движение «За честные выборы». Однако движение смогло организовать два важных момента для политической системы города: оно смогло на время консолидировать силы оппозиции и подготовить наблюдателей, которые занимались как очным наблюдением на выборах Президента РФ 4 марта 2012 года, так и занимались мониторингом веб-камер, установленных на участке в городе. В этом движению оказали поддержку кировские активисты ассоциации «Голос» и редакция газеты «Вятский наблюдатель».

Наблюдение на выборах Президента РФ стало последней крупной акцией движения «За честные выборы» в городе Кирове. В дальнейшем были попытки организовать протестные акции, таких, например, как «похороны честного ТВ», которые состоялись 14 марта 2012 года, но это мероприятие не получило широкой общественной поддержки. В течение марта 2012 года основная повестка движения в городе Кирове была исчерпана, а костяк активистов стал переключаться на вопросы местных выборов, не затрагивая общероссийские вопросы. В конечном итоге движение прекратило свою активную деятельность в мае 2012 года.

Движение «За честные выборы» в городе Кирове, созданное на волне общероссийских протестных настроений, не смогло надолго закрепиться среди общественных объединений муниципалитета из-за слабой связи с вопросами местного значения, однако стало ярким медиа-феноменом зимы 2012 года, который несколько активизировал политическое участие горожан, но не смог сделать эту активность постоянной.

Заключение. Общественная активность кировчан в 2012 году не стала массовой и политизированной. Основные вопросы, которые волновали жителей города касались в большей степени местной повестки (состояние дорог, низкий уровень доходов, коррупция, плохое состояние социальной инфраструктуры), а не общероссийской. Реакция на итоги выборов 4 декабря 2011 года в виде создания кировского отделения общественного движения «За честные выборы» лишь на зимний период 2012 года усилило протестные настроения горожан и не смогло изменить основные запросы жителей города.

Таким образом, взаимосвязь между федеральными процессами и вопросами местного значения в деятельности общественных объединений г. Кирова имело место быть, но попытка создать движение, которое находилось в отрыве от местной повестки, привело к скорому прекращению деятельности данной организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Андреев А.* «В Кирове костяк митинга «За честные выборы» составила молодежь» // РГ // <https://rg.ru/2012/02/04/reg-pfo/kirov-anons.html>.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Кировской области за 2012 год // Киров: Кировская областная типография, 2013.
3. *Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е.* Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности // <http://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300983484/V8.pdf>.
4. *Ксенофонтова И.В.* Новые солидарности в интернете: от дискуссии к действию (на примере движения «За честные выборы») // Этнографическое обозрение. 2013. № 2.
5. *Татаркова Д.* Роль политической оппозиции в протестном движении 2011-2012 гг. // Власть. 2013. № 7.

I.D. USTYUZHANINOV

*Postgraduate student of History of political movements and political parties' department
Lomonosov MSU Faculty of History,
Moscow, Russia*

**PUBLIC MOVEMENTS OF THE CITY OF KIROV
IN 2012: THE CORRELATION BETWEEN
THE FEDERAL POLITICAL PROCESS
AND THE ACTIVITY OF LOCAL FORCES
AS EXEMPLIFIED BY THE ACTIVITIES
OF THE «FOR FAIR ELECTIONS» MOVEMENT**

The events of the winter of 2011-2012 generally intensified the political participation of Russians. Dissatisfaction with the results of the State Duma elections led to massive demonstrations that took place across the country until June 2012. However, the main centers of protest activity were the capitals: Moscow and St. Petersburg, while small regional cities did not create the main trend for participation in these actions. This article analyzes the relationship between the public activity of residents of the city of Kirov and federal trends in 2012. The main question of this article is to what extent the residents of Kirov were ready to support the all-Russian political sentiments and what was the attitude of the townspeople to the social activities of forces based not on local issues, but on the federal agenda.

Key words: *political activity, civil society, political parties, political regional studies, political participation, political systems of regions, Kirov region.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.009

УДК 323.28:316.3

А.Х. МУРАТОВ

соискатель кафедры конфликтологии

Института социально-философских наук и массовых
коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального
университета, Россия, г. Казань

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Феномен терроризма, как предмет исследования, с объективной необходимостью требует формирования методологии исследования антитеррористической деятельности, выявление ее основных методологических признаков и формирование важнейших принципов, основанных на неoinституциональном подходе, базирующемся на положениях значимости социальных институтов. Современный феномен терроризма все более тяготеет к определению его как учения, образа мышления, политики, стратегии и тактики радикальных экстремистских групп, направленных на насильственное устранение или подавление своих противников, что требует формирования адекватной методологии антитеррористической деятельности. Сформулированы сущностные характеристики терроризма, отражающие всю многогранность и разноплановость его воздействия на мировое сообщество, которые могут лечь в основу разработки адекватной комплексной стратегии антитеррористической деятельности с присущими ей специфическими принципами, инструментами, методами и другими составными методологического аппарата.

Ключевые слова: терроризм, политический терроризм, методология, признаки и характеристики терроризма, антитеррористическая деятельность, террология, типологизация терроризма, этапы возникновения террористической угрозы, неoinституциональный подход, методы, инструменты.

Методологические основы исследования политического управления и терроризма базируются на положениях политологии и конфликтологии, теорий национальной безопасности и политического управления, принципах и положениях методологии политического анализа функционирования и развития политических, социальных, экономических и этноконфессиональных процессов. При этом основным методологическим подходом ис-

следования являются неонституционализм и теория конфликта, основанные на принципах значимости социальных институтов. Выработка на этой методологической основе инструментов и методов политического управления, направленного на противодействие терроризму, с объективной необходимостью требуют формирования научно-обоснованной методологии антитеррористической деятельности.

Терроризм как политическое явление имеет многолетнюю историю возникновения, развития, трансформации и адаптации к различным политическим системам, что ставит его на одно из первых мест по деструктивному влиянию на общественное развитие. В условиях противоречивости протекания процессов глобализации и деглобализации в современном мире, терроризм, как феномен, становится радикальным инструментом разрешения политических, социальных, экономических и межконфессиональных конфликтов и противоречий.

Необходимость активизации и продолжения исследований проблем противодействия терроризму в системе политического управления России, его распространения и адаптации к быстро меняющимся условиям общественной жизни связана, прежде всего, с новым государственным подходом к проблемам внутринациональной безопасности Российской Федерации, а также защиты ее геополитических интересов.

Более того, в современных условиях резко обострилась религиозная направленность терроризма, противодействие которому стало особенно актуальным для национальных республик с доминирующим мусульманским вероисповеданием и территориально расположенными в самом центре России.

Данная проблема обостряется и в связи с тем, что адаптация терроризма проявляется в сетевизации своей деятельности, использовании моделей цифровизации, неограниченных возможностей Интернета и современных информационно-коммуникационных технологий [6. С. 136], что с объективной необходимостью ведет к изменению институциональных траекторий реализации своих целей. Все это с объективной необходимостью требует зеркальных мер по сетевизации и цифровизации антитеррористической деятельности со стороны государственных структур.

Развитие форм и методов реализации террористических целей ставит противодействие терроризму сегодня в ряд важнейших направлений общегосударственной политики, что обусловлено тесной взаимосвязанностью с такими важнейшими ее направлениями, как экономическая и социальная политика, политика в области образования и культуры, межконфессиональная и миграционная политика и многие другие.

В сложившихся условиях и активной трансформации адаптивных форм терроризм формирует принципиально новый уровень опасности функционированию государственных и муниципальных институтов власти, их экстерриториальной открытости для прямого воздействия со стороны внешне-

политических факторов. Все это позволяет с объективной необходимостью классифицировать терроризм как полноценный фактор значительного влияния на политическую ситуацию внутри страны, что с такой же объективной необходимостью требует разработку и реализацию адекватных мер противодействия терроризму в системе политического управления страны.

Все это обуславливает необходимость в актуализации научных исследований, связанных с развитием подходов к изучению теоретических основ терроризма, характеристик и подходов, основанных на неоинституциональном подходе, базирующемся на положениях значимости социальных институтов, а также «методологического индивидуализма», как доминирования индивида в социальном процессе в виде ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. Так, по данным исследований О.Г. Харитоновой, со ссылкой на зарубежных авторов, «в академических кругах анализ феномена терроризма находится на «дотеоретическом этапе» или, другими словами, является теоретически несостоятельным» [10. С. 15].

В современных научных исследованиях феномен терроризма все более тяготеет к определению его как учения, образа мышления, политики, стратегии и тактики радикальных экстремистских групп, направленных на насильственное устранение или подавление своих противников [5. С. 154; 8. С. 288; 2. С. 240; 4. С. 328; 7. С. 170]. Так, Дж. Хардма определяет терроризм как «термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремятся достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия» [5. С. 21].

В свою очередь принципиально важным является предположение ряда авторов о том, что «современный терроризм является политикой, тактикой и планированием (*это методы управления, прим. мое*) по разрушению существующего государственно-конституционного устройства...» [9. С. 445].

Исходя из этого, как нам представляется сегодня есть все основания утверждать, что терроризм необходимо рассматривать как учение, террологию, предполагающее наличие своих принципов, видов и организационных форм, а также методов ее реализации. Такой подход к исследованию терроризма требует аналогичной реакции в виде формирования методологии антитеррористической деятельности, с соответствующими методами, принципами и организационными формами.

Анализ показывает, что главной предметной особенностью дефиниций терроризма становится перенос концентрации точек зрения от изучения его правовых, криминальных, психологических и других, как нам представляется, абстрактных и ситуационных аспектов, имеющих, вне всякого сомнения, важное значение, на концентрацию исследовательской позиции на социально-политических основах формирования и трансформации изучаемого феномена, его методологической сути. Все это, несомненно, способствует формированию «понятийного аппарата террологии» [2].

Проведенное нами исследование признаков и определений феномена «терроризма» позволяет сформулировать сущностные характеристики этого вида деятельности, к которым необходимо отнести:

– применение силы или насилия, как инструмент запугивания, принуждения, устрашения политических противников в интересах достижения собственных целей;

– систематическое применение насилия либо угрозы такового;

– целенаправленность применения насилия или угрозы в выгодном для интересов достижения результатов;

– политическая, социальная, экономическая или религиозная мотивация действий террористических организаций;

– идеологическое обоснование применения насилия либо угроз применения такового со стороны террористических организаций;

– внутренняя упорядоченность организационной структуры террористических организаций;

– концептуализация терроризма, выражающаяся в маскировке его под действия повстанцев, бытовые убийства, похищения, геноцид, репрессии или гражданские войны;

– адаптация терроризма к быстро меняющимся политическим, экономическим, социальным, этническим и религиозным условиям в мировом сообществе;

– доминирование политического значения терроризма над юридическим;

– трансграничность терроризма, когда в современных условиях нарастающего влияния информационно-коммуникационных технологий и Интернета, идентифицировать терроризм только в ограниченных рамках территориального влияния одной страны практически невозможно;

– публичность и максимальная огласка с использованием СМИ;

– популяризация политических, религиозных и иных взглядов террористических организаций через широкое привлечение СМИ;

– комплексность терроризма, включающего страх и ужас как цель террористических действий, непосредственно действия насильственного характера, а также их конкретные результаты и весь комплекс его последствий;

– идентификация терроризма в качестве «жизненного кредо», способа жизни, мышления и особой деятельности, включая его мотивы, идеологическое обоснование, как средства достижения своих потребностей и интересов;

– секретность в организации и реализации целей террористической деятельности;

– доминирование психологического воздействия терроризма над физическим его проявлением, что является значительно эффективнее и страшнее, чем физическое его проявление;

– манипуляция сознанием людей;

– синергии, когда простая совокупность террористических организаций является более действенной и эффективной чем простое их суммирование;

– трансформационность методов и инструментов терроризма, их адаптация под сложившиеся на данный момент экономические, политические, социальные, климатические и многие другие условия;

– институционализация терроризма, включающий такие присущие терроризму характеристики как наличие идеологии, стратегии и тактики, набора характерных правил и норм поведения членов террористических организаций, высокий уровень управляемости и иерархии структур;

– двойственность целей терроризма, когда, с одной стороны, объектом непосредственного воздействия террористов являются объекты гражданской инфраструктуры, группы населения, случайные люди, с другой стороны, объектом опосредованного воздействия выступают конституционный строй, государственные структуры, территориальная целостность, политическое управление, экономика, общественные отношения, статус национально-этнической группы.

Перечисленные принципы, как нам представляется, отражают всю многогранность и разноплановость воздействия терроризма на мировое сообщество и могут лечь в основу разработки адекватной комплексной стратегии антитеррористической деятельности, как зеркального ответа на вызовы современного терроризма как внутри России, так и на международной арене.

Аналогичного подхода требует и типологизация современного терроризма, базовые характеристики которого должны быть положены в ее основу. При этом в данном случае требуется междисциплинарный подход, так как любая типология сугубо субъективна и отражает интересы той стороны, которая ее идентифицирует, будь то политолог, психолог, социолог, экономист или религиозный деятель. Более того, некоторые авторы считают, что любая типология принципиально несостоятельна. Так, например, идеологические или религиозные типологии несостоятельны только потому, что в их «прокрустово ложе» не укладывается все огромное и постоянно меняющееся разнообразие видов и подвидов, которые требуют эту типологию постоянно расширять и совершенствовать, что в итоге наносит только вред объективному пониманию самого предмета исследования.

В соответствии с методологическим подходом к исследованию антитеррористической деятельности представляется необходимым выделить методический аппарат или методы реализации целевых установок со стороны террористических организаций. Анализ современной научной литературы дает все основания утверждать, что полный перечень методов борьбы террористических организаций сегодня привести практически невозможно. Это связано с постоянной трансформацией этих методов, их адаптацией под сложившиеся на данный момент экономические, политические, социальные, климатические и многие другие условия. Более того, любая типология

не учитывает значительно возросшие сегодня возможности информационно-коммуникационных технологий, Интернета, средств дистанционного управления и много другого, что в существенной степени многократно увеличивает возможности и расширяет спектр методов террористического насилия.

С методологической точки зрения заслуживает научного обсуждения методический подход к возникновению угрозы терроризма, который приводит В.А. Азимов [3. С. 186], вычлняя определенные этапы или фазы в возникновении и формировании террористической угрозы и террористического акта:

- формирование недовольства в обществе сложившимися политическими, национальными, конфессиональными, социально-экономическими, территориальными и иными отношениями, которые становятся базой или фундаментом для зарождения преступного умысла, перерастающего в идейную установку для группы лиц;

- идейная установка, при условии, что ее нельзя решить мирным путем перерастает в конфликтное противоречие, как основу для формирования радикальных настроений в определенной социальной группе общества;

- радикализация конфликта уже закономерно ведет к возникновению антагонистических (непримиримых) противоречий между государственными структурами и группами населения, перерастающих в массовые беспорядки;

- отсутствие возможности разрешения конфликта в рамках правового поля приводит к перерастанию его в экстремистские действия и возникновение террористической угрозы и непосредственно террористические акты.

Как нам представляется, данный метод является несколько упрощенным и не отвечает современным условиям зарождения, формирования, трансформации и проявления терроризма. К примеру, сегодня в России нет в выраженной форме ни одной из перечисленных предпосылок, фаз или этапов возникновения и формировании террористической угрозы и террористического акта. Однако эта угроза в России существует и террористические акты ежегодно происходят в различных регионах страны. В связи с чем, как нам представляется, данный алгоритм не выдерживает критики ни с научной, ни с практической точек зрения. Это скорее в общем приближении упрощенная схема поэтапного формирования террористической угрозы без ее конкретизации относительно той или иной страновой или региональной специфики ее возникновения.

Таким образом, можно заключить, что сегодня можно с уверенностью говорить о методологии антитеррористической деятельности, как совокупности принципов, методов и организационных форм ее реализации. Этот тезис подтверждается и мнением ведущих исследователей в этой области. Так, Ю.И. Авдеев по этому поводу пишет, что трансформация и адаптация современных террористов с объективной необходимостью требует «совершенствования организации управления (*методология управления – это уче-*

ние об организации управленческой деятельности, прим. мое) собственными антитеррористическими силами, тщательного отслеживания изменений в организации деятельности ведущих субъектов терроризма» [1. С. 10-26].

Иначе говоря, методология, как учение об организации какого-либо вида деятельности, применимо к понятию «антитеррористическая деятельность», характеризующейся только ей присущими специфическими принципами, инструментами, методами и многими другими составными методологического аппарата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авдеев Ю.И.* Современный терроризм: новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 1.
2. *Авдеев Ю.И.* Типологии терроризма. Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. *Азимов Р.А.* Терроризм как фактор современного российского общества и государства: детерминанта, идеология, механизмы предупреждения: дисс.... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2013.
4. *Боташиева А.К.* Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия: дисс... докт. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2009.
5. *Бутрин С.М.* Политические технологии противодействия терроризму в Российской Федерации: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2006.
6. *Гусев Д.* Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков. Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002.
7. *Кокорин С.А.* Государственная политика России по борьбе с терроризмом: политологический анализ: дисс... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь, 2012.
8. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2002.
9. *Пинчук А.Ю.* Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ: дисс... докт. полит. наук: 23.00.02. М., 2019.
10. *Харитоновна О.Г.* Изучая терроризм: основные контуры дискуссии // Политические науки. 2018. № 4.

A.H. MURATOV
*Ph.D. in the Department of Conflictology
of the Institute of Social and Philosophical Sciences and
Mass Communications of the Russian,
Kazan, Russia*

METHODOLOGY FOR RESEARCHING ANTI-TERRORIST ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY

The phenomenon of terrorism, as a subject of study, with an objective necessity requires the formation of a methodology for the study of anti-terrorist activities, the identification of its main methodological features and the formation of the most important principles based on a neo-institutional approach based on the importance of social institutions. The current phenomenon of terrorism increasingly tends to define it as a doctrine, way of thinking, policies, strategies and tactics of radical extremist groups aimed at forcibly eliminating or suppressing their opponents, which requires the formation of an adequate methodology of anti-terrorist activities. The essential characteristics of terrorism have been formulated, reflecting the diversity and diversity of its impact on the world community, which can form the basis for the development of an adequate integrated strategy of anti-terrorist activities with its specific principles, tools, methods and other composite methodological apparatus.

Key words: *terrorism, political terrorism, methodology, signs and characteristics of terrorism, anti-terrorist activities, terrorism, typology of terrorism, stages of terrorist threat, neo-easeatation approach, methods, tools.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.010

УДК 32.323

М.И. САЖАЕВ

*аспирант кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

А.Г. ОСЕЛЕДЕЦ

*кандидат исторических наук, доцент
Военного учебного центра Дальневосточного
федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Статья посвящена деятельности государственных институтов и органов военного управления в области военно-кадровой политики на флоте в межвоенный период военного строительства. Выводы ученых о правительственной деятельности в этот период по укреплению кадров РККА и РККФ – диаметрально противоположные. Ряд ученых оценивают ее как высокоэффективную работу, а часть ученых в своих исследованиях делают ударение на уничтожение военных кадров в последней четверти тридцатых годов. Источником недостаточной подготовки кадров их значительного некомплекта, а также других недостатков, которые в значительной мере сказались в военный период, как правило, называются репрессии военных кадров 1937-1938 гг. Общим недостатком обоих подходов заключается в том, что они отошли от беспристрастности и стали заложниками поставленных целей и задач своих исследований, в основе которых стала идеология. В этой связи наиболее важным представляется проведение комплексного анализа развития подготовки и обучения кадров в 1921-1941 гг., как ключ к пониманию итогов войны.

Ключевые слова: СССР, РККФ, военно-кадровая политика, межвоенный период.

Военно-кадровая политика Советского правительства в межвоенный период имела свои особенности и с окончанием Гражданской войны претерпела ряд ключевых изменений. Самое главное, после окончания войны ставка была сделана на профессионализм военных специалистов, принятых на военную службу с началом военных действий. В условиях войны преимущественное оставление в армии бывших офицеров на командных и административных должностях было наиболее стратегически целесообразно, как с точки зрения планирования и организации боевых действий, так и экономически выгодное решение, дававшее быстрый эффект. Эта политика проводилась в первой половине 1920-х гг. Действительно, ставка на уже готовый командный состав не обеспечивала политическую надежность армии, поэтому в дальнейшем от него отказались и пошли по пути форсированной подготовки командного состава из пролетарских и полупролетарских слоев населения, что сделать было очень сложно по причине их низкого образовательного уровня. Тем не менее, это стало в последующем ключевым направлением военно-кадровой политики политического и военного руководства страны в межвоенный период. Исходным этапом в становлении плановой системы обеспечения РККА и РККФ кадрами, явился 1926 год, когда на заседании Реввоенсовета был одобрен трехлетний план комплектования командного состава армии и флота. Он исходил из наличия, а также предполагаемой потребности в командном составе и возможностей в их удовлетворении [9. Л. 59]. Однако до 1932 года целенаправленного и планомерного накопления кадров через систему военно-учебных заведений для обеспечения организационных мероприятий и мобилизационной готовности в стране создано не было. РККА и РККФ строились по территориальному принципу и переменный состав территориальных частей пополнялся из запаса. Основное направление было выбрано на подготовку политически надежного командно-начальствующего состава. Данное направление сохранялось вплоть до предвоенного периода и уже с 1938 года, когда началось развертывание армии, потребность в офицерском составе значительно возросла. Существовавшая система военно-учебных заведений не могла подготовить за короткий срок такого количества офицеров. Поэтому ставка была сделана на краткосрочную подготовку на курсах, набор офицеров из запаса, ускоренную подготовку из младших командиров и др. Однако советско-финская война 1939-1940 гг. показала недостаточную подготовленность командного состава, особенно в первичном звене «взвод-рота». Отмечены были недостатки подготовки и других категорий командно-начальствующего состава [6. С. 82-83]. По итогам советско-финской войны новые важные задачи по подготовке кадров на совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 года поставил И.В. Сталин. Он предложил прекратить в подготовке кадров ориентироваться на опыт Гражданской войны и «создать культурного, квалифицированного и образованного командного состава. Такого

командного состава нет у нас или есть единицы» [4. С. 5]. Однако это осталось невыполнимым, так как приближающаяся война заставила сокращать сроки обучения, а создание командира, приближающегося к требованиям того времени, стало нереально. Требовалась новая концепция, которая легла бы в основу военно-кадровой политики государства. Ключевым решением стало принятие комиссией Главного военного совета РККА, созданной для выработки предложений на основе боевых действий в войне с Финляндией комплекса мероприятий по совершенствованию военно-кадровой политики. Комиссия проигнорировала указания И.В. Сталина и предложила упростить подготовку кадров: подготовку командиров рот и батальонов проводить в дивизиях; на курсах «Выстрел» ввести усовершенствование командиров батальонов и полков; для высшего комсостава восстановить 9-ти месячные КУВНАС при Академии Генерального штаба. Кроме этого, ряд решений, принятых комиссией, касался улучшения уровня подготовки офицеров в академиях: в целях накопления кадров начальствующего состава запаса лицам со средним и высшим образованием срок службы определить 6 месяцев красноармейцами, а затем назначать их на должности помощника командира взвода или командира взвода с присвоением звания младший лейтенант. Для подготовки младших лейтенантов запаса в частях срок обучения увеличить с 3-х до 6-ти месяцев [10. Л. 217-220]. Материальной основой подготовки кадров были те финансовые средства, которые выделялись на эти цели. Так, в общей смете расходов, расходы на ВУЗ, преподавательскую и лекционную деятельность занимали сравнительно небольшую часть и никогда не поднимались выше 1 процента [11. Л. 1]. Наибольшая доля финансовых средств расходовалась в 1920-е годы (примерно 0,6%-0,7% сметы НКВМ). В тридцатые годы расходы начали падать (до 0,17-0,20%). Но только к 1941 году выросли до 0.26% [12. Л. 74] (см. рис. 1).

Для исследователя наиболее интересными являются показатели, которые характеризуют расходы на одного подготовленного командира в разных формах военной подготовки [1]. В диаграмме на рис. 1 наглядно показано, что наибольшие финансовые расходы несли подготовка в военных школах и академиях. Поскольку кадров начсостава не хватало, то время от времени вынуждены были создавать ускоренные виды подготовки, они давали наибольший экономический эффект. Однако обратной стороной являлось снижение уровня военно-оперативной и стратегической подготовки офицеров высшего звена. Чаще всего к этому способу экономии прибегали в двадцатые годы, а также в конце тридцатых годов. Наиболее дорогой и, видимо, качественной подготовка начсостава была в начале 30-х годов. В это время основной контингент комсостава готовился преимущественно в академиях и военных школах по старой программе обучения. Как итог – во второй половине 1930-х годов доля высоко подготовленного командно-начальствующего состава снизилось.

В целом, в предвоенные годы, несмотря на увеличение расходов, количество средств, выделяемых на подготовку одного выпускника, так и не достигло максимума, который был зафиксирован во второй половине 1930-х годов. Если же учесть переход на ускоренную подготовку, то следует сделать вывод о наличии материальных условий снижения уровня подготовки выпускников военно-учебных заведений.

Из диаграммы (см. рис. 1) видно, что снижения финансовых расходов непосредственно перед войной были не очень большими, которые вполне сопоставимы с наилучшим в этом отношении с 1937 годом. Однако 1938 и 1939 годы дали стране больше всех по количеству – 158 тыс. пополнения начальствующего состава (см. рис. 2). Это примерно столько же, сколько за все предшествующие тридцатые годы, когда было подготовлено 161 тыс. чел. В то же время это стало самым дешевым периодом по затратам на подготовку офицеров. В войну они вступили, командуя ротами, а иногда и батальонами. Данный рост, вызванный, как считает часть исследователей, исключительно репрессиями военных кадров, хотя и сыграл

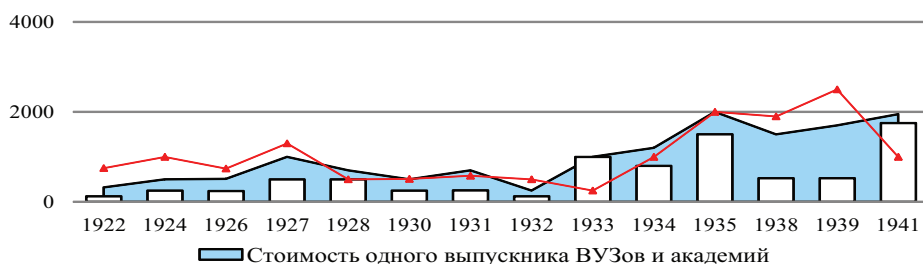

Рисунок 1. Расходы на подготовку одного командира (начальника), при разных формах обучения

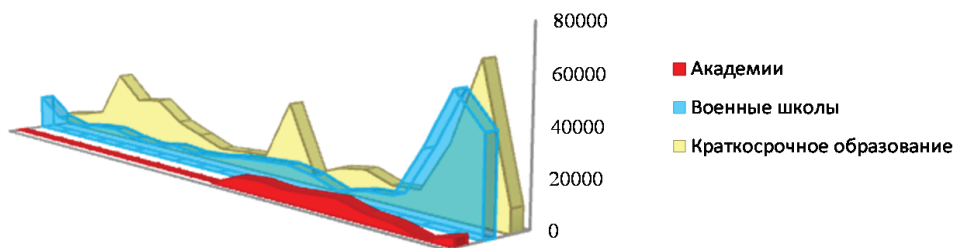

Рисунок 2. Количество начсостава, подготовленного в различных формах обучения [7]

свою роль, был обусловлен иными причинами. Это был результат политики высшего военно-политического руководства, считавшего, что основу командно-начальствующего состава армии и флота должны составлять высоко подготовленные военные специалисты, исходя из этого они свертывали систему курсов, хотя и вынуждены были брать значительные контингенты из числа сверхсрочников и частично из запаса. Но основу составляли выпускники академий и школ. Они же имели больше прав при служебном росте. В период военно-кадровой политики мирного времени в достаточной мере не было учтено возможное развертывание Красной Армии. Для того, чтобы армия была в полном комплекте к моменту развертывания, задания об этом должны быть даны как минимум за три года – именно таков срок подготовки командира в стабильно развивающемся и мирном периоде страны. Но в 1935 году не было плана по развертыванию армии в среднесрочном периоде на 1938 год. Но при этом планируя расширение сети ВУЗов, исходили из существовавшей и утвержденной правительством численности армии и флота, был учтен некомплект предвоенных лет, который складывался из естественного и неизбежного следствия развертывания армии. Данное обстоятельство было усугублено репрессиями второй половины 1920-х гг. Как считает Е.А. Щаденко в своей записке Наркому обороны от 20 марта 1940 года, до 1932 года нормального накопления кадров через систему ВУЗов для обеспечения организационных мероприятий и мобготовности не было. Численно небольшая Красная Армия строилась по территориальному принципу и переменный состав территориальных частей пополнялся из запаса [2].

С 1932 года Красная Армия начала свое развертывание, темпы его убыстрялись и к 1939 году она выросла в 4 раза. Но это развертывание не было обеспечено подготовленными кадрами. За 10 лет (с 1928 по 1938 год) из всех сухопутных ВУЗов было выпущено 67487 чел. За эти же годы из армии убыло (смерть, инвалидность, по суду и др.) – 62000, передано в ВВС – 5670, т.е. убыло 67670 чел. Таким образом, не было резервов для обеспечения роста армии и ее запаса, за исключением высшей допризывной и военной подготовки в гражданских ВУЗах, обеспечивающих развертывание армии по условиям военного времени. Особо тяжелое положение было в пехоте. Начиная с 1932 года выпуски из военных училищ сокращались. Только в 1935-1936 гг. (по сравнению с 1931 годом) выпуск уменьшился в 2 раза, поскольку одно училище было ликвидировано, а остальные были реорганизованы в бронетанковые. В результате армия вынуждена была пополняться из запаса. Поэтому ее офицерский кадровый состав состоял на 73% из младших лейтенантов с краткосрочной подготовкой. За 6 лет (с 1932 по 1938 год) из запаса призвано 29966 человек и задержано в кадрах 19147 младших лейтенантов из бывших одногодичников. Всего за 6 лет из запаса взято 49113 чел., то есть столько же, сколько за это время было выпущено из воен-

ных училищ. Образовался большой некомплект командно-начальствующего состава, достигший к 1 января 1938 года в количестве 39100 чел. или 34,4% штатной численности начсостава. По организационным мероприятиям 1938 года требовалось 33900 чел., а также на замещение уволенных из РККА еще 20 тыс. чел. Всего – 53000 чел. Таким образом, в армии на 1938 год недоставало почти 100 тыс. чел. [2. С. 177]. Увеличение численного состава армии накануне войны и необходимость пополнения офицерских рядов вынуждали принимать дополнительные меры. В 1939 году была расширена сеть военно-учебных заведений. Если в 1937 г. кадры офицеров для Вооруженных сил готовили 75 военных училищ и школ, в том числе 7 морских и 18 авиационных [5. С. 25], то на 24 августа 1940 г. в СССР имелось уже 53 военно-пехотных училища и 69 курсов усовершенствования командного состава запаса [15. С. 69, 165, 167]. На 1 мая 1941 г. командные кадры готовили уже 255 военных училищ и школ, включая 100 авиационных и 16 морских [5. С. 25]. В результате штатная численность постоянного начальствующего состава академий, училищ и курсов увеличилась на 46,5%. В 1940 и начале 1941 гг. было открыто 42 новых сухопутных и авиационных училища, школы и различные курсы. Почти во всех военных училищах установили 2-х летний срок обучения вместо 3-летнего. Была создана устойчивая система подготовки военных кадров. К началу войны офицерские кадры для армии и флота готовили 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования офицерского состава, в которых обучалось свыше 300000 человек. За три предвоенных года военные училища окончили 48 тыс. человек, а курсы – 80 тыс., включая 14 тыс. лиц среднего политсостава. В первой половине 1941 года было направлено в войска из училищ и академий почти 70 тыс. офицеров. Тем не менее, несмотря на столь огромную работу, устранить потери в офицерских кадрах, ликвидировать их большую текучесть и некомплект не удалось. Большую тревогу внушало насыщение армии офицерским составом с краткосрочной подготовкой [8. С. 182]. Автору представляется, что основной причиной данного явления являлось отсутствие оперативного руководства Наркомата обороны при принятии решений по кадровым вопросам, – это следование за ситуацией, а не предвидение и предупреждение возможных событий, слабое их прогнозирование и недостаточное внимание к созданию резервов на случай непредвиденных ситуаций. На заседаниях коллегиальных органов и в приказах Наркома обороны СССР по результатам военно-кадровой работы отмечались и негативные изменения в области состояния кадров и уровня их подготовки. Причинами этого были: репрессии командного состава, частые перемещения комсостава, недостаточная квалификация начсостава, выявившаяся в ходе реальных боевых действий, а также вовлечение в армию больших масс слабо подготовленных командиров запаса в связи с развертыванием армии. Так, на последнем заседании

Военного совета в 1938 году К.Е. Ворошилов, приводя данные о перемещениях комсостава, аргументировал именно этими массовыми перемещениями [13. Л. 7].

Оценить работу высших органов военного руководства по укреплению кадров Красной Армии и Флота можно, проследив динамику изменения основных параметров, отражающих состояние кадров: насыщенность ими армии, уровень укомплектованности и подготовки, опыт службы в занимаемой должности. Диаграмма (см. рис. 3) свидетельствует о незначительном, но неуклонном росте относительной численности начсостава в РККА. Если в начале двадцатых годов на 1 тыс. военнослужащих приходилось 40-80 человек начсостава, то со второй половины 20-х годов эта цифра превысила и в 1939 году достигла 211 чел. и накануне войны в связи с развертыванием армии снизилась до 84 чел. При анализе насыщенности армии комсоставом, можно увидеть иную обстановку. Его доля не столь подвержена колебаниям, держится на уровне 70-80 человек на тысячу военнослужащих и также падает перед войной почти вдвое.

Рост доли начсостава объясняется техническим перевооружением армии, появлением новых военно-учетных специальностей, количественным ростом должностей.

Однако существующий некомплект был во многом искусственным явлением и имел в основе своей не недостаток офицерских кадров, а излишнее количество штатных должностей.

Одной из основных причин этого является то, что в РККА так и не был создан хороший младший начальствующий состав, с воспитания которого планировал начать строительство новой армии первый председатель РВСР Л.Д. Троцкий. Поэтому средний комсостав вынужден был выполнять их функции, отсюда и его многочисленность. Вторая причина большой насыщенности армии начальствующим составом, по мнению автора, заключа-

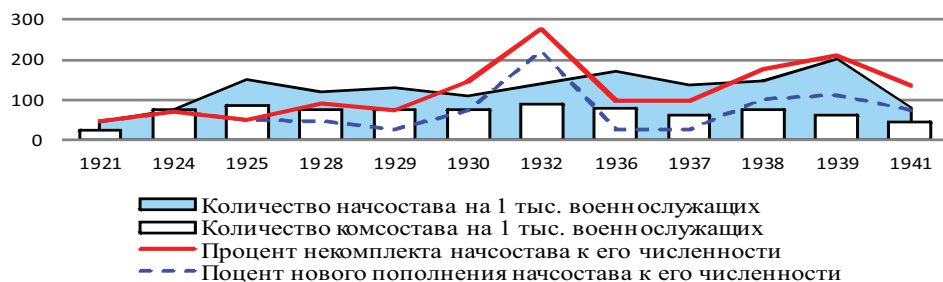

Рисунок 3. Количество и некомплект командного и начальствующего состава и его пополнение из ВУЗов и других источников [3. С. 197]

ется в том, что в 1920-1930-е гг. большая часть армии строилась по территориально-милиционному принципу. Это позволяло ей, по сравнению с европейскими странами, иметь самый большой коэффициент развертывания, что в свою очередь предполагало наличие большого количества командных кадров уже в мирное время для развертываемой армии. Как считали авторы аналитической записки в 1933 году, насыщенность комсоставом развернутой Рабоче-Крестьянской Армии и Рабоче-Крестьянского Красног Флота была примерно равна германской и царской армии военного времени [14. Л. 210].

Таким образом, деятельность государственных институтов и органов военного управления в области военно-кадровой политики в межвоенный период и годы войны, в целом, можно оценить как достаточный для армии мирного времени. В период активного военного строительства в армии и на флоте выстраивался механизм реализации государственной кадровой политики через формирование новых военно-кадровых технологий, в корне отличающейся от комплектования кадров в русской армии и на флоте. Ставка на уже готовый командный состав из числа бывших офицеров не обеспечивала политическую надежность армейской и флотской среды, поэтому в дальнейшем от него отказались и пошли по пути форсированной подготовки командного состава из пролетарских и полупролетарских слоев населения, краткосрочной подготовки на курсах, набора офицеров из запаса, ускоренную подготовку из младших командиров; подготовку командиров рот и батальонов проводили в дивизиях, а также на курсах «Выстрел» – по программе усовершенствование командиров батальонов и полков; для высшего комсостава – 9-ти месячные КУВНАС при Академии Генерального штаба; создание системы обучения офицерского состава в профильных академиях, курсантов – в военно-учебных заведениях, назначение офицерского состава на вышестоящие должности из числа имеющих боевой опыт и соответствующую квалификацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ивкин В.И.* Вопросы военного строительства в деятельности Верховного Совета СССР в предвоенные годы (1937 – июнь 1941 гг.): дис...канд. ист. наук. М., 1993.
2. Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.
3. Известия ЦК КПСС. 1990. № 5.
4. Завтра. 1996. № 51.
5. *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.
6. *Найденко Б.Н.* Советско-финляндская война (1939-1940 гг.): историко-политический анализ: дис...канд. ист. наук. М., 1993.

7. Нармин О.Н. Репрессии против командного, политического и начальствующего состава Красной Армии в 1937-1941 гг.: причины, масштаб и последствия: дис...канд. ист. наук. М., 1993.

8. О накоплении начальствующего состава и пополнении им РККА // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

9. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 10.

10. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2737.

11. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1309.

12. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54.

13. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 47.

14. РГВА. Ф. 37837. Оп. 10. Д. 141.

15. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. (1937 – 21 июня 1941 гг.). М.: Терра, 1994. Т. 13 (2-1).

M.I. SAZHAEV

*Graduate student professor in the Department
of International Relations and Law at Vladivostok State
University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

A.G. OSELEDETS

*Ph.D., Associate Professor;
Military Science Center of Far Eastern Federal
University Vladivostok, Vladivostok, Russia*

A.A. TUSHKOV

*Professor, Department of International
Relations and Law, Vladivostok State University
of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

FORMATION OF MILITARY PERSONNEL TECHNOLOGIES IN THE INTERWAR PERIOD OF MILITARY CONSTRUCTION

The article is devoted to the activities of state institutions and military administration in the field of military personnel policy in the Navy during the interwar period of military construction. The conclusions of scientists about the government's activities during this period to strengthen the personnel of the RCCA and RKKF are diametrically opposed. A number of scientists rate it as a highly effective work, and some scientists in their research emphasize the destruction of military personnel in the last quarter of the thirties. The source of the lack of training of their considerable understaffing, as well as other

shortcomings, which were largely affected during the war period, is generally referred to as the repression of military personnel 1937-1938. The general drawback of both approaches is that they have moved away from impartiality and have become hostages to the goals and objectives of their research, which have been based on ideology. In this regard, the most important is a comprehensive analysis of the development of training and training in 1921-1941, as the key to understanding the outcome of the war.

Key words: *USSR, RKKF, military-personnel policy, interwar period.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.011

УДК 32.323

М.Ю. МАРТЫНОВА

*доктор политических наук, профессор,
профессор гуманитарного факультета Российского
государственного социального университета,*

Россия, г. Москва

А.С. ЖОЛМАНОВ

*аспирант кафедры политологии и
политического управления Института общественных
наук Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В исследовании рассматриваются особенности формирования антикоррупционной политики в современной России. Несмотря на то, что процесс формирования антикоррупционной политики носит комплексный характер, в выстроенной в антикоррупционной системе превалирует административно-правовой метод, характерный для институтов государственной власти. Использование такого подхода не всегда способно нивелировать невысокий уровень правовой культуры в обществе, а в целом пассивная роль в антикоррупционной повестке институтов гражданского общества не способствует эффективной реализации механизмов общественного антикоррупционного контроля. Также внимание авторов обращено и на нормы международного права, оценить эффективность реализации, которых, ввиду соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации, представляется затруднительным.

Ключевые слова: *коррупция, антикоррупционная политика, государственное управление, институты гражданского общества, международные нормативные правовые акты.*

Коррупция, как одно из глобальных, негативных, социально-политических явлений представляет существенную угрозу для стабильности политической системы современного государства. Продиктованные коррупцией политические решения, или административно-управленческие действия,

существенно искажают государственную политику, что оказывает деструктивное воздействие на ее восприятие в обществе и ведет к конфронтации. Включение политической элиты государства и аффилированных с ней групп интересов в корыстное распределение материальных и финансовых ресурсов катализируют процесс обмена власти на собственность, на конвертацию коллективных благ в частные.

По данным проведенного исследования в августе 2020 года «Левада-центра» «Тревожащие проблемы», россияне отметили коррупционную проблематику, как одну из наиболее злободневных. В динамике с 2014 по 2020 гг. доля россиян, считающих проблему коррупции наиболее актуальной, увеличилась с 26 до 38% [4].

По мнению А.Р. Бакшеевой, М.А. Бурды и О.Е. Гришина: «Традиционно политологический подход связывает коррупционные риски в отношениях по поводу власти со способом ее завоевания и использования, к примеру, оказание административного давления на выборах, незаконное финансирование политических партий, подкуп избирательных голосов, теневой лоббизм в органах государственной власти и др.» [2. С. 154-163].

Следует отметить, что реализуемая государством антикоррупционная политика представляет собой комплексный процесс, направленный на антикоррупционную модернизацию общества (выработку антикоррупционных стандартов поведения), его социально-экономическое развитие и трансформацию в этих условиях институтов власти. Под инструментарием антикоррупционной политики, в связи с этим, следует понимать комплекс политических, законодательных, экономических, организационных инструментов государственного регулирования.

Однако, рассматривая принимаемые решения в области антикоррупционной политики современной России, следует отметить, что, как правило, они связаны лишь с совершенствованием антикоррупционного законодательства и, таким образом, находятся в плоскости государственно-административного управления, не затрагивая идеологические конструкты формирования антикоррупционного поведения в обществе. В связи с этим, даже самые совершенные антикоррупционные акты не будут эффективны в государствах с нестабильной политической системой, неразвитой социальной сферой, экономикой, низким уровнем правовой культуры [7].

Отмечая в целом невысокий уровень правовой культуры российского общества, следует обратить внимание на то, что в связи с этим взаимодействие между гражданами, различными группами граждан зачастую осуществляется не в рамках закона, а в рамках «традиции», которая зачастую имеет коррупционную природу в виде добровольного материального подношения, или не материальной благодарности. Все это способствует широкому распространению коррупционных практик, стимулирующих не столько вымогательство взятки, сколько желание эту взятку дать.

Можно говорить о том, что сложившиеся частные примеры взаимодействия между гражданами латентно переносятся в сферу взаимодействия этих граждан с институтами власти, гражданского общества, коммерческих организаций. Крайне редки случаи, когда участники социальных взаимодействий допускают существенные отклонения от социальных практик и общепринятых норм взаимодействий, поскольку такое отклонение от принятых обычаев не получает общественной поддержки [6. С. 79].

В российской антикоррупционной системе достижение целей антикоррупционной политики реализуется с помощью совокупности политико-правовых методов и способов, которые мы можем охарактеризовать в качестве инструментария реализуемой антикоррупционной политики.

Выше мы отмечали одну из особенностей формирования антикоррупционной политики современной России – повышенное внимание процессу административно-правового регулирования, и, следовательно, превалирование институтов государственной власти на так называемом «антикоррупционном треке».

Административно-правовыми средствами антикоррупционной политики, выделяемыми можно назвать следующие:

- действие нормативно-правовых актов в сфере коррупции;
- антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов (государственная и общественная);
- ротация государственных служащих;
- персональная ответственность чиновников;
- контроль институтов гражданского общества [5. С. 213-214].

Таким образом, административно-правовые, политические средства антикоррупционной политики могут быть весьма разнообразны в зависимости от цели антикоррупционной политики, направленности политического курса, политической воли.

Реализация такого подхода в современной России имеет определенные особенности, связанные с превалирующей ролью институтов государственной власти в рамках выработки и реализации антикоррупционной политики, что в существенной мере повышает эффективность расследования коррупционных правонарушений и минимизации ущерба, причиненного коррупционными действиями государству. Вместе с тем, имеющийся недостаток участия институтов гражданского общества, механизмов общественного антикоррупционного контроля, негативно сказывается в области профилактики коррупционных нарушений, в части непосредственно снижения самой возможности совершения действий, носящих потенциально коррупционный характер, формирования негативного восприятия коррупции, как явления [1. С. 120-134; 3. С. 83-96].

Отдельно стоит упомянуть и международное антикоррупционное сотрудничество. Подписание и ратификация Россией в марте 2006 года Кон-

венции ООН «Против коррупции» в Мексике явилось важным компонентом формирования правовой базы по противодействию коррупции. Ратификация Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию российским законодательством является очередным важным шагом к гармонизации российского законодательства по противодействию коррупции с международными практиками. В 2006 году Россия присоединилась к антикоррупционной инициативе по борьбе с коррупцией среди высших должностных лиц, а 1 февраля 2007 года официально вступила в «Группу государств против коррупции» (ГРЕКО).

На сегодняшний день политико-правовую базу противодействия коррупции можно условно разделить на несколько блоков. К первой категории относятся международно-паровые акты – Конвенция ООН по борьбе с коррупцией, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Модельное законодательство по борьбе с коррупцией в рамках СНГ, а также международные организации ГРЕКО, ФАТФ, ОЭСР, БРИКС и т.д. Однако правоприменительную практику международных коррупционных актов, их взаимодействие с дефинициями национального антикоррупционного законодательства, в свете поправок в Конституцию Российской Федерации, отменяющих верховенство норм международного права, в настоящее время оценить представляется достаточно сложным.

Следующую категорию составляет национальное законодательство – Указы Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы», «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», нормы Уголовного и Административного кодекса, Федеральные законы «О противодействии коррупции», «О государственной гражданской службе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и др. Отдельную категорию составляют отраслевые нормативные правовые акты; ведомственные программы и регламенты по противодействию коррупции, к примеру, Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

Также для повышения эффективности борьбы с коррупцией высшими органами власти создаются различные «вспомогательные» органы, носящие чаще всего межведомственный совещательный и консультативный характер своей деятельности. Зачастую такого рода «вспомогательные» органы активно взаимодействуют с институтами гражданского общества. В качестве примера можно привести общественные советы, межведомственные рабочие группы, комиссии и др. Такие органы непосредственно взаимодействуют с высшими государственными органами власти на по-

стояннoй основе, однако их решения все же носят рекомендательный характер и не могут иметь юридической силы без утверждения вышестоящего органа власти.

Одним из примеров эффективной работы такого рода межведомственных, координационных, «вспомогательных» органов является деятельность образованной под эгидой Администрации Президента Российской Федерации Межведомственной рабочей группы по противодействию незаконным финансовым операциям (МРГ) [8].

Упомянутая межведомственная группа является координационным органом, образованным в целях обеспечения эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и Центрального Банка Российской Федерации (Банка России) в сфере предупреждения, выявления и пресечения незаконных финансовых операций, противодействия незаконному выводу капитала за рубеж и в теневой оборот [9].

Таким образом, говоря о противодействии коррупции в современной России, в рамках формирования эффективной государственной политики, мы в полной мере можем говорить о следующих ключевых направлениях:

- совершенствование национального антикоррупционного законодательства в рамках мониторинга правоприменительной практики правоохранительными и контрольно-надзорными органами власти;
- имплементация норм международного антикоррупционного законодательства, с учетом сохранения закрепленного в обновленной Конституции Российской Федерации приоритета национального права;
- развитие механизмов международного взаимодействия антикоррупционных органов и международных антикоррупционных организаций;
- создание условий для более эффективного развития институтов общественного антикоррупционного контроля;
- формирование негативного восприятия бытовых коррупционных практик в обществе.

Коррупция, как исторически укоренившееся явление социальной и политико-правовой действительности, требует выработки системных инструментов противодействия со стороны государственных и общественных институтов. Решение данной проблемы невозможно без соответствующих социально-правовых дискурсов, в которых реализуются формы и методы управления, иначе говоря, без формирования должной политики государства и общества в сфере противодействия коррупции.

Исследование антикоррупционной политики и актуальных сведений о коррупционных нарушениях показывают, что на сегодняшний день вопросы борьбы с коррупцией не только остаются актуальными, но и как никогда являются приоритетным направлением деятельности государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бакшеева А.Р. Антикрупционная политика в сфере государственных закупок: механизмы государственного регулирования // PolitBook. 2020. № 3.
2. Бакшеева А.Р., Бурда М.А., Гришин О.Е. Коррупция: континуум взглядов на социально-политическое явление // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 4.
3. Бурда М.А., Иванова М.М. Антикрупционная политика современной России: особенности формирования новых подходов государственного управления // PolitBook. 2019. № 2.
4. Левада-Центр. Тревожащие проблемы // <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/>.
5. Павлова Е.В. Административно-паровые средства реализации антикоррупционной политики // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. DOI: 10.24411/2312-0444-2019-10160.
6. Римский В.Л. Социальные аспекты коррупции в России // Чистые руки. 2008. № 7.
7. Трансперенси Интернейшнл – Россия // <https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2017-posadki-nepomogli.html>.
8. Федеральная служба по финансовому мониторингу // http://www.fedsfm.ru/activity/mejved_grupp_protiv_nez_fin_oper.
9. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Положение о межведомственной рабочей группы по противодействию незаконным финансовым операциям (Распоряжение Президента Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 344-пп) // http://fedsfm.ru/activity/mejved_grupp_protiv_nez_fin_oper/provision.

M. Yu. MARTYNOVA

*Doctor of Political Science, Professor at the
Faculty of Humanities, Russian State Social University,
Moscow, Russia*

A.S. ZHOLMANOV

*Postgraduate student at the Chair of political
science and political management of the Institute of
Social Sciences, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

COUNTERING CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: FEATURES OF STATE POLICY FORMATION

The article discusses the features of the formation of anti-corruption policy in modern Russia. Even though the process of forming an anti-corruption policy

is complex, in the anti-corruption system, the administrative and legal method that is characteristic of state power institutions prevails. The use of such an approach is not always able to neutralize the low level of legal culture in society, and in general, the passive role of civil society institutions in the anti-corruption agenda does not contribute to the effective implementation of public anti-corruption control mechanisms. The authors' attention is also drawn to the norms of international law, which, in view of the relevant amendments to the Constitution of the Russian Federation, it is difficult to assess the effectiveness of their implementation.

Key words: *corruption, anti-corruption policy, public administration, civil society institutions, international normative legal acts.*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (ЧАСТЬ 1)

Политико-правовые институты являются ведущими драйверами, на которые государства возлагают ответственность за социальный успех и эволюционные траектории своего развития. Современную ситуацию, наблюдаемую в мире, можно с легкостью увязать с неопределенностью, нелинейностью и непредсказуемостью. В этом ключе закономерно обратиться к идейным основаниям, фундировавшим современные нам институты, которые обнаруживаются в Новом времени. В первой части статьи, ставящей перед собой задачу изучить и сопоставить политико-правовую институциональную динамику Нового и Новейшего времени автор сосредоточивается на аналитике первого заявленного периода, где на примере Европы высвечивается укорененность просовременных нам политико-правовых институтов в либеральных идеях. Отдельно рассмотрена роль буржуазных революций, сказавшихся на remodelировании нововременных институциональных порядков. Обосновано, почему идеи как интеллектуальные конструкты находят свое институциональное воплощение именно в эпоху Нового времени.

Ключевые слова: политико-правовые институты, институциональная динамика, Модерн, идеи, власть, общество, революция.

Введение. Современный период развития глобального социума можно охарактеризовать как переходный, поскольку прежние интенции социального развития, ценности, идеи, которыми обосновывались направления политико-правового строительства, утратили свою актуальность, а новые еще не выработаны. Обозначенное положение дел логичным образом сказывается на путях реформирования государства, так как сегодня цели преобразований во многом выглядят размытыми и неоднозначными. Человечество оказалось в удачно подмеченном Бодрийяром «состоянии после оргии»:

оно механически продолжает куда-то двигаться, но куда именно оно не осознает. Национальные общества современного мира находятся в состоянии перманентного реформирования: политико-правовые институты, которые на протяжении столетий регулировали и обеспечивали нормальную жизнедеятельность общества, исчезают, другие же подвергаются изменениям, третьи только начинают формироваться. В то же время, если на начальных этапах становления политико-правовых институтов в их основании лежали идеи о справедливом социальном устройстве государства, обоснования изменений и хабиитуализации необходимых социальных практик, то сегодня идейный базис зачастую оказывается нерелевантным вызовам времени. В сложившейся ситуации приобретает свою актуальность обращение к изучению истоков становления политико-правовых институтов, выступающих своего рода воплощением идеальных представлений. Разумеется, первые идеи и основанные на них политико-правовые институты, появляются еще в глубокой древности, однако в аспекте реализации ментальных конструктов о социальном равенстве наиболее репрезентативен период Новое время, когда в Европе начинает формироваться облик современного мира. Соответственно, обращение к изучению институциональной динамики в свете исторического развития нововременного идейного базиса и вплоть до настоящего позволит лучше понять механизмы взаимосвязи политико-правовых и интеллектуальных конструктов, установить влияние последних на процессы обновления установление и практик. Вдобавок к этому, необходимо проследить трансформации этих взаимосвязей. Цель настоящего объемного исследования формулируем как изучение институциональной динамики в свете идей в период с Нового до Новейшего времени.

Идейные основания политико-правовых институтов Нового времени. В соответствии с заявленной целью, прежде всего, необходимо остановиться на краткой характеристике Нового времени. Под указанным термином понимают относительно короткий в историческом плане период с XVI или же XVII вв. до XIX в. [12. С. 426], отсчет которого можно вести от разных точек, вплоть до первой буржуазной революции мирового масштаба – английской. Оценить значение указанного события чрезвычайно сложно, поскольку, «провозглашенные ею принципы впервые выражали потребности не только Англии, но и всей Европы того времени, историческое развитие которой вело объективно к установлению буржуазных порядков» [3. С. 18].

Сегодня принято выделять самые различные группы факторов, которые обусловили социальные волнения и привели к революции. Однако в осознании необходимости изменений ключевую роль сыграли именно идеи. Отметим, что в это время в Англии обоснование справедливого государственного устройства и создания соответствующей институциональной среды осуществляется в логике двух концепций:

1. Консервативно-патриархальное направление, сосредоточенное вокруг тезиса о божественном происхождении власти монарха. Следовательно, действия монарха стоят над законом [21]. В основании этой концепции лежат два положения: (1) всякое правление есть абсолютная монархия; (2) ни один человек не рождается свободным [23. С. 172-176]. Здесь важно указать, что уже в раннее Новое время королевская прерогатива понималась не как произвольные преимущества и привилегии королевской власти, проистекающие из ее особого статуса, но лишь те преимущества, которые базировались на прецедентном английском праве [6; 7; 8; 10]. Иными словами, еще до начала буржуазных революций королевская власть перестала восприниматься как «сакральная». Под влиянием нововременного этапа развития интеллектуальной мысли «консервативно-патриархальное направление общественной мысли Англии из области политической философии перемещается в рамки утопического жанра» [16. С. 147], продолжая жанровые и сюжетные линии Т. Мора и Ф. Бэкона.

2. Работы теоретиков либеральной традиции, послужившие толчком к переосмыслению доминирующей роли аристократии и монарха в обществе, поставившие под сомнение божественную природу абсолютной королевской власти. В трудах Гоббса, Мильтона, Сиднея, Лилберна, Локка обосновывается идея народа как единственного источника и носителя власти на основании договоренности. По мнению сторонников данного подхода, народ вручает монарху бразды правления для защиты собственных интересов, более того, правитель должен действовать в интересах и на благо народа, подчиняясь гражданским законам. В случае несоответствия политики монарха защите интересов народа последний имеет право подвергнуть его наказанию. Однако взгляды мыслителей по поводу государственного устройства несколько отличались. Так, Лилберн выступал ярким сторонником республики, Милтон хоть был сторонником республики, но при этом не отрицал права на существование конституционной монархии. В свою очередь Гоббс приветствовал восстановление монархии, однако общей для всех теоретиков указанного направления была идея равенства всех перед законом, которая впоследствии отразилась в положении Декларации, в соответствии с которой «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» [5]. К конструктам суверенитета народа и свободы личности также примыкает идея разделения властей, направленная на минимизацию рисков узурпации власти.

Итак, в результате революций Нового времени сформировалось буржуазное государство, базисными характеристиками которого стали:

1) осуществлен переход от абсолютных монархий к конституционализму и представительному правлению, главными политико-правовыми институтами власти стали парламенты, которые стали законотворческими и представительными органами [12. С. 427];

2) в государственно-правовой идеологии основное место отводится принципам защиты прав и свобод человека. Складываются основы гражданского общества, предполагающего вовлечение широких слоев населения в государственную жизнь. Основу институционального строительства составили идеи гарантируемой свободы, которая «состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому» [5], безопасности, краеугольным камнем социального и государственного строительства становится неприкосновенность частной собственности;

3) практическая реализация принципа разделения ветвей власти;

4) сформировано местное самоуправление, а основным источником власти провозглашается народ [8; 15].

По нашему мнению, важнейшим достижением указанного периода становится появление политических партий, направленных на защиту интересов конкретных социальных групп. В частности, в Великобритании сформировались две основные силы, существующие до сих пор – это тори и виги [14]. И хотя говорить о тори, и виги именно как о политических партиях в их современном понимании пока не приходится, поскольку «это были аморфные, неустойчивые парламентские группировки, состоявшие в основном из аристократов и людей, от них зависевших» [1]. Тем не менее, именно тори и виги в процессе своего исторического развития превратились в консервативную и либеральную политические партии, которые представлены в большинстве мировых парламентов.

Важно добавить, что на рассматриваемом этапе исторического развития знатность происхождения и принадлежность к аристократическому роду уходят на второй план, тогда как приоритетное значение получает наличие политического таланта и умений убеждать. По сути, можно констатировать, что это еще один вектор реализации идеи всеобщего равенства, которая уверенно вошла в практику управления государством.

Конкретные воплощения идей в форме политико-правовых институтов, к примеру, различных ветвей власти отличались контекстуальными реалиями, которые можно наблюдать в различных странах, однако все они подчинялись фундированы представлениями о верховенства закона: «Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из законов этого общества» [23. С. 194]. Так, подчеркивая приоритет законодательной ветви власти, исследователи отмечают, что «...до 1640 г. формой правления в Англии была абсолютная монархия, в которой король правил при помощи своего совета, и иногда, в том случае если созывал его, своего парламента; после 1688 г. формой правления стала конституционная монархия, в которой парламента собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его советники сохраняли, с согласия парламента, существенную власть» [17. С. 207]. Говоря в общем, считаем, что указанная характеристика в той или иной степени применима к дру-

гим странам Западной Европы и США, но лишь с поправкой на то, что они не стали конституционными монархиями.

На уровень самостоятельной ветви поднялась также и судебная власть. В Великобритании сформировался институт суда присяжных, апелляции и кассации. Появление данных установлений связано с идеалом создания справедливого общества, в котором человек наделен правами и является активным участником государственного строительства.

Во многом с революционными событиями связано и усиление роли института полиции, функции которой в различных странах существенно отличались: в Англии в период Славной революции в задачи полиции входила защита прав и свобод личности; во Франции, где революция проходила не столь бескровно, в функции полиции входило, в том числе и подавление любых проявлений контрреволюции [9. С. 69]. В частности, для надзора за общественным порядком во Франции были созданы специальные надзорные или революционные комитеты, наделенные «функциями полиции общей безопасности для расследования противозаконных преступлений против свободы, равенства, единства и неделимости Республики, против безопасности государства – внутренней и внешней, имеющих целью посредством заговоров восстановить королевскую власть или основать другую власть, противоречащую суверенитету народа» [9. С. 70]. В самом общем виде, революционный путь стран Западной Европы и США представлял собой процесс воплощения либеральных идей с временными «откатами», когда полиция становилась не столько средством обеспечения прав и свобод граждан, но и карательным органом, направленным на защиту действующего политического режима. В эти периоды страны отказывались от принципов конституционного правления, руководствуясь робеспьеровскими требованиями «революционной необходимости». Сам процесс общественно-государственного упорядочения развивался по пути «циклического чередования структур-режимов рождения и сохранения порядка, что выражается в периодическом изменении ценностно-целевых трендов, в относительном доминировании демократии и авторитаризма, либерализма и консерватизма, рыночных и этактистских принципов, традиционного коллективизма и индивидуализма» [6. С. 68].

На протяжении всего Нового времени постоянно совершенствуются созданные буржуазными революциями органы исполнительной, законодательной и судебной власти, проводятся избирательные реформы. Известной является реформа 1832 года в Великобритании, направленная на предотвращение злоупотреблений при избрании парламента: «Поскольку целесообразно принять действенные меры для исправления различных злоупотреблений, которые долго имели место при избрании депутатов в палату общин парламента, лишить множество незначительных местечек права посылать депутатов в парламента; предоставить такую привилегию большим,

густонаселенным и богатым городам; увеличить число найтов 14 графства, посылаемых в парламент; распространить право участия в выборах на многих подданных его величества, которые до этого не пользовались таковым, и уменьшить расходы на избирательные кампании» [2].

Средством оптимизации избирательной системы становится появление регистрации избирателей. И. Булмер-Томас отмечает, что «появился совершенно новый элемент политической власти – более могущественный, чем государь или палата общин, а именно – регистрация избирателей» [18. С. 77]. Реформирование положило начало развитию сети местных партийных организаций. Главным образом проводимые реформы служили целям воплощения идей разделения властей и повышения численности граждан, вовлеченных в процессы управления государством. А. де Токвиль провел своего рода обобщение итогов таких институциональных преобразований: «Управление переместилось к общинам: пэры могут еще осуществлять ход дел, но утратили право его направлять» [24. С. 37]. Иными словами, в европейских странах была сформирована современная избирательная система, а также осуществлялось поступательное реформирование сложившихся сразу после революции политико-правовых установлений, во многом основанное на методологии институционального дизайна.

В качестве воплощения одной из важнейших классических либеральных идей становится защита свободы слова [11], которая была закреплена в Билле о правах [20. С. 122-128]: «Свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подать повода к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента» [15]. Резонным и любопытным дополнением здесь является то, что одна лишь защита свободы слова потребовала не создания, но отмены целого ряда архаизировавшихся политико-правовых институтов. Действительно, вплоть до начала буржуазных революций в большинстве европейских стран существовала цензура, в задачи которой входила охрана авторитета короля и господствующей церкви в печати. Наиболее яркими примерами вновь являются Англия и Франция, где за правонарушения в этой сфере были предусмотрены такие виды наказания, как клеймение, выставление у позорного столба и заточение. Во Франции вплоть до подобных нарушений могли караться смертной казнью, галерами, типографиям было запрещено закрывать двери [14].

Наличие цензуры неоднократно подвергалось критике в трудах просветителей. К примеру, в своих памфлетах Дефо подчеркивал, что существование цензуры создает отношения зависимости авторов от цензоров, которые могут принимать решения по поводу запрета книг исключительно из субъективных представлений о допустимом. По словам мыслителя, цензура создает условия «для подкупа, обмана и всяческих злоупотреблений» [10. С. 92]. Более того, наличие цензуры становится средством политической борьбы

в руках противоборствующих партий, каждая из которых заинтересована назначить собственного цензора, тем самым влияя на общественное мнение. Под влиянием критики цензура была упразднена. Несмотря на то, что и сегодня ни одной стране мира не удалось добиться полной свободы слова, отсутствие цензуры со стороны государства привело к активизации печатного слова и появлению периодики, ставшей эффективным инструментом управления общественным сознанием.

В качестве одного из ведущих принципов государства становится защита частной собственности. В работах Локка собственность понимается как нечто, созданное трудом человека и, как следствие, неотчуждаемое. Само появление государства, интерпретируемого как результат договора, связано, в том числе и для защиты частной собственности от возможных посягательств и обеспечения ее неприкосновенности: «Великой и главной целью людей, объединяющихся в государства и отдающих себя под власть правительства, является сохранение своей собственности» [23. С. 395].

Необходимо дополнить, что ментальные конструкты интеллектуалов Нового времени сами-по-себе отличались невиданной до этого периода высокой динамикой и зачастую пребывали в состоянии изменений, приводя к появлению идейных модификаций и конфигураций. Например, если изначально революции имели своей идейной основой свободу человека, «желанной и недостижимой силе, способной преодолеть чувство потерянности и разочарования» [16. С. 148], то после революционных событий, этот концепт приобрел качественно иные коннотации и стал восприниматься как абсолютная безнаказанность: «Дух необычайной радости распространился по всей нации и принес с собой избавление от всяких признаков добродетели и благочестия. Все окончилось увеселениями и пьянством, которые переполнили королевство до такой степени, что мораль подверглась сильнейшему разложению» [19. С. 166]. Но вне зависимости от колебаний популярности нововременных идей именно они заложили основы государственного устройства большинства мировых стран современного мира, конституционных монархий и республик.

Но почему же идеи показали свое практическое значение, воплотив собой целые социальные структуры, и тем самым высветили собственный конструктивный потенциал именно в Новое время? На наш взгляд, в предшествующие периоды, Древний мир и Средневековье, это было слишком затруднительно по причине абсолютной уверенности в неограниченной рациональности своих действий со стороны правителей или же было целиком и полностью связано со становлением новой религиозной онтологии соответственно. Тогда как переход к качественно иному типу мышления с присущими ему атрибутами (1) целеполагание, (2) целостность и (3) проективная обращенность в будущее получают свое распространение в период Нового времени, а сами ментальные конструкты, имеющие «социальный»

профиль своего приложения, постепенно будут ассоциироваться не только с теоретически возможным, но и желаемым на деле устройством государства [13]. Стало быть, изменение мышления, направленного на активное ремоделирование наличных политико-правовых структур справедливо полагать в качестве одного из основных достижений развития мысли в эпоху Нового времени, что сопровождалось уходом в прошлое былых постулатов божественной власти королей и монархов [22. С. 184]. В данном аспекте уже наглядно отображается тенденция современности – нелинейность развития политико-правовой архитектоники, которая «сопровождается резкими трансформациями, в процессе которых возникает хаотизация, формируются новые структуры («новый порядок»)» [4. С. 68].

В завершение первой части статьи резюмируем, что именно в Новое время закладываются основы такого государственного устройства и прототипа той институциональной среды, которые приняты сегодня в большинстве мировых стран. Одним из оснований перехода к «государственному состоянию» становится общественный договор, заключенный между обладающими неотчуждаемыми правами индивидами и властными акторами, главной задачей которых заключается в защите суверенитета народа и прав личности. Обеспечение равновесия в государстве и минимизация рисков узурпации власти достигается посредством разделения властей между политико-правовыми институтами, которые принадлежат к законодательной, исполнительной или же судебной ветви соответственно, и, конечно же, при обязательном подчинении верховенству права. В целом же на данном этапе наглядно отобразилась основная функция политико-правовых институтов – самоорганизация общества. Главным следствием указанного периода стал переход национальных государств на более высокий уровень развития и формирование новых порядков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айзенштат М.П.* Политические партии Англии. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2017.
2. Акт о народном представительстве (1832 г.) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М.: Фирма «Гардарика», 1996.
3. *Беликова Д.В., Шевнина О.Е.* Буржуазные революции XVII-XVIII вв.: сравнительная характеристика // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10).
4. *Бородкин Л.И.* Нелинейная динамика неустойчивых социально-политических процессов: междисциплинарный подход к методологии анализа // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО, 2007.
5. Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М.: Фирма «Гардарика», 1996.

6. Зырянов А.В. Синергетический подход к проблеме циклодинамики государственного развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 2.

7. Ключников С.А. Использование синергетического (бифуркационного) направления системного подхода для изучения социума // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Т. 9. № 4.

8. Ковалев А.В. Английское законодательство конца XVII – начала XVIII в. и политическая доктрина Джона Локка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8 (121).

9. Кучма В.В. Система карательных органов Франции на заключительных этапах буржуазной революции (август 1792 – июль 1794 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6.

10. Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012.

11. Муратов М.Я. Право на свободу слова (История и современность). Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002.

12. Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013.

13. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов современного общества. Дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Томск, 2020.

14. Саломатин А.Ю. Основные направления модернизации политической системы // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1).

15. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М.: Фирма «Гардарика», 1996.

16. Эрлихсон И.М. Английская социальная антиутопия и сатира Реставрации и Раннего просвещения (1660-1714) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 81.

17. Berman H.J. Law and Revolution, II. The Impact of the Protestant Reforms on the Western Law Tradition. Cambridge, 2006.

18. Bulmer-Thomas I. The Growth of the British Party System. 1640-1923. London: Baker, 1965. Vol. I.

19. Burnet G. History of my own time. Oxford, 1897.

20. English Historical Documents / ed. by A. Browning. London, 1953. Vol. 8.

21. Filmer R. Patriarcha and other political works. Oxford: Blackwell, 1949. Vol. 8.

22. Fowler T. Locke. London: Macmillan, 1906.

23. Locke J. Two Treatises of Government. London: Printed for Whitmore and Fenn and C. Brown, 1821.

24. Tocqueville A. de. Oeuvres completes. Paris: M. Lévy Frères, 1867.

N.N. RAVOCHKIN
*PhD in Philosophy, Associate Professor of the
Department of Humanitarian and Legal Disciplines
Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor at the
Department of History, Philosophy and Social Sciences
Kuzbass State Technical University
named after T.F. Gorbachev,
Kemerovo, Russia*

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONAL DYNAMICS OF NEW AND MODERN TIME (PART 1)

Political and legal institutions are the leading drivers on which states assign responsibility for social success and evolutionary trajectories of their development. The current situation in the world can easily be linked to uncertainty, non-linearity and unpredictability. In this vein, it is natural to turn to the ideological foundations that founded the institutions of today, which are found in the modern era. In the first part of the article, which sets itself the task of studying and comparing the political and legal institutional dynamics of the New and Modern times, the author focuses on the analysis of the first declared period, where the example of Europe highlights the rootedness of modern political and legal institutions in liberal ideas. The role of bourgeois revolutions, which affected the remodeling of the modern institutional order, is considered separately. It has been substantiated why ideas as intellectual constructs find their institutional embodiment in the epoch of modern times.

Key words: *political and legal institutions, institutional dynamics, Modern, ideas, power, society, revolution.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОИГР С ИСТОРИЧЕСКИМ СЮЖЕТОМ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Представленное исследование посвящено проблематике использования Россией видеоигр как ресурса реализации мемориальной политики. Целью автора является выявление перспективных направлений применения видеоигр в качестве инструмента политики памяти Российской Федерации. Методология работы выстраивается за счет сочетания сравнительного, структурного и дескриптивного анализа. Проведенные изыскания показали, что стратегия развития исторических видеоигр в качестве инструмента политики памяти российских властей должна выстраиваться вокруг тезиса о необходимости увеличения их жанрового разнообразия. На сегодняшний день большинство проектов данного плана представляют собой симуляторы военной техники и стратегии, лишённые сюжетной составляющей. Необходимо сделать акцент на создании сюжетных проектов, гарантирующих возникновение у геймеров «эффекта погружения» и эмпатии по отношению к игровым персонажам, а также широкого спектра симуляторов реальности, имитирующих выполнение задач по выживанию либо выполнению конкретных видов работ, имеющих устойчивую символическую связь с определенными событиями и эпохами.

Ключевые слова: видеоигры, политика памяти, мемориальная политика, Россия, перспективы, исторический сюжет.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Видеоигры как новый ресурс политики памяти: конструирование коллективного образа прошлого в формате популярной культуры»; Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

На сегодняшний день видеоигры являются одним из наиболее интенсивно развивающихся сегментов массовой культуры. По данным ВЦИОМ за 2019 г., они являются неотъемлемой частью досуга около 20% россиян (в среднем каждый из них затрачивает на прохождение видеоигр около 5 часов в неделю). Среди представителей молодежи популярность видеоигр достигает еще более высоких показателей: приблизительно 40% респондентов в возрасте 18-24 лет, по их заявлению, тратили на соответствующую активность 8 часов в неделю. Последнее позволяет предположить, что по мере смены поколений роль видеоигр в массовой культуре будет лишь возрастать, благодаря чему они обретут статус одного из ключевых ресурсов формирования социального и политического восприятия россиян [3. С. 54].

Последнее обуславливается тем, что большинство видеоигр предусматривают декларацию игроком определенных ценностей либо в порядке выбора способа прохождения, либо за счет выбора определенной фракции, для каждой из которых геймдизайнеры разрабатывают собственную символику, историю и идеологию [15. С. 33]. В первом случае можно привести в качестве примера такие игровые франшизы, как *Fallout*, *Elder Scrolls* и *Dragon Age*, во втором – серии стратегий *Warhammer*, *Warcraft* и *Total War*. В ряде популярных игровых проектов, таких как *Metro* или *Call of Duty* имеет место прямое позиционирование определенных моделей политических режимов в позитивном либо негативном свете [4. С. 187].

Наличие в зарубежных видеоиграх элементов, призванных воздействовать на политическое восприятие, во многом обуславливается тем, что игровая индустрия в государствах Северной Америки, Европы и Восточной Азии начала развиваться раньше, чем в России, и в более короткие сроки превратилась в один из значимых сегментов популярной культуры. Как следствие, видеоигры достаточно быстро привлекли внимание со стороны политических акторов, инициировавших использование данного ресурса для формирования и продвижения политической повестки [2. С. 99].

Разница во времени начала развития игровой индустрии и ресурсных потенциалах российских и зарубежных компаний обусловила возникновение отставания геймдизайнеров из Российской Федерации от иностранных конкурентов. Следствием этого стало, в том числе, формирование скрытого потенциала развития, реализация которого требует оперативного осмысления и заимствования зарубежного опыта. Последнее, однако, предполагает необходимость анализа и систематизации соответствующей информации на уровне научного знания [6. С. 52].

Повышенный интерес научного сообщества к заявленной теме обуславливается не только наличием прикладных задач. Следует констатировать, что на сегодняшний день российские исследователи серьезно отстают от зарубежных коллег в плане развития такой междисциплинарной отрасли знания, как *Computer Game Studies*. Ситуацию наглядно иллюстрирует то, что,

в отличие от России, в прочих развитых странах уже издаются специализированные научные журналы по тематике Game Studies и проводятся профильные научные мероприятия.

Анализируя специфику воздействия видеоигр на политическое восприятие геймеров, представители российского экспертного сообщества опираются преимущественно на объяснительные модели, разработанные их зарубежными коллегами. Зачастую изыскания исследователей из Российской Федерации проводятся на основе утратившего актуальность для общества геймеров эмпирического материала. Также зачастую изыскания ограничиваются поиском кейсов негативного позиционирования России в видеоиграх (в результате чего вопрос о методах и условиях продвижения образов и эффективности используемых разработчиками приемов остается не до конца раскрытым) [9. С. 92].

При этом в особенности ощутимы лакуны в степени изученности одного из наиболее перспективных направлений в исследованиях видеоигр – процесса формирования образов прошлого за счет деятельности геймдизайнеров.

Несмотря на то, что в силу самой ретроспективной природы символов, именно история выступает в качестве первоисточника сюжета большинства видеоигр с политической подоплекой, применение соответствующего ресурса в рамках реализации политики памяти так и не приобрело статуса самостоятельного предмета исследования. Сопутствующая проблематика освещается большинством исследователей лишь косвенно, в контексте более широких либо смежных вопросов. И в первую очередь это касается перспектив использования видеоигр российскими мнемоническими акторами [1. С. 72; 11. С. 55; 12. С. 77; 13. С. 1055; 14. С. 62].

Целью данной работы является выявление перспективных направлений использования видеоигр как инструмента политики памяти Российской Федерации.

Методология исследования выстроена за счет комбинирования элементов сравнительного, структурного и дескриптивного анализа.

Одним из наиболее перспективных направлений развития видеоигр как инструмента политики памяти, на наш взгляд, является создание сюжетных проектов в таких жанрах, как 1) RPG, action RPG, action-adventure, шутер либо 2) стратегия в реальном времени, функционал которых выстраивается на основе механики настольных игр.

В первом случае в качестве образцов можно упомянуть такие проекты, как Kingdom Come: Deliverance и игровые серии Call of Duty, Assassin's Creed, во втором – классические произведения жанры, такие как Warcraft III: The Frozen Throne или Warhammer: Mark of Chaos (в последних двух случаях речь идет о произведениях в жанре фэнтези, однако их модель может быть легко адаптирована к чисто историческому контексту) [5. С. 119; 7. С. 296].

Создание RPG позволит создать видеоигру, насыщенную мемориальным нарративом в различных формах репрезентации (начиная от диалогов с персонажами и заканчивая предметами в виде книг, произведений искусства и т.д.). Одновременно появление российских исторических игр данного типа обеспечит возникновение у геймеров эмпатии по отношению к происходящим событиям и действующим лицам за счет возникновения «эффекта погружения». Отличительной чертой современных RPG является не только наличие у персонажа четко прописанных характеров, раскрываемых посредством диалогов, но и опции изменения взаимоотношений с ними при помощи выбора определенных действий либо вариантов развития коммуникации, вступления в брак, усыновления детей, создания и планировки дома и пр. За счет этого у игрока с течением времени нивелируется чувство различия между реальностью и виртуальным пространством. Последнее открывает широкий спектр возможностей с точки зрения формирования установок относительно восприятия того или иного персонажа, прототипом которого послужил реальный исторический деятель [8. С. 430].

Обращение к жанрам action, action-adventure и шутер даст меньшую отдачу с точки зрения выработки чувства взаимосвязи между геймером и игровым персонажем, однако позволит заметно увеличить охват целевой аудитории и даст возможность максимально использовать историческую символику, связанную с материальными объектами, такими, как архитектурные сооружения и т.д. [10. С. 41]

Последнее достигается, в том числе, за счет создания среды открытого мира: игроку предоставляется возможность свободно передвигаться по карте, исследуя воссозданные исторические поселения [7. С. 300].

Дополнительную эффективность играм упомянутых типов может придать использование такого элемента игровой механики, как возможность выбора. В частности, в рамках одной из сюжетных развилок игрок может выбрать, например, присоединиться ему к декабристам, либо бороться против них [9. С. 94].

Популярности исторических видеоигр может также способствовать использование элементов детектива при освещении таких тем, как революционное движение в России или борьба с ним, либо деятельность спецслужб за рубежом и внутри страны. Например, сюжет игры может выстраиваться вокруг истории срыва попыток покушения на членов «большой тройки» в период Тегеранской конференции, темы взаимодействия советской разведки с участниками «атомного проекта» США и т.д. [5. С. 121].

Использование сюжетных стратегий в реальном времени также позволит органично сочетать чисто развлекательный компонент игрового процесса с историческим повествованием, формирующим основу сюжета игры. При этом усилия, прилагаемые для прохождения каждой миссии, будут способствовать приданию высокой личной значимости новому фрагменту пове-

ствования, с которым игрок знакомится после достижения очередной цели [4. С. 190].

Большие перспективы с точки зрения популяризации истории и увеличения интереса к ней представляет создание сюжетных произведений, в которых реальные исторические события сочетаются с элементами явного вымысла. Например, допустимо включение в сюжет персонажей мифологии и фольклора, героев широко известных литературных произведений либо кинофильмов и т.д. Также допустимым представляется «доистраивание» исторических событий за счет создания оригинального сюжета, восполняющего лакуны в представлениях о конкретном событии, но не отменяющего достоверность четко установленных фактов. При этом допускается эпизодическое привлечение в качестве действующих лиц реальных исторических деятелей с целью повышения уровня их узнаваемости и формирования базовых представлений об их месте и роли в том или ином процессе. Решению этих задач может способствовать применение «флешбэков», освещающих реальные исторические события [7. С. 300].

Важно отметить, что сюжетные видеоигры должны выстраиваться с учетом закономерностей генерации социальной памяти. Выстраивание общей картины прошлого предполагает необходимость мемориального конформизма: представители макросоциальной корпорации должны помнить и забывать исторические события в ключе единого подхода. При этом подача мемориального нарратива должна выстраиваться за счет трансляции символов с глубоким эмоциональным наполнением, включая архетипические образы. Использование вульгаризации в данном случае призвано обеспечить усвоение нарратива всеми представителями целевой аудитории [11. С. 81-83].

Существенный потенциал скрывают также симуляторы выживания. Их можно использовать для ознакомления аудитории с опытом, связанным с эпизодами жизни конкретных героев (например, обстоятельствами спасения А.П. Маресьева или установкой советского знамени на Эльбрусе в период Битвы за Кавказ) либо с повседневной жизнью широких масс населения в экстремальных условиях (как в случае блокадного Ленинграда) [4. С. 189].

Значимую роль может сыграть также создание симуляторов, отображающих повседневную жизнь представителей определенных профессий в прошлом или раскрывающих тему трудового подвига. Например, широкой аудитории можно предложить симулятор средневекового кузнеца либо игру, воспроизводящую (при наличии временных ограничений и системы оценок качества) труд рабочего на заводе в период Великой Отечественной войны. В последнем случае можно также использовать элементы механики игр на выживание (т.е. на качество работы должны влиять такие факторы, как еда, сон, температура тела, наличие производственных травм, возможность их приобретения и т.д.) [4. С. 189].

Наконец, необходимо отметить высокую значимость такого ресурса реализации мемориальной политики, как создание побочной продукции в виде настольных игр, комиксов, артбуков и книг, расширяющих нарратив видеоигры и поддерживающих интерес к ней со стороны фанатов между выпусками очередных частей [9. С. 97].

Таким образом, на сегодняшний день стратегической целью развития исторических видеоигр в качестве инструмента политики памяти Российской Федерации представляется расширение жанрового разнообразия (на сегодняшний день сводящегося преимущественно к симуляторам военной техники и стратегиям) с уклоном в развитие сюжетных проектов, обеспечивающих возникновение у геймеров «эффекта погружения» и эмпатии по отношению к персонажам, созданным на основе биографии реальных исторических деятелей, и разнообразных симуляторов реальности, имитирующих выполнение задач по выживанию либо выполнению конкретных видов работ, символически ассоциируемых с определенными эпохами.

Решение обозначенных задач в рамках действующей политической модели представляется маловероятным без кооперации усилий акторов, на сегодняшний день курирующих на государственном уровне реализацию политики памяти, политики идентичности, молодежной политики т.е. Управления делами Президента Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей, Федерального агентства по делам молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. *Белов С.И.* Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2018. Том 20. № 1.

3. *Белов С.И., Кретова А.А.* Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1.

4. *Ветушинский А.* Игровые платформы вообразают за нас: конец воображения в видеоиграх // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158).

5. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415).

6. *Иглин Д.А.* Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10.

7. *Калмыков В.А.* Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1.

8. *Федорченко С.Н.* Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Том 3. № 5.

9. *Федорченко С.Н., Карлявина Е.В., Тедиков Д.О., Маркарян Р.А., Теслюк К.В.* Некоторые итоги социологического исследования «Компьютерные игры и политика памяти» // Журнал политических исследований. 2020. Том 4. № 2.

10. *Федорченко С.Н., Тедиков Д.О., Теслюк К.В., Маркарян Р.А.* Фактор компьютерных игр в реализации политики памяти // Преподавание истории и обществознания в школе. 2020. № 3.

11. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

12. *Черный С.Ю.* Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis IV») // Шаги-Steps. 2017. Т. 3. № 2.

13. *Шашков В.А., Мироньчева В.Ф.* Потенциал компьютерной игры как одного из средств повышения мотивации к изучению истории // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29).

14. *Юл Й.* Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Философско-литературный журнал Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103).

15. *Murray J.H.* Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace. New York, 1997.

S.I. BELOV
*PhD, Associate Professor of Faculty of
Political Science of Moscow State University,
Moscow, Russia*

PROSPECTS FOR USING VIDEO GAMES WITH A HISTORICAL PLOT AS A MEMORY POLICY INSTRUMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

The presented research is devoted to the problems of the use of video games by Russia as a resource for the implementation of memorial policy. The goal of the author is to identify promising areas of application of video games as a tool for the policy of memory of the Russian Federation. The methodology of the work is built through a combination of comparative, structural and descriptive analysis. The conducted research has shown that the strategy for the development of historical video games as an instrument of the policy of memory of the Russian authorities should be built around the thesis about the need to increase their genre diversity. To date, most projects in this plan are simulators of military equipment and strategies, devoid of a plot component. It is necessary to focus on the creation of plot projects that guarantee the emergence of a "immersion effect" and empathy among gamers in relation to game characters, as well as a wide range of reality simulators that simulate the performance of survival tasks or the performance of specific types of work that have a stable symbolic connection with certain events and eras.

Key words: *video games, politics of memory, memorial politics, Russia, perspectives, historical plot.*

¹ The study was carried out with financial support from the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University named in the framework of the scientific project "Video games as a new resource for the politics of memory: the construction of a collective image of the past in the format of popular culture"; This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage»

РОЛЬ «МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА» В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ

В статье описывается роль так называемого «молчаливого большинства» в развитии современных демократий. В статье дается определение понятию «молчаливое большинство», показана специфика развития демократии в различных передовых странах мира, где манипуляция большинством в собственных интересах, является одной из особенностей развития демократии.

Ключевые слова: «молчаливое большинство», демократия, развитые демократические страны, манипуляция общественным мнением, развитие демократии.

Исследование народного политического участия показывает, что гражданское общество в России еще не сформировано, а социальная активность граждан слишком низка. Две трети населения страны принадлежат к молчаливому большинству, то есть к людям, которые никогда не участвуют в какой-либо форме коллективного политического участия.

Молчаливое большинство (англ. Silent majority) – масса людей, которые не выражают свое мнение публично и, как правило, не участвуют в общественной и политической жизни [2. С. 32]. Согласно теории Ж. Бодрийяра, молчаливое большинство характеризуется общей пассивностью, инертностью и склонностью к конформизму.

Термин был популяризирован в США в конце 1960-х годов – в частности, после обращения президента Ричарда Никсона к нации по поводу войны во Вьетнаме. В своей речи Никсон противопоставил «огромное молчаливое большинство Америки» (the great silent majority of my fellow Americans) «громкоголосому меньшинству» (vocal minority), которое активно протестовало против продолжения военных действий и требовало немедленного вывода войск из Вьетнама [4. С. 165].

Под «молчаливым большинством» Никсон подразумевал средний класс, миллионы патриотично настроенных американцев, живущих вдали от политического центра и не получающих должную репрезентацию в СМИ.

Одна из главных тем статьи заключается в том, что демократия не состоит из единого уникального набора институтов. Чтобы понять эти вопросы, нужно взглянуть на так называемый «парадокс демократии», действительную проблему во взаимоотношениях между политическим руководством и населением в целом. Систематический анализ этого парадокса восходит к античности. В политических дискуссиях население часто сравнивают со стадом животных. Поскольку говорят, что стадо иногда проявляет иррациональное и непредсказуемое поведение, утверждают, что его нужно контролировать.

Из этого следует, что для политического руководства важно интерпретировать молчание населения и интерпретировать его в соответствии с собственными политическими действиями руководства. Эта идея стала популярной благодаря Ричарду Никсону, который интерпретировал «молчаливое большинство».

Греческий историк Фукидид (454-399 до н.э.) был первым, кто систематически изучал эти вопросы. Он также был первым, кто осознал глубокую связь между нашими представлениями о различных формах правления и нашими представлениями о природе человечества [3. С. 23].

ИмPLICITно или эксплицитно каждая форма правления связана с тем, что мы считаем сущностной природой человеческого разума. Фукидид считал, что население в целом склонно действовать эмоционально, руководствуясь скорее грубым инстинктом, чем рациональным.

Фукидид утверждает, что политическое лидерство в основном мотивируется стремлением к власти для удовлетворения своих диктаторских амбиций. Фукидид понимал, что все адекватные способы организации институциональных структур должны учитывать психологические слабые места человеческой природы. Он считал, что демократия как форма правления не способна удовлетворить это требование. Вместо этого Фукидид полагал, что идеальной будет форма правления, которая на поверхности носит название демократии, но на самом деле является самодержавием, правлением первого человека как единого главы государства [3. С. 25].

Граждане – наиболее отличительный элемент демократии. У всех режимов есть правители и публичная сфера, но только в той мере, в какой они демократичны, у них есть граждане. Исторически сложилось так, что в большинстве формирующихся или частичных демократий были введены жесткие ограничения на гражданство в соответствии с критериями возраста, пола, класса, расы, грамотности, владения собственностью, статуса налогоплательщика и т.д. Лишь небольшая часть населения имела право голосовать или баллотироваться. Только ограниченные социальные категории имели право создавать политические объединения, вступать в них или поддерживать их [7. С. 112].

После длительной борьбы – в некоторых случаях сопровождавшейся жестокими внутренними потрясениями или международной войной – большинство этих ограничений было снято.

Тем не менее понятие демократии продолжает приобретать все большее значение в политическом дискурсе и риторике в новое время. Демократия – это не только один из нескольких возможных политических режимов, но и единственный режим, допускающий законную политическую власть. В то же время правящие элиты считают демократию «необходимой иллюзией». За всей своей возвышенной риторикой демократии они стремятся создать институциональные олигархические структуры, необходимые для сохранения их собственных интересов. Поэтому они объявляют реальными демократические достижения как «избыток демократии» и пытаются подорвать демократические структуры безобидными способами, чтобы не вызвать общественного подозрения [3. С. 11].

В настоящее время этот процесс ускоряется пугающе быстрыми темпами. Законодательный процесс ЕС, действия Всемирного банка и МВФ, торговое соглашение ТТИП и так называемая «Тройка» – вот некоторые из многих указаний, указывающих на это направление.

Создание олигархических структур под покровом демократии было впечатляюще успешным, поскольку западные демократии, как считает Л.Г. Ионин, теперь имеют близкое сходство с олигархиями. Этот взгляд таков не только среди критиков продолжающегося процесса разрушения демократических элементов власти, но и среди самих правящих элит [6. С. 67]. В США Сэмюэл Хантингтон внес свой вклад в доклад о «кризисе демократии», сославшись там на «избыток демократии», как диагностировали редакторы. Хантингтон пришел к выводу, что управление «демократией» было относительно легким при президенте Трумэне, который смог «управлять страной при содействии относительно небольшого числа юристов Уолл-стрит и банкиров». С тех пор этот «избыток демократии» уменьшался везде, где это было возможно, что побудило «Вашингтон Таймс» от 21 апреля 2014 года заявить: «Америка больше не демократия – не говоря уже о демократической республике, задуманной нашими Отцами-основателями» [8. С. 134].

В интервью от 28 июля 2015 года бывший президент США Джимми Картер назвал США олигархией с неограниченным политическим взяточничеством. Очевидно, что элиты рассматривают олигархический характер США как очевидный факт. Тех, кто не придает большого веса публике, вместо этого заявления элиты можно убедить признать очевидное, подкрепив их научными доказательствами. Политологи Мартин Гиленс и Бенджамин Пейдж недавно проанализировали, насколько большое влияние на политические решения оказывает широкий круг граждан США [7. С. 78].

Их результаты показывают, что фактическое влияние близко к нулю, и примерно для 70% населения нет никакого влияния на принятие политических решений вообще, то есть по сути являясь «молчаливым большинством» [5. С. 43].

Ситуация в Европе очень похожа. Для того чтобы развить несколько реалистичную картину, нынешнее положение дел помогает взглянуть на сред-

ства массовой информации, обслуживающие элиты, такие как «Уолл-стрит джорнэл». Поскольку финансовые и экономические элиты полагаются на точные оценки, не искаженные партийными политическими взглядами, эти средства массовой информации дают незамутненный взгляд на политические реалии. Поскольку эти средства массовой информации обслуживают только элиту, они могут обойтись без любой грубой риторики и пропаганды, встречающейся в средствах массовой информации, потребляемых широким населением. То Wall Street Journal от 28 февраля 2013 года трезво заявляет, что демократического процесса нет [5. С. 43].

Таким образом, в Европе убежденность в том, что избиратель имеет какое-либо косвенное влияние на результаты выборов, является иллюзией, точно так же, как в США, голосуя на выборах, избиратели сегодня больше не могут оказывать влияние на решения, имеющие отношение к институциональной структуре политической системы. Это актуально и для России.

Для экономической политики это бессилие вряд ли удивительно, поскольку неолиберализм и демократия глубоко несовместимы. Как Милтон Фридман (1912-2006), один из основателей отцов неолиберализма лаконично сформулировал: «Демократическое общество, однажды созданное, разрушает свободную экономику» (Бюллетень Общества Мон Пелерин) – развитие, которому экономическая элита, естественно, противостоит. Они рассматривают демократию лишь в той мере, в какой она «допустима», поскольку экономика защищена от любых последствий демократических процессов принятия решений. То есть до тех пор, пока это не настоящая демократия. Отсюда следует, что международный неолиберализм в настоящее время является злейшим врагом демократии [8. С. 23].

С точки зрения транснациональных бизнес-корпораций, демократия в основном представляет собой риск для их бизнес-моделей и их дохода.

Таким образом, полностью демократическое общество несовместимо с организацией общества, поддерживаемой правящими элитами в большинстве демократических стран мира. Признав то, что «демократия» является необходимой иллюзией в политической жизни, элиты предпочитают, чтобы она приняла форму «зрительской демократии», управляемой экспертами, а не была партисипативной демократией, которую гораздо труднее контролировать. Зрительская демократия гораздо больше подходит для поддержания иллюзии демократии, в то же время обеспечивая стабильную преемственность в статусе политической элиты.

Именно эта проблема лежит в основе упомянутого выше влиятельного доклада «Кризис демократии». В 1975 году этот доклад был заказан «Трехсторонней комиссией». Под «трехсторонним» здесь подразумевается тот факт, что члены этой элитарной дискуссионной группы были набраны из основных экономических сил – Северной Америки, Европы и Японии. Трехсторонняя Комиссия имеет тесные связи с другими элитными соци-

альными сетями, особенно с Бильдербергской конференцией и Атлантик-Брюке (Атлантический мост) [2. С. 32]. Немецкие члены включают Иосифа Аккерман, Герхард Шредер, Эдельгард Бюльман и Тео Зоммер. В докладе «Кризис демократии» отмечается, что существует только одна возможность разрешить этот кризис, вызванный «избытком демократии», и управлять демократией в интересах элиты [5. С. 43]: «Эффективное функционирование демократической политической системы обычно требует некоторой степени апатии и невмешательства со стороны отдельных лиц и групп». Само собой разумеется, что те, чья апатия и невмешательство считаются полезными для эффективного управления демократией, являются частью населения в целом, а не членами правящей элиты.

Таким образом, цель элиты – добиться зрительской демократии – может быть достигнута только путем истощения политических интересов и снижением вовлеченности широких слоев граждан, и вместо этого должна способствовать их политической и моральной апатии.

Достижение этой цели требует применения соответствующих методов, особенно для того, чтобы вызвать апатию – будь то экономические заботы, страх, потребительство и т.д.

Таким образом возникает вопрос – можем ли мы защитить себя от попыток систематически манипулировать нашими установками, убеждениями и мнениями? А также перестать быть «молчаливым большинством»?

К сожалению, даже точное знание того, как работают эти методы манипуляции и какие принципы человеческого разума они используют, не дает защиты от того, чтобы поддаться им. Техники запускают внутренние процессы, которые протекают автоматически, не достигая уровня рационального осознания и, следовательно, не подвергаясь сознательному контролю. После активации бесполезно пытаться избежать их последствий.

В заключение следует отметить, что человеческий разум имеет множество жестко закрепленных слабостей, которые могут быть использованы в манипулятивных целях, что облегчает утилитарное злоупотребление политическими и экономическими элитами для поддержания и расширения своей власти. Однако граждане также обладают богатым репертуаром способов использования своих способностей к рассуждению для распознавания манипулятивных контекстов и активного их избегания. Этот репертуар сродни естественной когнитивной иммунной системе против манипулирования, но необходимо принять обдуманное решение, чтобы действительно использовать его [4. С. 11].

Центральным принципом эпохи Просвещения было «*sapere aude*» – осмелиться быть мудрым, осмелиться признать. Или, как выразился Кант в 1784 году, проявить решимость и мужество использовать свой собственный разум и интеллект без руководства других. Чтобы иметь шанс избежать изошренных попыток манипуляции, необходимо набраться смелости

использовать свой собственный интеллект, преодолеть моральную апатию и перестать довольствоваться иллюзией того, что хорошо информированы, иллюзией демократии и иллюзией свободы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адамс Генри, Видал Гор, Дидион Джоан*. Демократия. М.: Прогресс-Москва, 2014.
2. *Бодрийяр Ж.* Фантомы современности // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007.
3. *Бьюкенен Патрик*. The Greatest Comeback: How Richard Nixon Rose from Defeat to Create the New Majority. Crown Forum, 2015.
4. *Георгиев П.В.* Народоправство или демократия? Особенности отечественных переводов «надгробной речи» Перикла в «Истории» Фукидида // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2006.
5. *Ионин Л.Г.* Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. 2007. № 3.
6. *Кин Джон*. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
7. *Кеннеди Джон Ф.* Profiles In Courage Harper Perennial Modern Classics, 2006.
8. *Рассел Джесси*. Имитационная демократия. Книга по Требованию. М., 2013.
9. *Blumer H.* Social Problems as Collective Behavior // *Social Problems*. 1971. Vol. 18.

E.V. KRYUKOVA

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, State University
of Management, Moscow, Russia*

THE ROLE OF THE "SILENT MAJORITY" IN THE DEVELOPMENT OF MODERN DEMOCRACIES

The article describes the role of the so-called «silent majority» in the development of modern democracies. The article defines the concept of «silent majority», shows the specifics of the development of democracy in various advanced countries of the world, where the manipulation of the majority in their own interests is one of the specifics of the development of democracy.

Key words: *«silent majority», democracy, developed democratic countries, manipulation of public opinion, development of democracy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.015

УДК 32.323

М.Н. БЕСПАМЯТНОВА

аспирант кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),

Россия, г. Москва

С.И. ПОПОВ

кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВА ГАРМОНИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

В статье изложены рассуждения и некоторые результаты исследования необходимости и возможностей гармонизации функций институтов местного самоуправления. Обозначены ключевые признаки взаимодействия общественных организаций и самоуправлений, из которых можно сделать ряд выводов о высоком потенциале применения концепции гармонизации в общественном секторе, и в частности – в институтах местного самоуправления.

Ключевые слова: общественное управление, концепция гармонизации, местное самоуправление, общественная организация, гражданское общество, политическая стабильность, взаимодействующее управление институционализацией, зависимость от ресурсов, распределение сил.

Одной из ключевых характеристик современного общества можно назвать непрерывное и беспрецедентно быстрое стремление к модернизации, обновлению, оптимизации и повышению показателей эффективности во множестве сфер общественной жизни. В процессе исследования общества как группы граждан, объединенных определенными характеристиками, была выявлена необходимость рассмотреть наиболее актуальные тенденции развития моделей общественного управления в рамках местных самоуправлений. Институты местного самоуправления являются операторами многих социальных услуг, поэтому играют значительную роль в жизни каждого гражданина, в связи с этим, актуальность инновационных подходов к общественному управлению растет, что отмечал еще в 2007 году

С.И. Попов в своей работе «Правовые основы и принципы местного самоуправления» [3]. Одной из таких моделей является модель гармонизации, которая помимо общественного управления, может применяться практически во всех сферах, где имеют место быть параллельно происходящие и взаимосвязанные процессы.

Управление инновационными процессами в начале XXI века актуализируется в контексте глобализации. Принимаются инновационные решения, создаются новаторские пространства, что отразилось, в том числе и на институте президентства в России [1. С. 58-66]. Именно в таком разрезе реальности формируются современные, инновационные компетенции участников различных процессов. «Культура внедрения инноваций, межсекторный характер инновационных процессов, новаторские методы управления всеми видами ресурсов общественного сектора, формы и процедуры становятся неотъемлемыми элементами современного общественного управления» [13. Р. 357-359].

Именно межсекторный, межинституциональный подход, на данном этапе развития общества фокусирует на себе внимание ведущих исследователей общественных, экономических, образовательных, культурных и многих других процессов, что ранее отмечалось российским исследователем О.Е. Гришиным [2. С. 159-164]. В этом свете целесообразно рассмотреть концепцию гармонизации процессов и функций, потенциально повышающей эффективность не только конкретных процессов, но и всего общественного управления. Говоря о конкретном примере, гармонизации функций институтов местного самоуправления, результатом данного процесса может стать непосредственное улучшение качества жизни населения.

«Новая концепция общественного управления как науки – публичное управление ориентировано не на сами государственные институты, а больше на взаимодействия и процессы, охватывающие в том числе и гражданское общество» [5. Р. 22-34]. Не взирая на тот факт, что со временем объем внимания к общественному управлению непрерывно увеличивается, все еще существует нехватка системного подхода к формулировке определенных взаимодействия (сотрудничества) и взаимодействующего управления (управление через сотрудничество) в общественном секторе (в том числе и недостаток их размещения в глобальной сети интернет [4. С. 28-38]).

Укрепляющаяся политическая культура и создающиеся сети сотрудничества между негосударственным и общественным секторами не исключают потребность во взаимодействующем управлении, особенно в случаях, когда речь идет о компактно проживающей группе людей. Оно может быть применимо в различных сферах управления и в различных объемах. Согласно Е. Windholz, возможна мультиплицированная гармонизация разных областей. Она применяется в управлении процессами, созидании программы и формировании политики в целом [14. Р. 434-450].

С целью более детального, углубленного изучения потенциала гармонизации функций самоуправления, можно выделить следующие признаки взаимодействия общественных организаций и самоуправлений:

1. Институционализация. Отношения между разными секторами создаются посредством формальных и неформальных норм, а масштаб институционализации определяется в соответствии с тем, насколько они детализированы. Если масштаб институционализации велик, то отношения между негосударственными организациями и самоуправлениями более стабильны, а также проявляется больше формальных возможностей для разностороннего сотрудничества. Если масштаб институционализации ниже, то перемены и совершенствования происходят легче, а отношения находятся на стадии развития [14. Р. 434-450].

В контексте институционализации можно обнаружить принципы сетевого взаимодействия, которые также важны в ходе гармонизации функций институтов местных самоуправлений. Здесь проявляется и интерактивность, и координация, основанная на сотрудничестве, ориентированная больше на связь и объединение, чем на управление, на убеждение, а не на контроль, решение проблем или только исполнение функций [10]. Для институтов важно перешагнуть границы институциональной деятельности, чтобы согласовать цели, решая таким образом политические, экономические, социальные и культурные проблемы.

2. Зависимость от ресурсов. Самоуправления могут предоставлять негосударственным и общественным организациям финансовую, консультационную, информационную поддержку, услуги по аренде и др. В некоторых случаях, самоуправления становятся зависимыми от негосударственных организаций, их финансовой поддержки и человеческих ресурсов (например, эксперты негосударственных и общественных организаций могут принимать участие в объединенных рабочих группах, предоставлять информацию или консультировать представителей самоуправления). Таким образом, институты одного сектора становятся зависимыми от институтов другого сектора [7. Р. 73-97].

Теория ресурсной зависимости гласит, что организациям не хватает всех ресурсов и способностей, необходимых для достижения заданных целей [11. Р. 46-55]. Это особенно свойственно институтам общественного сектора, поэтому достижение организационных целей зависит от ресурсов и действий других институтов, а также от правильного механизма контроля. Деятельность, которой занимается институт и другие субъекты, заинтересованные в достигаемых результатах, создает общее поле взаимопонимания, и это является важной задачей института. Для институтов важно искать цепь поставок инновационных ресурсов среди заинтересованных сторон во внешней среде [8. Р. 121-130]. Вовлечение других субъектов может помочь эффективнее реагировать на меняющиеся потребности общества [9. Р. 1658-1676]. Организации, внедряющие инновации, формулируют обязательства для внешних субъектов, участвующих в общей деятельности ради общей цели [12. Р. 1458-1481].

По теории ресурсной зависимости, отношения силы между институтами обусловлены ресурсами, которыми они располагают, то есть у одних ор-

ганизаций есть больше сил по отношению к другим организациям, пока они владеют ресурсами, в которых нуждаются эти другие организации. Можно сделать предположение, что гражданская ответственность и демократия более крепки, когда общественные организации (или НКО) находятся в меньшей зависимости от ресурсов самоуправлений. Общественные организации, менее зависимые от поддержки самоуправлений, могут более конструктивно сотрудничать и свободнее выбирать направления деятельности, активнее формулировать предложения или критику при принятии решений представителями самоуправлений.

3. Распределение сил. Этот признак взаимодействия между общественными организациями и самоуправлениями показывает, какое влияние и силу вышеупомянутые институты имеют по отношению к соответствующим решениям. Важно отличать, какая именно сила институтов власти доминирует – политическая, законодательная или исполнительная.

Обобщая, можно сделать вывод, что модель институциональной зависимости является актуальным элементом современного подхода к модернизации общественного управления в контексте гармоничного управления. Ее применение особенно оправдано в тех случаях, когда существует задача гармонизовать деятельность институтов самоуправления, в стремлении к общим целям, актуальным как для институтов самоуправлений, так и для общественных организаций. Гармоничное управление, в свою очередь, требует межинституционального подхода к планированию и организации всей деятельности местного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гришаева О.Н., Гришин О.Е., Попов С.И.* Динамика развития института президентства в России // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 1 (29).
2. *Гришин О.Е.* Политические практики и технологии: некоторые существенные характеристики // Общественные науки. 2010. № 4.
3. *Попов С.И.* Правовые основы и принципы местного самоуправления. М., 2007.
4. *Попов С.И., Ершов Н.А.* Политические коммуникации в интернете // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31).
5. *Bevir M.* Democratic governance. Princeton University Press // Public Administration in the modern society. 2010. No. 4.
6. *Guogis A., Gudelis D., Stasiukynas A.* The importance of the NGO – municipal relations in developing local democracy. A case of two Lithuanian municipalities // International Review of Public and Nonprofit Marketing. 2008. No. 5 (1).
7. *Guogis A., Kacevičius R., Stasiukynas A.* Municipalities and non-governmental organisations in two Lithuanian districts: View from two models // Facta Universitatis. 2008. No. 9 (1).
8. *Hansen M.T., Birkinshaw J.* The innovation value chain // Harvard Business review. 2007. No. 85.

9. *Jajja M.S.S., Kannan V.R., Brah S.A., Hassan S.Z.* Supply chain strategy and the role of suppliers: evidence from the Indian sub-continent // *Benchmarking: An International Journal*. 2016. No. 23 (7).

10. OECD, Publishing. *OECD Public Governance Reviews Estonia: Towards Single Government Approach*. Organisation for Economic Co-operation and Development, 2011.

11. *Pfeffer J., Salancik G.R.* The external control of organisations: A resource dependence perspective // *Stanford University Press*. 2003. No. 8 (4).

12. *Pulles N.J., Veldman J., Schiele H.* Winning the competition for suppliers resources: The role of preferential resource allocation from suppliers // *International Journal of operations & production management*. 2016. No. 36 (11).

13. *Raipa A.* Inovaciniai pokyčiai XXI amžiaus viešajame valdyme // *Viešojo politika ir administravimas*. 2012. T. 11. No. 2.

14. *Windholz E.* The Evolution of Australia's Harmonised OHS Laws: Questions for today and Tomorrow, *Australian Business Law review*. 2012. No. 39 (6).

M.N. BESPAMIATNOVA

PhD student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

S.I. POPOV

Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

THE PROSPECT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT INSTITUTIONS FUNCTIONS' HARMONIZATION IN THE CONTEXT OF ITS' INTERACTION WITH PUBLIC ORGANIZATIONS

The article presents the reflections and some results of the study of the necessity and possibilities of the harmonization of the local self-government institutions functions. In the frames of this article, key features of interaction between public organizations and local governments are outlined, therefore a number of conclusions can be drawn about the high potential of applying the concept of harmonization in the public sector; and in particular, in the institutions of local self-government.

Key words: *public administration, the concept of harmonization, local self-government, public organization, civil society, political stability, interacting management, institutionalization, dependence on resources, distribution of forces.*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ – НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматривается влияние конституционных преобразований на развитие местного самоуправления в РФ. Изучаются ключевые поправки, внесенные в Конституцию РФ, в том числе: построение единой системы публичной власти, обеспечение финансовой самостоятельности местного самоуправления и участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления.

Ключевые слова: *местное самоуправление, система публичной власти, конституционная реформа.*

Правовые основы местного самоуправления в современной России заложены Конституцией РФ 1993 года. В ходе поэтапной реформы была прекращена деятельность местных советов, исполнительно-распорядительные полномочия передали местным администрациям, в дальнейшем прошли выборы в новые представительные органы местного самоуправления. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 года, закрепила местное самоуправление как самостоятельную форму осуществления народом своей власти, не входящую в систему органов государственной власти.

В 2020 году в ходе Послания Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин обозначил необходимость конституционных изменений, в том числе в сфере местного самоуправления. «Считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены», – заявил В.В. Путин [9].

В дальнейшем Президент РФ внес в Государственную Думу ФС РФ поправки в Конституцию РФ [6], которые были одобрены парламентом и гражданами по итогам общероссийского голосования. Поправки вступили в силу 4 июля 2020 года [8].

Местное самоуправление в системе публичной власти. Согласно ч. 3 ст. 132 обновленной Конституции РФ, органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [5].

Рассматриваемую поправку нельзя считать революционной, поскольку местное самоуправление в России и так является частью публичной власти. Еще в 1990-х годах Конституционный суд РФ установил, что на муниципальном уровне публичная власть осуществляется посредством местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти [10]. В постановлении Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П говорится, что установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления имеет цель – обеспечить принципиальное единство системы публичной власти в Российской Федерации [11].

В заключении Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 на внесенные Президентом РФ поправки отмечается, что под единством системы публичной власти понимается, прежде всего, функциональное единство. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти [4]. Существуют некоторые опасения, что использование понятия «единая система публичной власти» в Конституции РФ может повлечь построение централизованной и соподчиненной системы органов власти. Однако они связаны не конкретно с ведением понятия, а другими новеллами, в частности, с закреплением механизма участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления.

При этом вхождение органов местного самоуправления в систему единой публичной власти не вступает в противоречие с природой местного самоуправления. В современной политической науке признается, что публичная власть представляет собой механизм народовластия, осуществляется на федеральном, региональном, муниципальном уровне, каждый из которых самостоятелен [13. С. 166]. Вместе с тем нельзя считать, что местное самоуправление находится вне системы государственно-властных отношений. Более того, во многих европейских странах (например, в Финляндии) органы МСУ включены в государственную систему управления, и это не мешает им полноценно развиваться и иметь широкие полномочия, подкрепленные материально-финансовой базой.

Речь идет о самостоятельности в пределах полномочий, определенных законами и органами государственной власти. Пределы самостоятельности органов местного самоуправления определяются не только юридическими

асpekтами, но и наличием и объемом финансово-экономической базы местного самоуправления.

Обеспечение финансовой самостоятельности местного самоуправления. Юридически органы местного самоуправления самостоятельны, но не самостоятельны. Например, город Тамбов Тамбовской области, используя собственные налоговые и неналоговые доходы, может покрыть лишь половину бюджетных расходов. Бюджет города Тамбова на 2021 год по доходам составляет 6,09 млрд рублей. В эту сумму входят межбюджетные трансферты, получаемые из бюджета Тамбовской области, объемом 3,16 млрд. рублей [7].

Важным аспектом конституционных изменений для местного самоуправления являются дополнительные финансовые гарантии. В ранее существовавшей редакции Конституции РФ говорилось, что местное самоуправление гарантируется правом на компенсацию дополнительных расходов, которые возникли в результате решений, принятых органами государственной власти. Сложившаяся практика показывала, что органы государственной власти при делегировании полномочий нередко определяли минимально возможные объемы компенсационного бюджетного финансирования для местных бюджетов, тем самым усугубляя финансовое положение муниципалитетов.

Теперь обновленная статья 133 Конституции РФ фиксирует гарантию права местного самоуправления в Российской Федерации на судебную защиту и компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций. Поправка направлена на уточнение и расширение финансовых гарантий местного самоуправления.

В действующем законодательстве нет определения «публичные функции». В автореферате диссертации С.Б. Жилина на соискание ученой степени кандидата юридических наук дано следующее определение понятия «публичные функции»: это – направления деятельности различных субъектов, главным образом государства и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, то есть общественного, интереса, признанного и охраняемого государством [3].

С утверждением поправки органы местного самоуправления смогут настаивать на компенсации расходов, которые не были запланированы бюджетом, но возникли по факту исполнения местными властями публичных функций – например, в рамках реализации национальных проектов. Достижение стратегических целей нацпроектов возможно при слаженной работе федеральных органов власти, органов исполнительной власти в регионах страны и органов местного самоуправления. Речь идет не только об участии местных органов власти в качестве технических заказчиков или на уровне софинансирования, но и о привлечении жителей к реализации проектов

на территории конкретного муниципалитета. Существует широкий спектр форм участия граждан в местном самоуправлении. Среди них можно выделить территориальное общественное самоуправление, институт сельских старост, общественное обсуждение, собрания, советы многоквартирных домов, уличные комитеты.

Сегодня остается приоритетной задачей укрепление материальной основы местного самоуправления, поиск критериев достаточности материальных и финансовых ресурсов для реализации полномочий, определенных законодательством. Неслучайно одной из самых успешных моделей на мировом уровне является северо-европейская модель организации местного самоуправления. Она основана на децентрализации власти и делегировании широких полномочий на местный уровень. Местные органы власти наделены правом налогообложения.

Введение местных налогов и сборов теперь закреплено и в статье 132 обновленной Конституции РФ – это станет одним из инструментов пополнения местного бюджета. Активно внедряется институт самообложения граждан. Изменения, внесенные в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», позволили устанавливать на региональном уровне систему самообложения граждан. На сходе жители конкретной территории (например, микрорайона или дома) могут принять решение о сборе средств на решение вопросов местного значения.

С 1 января текущего года заработал Закон о «народном» бюджетировании [12]. С целью решения приоритетных вопросов жители муниципального образования или его части могут вносить в местную администрацию инициативный проект для решения за счет бюджетных средств актуальных проблем. Тем самым граждане имеют возможность непосредственно влиять на распределение средств местных бюджетов. Проект может внести инициативная группа, состоящая не менее чем 10 граждан. Документ должен содержать описание проблемы, ожидаемого результата, примерного расчета необходимых денежных средств, сроки реализации.

Участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления. Наиболее жаркие дебаты ведутся вокруг поправки, изложенной в статье 131 Конституции РФ. Она касается возможности участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления.

До внесения изменений органы государственной власти и так участвовали в процедуре выборов глав муниципальных образований депутатами местного представительного органа из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. Конкурсная комиссия формируется в равных долях представительным органом и высшим должностным лицом субъекта Рос-

сийской Федерации. Тем самым государственная власть прямым образом влияет на процесс отбора потенциальных претендентов на высшее должностное лицо муниципалитета и даже может саботировать процесс, как сейчас происходит с выборами главы города Кото夫ска Тамбовской области.

С 22 января 2021 года в городе Кото夫ске конкурсная комиссия не может определить кандидатов на должность главы муниципалитета из-за неучастия представителей администрации Тамбовской области в работе комиссии. Первоначально заседания переносили по причине того, что все региональные чиновники заболели коронавирусом, а потом они вообще вышли из комиссии [2]. Заседания комиссии переносили пять раз, новый конкурс назначен на 27 мая 2021 года.

По мнению местных политологов, ситуация связана с межэлитным конфликтом в Тамбовской области и противоречиями, которые сложились между действующим главой города Кото夫ска А.М. Плахотниковым и администрацией региона [1. С. 3488]. Руководство области не заинтересовано в укреплении позиций и переизбрании на новый срок А.М. Плахотникова, имеющего поддержку в местном городском Совете народных депутатов. В свою очередь, противоречия лежат в экономической плоскости. Действующий глава города Кото夫ска, используя властные рычаги, имеет определенные возможности для лоббирования бизнес-интересов своего окружения, которые не совпадают с интересами окружения администрации Тамбовской области.

Конституционные расширения полномочий органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначение на должность руководителей муниципалитетов, могут повлечь за собой построения системы лояльных руководителей на местах. Есть опасения, что роль граждан в формировании органов местного самоуправления будет нивелирована. В течение последних лет она была серьезно сокращена за счет отмены прямых выборов глав муниципальных образований во многих субъектах страны, в том числе в Тамбовской области.

Конституционные преобразования потребует изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», региональное законодательство. Нас ждет новая реформа местного самоуправления. Как видится, она должна быть направлена на создание благоприятных условий для вовлечения граждан в управление своими территориями, формирование финансово-материальной базы для самостоятельной деятельности органов местного самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александров А.Р.* Кризис муниципального управления: причины, последствия и средства преодоления на примере административного центра Тамбовской области // Вопросы политологии. 2020. № 12.

2. Выборы мэра Котовска в Тамбовской области отложили на конец мая // <https://www.kommersant.ru/doc/4749530>.

3. Жилина С.Б. «Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации» // <https://www.dissercat.com/content/pravovoe-obespechenie-ispolneniya-kommercheskimi-bankami-publichnykh-funktsii-v-rossiiskoi-f>.

4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>.

5. Конституция Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>.

6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти // Российская газета. Федеральный выпуск. № 55 (8109).

7. О бюджете городского округа – город Тамбов на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов // <https://docs.cntd.ru/document/571066696>.

8. Поправки в Конституцию вступили в силу // <https://ria.ru/20200704/1573876533.html>.

9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23118/.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/.

12. С 1 января 2021 года заработает Закон о «народном» бюджетировании // <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63662.html/>.

13. Санжаревский И.И., Александров А.Р. Историческая ретроспектива местного самоуправления в системе разделения публичной власти в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3.

A.R. ALEXANDROV
*Postgraduate student at Tambov State Technical
University; Deputy of the Tambov City Duma of the Tambov
Region of the seventh convocation,
Tambov, Russia*

CONSTITUTIONAL REFORMS – A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

The article examines the impact of constitutional changes on the development of local self-government in the Russian Federation. The key amendments made to the Constitution of the Russian Federation are studied, including: building a unified system of public power, ensuring the financial self-sufficiency of local self-government and the participation of state authorities in the formation of local self-government bodies.

Key words: *local self-government, the system of public power, constitutional reform.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.017

УДК 32.327

П.В. ДЕНИСЕНКО

аспирант факультета политологии

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

Э.Т. ЕСИЕВ

аспирант факультета политологии

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ BIG DATA

В данной работе авторы анализируют роль интернет-технологий в системе инструментария политической мобилизации. Уделив внимание эволюции теоретических представлений о влиянии интернета и технологий Web 2.0 на функционирование политических систем, авторы подробно рассматривают актуальное состояние и трансформацию инструментария политической мобилизации в контексте развития технологий Big Data. В частности, отмечается потенциал анализа больших пользовательских данных для достижения целей политической мобилизации граждан.

Ключевые слова: *политическая мобилизация, интернет-технологии, Web 2.0, Big Data, большие пользовательские данные, геотаргетинг.*

Появление интернета и последующее развитие новых форм массовой коммуникации стало отправной точкой для глобальных изменений во всех сферах жизни общества. Эти изменения, привлёкшие широкое внимание ученых и исследователей из разных областей науки, коснулись не только методов получения информации и способов взаимодействия и коммуникации, но и более фундаментальных аспектов функционирования политических систем, их равновесия и стабильности, в частности – трансформации и изменения места государственных органов в новых системах.

В своих работах многие исследователи уделяли внимание вопросам использования интернет-пространства как принципиально нового инструмента воздействия на общественное сознание и политической мобилизации масс. Данный вопрос относится к сфере убеждения и манипулирования мнениями пользователей.

Ряд авторов исследовали именно эту составляющую виртуальных технологий политической мобилизации. Так, Роналд Дейберт [12], профессор

кафедры политологии Университета Торонто, Канада, в своей книге «Пергамент, печать и гипермедиа: коммуникация во время трансформации мирового порядка» высказал мнение, что «гипермедиа» – именно так он называл интернет – лишат правительства возможности совершать противоправные негуманные действия против своего населения. Открытый мир интернета должен обеспечить реализацию единых стандартов справедливости и свободы на территории всей планеты, а на смену государствам придет единая «интернет-нация».

В свою очередь, Френсис Фукуяма в книге «Доверие» [11. С. 730] предположил, что новый информационный мир не сделает общество свободнее. Идея свободы, по мнению Фукуямы, в мире развитого интернета связана с ожиданиями уничтожения существующей иерархии, в том числе политической. Несмотря на ликвидацию линейных типов коммуникации, акторы все равно сохраняют желание контролировать других акторов, что вызовет необходимость сохранения этой иерархии.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на интернет-технологии политической мобилизации в свете появления новой информационной среды, был Говард Рейнгольд. В своей работе «Умная толпа» [9. С. 416] он впервые дал определение подобному феномену. «Сетевая война – это новый вид противоборства, где герои – от террористов и преступных группировок со стороны зла до воинственных общественных деятелей со стороны добра – используют сетевые формы организации, доктрины, стратегии и технологии с учетом требований информационного века». По мнению Рейнгольда, основным преимуществом новых форм коммуникации стала способность в условиях ограниченных временных ресурсов собирать толпы людей и синхронизировать их действия. При этом, ученый обращал внимание, что интернет-технологии политической мобилизации помогают и самим властям контролировать общества, так как интернет позволяет получать большие объемы информации о каждом человеке, зарегистрированным в той или иной социальной сети.

Развитие технологий Web 2.0 и, в частности, социальных сетей породило существенные изменения не только в нашей повседневной жизни, но и в принципах политической коммуникации. Результатом данного процесса стало повышение роли социальных сетей в политической жизни государств. Появились также интернет-технологии политической мобилизации, с помощью которых акторы политического процесса задействуют пользователей социальных сетей в политических акциях. Как именно реализуются и применяются данные технологии – вопрос, которым задаются и который изучают многие исследователи.

Свой вклад в изучение интернет-технологий политической мобилизации внес также С.В. Володенков. В диссертации на соискание научной степени доктора политических наук [10. С. 48], в своей книге «Интернет-коммуни-

кации в глобальном пространстве современного политического управления» [2. С. 271] и в многочисленных статьях [3] по теме интернет-технологий политической коммуникации он предлагает пересмотреть взгляд на интернет как на территорию открытого диалога, утверждая, что социальные сети обладают существенно большим, чем традиционные СМИ, потенциалом для манипулирования общественным сознанием и мнением. Данная проблема, по мнению автора, вызывает необходимость выстраивания полноценной стратегии противодействия виртуальным технологиям политической мобилизации.

В поддержку значительного влияния социальных сетей на политическую мобилизацию можно найти множество работ социологов и политологов, однако существует и противоположная позиция. Так, экс-министр промышленности и торговли Венесуэлы, ныне известный журналист и политолог Мойзес Найм в книге «Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства: почему управлять сегодня нужно иначе» ставит под сомнение довод о влиянии социальных сетей на политику современных государств [8. С. 29-30]. Автор не разделяет позиции, согласно которой именно интернет играет ключевую роль в процессе смены политических режимов. Тем не менее, в процессе дестабилизации политических режимов интернет выступает в качестве инструмента политической мобилизации, цель которой – демонстрация гражданам проблем бытовой, социальной и политической жизни государства.

Также к противникам тезиса об эффективности интернета в вопросе консолидации общества в политической борьбе можно отнести сторонников теории слактивизма. Главной идеей теории является тезис, что социальные сети не предполагают перехода протеста от виртуального состояния в реальное.

Пользователи действительно заходят на протестные страницы в социальных сетях, активно участвуют в их жизни, однако в реальных политических акциях участия не принимают. Более того, социальные сети позволяют органам государственной власти выявлять и ликвидировать лидеров протеста, которые несут в себе опасность для государства. Сторонниками данных идей являются Е. Морозов [14] и З. Бауман [1].

Наличие различных подходов к изучению феномена интернет-технологий политической мобилизации позволяют развивать и дополнять теоретическое осмысление процесса интеграции современных средств коммуникации в политическую и общественную жизнь. При этом очевидным является тот факт, что уже сейчас интернет-технологии оказывают реальное воздействие на общество.

Более того, они продолжают развиваться, выходя на новый уровень эффективности и приобретая новые качества параллельно с появлением новых и перспективных для общественных институтов технологий. К числу таких технологий, обладающих существенным потенциалом для трансформации

инструментария политических и мобилизационных кампаний, относятся и технологии Big Data.

Так, сейчас социальные сети являются не только эффективным инструментом политической мобилизации, позволяющим управлять политическим поведением масс и координировать их действия, но и, как уже упоминалось выше, ценным источником информации, необходимой для реализации мобилизационной кампании. Собираемые в социальных сетях данные позволяют, например, выявить лидеров общественного мнения и самые острые проблемы, волнующие те или иные категории избирателей, определить наиболее обсуждаемые вопросы, распространенные хэштеги, оценить вектор восприятия пользователями соцсетей политических акторов и уровень популярности последних.

Кроме того, социальные сети являются важным источником информации и о самих объектах мобилизации. Такая информация, собираемая в масштабных объемах, трансформируется в большие пользовательские данные – основной ресурс современных «цифровых» политических кампаний. В данном случае речь идет не только о сведениях, которыми пользователь делится добровольно – персональные данные, фото и видео, информация об образовании, месте работы, контактах, но и так называемых «вычисленных» данных – паттернах поведения конкретного индивида, его политических, религиозных и иных взглядах – полученных благодаря анализу его лайков, комментариев, репостов и т.д. Таким образом, большие пользовательские данные позволяют анализировать, исследовать, сегментировать, классифицировать, оценивать и ранжировать избирателей для выявления наиболее эффективных инструментов влияния и таргетированного воздействия на объект управления с целью его вовлечения в политический процесс.

Современные «цифровые» политические кампании при этом не ограничиваются анализом данных из социальных сетей и расширяют свой инструментарий. В частности, в последнее время наблюдается тенденция использования мобильных приложений в качестве инструмента для сбора данных о потенциальных сторонниках и одновременно механизма их мобилизации. Во-первых, речь идет как о привычных мобильных приложениях – геолокационных, банковских, музыкальных, приложениях для фитнеса, заказа такси, еды и многих других, которые дают дополнительные сведения о людях, их вкусах, предпочтениях, интересах, материальном положении и т.д. Во-вторых, существует также отдельный вид политических приложений, среди которых исследователи выделяют три категории [13]:

- специализированные политические мобильные приложения, создаваемые в определенных целях – например, для организации поддержки конкретных политических кандидатов на выборах и привлечения голосов;
- приложения для опросов и агитации;
- игровые приложения, разрабатываемые для мобилизации, существующей базы сторонников и привлечения новых.

Благодаря мобильным приложениям политические единомышленники получают возможность сформировать исключительное пространство для взаимодействия и обмена идеями, в отличие от более крупных платформ социальных сетей, где одновременно сосуществует множество мнений и взглядов. С одной стороны, подобные приложения позволяют очертить круг потенциального электората и расширить знания о нем. С другой стороны, они поощряют политическое участие, например, за счет геймификации и внедрения элементов соревнования, позволяя пользователям накапливать баллы и получать значки в обмен на выполнение определенных условий, таких как просмотр рекламы кампании, приглашение друзей, предоставление своего мобильного телефона и т.д.

При этом, с ростом вычислительных мощностей и развитием технологий анализа интернет сам по себе становится источником больших пользовательских данных. Сейчас уже применяется широкий спектр инструментов для отслеживания «цифровых следов», которые пользователи оставляют в интернете. Отдельного внимания в контексте политической мобилизации заслуживают разнообразные геотаргетинговые технологии, основывающиеся на использовании информации о местоположении каждого конкретного индивида. Геолокационные данные позволяют не только изучить, где живет человек, где работает, учится, чем занимается в свободное время, что само по себе является ценным активом для политической кампании, но и лучше спланировать и организовать мобилизационные акции.

Итак, интернет-пространство, социальные сети, приложения, таким образом, становятся не просто инструментом и коммуникационной платформой для мобилизации сторонников, но приобретают самостоятельную ценность в качестве источника больших пользовательских данных.

Совокупность вышепредставленных технологий и инструментов позволяет агрегировать максимально обширные наборы больших пользовательских данных об объектах политической мобилизации. Они могут быть декомпозированы на следующие виды данных: финансово-экономические, биологические, социальные, личные и, наконец, поведенческие [7. С. 48-53], которые играют значимую роль с точки зрения политической мобилизации. Благодаря анализу данных такой степени детализации, субъекты управления получают возможность с высокой точностью предсказать, какие граждане будут более активно реагировать на проблемы и поддерживать своих кандидатов и, следовательно, существенно повысить эффективность политической мобилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бауман З.* Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека? // Русский журнал. 2013 // <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostraneniyu-demokratii-i-prav-cheloveka>.

2. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Проспект, 2018.

3. Володенков С.В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 2.

4. Володенков С.В. Особенности интернет-коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 2.

5. Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4.

6. Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Антиномии. 2018. № 2.

7. Денисенко П.В. Большие данные и надж-технологии как инструменты современного политического управления // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей. Статьи 19-ой Международной конференции студентов и аспирантов и XIII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей». Санкт-Петербург, 2020.

8. Наим М. Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства: почему управлять сегодня нужно иначе // Corpus. 2016.

9. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИРПРЕСС, 2006.

10. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Володенков Сергей Владимирович; Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2015.

11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. (Philosophy).

12. Deibert R.J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

13. Hankey S. Tools of the Influence Industry // Tactical Tech. 2019 // <https://ourdatacourse.lives.tacticaltech.org/posts/methods-and-practices/>.

14. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. NY: PublicAffairs, 2012.

P.V. DENISENKO

*Postgraduate student at the Faculty of Politology,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

E.T. YESIEV

*Postgraduate student at the Faculty of Politology,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

INTERNET TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR POLITICAL MOBILIZATION IN THE ERA OF BIG DATA

In this paper the authors analyze the role of Internet technologies as a tool for political mobilization. Particular attention is paid to the evolution of theoretical ideas about the impact of the Internet and Web 2.0 technologies on political systems. Moreover, the authors consider in detail the current state and transformation of the tools of political mobilization in the context of the development of Big Data technologies. In particular, the potential of big user data is regarded.

Key words: *political mobilization, Internet technologies, Web 2.0, Big Data, big user data, geotargeting.*

МОДЕЛИ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В США

Гражданская инициатива – это один из центральных механизмов прямой демократии в США. В то время как средства массовой информации и научные круги уделяют все больше внимания структуре, использованию и влиянию гражданской инициативы на уровне штатов, исследований, касающихся положений об инициативах местных органах власти США значительно меньше. Однако стоит отметить, использование данного механизма на местном уровне происходит довольно часто, поскольку основная цель гражданской инициативы – улучшение качества жизни граждан и общества. Гражданская инициатива может регулировать различные сферы жизнедеятельности общества и в случае принятия ее положения являются обязательными к исполнению. Для изучения опыта реализации гражданской инициативы в США на местном уровне в данной статье представлен разбор различных примеров (case study) имплементации инициативы с указанием сильных и слабых сторон того или иного опыта, а также изучение исторической и теоретической части исследуемого вопроса.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданская инициатива, гражданское общество, прямая демократия.

Основными инструментами участия граждан в условиях американской демократии являются референдум, отзыв (процедура, позволяющая гражданам отстранять и заменять должностное лицо до истечения срока полномочий) [11] и гражданская инициатива. Именно изучению имплементации такого механизма как гражданская инициатива на местном уровне и посвящена данная статья.

Понятие гражданской инициативы, как правило, выделяют в качестве одной из составляющих гражданского общества, поскольку это один из базисных концептов, позволяющий гражданам реализовывать свои права и участвовать в принятии решений на местном, региональном и федеральном уровнях. В американском обществе данная идея имеет устойчивую под-

держку, и гражданская инициатива стала широко распространенной чертой американского правительства. В общей сложности около 175 миллионов американцев, около 53% населения, живут либо в городе, либо в штате, где действует гражданская инициатива как репрезентативный институт гражданского общества, и число организаций, связанных с данной активностью, постоянно растет [16. Р. 6-9].

Концептуализация понятия Гражданская инициатива. Гражданская инициатива представляет собой видение обывателя «снизу» на существующие проблемы, в отличие от централизованного управления, которое имеет патерналистский взгляд на потребности человека. Данная форма гражданского участия предполагает поддержку активности, самоорганизации и человеческих усилий по улучшению своей жизни. Практика установления социального устройства становится актуальной, когда местное население решает что-то изменить на своей территории и обращается за помощью к организациям и учреждениям. Структура интересов местного сообщества динамична и изменчива. Интерес – это внутренний мотиватор человеческой деятельности. Интерес характеризуется мотивированным желанием индивида управлять ресурсами, удовлетворяющими его потребности, при рациональном контроле развития ситуации. Степень активности населения в проявлении гражданских инициатив по улучшению своей жизни (благоустройство, группы самопомощи для решения сложных вопросов быта, духовное творчество, организация досуга) – показатель жизнеспособности сообществ [17. Р. 45-49].

Наука дает множество различных определений понятия гражданская инициатива. Российский исследователь в области конституционного и муниципального права Авакьян С.А. трактует гражданскую инициативу как форму коллективного изъяснения воли граждан, цель которой донести мнение определенной группы людей до имеющего соответствующие компетенции органа государственной власти и представителей местного самоуправления. Как правило, гражданская инициатива предполагает наличие реакции от компетентного органа управления и реализуется посредством сбора подписей граждан относительно какого-либо вопроса или принятие решения на собрании [2. С. 128-140]. Данное определение подразумевает, что гражданская инициатива по своей сути является консультативным общественным институтом, основная цель которого связана с осуществлением прямой демократии.

В западной литературе также отмечается, что гражданская инициатива связана с процессом голосования или обсуждения каких-либо законодательных предложений. Голосование в рамках гражданской инициативы может быть определено на законодательном уровне или может зависеть от сбора подписей. В США, например, национальные опросы показывают, что граждане участвуют в сборах подписей для различных петиций в 4-5 раз чаще,

чем участвуют в демонстрации. Таким образом, гражданская инициатива представляет собой механизм, который позволяет гражданам оказывать определенное влияние путем сбора подписей или участием в публичном обсуждении какого-либо вопроса на процессы принятия решений. Гражданская инициатива может преследовать различные цели, такие как продвижение нормативных предложений, реакция на политику или законодательное предложение, продвижение предложения о референдуме по вопросу, представляющему общественный интерес [3].

Необходимо отметить, что увеличение доли участия общества в процессе принятия решений на местном и государственном уровнях является первостепенной задачей, стоящей как перед центром государственного управления, так и перед гражданским обществом. Активное общественное влияние имеет непосредственное влияние на повышение как качества разрабатываемых и имплементируемых решений в сфере политики, так и эффективности управления.

Характерной особенностью гражданского общества западной Европы является тот факт, что оно формировалось в течение длительного времени, основываясь на либеральных ценностях, частной собственности и индивидуальной инициативе. Важно отметить, что на Западе гражданское общество формировалось на базе профессиональных, культурных и политических сообществ, то есть этот процесс происходил снизу. Не последнюю роль в образовании институтов гражданского общества имел индивидуализм, характерный для обществ Западной Европы, а затем и Северной Америки [2. С. 128-140].

Гражданская инициатива в масштабе штата была впервые принята в Южной Дакоте в 1898 году. Таким образом, можно сделать вывод, что для американской политической системы имплементация гражданской инициативы старше таких идей, как всеобщее избирательное право для женщин, прямые выборы сенаторов США, федеральный подоходный налог и социальное обеспечение. К 1918 году 19 других штатов внесли поправки в свои конституции, чтобы обеспечить возможность реализации гражданской инициативы. По состоянию на 2000 г. в 24 штатах (и округе Колумбия), что составляет 136 миллионов американцев, чуть меньше половины населения, была введена возможность проведения гражданской инициативы [16. Р. 15-17].

В США гражданские инициативы более широко используются в западных штатах. Многие местные органы власти также приняли эти инструменты, даже если это не предусмотрено законом штата [3]. Статистика показывает, что 70% американцев проживают в городах, в которых существуют механизмы реализации гражданской инициативы, в то время как на региональном уровне подобные механизмы закреплены только в 40% штатов [10. Р. 19].

Местные органы власти начали реализовывать данную форму гражданского участия примерно в то же время, что и государства. Впервые граж-

данская инициатива на местном уровне появилась в 1893 году, когда Калифорнийский кодекс был расширен, чтобы обеспечить процесс в каждом округе. Первым городом, включившим инициативу в свой устав, был Сан-Франциско в 1898 году. За год до этого (1897) в штате Небраска был принят закон, дающий право инициативы всем городам и муниципальным подразделениям штата. К 1911 году всем или практически всем муниципалитетам в десяти штатах было предоставлено право реализации гражданской инициативы, и отдельные города, по крайней мере, в шести других штатах также внесли инициативу в свои конституции [16. Р. 15].

Стоит отметить, что в последнее десятилетие граждане США использовали гражданскую инициативу на местном уровне для внесения изменений в политику. Калифорния является лидером в этой тенденции: более половины всех гражданских инициатив местного уровня относительно развития местных сообществ в 2000-е годы приходилось на этот штат. Однако местная инициатива также является наиболее популярным инструментом граждан для проведения реструктуризации и реформ МСУ. Граждане использовали местную инициативу, чтобы ограничить сроки избрания должностных лиц, ограничить взносы на избирательную кампанию, установить правила заключения государственных контрактов и изменить порядок проведения выборов и их сроки. Кроме того, жители посредством гражданской инициативы смогли влиять на решение финансовых вопросов, увеличив, снизив и отменив местные налоги, а также выделив средства для конкретных целей [10. Р. 25].

Согласно данным Ballotpedia, цифровой энциклопедии американской политики и выборов, в 2020 году в рамках гражданской инициативы члены местных сообществ в Калифорнии приняли решение о 293 мерах местного значения, что более чем вдвое превышает средний показатель (139). Из 293 местных инициатив 128 были одобрены, а 165 отклонены [5].

В Портленде в 2020 году жители в рамках гражданской инициативы одобрили меры, касающиеся подоходного налога и налога на бизнес, а также возобновления налога на газ, а избиратели в округе Ист-Батон-Руж, штат Луизиана, и Форт-Уэрт, штат Техас, возобновили налоговые сборы для финансирования округов правоохранительных органов [14].

Таким образом, в США посредством гражданской инициативы могут быть урегулированы вопросы различной направленности на местном уровне. Кроме того, данный институт в целом способствует повышению уровня политического участия граждан в политической повестке страны. Некоторые исследования показывают, что явка на выборах выше в тех местах, где референдумы и инициативы проводятся чаще. В США те штаты, которые более регулярно используют инициативы граждан, демонстрируют более высокий уровень участия в выборах на федеральном уровне, поскольку граждане учатся быть более активными и верят, что их участие имеет смысл.

Примеры имплементации гражданской инициативы на региональном и местном уровне. Как уже было отмечено выше, в американском обществе гражданская инициатива на местном уровне имеет глубокие корни и может касаться широкого круга вопросов.

Однако для большего понимания особенностей функционирования данного механизма в США необходимо разобрать несколько примеров гражданских инициатив местного значения. Прежде всего, учитывались темы данных инициатив, их финансирование и степень реализации. Далее будет представлен разбор нескольких гражданских инициатив в США.

Как известно, вопросы, связанные с системой здравоохранения особенно актуальны в США. В городе Меса, штат Аризона, была реализована гражданская инициатива по уходу за пациентами как нововведение, основанное на практике оказания парамедицинской помощи на местном уровне [8]. Фельдшер по месту жительства – это подход к охране здоровья и безопасности населения, который был усилен принятием Закона о доступном медицинском обслуживании (ACA) [23]. Город Меса проявил инициативу после того, как ACA стал публичным законом. Чтобы предпринять это усилие, руководители города и сотрудники Департамента пожарной безопасности и медицины Месы проанализировали данные и сопоставили их с законом, который направлен на снижение затрат на медицинское обслуживание, повышение эффективности оказания медицинской помощи и улучшение здоровья граждан. С этими целями была создана инициатива по уходу за сообществом, на реализацию которого городские власти в сентябре 2014 года получили 12,5 млн долларов от Центров Medicare и Medicaid Innovation Grant для тестирования модели Community Care в течение трех лет.

Инициатива общественного ухода – это государственно-частное партнерство, которое связывает пожарных, специалистов скорой помощи с практикующими медсестрами, фельдшерами и лицензированными консультантами в сфере медицины. Специалисты, работающие в службе скорой помощи, фельдшеры и консультанты 24 часа в сутки, семь дней в неделю, в составе бригад из двух человек, отвечают на запросы службы 911 об услугах, которые определены как заболевания с невысоким риском последствий для здоровья. Услуги, предоставляемые в рамках данной инициативы, в основном сводятся к следующим функциям: оценка общего уровня здоровья, наложение швов, оценка незначительных травм, справочные услуги, консультации первичной медико-санитарной помощи и диагностическое обследование.

До введения данной инициативы граждане сталкивались с проблемой, связанной с тем, что система службы экстренной помощи 911 превратилась из службы оказания неотложной медицинской помощи в систему, которая использовалась для оказания медико-санитарных услуг. К сожалению, в рамках службы экстренной помощи, существовавшей до инноваций,

единственное, что парамедики могли предложить пациенту, – это поездка на машине скорой помощи в отделение неотложной помощи. Отсутствие гибкости в оказании помощи этим пациентам с низкой остротой заболевания было дорогостоящим и требовательным для системы.

Гранты Центров Medicaid и Medicare помогли городу создать полномасштабную тестовую модель. Затраты на запуск программы составили примерно 4 миллиона долларов: 35 должностей, эквивалентных полной занятости, услуги по страхованию счетов, расходные материалы и покупка дополнительных технологий для поддержки сбора данных.

Гражданские инициативы также могут быть направлены на регулирование условий труда. 19 мая 2015 года городской совет Лос-Анджелеса 14 голосами против одного поддержал постановление об увеличении минимальной заработной платы в городе с 9 долларов в час до 15 долларов в час к 2020 году. Положения инициативы, предложенной Ассамблеей трудящихся Лос-Анджелеса, были разработаны таким образом, чтобы добиться немедленного перехода к установленной минимальной заработной плате, за исключением только малых предприятий и некоммерческих организаций. Гражданская инициатива включена в Хартию Лос-Анджелеса, то есть в местную конституцию [7].

Стоит отметить, что местные предприятия и государство выступили против инициативы, предупредив о риске того, что предприятия покинут город. В сентябре 2014 года Секретарь города (The City Secretary), назначаемый сити менеджером, дал разрешение на начало сбора подписей, однако необходимое число подписей не удалось собрать. Несмотря на это, инициатива имела огромный резонанс. Кампания по рассмотрению данного предложения была сопровождена протестами, митингами, собраниями и забастовками. Несколько месяцев спустя, в мае 2015 года, было одобрено постепенное повышение минимальной заработной платы до 15 долларов в 2020 году [3]. Таким образом, Лос-Анджелес стал крупнейшим городом США с самой высокой минимальной заработной платой.

Как уже было отмечено выше, Калифорния является одним из лидирующих штатов по предложению и имплементации гражданской инициативы. В качестве еще одного примера следует рассмотреть Инициативу доступного жилья в Ричмонде, предложенную ассоциацией с целью регулирования рынка аренды жилья [20]. Инициатива была поддержана необходимым количеством подписей, после чего референдум был успешно проведен. Данная гражданская инициатива регулируется Конституцией штата Калифорния в статье II, разделе 11 [4].

Столкнувшись с недавним повышением арендной платы, коалиция нескольких ассоциативных групп в Ричмонде выступила с инициативой относительно общественного контроля над ценами на аренду в городе. Данная инициатива была зарегистрирована 23 февраля 2016 года. Гражданская

инициатива была поддержана большой коалицией НПО, исследовательских групп, районных групп и организаций социальной справедливости, которые согласились с тем, что вопросы, связанные с арендой жилья, является одной из основных проблем [19]. Ранее аналогичная инициатива была одобрена представительной палатой, но Калифорнийским квартирным ассоциациям (лига домовладельцев) удалось заблокировать ее через легальные каналы. По словам учредителей инициативы, около половины жителей Ричмонда являются арендаторами [6]. Таким образом, основная цель меры заключалась в сдерживании роста цен и обеспечении стабильности жилья как способа повышения личной и общественной безопасности. Экономическое неравенство представляет собой серьезное препятствие. Тем не менее, как показывает этот случай, его можно преодолеть.

В Техасе более 300 муниципалитетов разрешают гражданскую инициативу для предложения конкретных мер или социальной политики. Они называются избирательной мерой (ballot measure) [5]. В данном случае штат Техас одобрил закон, позволяющий городам Техаса включать инициативы граждан в свои нормативные или конституционные реформы и предложения о конкретных стратегиях [9].

Одним из наиболее значительных случаев является гражданская инициатива города Сан-Антонио «Работающие жители Техаса на оплачиваемом больничном отпуске» [21]. В этом постановлении подробно описывается введение оплачиваемого отпуска по болезни для работников предприятий Сан-Антонио. По словам создателей постановления, более 40% работников Сан-Антонио не имеют права требовать оплачиваемый отпуск по болезни. Количество дней, на которые они могут претендовать, будет варьироваться в зависимости от размера компании, но работник может получить от 6 до 8 дней оплачиваемого отпуска (рассчитывается в зависимости от количества часов, отработанных в компании). Мера затрагивает около 130 000 рабочих. Период сбора подписей в поддержку закончился в конце мая 2018 года, когда было зарегистрировано 144000 подписей. По оценкам, в соответствии с законом требовалось от 60 000 до 70 000 подписей, поэтому сбор можно считать большим успехом [17]. Часть подписей была собрана онлайн. Самым примечательным моментом является то, что процесс сбора, который длился два месяца, поддерживался группой профсоюзов и массовых организаций. Следует отметить, что данная мера закреплена законодательно в рамках города и в этой связи имеет обязательный характер.

Таким образом, гражданская инициатива как инструмент прямой демократии является широко распространенным механизмом волеизъявления индивидов, как на местном, так и на региональном уровне, хотя, стоит отметить, на локальном уровне данная мера воплощается чаще. Гражданская инициатива может быть представлена в виде консультативного органа или выражена в формате сбора петиций. В любом случае в ее основе лежит го-

лосование граждан за имплементацию той или иной меры. Как уже было отмечено ранее, данный механизм может быть воплощен в форме консультативного собрания или сбора петиций. Сбор подписей в виде петиции является наиболее распространенной формой в США. Как правило, гражданская инициатива начинается с подачи какого-либо предложения заинтересованной стороной, в качестве которой могут выступать профсоюзы, неправительственные организации или же ассоциации. Затем заявители доносят информацию о гражданской инициативе до общественности, и собирают подписи в поддержку ее реализации. В различных штатах и городах данный процесс может быть регламентирован по-разному, но он должен быть закреплен в конституции штата или городской хартии. В случае сбора достаточного количества подписей инициатива проходит одобрение законодательством города и становится обязательной к исполнению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2001 // <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com/>.
2. *Ягодка Н.Н.* Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Политология. 2015. № 4 // http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9159/ru_RU.
3. *Alarcón P., Welp Y., García-Espín P., Font J.* Influencing politics with signatures? // The 18th International Observatory on Participatory Democracy, Barcelona // <https://www.oidp.net/docs/repo/doc482.pdf>.
4. Article II Voting, Initiative And Referendum, And Recall [Section 1 – SEC. 20] // California Constitution. June 1976 // https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CONS&division=&title=&part=&chapter=&article=II.
5. Ballot measure. Ballotpedia // https://ballotpedia.org/Ballot_measure;https://www.sanantonio.gov/Clerk/Legislative/City-Charter-City-Code.
6. *Carson L.* The struggle for renter protections in Richmond moves forward / The San Francisco Bay View National Black Newspaper, February 2016 // <https://sfbayview.com/2016/02/the-struggle-for-renter-protections-in-richmond-moves-forward/>.
7. City of Los Angeles \$15 per Hour Minimum Wage Initiative. Ballotpedia. November, 2016 // [https://ballotpedia.org/City_of_Los_Angeles_\\$15_per_Hour_Minimum_Wage_Initiative_\(2016\)\)](https://ballotpedia.org/City_of_Los_Angeles_$15_per_Hour_Minimum_Wage_Initiative_(2016))).
8. City of Mesa Community Care Initiative. The Local Government Management Fellowship (LGMF) official website. September 2016 // <https://icma.org/documents/city-mesa-community-care-initiative>.
9. City of San Antonio, Texas. San Antonio City Charter Art. IV. Sec. 34-44. November 2018 // <https://www.sanantonio.gov/Clerk/Legislative/City-Charter-City-Code>.

10. *Gordon T.* The Local Initiative in California, San Francisco. CA.: Public Policy Institute of California, 2004 // https://www.ppic.org/content/pubs/report/R_904TGR.pdf.

11. Initiative, Referendum and Recall, the National Conference of State Legislatures. 20.09.2012 // <https://www.ncsl.org/research/elections-and-campaigns/initiative-referendum-and-recall-overview.aspx>.

12. Initiatives to Improve the Life – Support System/Amsterdam: Atlant Press, February 2019 // <https://www.atlantis-press.com/search?q=55913786&type=proceedings>.

13. *Knobloch K., Barthel M., Gastil J.* Emanating Effects: The Impact of the Oregon Citizens' Initiative Review on Voters' Political Efficacy. New-York: SAGE Journals, 02.06.2020 // <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/0032321719852254>.

14. *Logunova L., Nyatina N., Mazhenina E.* Methods of Collecting and Analyzing of Civil Initiatives to Improve the Life – Support System. Amsterdam: Atlant Press, February 2019 // <https://www.atlantis-press.com/search?q=55913786&type=proceedings>.

15. *Matsusaka J.* For the Many or the Few: How the Initiative Process Changes American Government. Los Angeles: University of Southern California, February 2020 // https://www.researchgate.net/publication/267218973_For_the_Many_or_the_Few_How_the_Initiative_Process_Changes_American_Government/link/55c68ea808aebc967df53848/download.

16. *Medina J., Scheiber S.* Los Angeles Lifts Its Minimum Wage to \$15 Per Hour // New York times. 19.05.2015 // <https://www.nytimes.com/2015/05/20/us/los-angeles-expected-to-raise-minimum-wage-to-15-an-hour.html>.

17. *Palacios J.* San Antonio Council Approves Paid Sick Leave Ordinance // Texas Public Radio. 16.08.2018 // <https://www.tpr.org/san-antonio/2018-08-16/san-antonio-council-approves-paid-sick-leave-ordinance>.

18. Rent Control Advocates Claim to Have Enough Signatures for November Ballot Measure. Tenants Together, June 2016 // <https://www.tenants-together.org/updates/rent-control-advocates-claim-have-enough-signatures-november-ballot-measure>.

19. Rent control qualifies for ballot in Richmond. The California Apartment Association, June 2016 // <https://caanet.org/rent-control-qualifies-ballot-richmond/>.

20. *Sills E.* Coalition Launches Paid Sick Leave Campaigns in San Antonio, Dallas / The Texas AFL-CIO labor union, 13.04.2018 // <https://www.texasafficio.org/news/coalition-launches-paid-sick-leave-campaigns-san-antonio-dallas>.

21. *Smith D., Tolbert C.* Educated by Initiative: The Effects of Direct Democracy on Citizens and Political Organizations in the American States / The University of Michigan, 2004 // https://www.press.umich.edu/pdf/0472098705_fm.pdf.

22. The Affordable Care Act. Office of the Legislative Counsel for the use of the U.S. House of Representatives, May 2010 // <https://www.healthcare.gov/where-can-i-read-the-affordable-care-act/>.

YU.D. MELNIKOVA
Postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-5721-8818>

MODELS AND EXPERIENCES OF LOCAL CIVIC INITIATIVE – IMPLEMENTATION IN THE UNITED STATES

Civil initiative is one of the central mechanisms of direct democracy in America. While there is increasing media and academic focus on the use, structure, and impact of civic initiative at the state level, there is much less research on local government initiative provisions in the United States. However, it should be noted that the use of this mechanism at the local level occurs quite often, since the main goal of the civil initiative is to improve the life quality of the citizens and society. Civil initiative can regulate various spheres of social life and, if adopted, its provisions are binding on all citizens. To study the experience of implementing a civil initiative in the United States at the local level, this article presents an analysis of various examples (case studies) of the implementation of the initiative, indicating the strengths and weaknesses of a particular experience, as well as a study of the historical and theoretical part of the issue under study.

Key words: local government, civic initiative, civil society, direct democracy.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНАМИ ВЬЕТНАМА: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (2020)

Проанализировано поведение вьетнамцев в сфере поиска, обмена политической информацией онлайн, ее комментирования и критики в виртуальном киберпространстве. В то же время, уточнены особенности участия вьетнамских граждан в онлайн-сообществах для реализации своих политических и гражданских прав. Кроме того, также представлен потенциал Интернета по мобилизации вьетнамских пользователей на акции протеста.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности разработать, на основе анализа вовлеченности вьетнамцев в социальные сети с гражданской и политической направленностью, меры по улучшению условий для развития у вьетнамцев культуры конвенционального гражданского участия.

Ключевые слова: *социальная сеть, онлайн-сообщество, Facebook, Youtube, Zalo, Google+, Instagram, Twitter, гражданские и политические права, протестное действие.*

За последнее десятилетие социальные сети развиваются очень активно во Вьетнаме. Согласно статистике исследовательской организации «We are social», по состоянию на январь 2021 года во Вьетнаме было 72 миллиона пользователей социальных сетей. Это было эквивалентно 73,7% от общей численности населения страны [10]. Сегодня во Вьетнаме социальные сети стали важным пространством, в котором граждане могут осуществлять свою политическую деятельность. Целью данного исследования является анализ особенностей реализации политической активности граждан Вьетнама в социальных сетях.

Обоснование и описание методики исследования. Теоретико-методологическими основами нашего исследования являются основные результаты и заключения таких зарубежных ученых, как М. Кастельс [2. С. 606],

Дж. Коэн и Э. Шмидт [4], Дж. Коулман [5. С. 121-139], российских ученых: Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.В. Синяков [1. С. 283-296], Ю.Б. Киняшева [3. С. 3-10], Р.В. Пырма [7. С. 63-69], С.Б. Суровов и И.Н. Коновалов [8. С. 209-213] и ученых Вьетнама: Нгуен Тхи Фуонг Чам [6. С. 323], Чан Хыу Луен, Чан Тхи Минь Дык, Буй Тхи Хонг Тхай [9].

Результаты настоящего исследования получены в процессе массового опроса 2062 вьетнамских граждан, реализованного посредством анкетирования в 2020 году. Этот опрос был направлен на изучение тенденций Интернет-коммуникации в целом, и политической активности в пространстве социальных сетей в частности, во Вьетнаме. Результаты опроса были проанализированы с помощью программы SPSS Statistics 24.0 для статистической обработки данных.

Результаты исследования. По результатам нашего опроса вьетнамские пользователи используют следующие социальные сети: 93,5% – «Facebook», 89,1% – «Youtube», 81,6% – «Zalo», 74,6% – «Google+», 29,9% – «Instagram» и 13,6% – «Twitter». Можно сказать, что доминирование в числе наиболее популярных среди вьетнамцев социальных медиа Facebook и Youtube свидетельствует о сходных процессах, происходящих во Вьетнаме и во всем мире: увеличение и закрепление доминирующего объема национальной Интернет-аудитории за сетью Facebook.

Характеристики вьетнамских граждан, использующих социальные сети в своей политической деятельности, анализируются в нашем исследовании по следующим трем аспектам:

Во-первых, пользователи социальных сетей участвуют в обсуждении программ политической системы Вьетнама. Результаты анализа в таблице 1 показывают, что онлайн-сообщество Вьетнама также уделяет определенное внимание программам организаций в политической системе своей страны.

- 1) программы Правительства (30,1%);
- 2) законопроекты Национального собрания (21,3%);
- 3) руководящие принципы Коммунистической партии Вьетнама (25,0%);
- 4) программы действий Фронта Отечества Вьетнам (19,4%);
- 5) программы правительства города/провинции (21,6%);
- 6) программы районного правительства (24,1%) (см. табл. 1).

Таким образом, вьетнамские пользователи социальных сетей относительно активно обсуждают политику и программы организаций, действующих в рамках политической системы Вьетнама. Видно, что в последние годы вся политическая система Вьетнама применяет коммуникационные технологии в своей деятельности, а также активно организует сбор мнений граждан о важных программах через Интернет-платформы. Уровень вовлеченности вьетнамских граждан в обсуждение программ политических организаций в Интернете заслуживает внимания.

**Уровень заинтересованности вьетнамских пользователей
социальных сетей в информации о программе/законе организаций
политической системы Вьетнама, в 2020 году, в %**

Организации политической системы	Не интересно	Интересно	Чтение новости (1)	Обсуждение (2)
1. Государственные программы по социальной экономике	57,2	42,8	12,7	30,1
2. Законопроекты, законы и политика обсуждаются и принимаются Национальным собранием	59,5	40,5	19,2	21,3
3. Руководящие принципы и программы Коммунистической партии Вьетнама	60,3	39,7	14,6	25,0
4. Программы действий Фронта Отечества Вьетнам	66,9	33,1	13,7	19,4
5. Программы социально-экономического развития правительства города/провинции	61,0	39,0	17,4	21,6
6. Программа социально-экономического развития районного правительства	61,9	38,1	14,1	24,1
В среднем (3)	62,0	38,0	16,2	21,8

На наш взгляд, уровень внимания сообщества социальных сетей к программам указанных организаций зависит от многих факторов, которые нельзя игнорировать: степень непосредственного отношения между обязанностями, функциями каждой организации и повседневной жизни граждан; важные задачи каждой организации требуют участия граждан в осуществлении их гражданских и политических прав; степень активного использования политическими организациями социальных сетей и Интернета для взаимодействия с людьми.

Во-вторых, участие вьетнамских граждан в деятельности онлайн-сообществ в социальных медиа для реализации гражданских и политических прав. Прежде всего, вьетнамские пользователи участвуют в онлайн-сообществах, направленных на поддержку или критику кандидатов, а также государственных чиновников. Результаты опроса показывают, что более трети пользователей (32,5%) участвует в онлайн-сообществах электоральной направленности (поддержка кандидата политической партии) (см. табл. 2). Уже более года граждане присоединяются к онлайн-сообществам, чтобы выразить поддержку кандидатам, которых они считают достойными высоких постов в партийных и государственных учреждениях, местных и центральных. Перед 13-м национальным партийным съездом трое высокопоставлен-

ных лидеров продемонстрировали поддержку со стороны онлайн-сообщества, чтобы продолжить занимать высокие должности в партийной системе и государственном аппарате:

– г-н Нгуен Фу Чонг – Генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама, Президент Вьетнама;

– г-н Нгуен Суан Фук – премьер-министр Вьетнама;

– г-н Ву Дук Дам – заместитель премьер-министра правительства Вьетнама.

В то же время в течение последних пяти лет или около того онлайн-сообщество также использовало социальные сети как пространство для демонстрации нарушений чиновников, особенно на местном уровне. Согласно эмпирическим результатам, почти треть пользователей (28,2%) подтвердила, что присоединяется к онлайн-сообществу, борющемуся с неправомерными действиями должностных лиц (см. табл. 2).

Таблица 2

Участие вьетнамских граждан в деятельности онлайн-сообществ в социальных медиа для реализации гражданских и политических прав за последние два года, в 2020 году в %

Цель участия в онлайн-сообществах	Состою/состою в сообществе, активно участвую (оставляю сообщения, комментарии, читаю)	Состою, иногда оставляю сообщения, комментарии, читаю	Не состою, не интересуюсь такими сообществами
1. Участие в онлайн-сообществах, нацеленных на решение проблем жителей моего района/города	28.4	26.0	45.6
2. Участие в онлайн-сообществах, объединенных вокруг политических вопросов (защита прав человека, защита прав меньшинств и т.д.)	24.3	28.6	47.1
3. Участие в онлайн-сообществах электоральной направленности (поддержка кандидата/политической партии)	9.4	23.1	67.5
4. Участие в онлайн-сообществах экологического толка (борьба за сохранение природы, экологическую безопасность)	40.2	29.1	30.6
5. Участие в онлайн-сообществах волонтеров (сбор средств на благотворительность и др.)	14.0	37.6	48.4
6. Участие в онлайн-сообществах, борющихся за защиту суверенитета островов	31.9	35.5	32.6
7. Участие в онлайн-сообществах, борющихся за поддержание общественного порядка и безопасности	12.8	40.3	47.0
8. Участие в онлайн-сообществах, борющихся с неправомерными действиями должностных лиц	8.9	19.3	71.9

Далее, результаты данного исследования показали, что более половины респондентов присоединились к онлайн-сообществам для следующих целей:

- сбора средств на благотворительность (51,6%);
- защита прав человека, защита прав меньшинств (52,9%);
- борьба за поддержание общественного порядка и безопасности (53,1%);
- решения проблем жителей моего района/города (54,4%) (см. табл. 2).

Социальные сети, особенно Facebook и Zalo, были и остаются очень эффективными инструментами, помогающими людям решать некоторые задачи в их повседневной жизни, а также в жизни сообщества. Так, вьетнамские граждане очень активно участвуют в онлайн-сообществах для защиты прав человека, социальной безопасности, разрешения проблем жителей, а также осуществления волонтерской деятельности.

В частности, большинство вьетнамских пользователей присоединились к онлайн-сообществам для защиты суверенитета островов (67,4%) и сохранения природы, экологической безопасности (69,3%) (см. табл. 2).

Спор между Вьетнамом и Китаем по поводу суверенитета над Южно-Китайским морем продолжается много лет, но за последнее десятилетие он стал особенно острым. Таким образом, ясно видно, что тема защиты суверенитета над островами стала горячей темой для онлайн-сообществ. Вьетнамские граждане участвовали в киберпространстве, чтобы выразить свою поддержку политике и действиям Коммунистической партии Вьетнама и государства Вьетнам в отношении агрессивного поведения Китая в Восточном море.

Защита природных ресурсов от актов посягательства на окружающую среду также привлекает многих граждан в киберпространство. Например, экономические проекты, которые влияют на окружающую среду или представляют риск для окружающей среды, часто очень быстро распространяются онлайн-сообществом. В интернет-сообществах формировалось общественное мнение, оказывавшее давление на госорганы, вынуждая государственные органы заниматься делом.

Хотя вьетнамские граждане относительно активны в онлайн-сообществах для реализации своих гражданских и политических прав, по их оценке, это не было очень эффективным. Согласно статистическим результатам, только 13,8% пользователей заявили, что результаты достигнуты, частично достигнутые результаты составили 26,6% респондентов, а почти 59,7% граждан подтвердили отсутствие результатов (см. табл. 3).

Однако следует подтвердить, что онлайн-сообщества играют очень важную роль в реализации людьми своего гражданства и политических прав. Есть много случаев, когда люди обращаются в органы государственной власти, которые не были решены немедленно или не были решены, но когда дело доходит до онлайн-сообщества, они часто быстро приносят результаты.

**Результат участия в деятельности онлайн-сообществ
в социальных медиа для реализации гражданских и политических прав
за последние два года, в 2020 году в %**

Уровень оценки	Оценки пользователей, %
1. Результат был достигнут (проблема решена)	13,8
2. Результат был частично достигнут (проблема решена частично)	26,6
3. Результат не был достигнут (проблема осталась нерешенной)	59,7

По вопросам, относящимся к сообществу и стране, онлайн-сообщество является местом для формирования общественного мнения, оказания давления на чиновников, политиков, партийные агентства, государственные агентства, агентства общественных и политических организаций прямо или косвенно через агентства печати, средства массовой информации. В частности, есть политически чувствительные случаи, сами СМИ (которые контролируются Партией и государством) не осмеливаются сообщать, что в то время они полагаются на интернет-сообщество для создания общественного мнения. После этого агентства печати и средства массовой информации будут вести репортажи и размещать новости, оказывая давление на соответствующие органы с целью разрешения дела.

В-третьих, участие в акции протеста от воздействия социальных сетей. Наше исследование также направлено на оценку масштабов протестных движений в виртуальной сетевой среде Вьетнама. Результаты анализа, представленные в диаграмме 1, показывают, что интенсивность, с которой пользователи во Вьетнаме сталкивались с сообщением, призывающим к участию в протестных действиях, была следующей:

- не реже одного – нескольких раз в неделю (7,7%);
- несколько раз в год и реже (23,9%);
- никогда не получал (68,4%).

Таким образом, масштабы политической протестной кампании на онлайн-пространстве во Вьетнаме не такие большие, как в других странах. Это, на наш взгляд, можно объяснить следующими аспектами:

– с точки зрения политических институтов, а также с правовой точки зрения протесты во Вьетнаме не разрешены. Хотя, как упоминалось в первой главе, согласно Конституции вьетнамские граждане все еще имеют право на создание обществ и демонстраций (статья 25). Однако на самом деле эта деятельность должна быть организована государственным органом, чтобы называться легальным. Все демонстрации без государственной лицен-

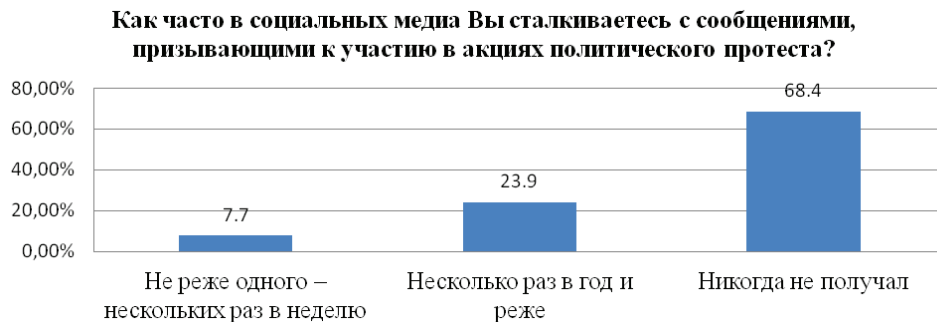

Диаграмма 1. Уровень встречаемости сообщения с призывами к политическим протестам из социальных сетей, в 2020 году в %

зии часто обвиняют в антигосударственной деятельности. Так что на самом деле во Вьетнаме мало демонстраций. Это также фактор, влияющий на уровень реализации призыва протеста через интернет-пространство;

– информация, призывающая к участию в демонстрациях в Интернете, часто отслеживается и удаляется силами кибербезопасности Вьетнама. Одна из важных задач сил кибербезопасности – блокирование антипартийной и антигосударственной информации в киберпространстве.

Тем не менее, это не означает, что во Вьетнаме нет абсолютно никаких протестов, и не означает, что призывы к протесту не появляются и не существуют в киберпространстве. Силы, противостоящие партии и государству, по-прежнему призывали к демонстрациям и организованным протестам, в первую очередь реакционные организации Вьет Тана. Сообщения, призывающие к участию в демонстрациях, с которыми пользователи часто сталкиваются в киберпространстве, следующие:

- защита суверенитета над морем и островами (65,9%);
- борьба с коррупцией (56,2%);
- ущемление прав граждан (50,4%);
- несправедливость решений Правительства (29,5%);
- ограничение Интернет-прав (25,3%);
- наступление на права меньшинств (14 %) (см. табл. 4).

Как упоминалось выше, борьба за защиту суверенитета над морем и островами очень интересует вьетнамских граждан и онлайн-сообщества. Силы, которые хотят организовать демонстрации, часто призывают к борьбе за защиту морского суверенитета. По сути, это является подстрекательством людей к тому, чтобы требовать от государства применить насилие для разрешения спора между Вьетнамом и Китаем в Южно-Китайском море.

Коррупция – действительно проблема вьетнамской политической системы. Вот почему в период 2015-2020 годов Коммунистическая партия очень

Таблица 4

**Темы сообщения с призывами
к политическим протестам в 2020 году, в %**

Темы сообщения	%
1. Борьба с коррупцией	56,2
2. Ущемление прав граждан	50,4
3. Несправедливость решений Правительства	29,5
4. Ограничение Интернет-прав	25,3
5. Наступление на права меньшинств	14
6. Морской и островной суверенитет	65,9

Таблица 5

**Реакции пользователей на сообщения с призывами
к политическим протестам, в 2020 году в %**

Реакции пользователей на сообщения	%
1. Пропускаю и не вчитываюсь в детали	37,5
2. Прочитываю, внимательно знакоюсь с ситуацией, после этого принимаю решение	48,1
3. Связываюсь с организаторами, интересуюсь, чем я могу быть полезен	0,9
4. Начинаю искать единомышленников в своем кругу	8,4
5. Обязательно принимаю участие	5,1

решительно боролась с коррупцией. В результате многие государственные чиновники были привлечены к ответственности и заключены в тюрьму по обвинению в коррупции. Сегодня борьба с коррупцией во Вьетнаме ведется в духе отсутствия запретной зоны. Фактически, многие высокопоставленные кадры, включая члена политического министерства, были приговорены к тюремному заключению. Поэтому неудивительно, что в качестве сообщения протеста выбрана тема борьбы с коррупцией.

В настоящее время западные страны, особенно США, всегда делают неточные выводы о правах человека во Вьетнаме, особенно о праве на свободу выражения мнения. Поэтому антигосударственные силы всегда под видом защиты прав человека призывают людей к демонстрациям на улицах.

Наше исследование также сосредоточено на анализе поведения пользователей сети в ситуации получения сообщений с призывами к протестам (см. табл. 5). Почти четверть интернет-пользователей (37,5%) безразлично относились к сообщениям, призывающим к участию в акции гражданского/

политического протеста. Почти половина респондентов (48,1%) прочитывают соответствующие сообщения и внимательно знакомятся с ситуацией. Начинают действовать 14,4% опрошенных, из них: 0,9% – связываются с организаторами и интересуются, чем могут помочь, 8,4% – осуществляют поиск единомышленников среди своих друзей и знакомых, 5,1% – обязательно принимают участие.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать некоторые основные выводы:

– социальная сеть, в частности Facebook, YouTube, Zalo становится пространством, в котором граждане Вьетнама активно вовлекаются в политическое онлайн-участие;

– обсуждение политических тем, в том числе программ организаций политической системы Вьетнама в пространстве социальных сетей, является яркой характеристикой политических онлайн-активностей вьетнамских граждан;

– участие в сообществах социальных сетей в борьбе за защиту морского суверенитета, окружающей среды и прав человека являются типичными формами политической деятельности пользователей социальных сетей. Однако следует подчеркнуть, что, по оценке пользователей социальных сетей, эффективность данной деятельности относительно невысока;

– хотя это не столь заметный политический процесс, как в других странах, реакционная кампания по участию в протестных действиях в социальных сетях во Вьетнаме имеет потенциальный риск роста. Популярные сообщения, используемые антигосударственными силами с призывом к демонстрациям в пространстве социальных сетей, – это борьба за защиту Восточного моря, борьбу с коррупцией и защиту прав человека.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Эта шкала указывает на уровень чтения информации.

(2) Эта шкала указывает не только чтение новости и обмен информацией, но также один или два из следующих уровней: комментирование и критика.

(3) Эта переменная является результатом процедуры вычисления среднего значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

3. Княшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 3.

4. Коэн Дж., Шмидт Э. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.

6. Нгуен Тхи Фуонг Чам. Интернет: сеть общества и выражение личности. Ханой: Изд-во *Общественные науки*, 2013.

7. Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019. № 4.

8. Суровов С.Б., Коновалов И.Н. Сетевая коммуникация как политический мобилизационный ресурс (опыт анализа социальных сетей на региональном уровне) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии. Политология. Социология*. 2017. № 1 (114).

9. Чан Хыу Луен, Чан Тхи Минь Дык, Буй Тхи Хонг Тхай. Социальные сети со студентами. Ханой: Изд-во. Ханойский государственный университет, 2015.

10. <https://datareportal.com/reports/digital-2021-vietnam>.

DO THANH TU

*Postgraduate, Moscow State Pedagogical
University, Moscow, Russia*

SOCIAL NETWORK AS A SPACE IMPLEMENTATION OF POLITICAL ACTIVITIES BY CITIZENS OF VIETNAM: RESULTS OF APPLIED POLITICAL ANALYSIS (2020)

Analyzed the behavior of Vietnamese in the field of searching, exchanging political information online, commenting on it and criticizing it in virtual cyberspace. At the same time, the specifics of the participation of Vietnamese citizens in online communities for the exercise of their political and civil rights have been clarified. In addition, the potential of the Internet to mobilize Vietnamese users for protests is also presented.

The practical significance of the obtained results lies in the possibility of developing, based on the analysis of the involvement of Vietnamese people in social networks with a civil and political orientation, measures to improve the conditions for the development of a culture of conventional civil participation among the Vietnamese.

Key words: *social network, online community, Facebook, Youtube, Zalo, Google+, Instagram, Twitter, civil and political rights, protest action.*

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ НЕПРИЗНАННЫХ РЕСПУБЛИК

В статье рассматривается суть этнополитических конфликтов, как фактора возникновения непризнанных государств. Кроме того, приводится анализ указанных конфликтов с точки зрения их влияния на стабильность и устойчивость современных непризнанных республик постсоветского пространства.

Кроме того, в тексте приводится поэтапный анализ возникновения этнополитических конфликтов, приводятся причины, по которым возникновение данных конфликтов является возможным в современных политических условиях.

Ключевые слова: этнополитика, этнополитические конфликты, политические системы, непризнанные государства, непризнанные республики.

В данной статье основной акцент будет сделан на выявление сходств и закономерностей в основных этнополитических конфликтах на постсоветском пространстве: приднестровском, нагорнокарабахском, абхазском, южноосетинском и конфликте на юго-востоке Украины. Выводы, сделанные путем сопоставления данных конфликтов, позволят выявить характеристики непризнанных государств, свойственные данному региону, в частности, схожий набор причин нестабильности как внутри самих политико-территориальных образований с неопределенным статусом, так и вокруг инициатив по разрешению связанных с ними конфликтов.

Прежде всего, следует дать определение этому понятию. Видится логичным использовать наиболее актуальное определение, предложенное А.Р. Аклаевым [1. С. 25]. По его мнению, этнополитическим конфликтом следует называть «столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых

этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа».

Постсоветское пространство в течение вот уже более чем двух десятилетий продолжает оставаться относительно нестабильным регионом ввиду ряда этнополитических конфликтов, сохраняющих свой замороженный статус с постоянным риском эскалации. Ситуация осложняется геополитическим противостоянием ведущих политических игроков за влияние в регионе, прежде всего между Россией, США, Европейским Союзом, Китаем, Турцией и Ираном.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области. Речь идет об этнополитических конфликтах. Точки зрения этнологов и этнополитологов по этой проблематике нередко расходятся [6; 7; 8; 9; 12; 13; 15; 16; 17; 21; 22; 24; 25; 26; 27; 29].

Однако проблему конфликтов, где используется этнический фактор как легко мобилизуемый политический ресурс, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Очевидно, что истоки возникновения данной нестабильности в регионе связаны с падением Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, в частности с постепенным ослаблением и распадом СССР. Это вовсе не означает, что этнополитические противостояния не имели места быть до конца XX века – как отмечает С.М. Маркедонов [10. С. 120], все конфликты на территории бывшего СССР имеют под собой насквозь историчную идеологическую основу и подоплеку. Тем не менее, существование советской политической, идеологической, военной и экономической системы способствовало обеспечению стабильности в отношениях как между народами многонациональной страны, так и между властью и населением союзных республик. Созданное на пространстве бывшего СССР де-юре потенциальное интеграционное образование Содружество Независимых Государств не располагало и не располагает эффективными региональными институтами по урегулированию конфликтов, которые перешли в стадию эскалации практически одновременно с ослаблениями советских факторов стабильности. Так, А.Г. Большаков [5. С. 64] считает, что бывшие советские республики с территориальными проблемами до сих пор можно трактовать и вовсе как так называемые «несостоявшиеся государства» с наличием ослабленного государственно-управленческого аппарата и коллапсирующей экономикой. Это можно объяснить тем, что распад СССР уже проходил в условиях общего экономического, внешнеполитического и демографического кризиса, оставив большинству из новообразованных государств целый ряд нерешенных проблем в этих сферах.

Помимо этого, к факторам возникновения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, также можно отнести ошибочную по-

литическую линию правительств новообразованных государств, не наладивших диалога с национальными меньшинствами и не предоставивших их представителям как участия в органах местной и центральной власти, так и сохранения автономии, существовавшей с советских времен. Стоит, однако, отметить, что в Грузии, Молдавии и Азербайджане сепаратисты добивались не делегирования им власти или ее откровенного захвата, как это было в случае с гражданской войной в Таджикистане, но целенаправленно стремились к разрыву отношений с метрополией и провозглашению независимости.

Говоря о ходе эскалации данных конфликтов, уместно использовать поэтапный анализ, предложенный С.М. Маркедоновым [11. С. 48-50] на примере грузино-осетинского конфликта:

I. Идеологический этап. Данный этап включает обозначение претензий сторон друг к другу, а также формирование этнополитических мифологем.

II. Политико-правовой этап. Данный этап характеризуется законотворческим («статусным») противостоянием.

III. Военный этап. Данный этап представляет собой непосредственно вооруженную борьбу между отколовшейся самопровозглашенной территорией и государством-метрополией.

На примере этнополитических конфликтов постсоветского пространства, ни один из которых не является разрешенным полноценно, можно утверждать о вялотекущем характере противостояния после заключения в какой-либо форме перемирия между воюющими сторонами. Тем не менее, постоянное наличие амбиций представителей элитарных слоев с каждой стороны сохраняет риск «внезапности» эскалации вооруженных действий даже через десятки лет, прошедших с их начала. Подобное нестабильное состояние постсоветских государств с территориальными проблемами, тенденций к разрешению которых не наблюдается, в виде наличия самопровозглашенных государств может объясняться как внутренними, так и внешними причинами.

Говоря о внутренних факторах, следует отметить наиболее значимые из них.

Во-первых, это неуступчивость правительств непризнанных политико-территориальных образований, ввиду их уверенности в том, что только независимость является единственным выходом из конфликтной ситуации. Это обуславливается несколькими причинами:

1) физический контроль занимаемой территории при возможном наличии территориальных претензий к бывшей метрополии (Нагорный Карабах претендует на занятые Азербайджаном части Шаумяновского, Мартакертского и Мартунийского районов, а суверенитет Абхазии до 2008 года не распространялся на территорию Кодорского ущелья и Галльского района);

2) поддержка большинства населения, выраженная проведением выборов или референдумов (например, в Южной Осетии проходили референ-

думы о независимости в 1992 году [14], выборе государственного языка в 2011 [18], а также планировался референдум о присоединении к Российской Федерации в 2014 [19]), которую уже не так просто получить, т.к. с момента провозглашения независимости прошло достаточно времени, и первоначальный эмоциональный запал сошел на нет;

3) сильный государственный строй, выраженный главенствующей ролью президента/национального лидера, отсутствием политического плюрализма и персонификацией внешней и внутренней политики;

4) апеллирование к исторической справедливости, т.е. освобождению этноса или территории, достижению независимости и суверенитета как высшей точки исторического развития. В частности, по утверждению Бахтуридзе З.З. и Лагутиной М.Д. [3. С. 1918], этническая идентичность, связанная с территориальным аспектом, пришла на смену идеологическому вакууму гражданской идентичности на постсоветском пространстве. В этом контексте центральным понятием является «своя земля», рассматриваемая как святыня, независимо от ее геополитической или экономической ценности. Лидеры самопровозглашенных республик акцентируют внимание как мирового сообщества, так и собственного населения именно на этом показателе государственности, оправдывая необходимость провозглашения независимости.

Подобная позиция верховных непризнанных республик ведет лишь к усложнению оптимального для обеих сторон решения по разрешению конфликта. Самопровозглашенные лидеры не согласятся на делегирование им каких бы то ни было полномочий в условиях сохранения территориальной целостности метрополии, что в итоге может привести к дальнейшему нагнетанию обстановки и силовому решению конфликта. Одним из последствий подобной позиции можно назвать отмеченную Д. Линчем [28. С. 838] проблему беженцев и вынужденных переселенцев, когда на фоне конфликта происходит вынужденное или насильственное изменение национального состава непризнанного политико-территориального образования. По окончании боестолкновений покинувшие зону боевых действий люди не могут вернуться в свои города и села, т.к. этому препятствуют властные структуры непризнанных республик. Причина этого, по мнению М.Н. Арбатской [2. С. 173], кроется в желании последних создать этнически чистую территориальную целостность (помимо этого подобной цели возможно достичь конвертацией, т.е. с помощью регистрации избирателей для выборов или референдума).

Вторым внутренним фактором, влияющим на разрешение этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, это постоянное наличие угрозы возобновления военных действий, вынуждающее правительства самопровозглашенных республик мобилизовать большинство ресурсов на защиту и оборону, что в свою очередь рискует вылиться в излишнюю

милитаризацию населения, формирование незаконных бандформирований и рост криминальной активности. Для лидеров постсоветских непризнанных государств подобное положение несет определенные выгоды, т.к. это позволяет им развигать идею постоянной борьбы за суверенитет как гаранта существования своей страны. Очередное мирное урегулирование преподносится как передышка перед очередным сражением за сохранение и укрепление независимости. Д. Линч [28. С. 840] видит в этом исключительно негативные последствия, называя политико-территориальные образования с подобной идеологией «странами-рэкетирами». По его мнению, подобные страны умышленно преувеличивают угрозу возможных боевых действий, запугивая и провоцируя собственное население. Во внешней политике «стран-рэкетиров» превалирует идея военной силы и устрашения как единственно возможной для достижения своей цели. Более того, это позволяет подпитывать угасающий энтузиазм населения самопровозглашенной территории, нужды которого в полной мере невосполнимы в условиях непризнания, что в свою очередь может привести к недоверию, пессимизму, социальной апатии и даже делигитимации власти.

Третий фактор, по сути, вытекает из двух предыдущих – сложная внутривитополитическая обстановка в непризнанных государствах. Так как боевые действия в рамках этнополитических конфликтов проходили непосредственно на территории образований со спорным статусом, то именно они и понесли их основные последствия – разрушенная инфраструктура, инфляция, слаборазвитые социально-общественные услуги. Отдельно стоит отметить высокий средний рост населения подобных образований ввиду военных действий или постоянного оттока беженцев. При этом в настоящее время в политико-социальную жизнь непризнанных государств постсоветского пространства вступает поколение 20-30 летних граждан, которым чрезвычайно тяжело найти себе место в изолированной от окружающего мира республике. В условиях «осажденной крепости» местной власти, подверженной коррупции и корпоративизму, приходится максимально усиливать армию и правоохранные органы, а также закрывать глаза на активность теневой экономики (часто связанной с криминальной деятельностью). Более того, упор на усиление силовых структур и опора на эмоциональный подъем населения фактически ставят крест на полноценном стратегическом планировании. К примеру, в Абхазии лишь в 2015 году была представлена «Стратегия социально-экономического развития до 2025 года» [20], первый полноценный план по развитию республики в долгосрочной перспективе.

Совокупность внешних факторов, влияющих на сохраняющееся нестабильное состояние этнополитических конфликтов, также видится уместным разобрать по отдельности.

Прежде всего, следует отметить негативное влияние самих стран, подверженных сецессии – Молдавии, Грузии, Азербайджана и Украины. Их

правительства не смогли привлечь ни население самопровозглашенных республик, ни их руководство возможными выгодами от восстановления разорванных политических и экономических связей, возможными реинтеграционными планами с равной выгодой для обеих сторон. Относительно возможного возобновления экономических отношений между самопровозглашенной территорией и государством-метрополией следует отметить определенную Д. Линчем [28. С. 844] дилемму, стоящую перед правительством последнего. С одной стороны, можно возобновить подобные связи, как это сделало молдавское правительство в отношении Приднестровья, однако это не способствует ни политической разрядке между сторонами, ни прекращению приграничных таможенных стычек. С другой стороны, можно объявить экономическую блокаду сепаратистским регионам, как это сделали грузинское и азербайджанское правительства. В этом случае, несмотря на ухудшение экономического положения самопровозглашенных республик, их правительства получили дополнительный идеологический стимул к продолжению противостояния, а экономика непризнанных государств начала вставать на путь автаркии. Сам политический истеблишмент государств-метрополий чаще настроен либо на силовое разрешение вопроса с насильственной реинтеграцией сепаратистских областей, либо на достижение в ходе переговоров соглашений, ставящих позиции противоборствующих сторон в неравное положение. Как отмечает З.И. Чемурзиева [23. С. 159], военно-политические требования и аргументы противоборствующих сторон начинают противоречить легитимным правовым установлениям. При подобном «чрезвычайном положении» конфликтующие правительства требуют друг от друга беспрекословного выполнения правоправов установлений, параллельно взаимно их нарушая. Более того, в парламентах каждой из названных стран до сих пор присутствуют партии радикального толка, лидеры и парламентские представители которых поддерживают исключительно силовой метод разрешения конфликта.

Второй внешнеполитический фактор, влияющий на разрешение этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, представляет собой непосредственное влияние России в каждом этнополитическом конфликте на постсоветском пространстве. В 90-е годы именно благодаря усилиям российской дипломатии удалось заморозить большинство из них, не позволив локальным конфликтам перерасти в региональные войны. До начала двухтысячных годов российское руководство было заинтересовано в сохранении статуса-кво в каждом конфликте, не допуская решающего перевеса какой-либо из противоборствующих сторон. Это объяснялось с одной стороны сложным экономическим и внешнеполитическим положением, выраженным потерей геополитического влияния в Восточной Европе и стремлением сохранить его на постсоветском пространстве, с другой – наличием самопровозглашенного государства (Чеченская Республика

Ичкерия) на собственной территории, отвлекающего значительную часть экономических и военно-политических ресурсов нашей страны. Однако с середины двухтысячных годов ввиду восстановления экономики, решения ряда внутренних политико-экономических проблем и роста международного геополитического веса Российская Федерация стала все более активно вовлекаться в разрешение этнополитических конфликтов по периметру своих границ. По мнению А.Г. Большакова [4. С. 180], именно с этого времени можно говорить о советизации внешней политики нашей страны, проявлении имперских рецидивов ее внешней политики, связанных с возможным увеличением влияния на постсоветском пространстве при разрешении данных конфликтов в свою пользу. Очевидно, что постсоветское пространство является зоной жизненно важных интересов нашей страны. Поэтому к такой многоаспектной проблеме как факт признания/непризнания того или иного политико-территориального образования, российским руководством был выработан довольно двойственный подход, выражающийся в поддержке стремления к независимости одних политико-территориальных образований и негласном порицании аналогичного стремления других, основываясь на внешних геополитических интересах нашей страны. Помимо дипломатического влияния Россия оказывает военную и экономическую поддержку той или иной противоборствующей стороне в каждом конфликте: размещение миротворческого контингента на территории непризнанных государств (Приднестровье, Южная Осетия и Абхазия до 2008 года), выдача российских паспортов жителям данных территорий (Южная Осетия и Абхазия), оказание гуманитарной и финансовой помощи для обеспечения населения продуктами питания, медикаментами и базовым набором общественно-социальных услуг. Данная безвозмездная поддержка снижает риск очередной эскалации того или иного этнополитического конфликта, т.к. атакующей стороне придется так или иначе иметь дело с российским дипломатическим и военным давлением. В отношении Южной Осетии и Абхазии наша страна решилась на самые радикальные меры, признав независимость обеих территорий со спорным статусом, и по сегодняшний день выступая гарантом их безопасности и суверенитета.

Последним наиболее значимым внешним фактором является влияние прочих акторов мировой политики. Помимо непосредственно национальных государств, так или иначе вовлеченных в конфликт, существенную поддержку непризнанным государствам на постсоветском пространстве могут оказывать и прочие заинтересованные акторы. В каждом конкретном случае мы можем наблюдать различных участников: самопровозглашенной республике Нагорного Карабаха солидную финансово-инвестиционную поддержку оказывает многочисленная армянская диаспора, приднестровское руководство имеет политическую и финансовую поддержку Донского и Кубанского казачества, а Абхазия и Южная Осетия частично полага-

лись на помощь жителей кавказских субъектов Российской Федерации, этнически родственных абхазам и осетинам. Стоит также учесть влияние международных организаций, таких как ООН или Международный комитет Красного Креста, оказывающих гуманитарную помощь беженцам, а также частично помогавших в восстановлении разрушенной инфраструктуры на территориях со спорным статусом.

Ввиду вышеописанных внешних и внутренних факторов сохраняющегося замороженного состояния этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве становится понятно, что их урегулирование в одностороннем порядке практически невозможно в краткосрочной перспективе и требует постепенного взаимного сближения обеих противоборствующих сторон. Тем более что в условиях глобализации последствия данных конфликтов затрагивают всех основных игроков на геополитической карте мира. Подобная интернационализация конфликтов свидетельствует о необходимости кооперации усилий не только близлежащих стран и России, но также Европейского Союза и США.

Таким образом, можно утверждать о наличии у этнополитических конфликтов и связанных с ними политико-территориальных образований со спорным статусом специфических характеристик. Они касаются их возникновения и существования, включая особенности государственного устройства непризнанных государств, их идеологической основы, а также взаимоотношения между конфликтующими сторонами. Данные особенности функционирования, продиктованные, прежде всего, нестабильным положением непризнанных государств на международной арене неоднозначной внутренней ситуацией в них, играют решающую роль при рассмотрении возможных путей разрешения конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве. Этнополитические конфликты в большинстве своем играют роль катализатора в процессе образования политико-территориального образований со спорным статусом. Их причину следует искать в исторической плоскости, т.к. большинство непризнанных государств так или иначе опирались либо на уже существующее административное деление, сложившееся с течением времени, либо на исторические административно-территориальные единицы, существовавшие в прошлом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2005.
2. *Арбатская М.Н.* Голосование в зарубежных странах и непризнанных государствах: нормы и практика // Россия и современный мир. 2007. № 3.
3. *Бахтуридзе З.З., Лагутина М.Л.* Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.

4. *Большаков А.Г.* Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов // ПОЛИТЭКС. 2008. Том 4. № 1.

5. *Большаков А.Г.* Российский интеграционный проект и несостоявшиеся государства постсоветского пространства // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 4.

6. *Гаджимурадова Г.И., Рабат Л.* Радикализм как фактор нестабильности на Кавказе и в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2020. № 12.

7. *Зверева М.В., Новикова А.В., Попов С.И.* Проблемы государственного регулирования социально-экономического развития и управления в московской агломерации. Пути решения // Вопросы политологии. 2020. № 11.

8. *Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю.* Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 1.

9. *Никлаус А.А.* Роль культурного самоопределения территориальных меньшинств в процессе формирования внутрирегионального пространства государств: отечественный и европейский опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 3.

10. *Маркедонов С.М.* СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1.

11. *Маркедонов С.М.* Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2010.

12. *Петров Н.Д.* ГУАМ и проблемы урегулирования замороженных конфликтов на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 12.

13. *Пищук М.Д.* «Год первый»: Госкомнац России и его деятельность по защите русскоязычного населения на постсоветском пространстве в 1992 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 3.

14. Постановление Верховного Совета Республики Южная Осетия о проведении всенародного голосования (референдума) Республики Южная Осетия // <http://do.gendocs.ru/docs/index-40781.html?page=60#1358821>.

15. *Рауфф А.Р.* Этнокультурный фактор в новом миропорядке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 7.

16. *Семибоков Д.А.* Современная структура научных представлений о непризнанных республиках как особых политических институтах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2.

17. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

18. Стратегия социально-экономического развития Республики Абхазия до 2025 года. Сухум: Центр Стратегических Исследований при Президенте Республики Абхазия, 2015.
19. Сообщение РИА-Новости от 14.11.2011 // <http://ria.ru/society/20111114/488192257.html>.
20. Сообщение Lenta.ru от 10.01.2014 // <http://lenta.ru/news/2014/01/10/osetia1/>.
21. *Цветкова О.В.* Нацестроительство и языковая политика в современной России (по материалам этносоциологического исследования) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 3.
22. *Чагвич А.В.* Миротворческая деятельность России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 1.
23. *Чемурзиева З.И.* Проблемы легитимации непризнанных государств на постсоветском пространстве: между правом и геополитикой // Философия права. 2007. № 3.
24. *Штанько М.А., Тажева З.Б.* Управление этническим конфликтом // Вопросы политологии. 2021. № 1.
25. *Эмиров Р.М.* Азербайджано-армянский конфликт и его последствия для России // Вопросы политологии. 2020. № 12.
26. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение / Коллективная монография / Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева. Москва, 2019.
27. *Lantsov S.A.* Ethnic Terrorism and Ethnic and Political Conflicts of the XIX-XX Centuries: Analysis of Socio-Political and Ideological Factors // Political Science Issues. 2020. № 1.
28. *Lynch D.* Separatist states and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. 2002. Vol. 78. № 4.
29. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R.* Ethno-Language Issue as A Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. T. 12. № 5.

D.A. SEMIBOKOV

*Post-graduate student of Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia*

ETHNOPOLITICAL CONFLICTS AS A FACTOR OF INSTABILITY OF THE POLITICAL SYSTEMS OF THE UNRECOGNIZED REPUBLICS

The article examines the essence of ethnopolitical conflicts as a factor in the emergence of unrecognized states. In addition, an analysis of these conflicts from the point of view of their impact on the stability of the modern unrecognized republics of the post-Soviet space is given.

In addition, the text provides a step-by-step analysis of the emergence of ethnopolitical conflicts, the reasons why the emergence of these conflicts is possible in modern political conditions.

Key words: *ethnopolitics, ethnopolitical conflicts, political systems, unrecognized states, unrecognized republics.*

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: СУБЪЕКТЫ И МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Группы интересов имеют политическую и научную значимость в связи с тем влиянием, которое они оказывают на публичную политику [8]. Влияние может иметь много оттенков. Наиболее заметными являются успешные попытки повлиять на политические решения, но влияние может возникать и на более ранних этапах политического процесса. Отмечено, что группы интересов различаются по набору областей публичной политики, на которые они стремятся повлиять, и политический контекст может иметь решающее значение для способности групп влиять на политику. Сделан вывод, что влияние групп интересов на публичную политику осуществляется как непосредственно, так и опосредовано исходя из спектра целей и задач, преследуемых определенной группой и на основе существующего у нее потенциала в виде материальных, информационных и организационных ресурсов.

Ключевые слова: политика, политическая система, государство, власть, группы интересов, лоббизм, политическая практика, публичная политика.

Учитывая, что под понятием «публичная политика» понимается сложная система идей и ценностей, в рамках которой принимаются решения и предпринимаются действия или бездействие правительствами в отношении какого-либо вопроса или проблемы» [6. Р. 16], исследование закономерностей влияния групп интересов имеет центральное значение для дебатов о распределении власти между различными социальными группами.

Одним из важных вопросов является вопрос о том, являются ли одни и те же группы доминирующими на разных аренах и на разных этапах политических процессов [1. Р. 3]. Данные свидетельствуют о различиях в по-

литических стратегиях, используемых группами, причем некоторые типы групп больше полагаются на инсайдерские контакты с лицами, принимающими политические решения, в то время как другие уделяют больше внимания стратегиям аутсайдеров, таким как проведение брифингов для прессы или контактам с журналистами [7. Р. 163-175].

В общем понимании под группами интересов понимаются «объединение индивидов, сформированное для объединения, артикуляции и продвижения интересов, которые имеют общие члены» [11]. Это вытекает из того, что политическая роль групп может рассматриваться как «процесс производства влияния» [9], и исследования сосредоточены на различных стадиях этого процесса. При этом влияние может быть оказано на любом из различных этапов – от формирования политической повестки дня до последующей реализации государственной политики [2. Р. 559]. В этом случае политическое влияние, может быть, определено как успех в продвижении или изменении политических решений в интересах группы и/или успех в привлечении внимания к вопросам, представляющим интерес для группы. Таким образом, политическое влияние является многоаспектным явлением, связанным как с формированием повестки дня, так и с принятием политических решений.

Центральное место в организации деятельности групп интересов занимает различие между стратегиями, доступом и влиянием. Стратегии – это общие подходы, применяемые группами в поисках политического влияния, и их можно эмпирически наблюдать как комбинации конкретных действий или тактик [3. Р. 212]. Доступ требует, чтобы группы успешно прошли определенный порог, например, получили доступ в парламент. Влияние это достигается только тогда, когда группы успешно влияют на политические решения, включая решения о том, какие вопросы должны быть в политической повестке дня [13].

Исходя из этого группы интересов различаются по набору областей политики, на которые они стремятся повлиять, и политический контекст может иметь решающее значение для способности групп влиять на политику. Некоторые области могут быть отмечены жесткой конкуренцией и конфликтами между различными типами групп, в то время как группы, действующие в других областях, могут испытывать меньшую интенсивность конфликтов. Кроме того, степень институционализации политических процессов различна в различных областях политики даже в рамках одной и той же политической системы. Некоторые области могут характеризоваться устойчивыми паттернами взаимодействия между отдельными группами и лицами, принимающими государственные решения, в то время как другие могут отражать плюралистические модели посредничества интересов [12].

Совпадение целей и ресурсов имеет решающее значение для влияния, оказываемого группами интересов. Группы интересов различаются как с точки зрения типа интересов, которые они представляют, членов, кото-

рых они организуют, так и с точки зрения их организационных ресурсов. В данном случае о группах интересов можно говорить, как о членских организациях, стремящиеся к политическому влиянию, не баллотируясь на государственные должности. Подобная характеристика группы интересов во многом определяет ее политическое влияние, поскольку групповые характеристики влияют на цели группы, их выбор стратегии и их способность получить доступ к различным политическим аренам. Однако баланс между целями может варьироваться: некоторые группы подчеркивают инсайдерский доступ и способность заключать сделки по политическим уступкам, в то время как другие считают более привлекательным привлечь внимание общественности к их причинам [10. Р. 181-205].

В политической практике современного государства группы интересов представляют широкий спектр общественных интересов. Однако можно выделить семь типов групп, которые могут быть сжаты в две более полные категории экономических групп и групп граждан. Экономические группы – деловые группы, институциональные группы, профсоюзы и профессиональные группы – все они организуют членов, связанных с общественным производством, как в частном, так и в государственном секторе. Напротив, группы граждан организуют своих членов на основе непрофессиональных факторов и включают, например, группы пациентов, экологические группы и группы по интересам [4. Р. 16].

Различные типы экономических групп представляют собой четко определенные группы членов и в основном они заниматься продвижением политических решений, которые принесут непосредственную пользу их членам. Роль экономических групп состоит в оказании непосредственного влияния на принятие необходимых политических решений, и они обладают более высоким потенциалом, чем группы граждан, получить их благодаря своему влиянию и владению инсайдерскими ресурсами. Эти группы хорошо обеспечены инсайдерскими ресурсами и это позволяет им предоставлять лицам, принимающим решения соответствующую информацию, например, о вероятных последствиях подобных политических решений [5. Р. 660-686].

Группы граждан наоборот больше озабочены тем, чтобы повлиять на формирование повестки дня. Во-первых, многие группы граждан продвигают диффузные интересы и поэтому постоянно нуждаются в публичном продвижении своих интересов и организации не только для того, чтобы получить политическое влияние, но и для того, чтобы выжить как организация. Во-вторых, несмотря на то, что группы граждан также могут быть связаны с конкретными политическими решениями, их цели часто относительно широки, включая, например, повышение общей осведомленности о конкретной болезни или гуманитарной причине. Однако группы граждан также имеют относительно сильные внешние ресурсы из-за их представления о широко привлекательных причинах и причинах, часто имеющих

большую ценность для общества, таких как плохое обращение с пожилыми людьми, жестокое обращение с детьми или гуманитарные катастрофы. Таким образом, группы граждан в демократическом обществе с большей вероятностью, чем экономические группы, способны влиять на политическую «повестку дня».

Основным предназначением групп интересов является обеспечение взаимодействия общественности с органами государственной власти. Это реальный способ для общества высказать свое мнение по конкретному вопросу. Эти группы также могут различаться по степени влияния, которое они способны оказывать. В основе успеха деятельности группы интересов лежит доступ к органам власти и политикам, т.к. доступ предшествует влиянию. Иными словами, прежде чем можно будет осуществить политические изменения, необходимо получить доступ к важным политическим деятелям. Сам доступ может быть получен с помощью ряда факторов. К ним относятся финансирование, личные связи, структура группы, легитимность членства и актуальность группы в данный момент. Все эти факторы могут быть использованы в совокупности для получения доступа к органам власти.

В частности, финансирование, может быть использовано для приобретения доступа несколькими способами. Прежде всего, его можно использовать для покупки эфирного времени в средствах массовой информации. Поэтому пресса, радио и телевидение предоставляют дополнительный ресурс для групп интересов. По определению, сообщения через средства массовой информации адресуются популярной аудитории, а не конкретным лицам, принимающим решения. Если какой-то вопрос получает широкую огласку, политики не могут игнорировать его без последствий.

Часто доступ также достигается через личные связи. Хотя связи не всегда могут привести к достижению целей, они могут быть использованы как способ для группы, чтобы получить свою ногу в дверь. Политики чаще уделяют время тем, с кем у них личные отношения и якобы схожие политические взгляды. Все чаще группы интересов нанимают лоббистов, имеющих личные связи с политиками, на которых группа пытается повлиять. Однако в этой связи возникает вопрос о законности деятельности групп интересов. На эту легитимность, в свою очередь, может влиять тип членов. В качестве примера можно привести профсоюзы «синих воротничков» и более престижные рабочие места, такие как врачи и юристы. Похоже, что общая общественная тенденция заключается в том, чтобы дать больше доступа тем, кто работает на «более престижных» должностях. Это имеет смысл, потому что престижные качества (такие как большая зарплата, высшее образование и т.д.) могут способствовать финансированию группы, связям и т.д. Те, у кого больше денег, часто могут и будут жертвовать больше, а с лучшим образованием часто получают доступ к большему кругу влиятельных людей.

В отличие от политических партий, группы интересов имеют определенную направленность и миссию. Отношения между группами и политическими партиями – отношения между группами и политическими партиями, независимо от выборов. Хотя группы интересов имеют некоторое сходство с политическими партиями (например, они оба являются членскими органами и участвуют в государственной политике), критическое различие возникает из-за того, что группы интересов не участвуют в выборах. В результате они в значительной степени полагаются на хорошие отношения с политическими партиями, особенно с теми, кто находится в органах власти, для достижения своих политических целей. Эти отношения, однако, актуальны не только в контексте их лоббистской деятельности. Многие группы интересов сильно зависят от государственного финансирования и поэтому стремятся обеспечить тесные и хорошие отношения с политиками и правительственными чиновниками, что также является вопросом организационного выживания и поддержания своего статуса.

Что касается характера связей между политическими партиями и группами интересов, то в литературе прослеживаются различные подходы. Доминирующая перспектива подчеркивает финансовые зависимости, охватывающие регулярный или систематический поток средств между ними, например, через предоставление пожертвований. Хотя эти финансовые взаимозависимости часто подчеркивались политическими наблюдателями и аналитиками, три других типа связей представляются одинаково релевантными для понимания отношений между группами интересов и партиями. Во-первых, можно подчеркнуть организационную направленность, которая определяет разделение ключевого и дублирующего персонала. Во-вторых, сходство между группами и партиями может быть более идейным, в результате чего общие взгляды на то, каковы ключевые политические проблемы дня и как они должны быть решены, имеют приоритетное значение. Наконец, можно указать на совместное или перекрывающееся членство между группами и партиями. Однако, хотя все это может быть логически возможно, для большинства групп такие отношения просто не применяются.

С точки зрения ресурсов можно различать внутренние ресурсы и внешние ресурсы. Однако деньги, членство и информация выступают основными категориями ресурсов любых групп интересов. Так, значение денег в современной политике возросло в последние годы из-за роста расходов на политические кампании. Существующие законы, ограничивающие взносы на предвыборную кампанию, имеют пробелы в них, и многие выборные должностные лица от обеих партий неохотно поддерживают изменения в нынешней системе, которые могут дать некоторое преимущество их оппонентам. Группы интересов, наиболее влиятельные на национальных выборах, обычно делают добровольные взносы кандидатам на общую сумму в сотни тысяч долларов.

Кроме того, необходимы значительные финансовые ресурсы для поддержания присутствия в органах власти в период между выборами. Группы нуждаются в профессиональном персонале, чтобы влиять на законодательство, затрагивающее ее интересы, в дополнение к персоналу, необходимому для общения с ее членами и предоставления им услуг. Группы, не имеющие постоянного провластного присутствия, не могут оказывать закулисного влияния на детали законодательства, что является отличительной чертой успешной группы интересов.

Деньги также взаимодействуют с факторами членства и сплоченности. Чтобы преодолеть проблему «безбилетника», группы должны привлекать «политических предпринимателей», то есть людей, которые ищут материальные, профессиональные или идеологические выгоды от организации успешной группы. Для этого потенциальные члены группы должны иметь достаточные избыточные ресурсы, чтобы обеспечить перспективную организационную базу. Эта потребность в избытке создает нижний уровень дохода, ниже которого потенциальные группы вряд ли будут организованы. По этой причине относительно немногие группы непосредственно представляют бедных.

Другим фактором, влияющим на мобилизацию ресурсов группы, является то, состоит ли она из отдельных граждан или из других организаций. Многие влиятельные группы интересов являются, по сути, организациями организаций. Это включает в себя торговые ассоциации, профессиональные ассоциации и группы, представляющие государственных и некоммерческих поставщиков услуг. Группа, состоящая из других организаций, имеет меньше организаций для мобилизации, но она все еще может претендовать на то, чтобы представлять тысячи людей, связанных с этими организациями. Кроме того, его члены могут использовать организационные ресурсы, а не личные финансовые ресурсы, чтобы поддержать его.

Помимо преданного членства и денег, информация является самым мощным ресурсом, которым может обладать заинтересованная группа. Обмен информацией осуществляется несколькими способами. Во-первых, информация передается от заинтересованных групп к лицам, принимающим решения. Группы часто обладают техническими знаниями, которых не хватает законодателям, и они стремятся обучать законодателей вопросам, которые их волнуют. Поэтому информация, которую они предоставляют, как правило, усиливает интересы группы. Законодатели хорошо осведомлены о ее предвзятости, но все же могут найти эту информацию полезной. Поэтому одним из главных преимуществ постоянного присутствия в органах власти является возможность предоставлять информацию законодателям в ключевые моменты процесса принятия решений. Во-вторых, информационные потоки от законодательной и исполнительной ветвей власти к заинтересованным группам. Их неформальные контакты с чиновниками дают

возможность давать показания на слушаниях и мобилизовать членов своей группы, когда приближается решающее голосование.

Таким образом, влияние групп интересов на публичную политику осуществляется как непосредственно, так и опосредовано исходя из спектра целей и задач, преследуемых определенной группой и на основе существующего у нее потенциала в виде материальных, информационных и организационных ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Baumgartner F.R. and Jones B.D.* Agendas and Instability in American Politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1993.
2. *Bernhagen P.* Who Gets What in British Politics – and How? An Analysis of Media Reports on Lobbying around Government Policies, 2001-2007 // *Political Studies*. 2011. № 1-21.
3. *Berry J.M.* Lobbying for the People: The Political Behavior of Public Interest Groups. Princeton: Princeton University Press, 1977.
4. *Berry J.M.* The New Liberalism. The Rising Power of Citizen Groups. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999.
5. *Bouwen P.* Exchanging goods for access: A comparative study of business lobbying in the European Union institutions // *European Journal of Political Research*. 2004. № 43.
6. *Brooks S.* Public Policy in Canada: An Introduction, McClelland and Stewart Inc. Toronto, Ontario, 1989.
7. *Dür A. and Mateo G.* Gaining access or going public? Interest group strategies in five European countries // *European Journal of Political Research*. 2013. № 52.
8. *Dür A.* The Question of Interest Group Influence // *Journal of Public Policy*. 2007. № 27.
9. *Lowery D. and Gray V.* A neopluralist perspective on research on organized interests // *Political Research Quarterly*. 2004. № 57 (1).
10. *Maloney W.A., Jordan G. and McLaughlin A.M.* Interest groups and public policy: the insider/outsider model revisited // *Journal of Public Policy*. 1994. № 14 (1).
11. *Pross A.P.* Group Politics and Public Policy. Toronto: Oxford University Press, 1986.
12. *Rhodes RAW and Marsh D.* New directions in the study of policy networks // *European Journal of Political Research*. 1992. № 21 (1-2).
13. *Schattschneider E.E.* The Semisovereign People. A Realist's View of Democracy in America. US: Thomson Learning, 1975 [1969].

SARDAR ALAA

*Graduate student, Department of Political Theory
and Communication, the Institute of International Relations
and World History, Lobachevsky State University of Nizhni
Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia*

PUBLIC POLICY AS A SPHERE OF ACTIVITY OF INTEREST GROUPS IN THE MODERN STATE: SUBJECTS AND MECHANISM OF INTERACTION

Interest groups have political and scientific significance due to their influence on public policy [8]. The influence can have many shades. Successful attempts to influence political decisions are most noticeable, but influence can also occur at earlier stages of the political process. It is noted that interest groups differ in the set of public policy areas they seek to influence, and the political context can be critical to the ability of groups to influence policy. It is concluded that the influence of interest groups on public policy is carried out both directly and indirectly based on the range of goals and objectives pursued by a particular group and on the basis of its existing potential in the form of material, information and organizational resources.

Key words: *politics, political system, state, government, interest groups, lobbying, political practice, public policy.*

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются особенности становления российского парламентаризма на региональном уровне. При этом региональный парламентаризм представляется как неотъемлемая составляющая целостной системы парламентаризма, являющаяся наиболее близкой к населению. В связи с этим, исследование проблем парламентаризма в регионах до сих пор не теряет своей актуальности для ученых, занимающихся изучением российской политической системы.

Отмечается, что современный региональный парламентаризм формировался под влиянием развития общегосударственной парламентской системы и в условиях конфликта между законодательной и исполнительной властью как на федеральном, так и на региональном уровне. Используя институциональный и системный подходы в анализе парламентаризма субъектов, автор определяет специфику его развития, роль государства в этом процессе и влияние конфигурации политических институтов на положение и современное состояние представительных органов регионов.

Кроме того, в статье выявлены основные проблемы, с которыми сталкивается региональный парламентаризм в настоящее время, включая усиливающееся доминирование исполнительных органов на всех уровнях власти, падение роли парламентов, снижение уровня доверия населения к коллективным институтам, и дана оценка его дальнейшему развитию.

Ключевые слова: парламентаризм, политическая система, региональный парламентаризм, исполнительная власть, законодательная власть, региональный парламент, разделение властей, глава администрации региона, парламент.

Региональный парламентаризм в современной России: особенности становления и проблемы развития. Неотъемлемой составляющей политических систем многих современных государств является парламентаризм.

Он представляет собой сложную, общественно-политическую концепцию, включающую наличие избранного коллективного органа – парламента, принцип разделения властей, развитую политическую и правовую культуру, доминирование ценностей демократии [7. С. 34]. При этом важной частью общегосударственной системы парламентаризма является региональный парламентаризм, так как именно на уровне субъекта властные органы работают непосредственно с гражданами, проживающими на их территории, в отличие от федерального уровня. Это позволяет точнее определить интересы и требования населения, а, следовательно, принимать необходимые решения по актуальным для каждой конкретной территории вопросам. Региональные парламенты являются неотъемлемой частью государственной системы, формируя единую политику и обеспечивая представительство региональных интересов на уровне Центра.

Формирование современного парламентаризма в регионах России связано с либерализацией советской политической системы в перестроечный период, отменой доминирующего положения коммунистической партии, ростом оппозиционных сил, переходом к многопартийности, которые оказали значительное влияние на трансформацию региональных органов власти, актуализируя задачи развития представительства и повышения роли парламентов.

Так, общественно-политический кризис и радикальная трансформация политической системы в 1980-1990-х гг. поставили перед государством необходимость коренного изменения действующей системы Советов, сформированной в 1930-х гг. и более не способной эффективно исполнять свои функции в изменившихся условиях, полностью подчиненной вышестоящим органам Верховного Совета СССР и РСФСР, Совета Министров СССР и РСФСР, а также местным органам власти и прочим институтам управления [1. С. 4].

В 1989-1990 гг. был принят ряд законов, закрепляющих разделение властей на исполнительную и законодательную, а также проведена реформа Советов на всех уровнях, способствующая либерализации политического участия на региональном и местном уровнях. Была отменена подчиненность исполкомов, учрежден пост председателя местного Совета и институт коллегиальных Президиумов Советов, руководящих Советами между сессиями. При этом были сохранены коллегиальные исполкомы и двойное подчинение структур управления, а компетенции Советов разных уровней не были разделены [1. С. 4-5].

Кроме того, не обладая значительными полномочиями, региональные представительные органы, стремясь увеличить свое влияние, стали активно вмешиваться в деятельность исполнительной власти. Постепенно данная практика распространилась практически на все регионы страны. Этому, во многом, способствовало отсутствие единых законодательных норм регулирования работы органов власти. В связи с этим Верховный Совет в дека-

бре 1990 г. принял Закон «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов», который определил подчиненность Советов вышестоящим исполнительным органам.

Также, характерной чертой региональных парламентов этого периода являлась нарастающая напряженность в стенах самих Советов, вызванная ростом олигархических тенденций среди руководства представительных органов и структур региональных комитетов КПСС, на основе которых они были построены. Это приводило к недовольству со стороны рядовых членов Советов и конфликтам в отношениях между парламентами и их Президиумами и председателями, Советами и исполкомами и между Советами и органами КПСС [1. С. 6].

Распад СССР и последовавший за ним роспуск коммунистической партии и исчезновение ее региональных комитетов стали причиной того, что Председатели местных Советов и Советов народных депутатов потеряли свои должности, а на их места пришли демократически настроенные председатели, заместители и заведующие отделов райисполкомов, облисполкомов и горисполкомов, райкомов и обкомов КПСС, председатели колхозов, руководители прибыльных предприятий, поддерживающие деятельность Президента.

22 августа 1991 г. Б.Н. Ельциным был подписан указ, вводивший систему иерархического построения региональных органов исполнительной власти, предполагающий, что все исполнительно-распорядительные функции государственного управления в регионе отныне будут осуществляться главой администрации. Губернатор (или глава администрации) назначался Президентом, выполнял функции первого лица в регионе, которому подчинялись исполнительные органы (1).

При этом пока исполнительная власть подвергалась реформированию, региональные парламенты оставались неизменными. Более того, после введения «исполнительной вертикали» их влияние на политический процесс еще больше снизилось: будучи органами власти, избранными в иной исторический период, они не могли оказывать реального влияния на процессы принятия решений, вынужденные существовать в новой президентской системе.

В это же время, усиливающийся властный конфликт между Верховным Советом и Президентом Б.Н. Ельциным поставил парламент перед необходимостью укрепления своего положения. В марте 1992 г. Верховным Советом был принят закон «О краевом, областном Совете и краевой, областной администрации», который фиксировал двойную подотчетность губернаторов перед Советом и Президентом и двойную подотчетность кабинетов перед Советом и главой субъекта. При этом Советы получили право согласования кандидатов на ключевые посты заместителя главы администрации, руководителей финансового, социального и имущественного ведомств. Кроме того, они имели право обжаловать акты глав регионов, приостанав-

ливать их деятельность до решения суда и выносить вотум недоверия главе администрации с требованием к Президенту или Конституционному Суду о его отставке. Губернатор также получил право вето на решения парламента, однако, для его преодоления требовалось всего лишь простое большинство голосов депутатов. Но, несмотря на это, к 1993 г. во многих российских регионах сложилась система власти с относительным равновесием полномочий глав администрации и парламента, с характерным для президентско-парламентской системы способом разделения властей [1. С. 8].

В то же время, ситуация в Центре принимала все более серьезный характер. Властный конфликт между Президентом и Верховным Советом достиг своего апогея: в попытке закрепить за собой большинство полномочий и ослабить парламент, Б.Н. Ельцин созывает Конституционное совещание и начинает разработку новой Конституции. В ответ на это парламент проводит активную работу по недопущению принятия Основного закона. Ситуация накаляется, когда Президент своим Указом буквально прекращает деятельность парламента, а тот в свою очередь расценивает эти действия как государственный переворот [5. С. 36].

Окончание кризиса в отношениях между исполнительной и законодательной властью связано с событиями 3-4 октября 1993 г., приведшими к разгону Верховного Совета и полной победе исполнительной власти. В результате начинается кардинальное реформирование политической системы, включающее и систему парламентам всех уровней. Так, первые выборы в новые региональные парламентам состоялись в 1994 г. Они происходили в условиях отсутствия какой-либо единой правовой базы как на федеральном, так и на региональном уровне. Основанием для их проведения стали указы Президента, в которых были прописаны основные установки на содержание и процедуры избирательного процесса, и законодательные акты исполнительных органов субъектов [3. С. 166].

Сразу после начала своей деятельности парламентам столкнулись с рядом трудностей. Так, сложности с определением полномочий законодательного органа приводили к тому, что региональные парламентам наделяли себя достаточно широкими функциями. Например, Устав Тамбовской области предоставлял областной Думе чрезмерные контрольные полномочия, а депутаты Алтайского края законодательно закрепили неспособность какого-либо регионального или федерального института досрочно прекращать деятельность законодательного собрания края.

Помимо этого, реформа парламентамских органов привела к значительному сокращению численности депутатского корпуса, а также депутатов, осуществляющих свою деятельность на постоянной основе, снижению функциональности парламентам и падению их роли как центров политической самоорганизации общества. Большинство мест в парламентам субъектов получали представители исполнительной власти регионов и муниципаль-

ных предприятий, что позволяло администрациям оказывать влияние на деятельность законодательного органа [2. С. 138]. Поддержка Президентом губернаторов и их политики приводила к тому, что в регионах формировалась система власти, главой которой выступал губернатор, подобно суперпрезидентской республике на федеральном уровне. Попытки некоторых регионов восстановить парламентскую модель, в которой глава исполнительной власти был бы подотчетен представительному органу, оказывались заблокированы центральной властью через Конституционный суд.

Значительное влияние на развитие регионального парламентаризма оказал Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», принятый в октябре 1999 г. Он позволил организовать основные правила формирования парламентов всех субъектов, но также предоставил регионам пространство для разработки собственного законодательства, учитывающего их специфику. На основе данного закона были приняты региональные нормы о порядке проведения выборов в местные парламенты, расширены возможности субъектов в экономической сфере, бюджетной политике и т.д. [6. С. 72].

Во многом на состояние регионального парламентаризма в настоящий момент оказало формирование «вертикали власти». Особенностью современного парламентаризма в регионах можно назвать усиливающееся давление исполнительной власти на представительные органы. В ряде случаев законодательная и исполнительная власть взаимодействуют друг с другом, например, по вопросам информационной поддержки и консультирования, присутствия представителей законодательного органа на совещаниях администрации региона. Но, с другой стороны, происходит повышение роли исполнительной власти, отражающееся в предоставлении администрациями регионов права законодательной инициативы, причем ряд законопроектов может быть рассмотрен парламентом только после их одобрения главой региона, направлении парламентом проектов законов губернатору, рассмотрении законодательных проектов главы администрации в первую очередь.

Важным изменением для региональных парламентов стало правовое закрепление возможности их роспуска Президентом России. Первоначально он мог только рекомендовать Государственной Думе распустить представительный орган субъекта, но в последующем, получил право завершить деятельность парламента своим Указом. При этом одной из причин роспуска является отказ регионального парламента утверждать кандидатуру губернатора, предложенную Президентом. Это снизило роль парламентов в политическом процессе и ограничило возможности их влияния на исполнительную власть.

Изменение избирательного законодательства, превратившее общенациональные партии в основные избирательные объединения, лишило реги-

ональные движения и местные партии возможности принимать участие в выборах и оказывать влияние на политические процессы в регионе. Введение смешанной избирательной системы привело к разрыву связи между депутатами и избирателями [4. С. 118]. Депутаты все более руководствуются в процессе принятия решений партийной дисциплиной, а не интересами населения. Не способные заручиться поддержкой населения, региональные парламенты все более теряют свою роль в политическом процессе. А с усилением исполнительной власти, отчуждение граждан от представительных органов регионов только лишь возросло [8. С. 108].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс и характер развития регионального парламентаризма во многом зависит от особенностей формирования государственной политической системы и повторяет картину развития федеральных органов представительной власти. Конфликты, характерные для исполнительной и законодательной власти Центра, проявлялись и на региональном уровне и выражались в виде борьбы за власть и расширение полномочий между главами администраций субъектов и парламентами.

Усиление исполнительной власти, выстраивание на местах системы, подобной суперпрезидентской системе на государственном уровне, отстранение региональных игроков от политического процесса, консолидация власти в руках федерального Центра и ослабление роли регионов привели к торможению развития парламентаризма в политической системе субъектов страны и падению роли представительных органов в процессе принятия решений, продолжающемся и в настоящий момент.

Резюмируя, можно сказать, что особенности развития современного регионального парламентаризма в России и его состояние в настоящее время были обусловлены характером трансформации политической системы в целом, распределением полномочий между ее акторами и институтами и формированием отношений между исполнительной и законодательной властью государства. В связи с этим, пути дальнейшего развития регионального парламентаризма будут во многом зависеть от той политики, которой будут придерживаться центральные органы власти и той роли, которую они предоставят представительным органам в этом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: Указ № 75 [принят Президентом Российской Федерации 22.08.1991 года]: с изменениями и дополнениями. Доступ из электронного фонда правовой и нормативно-технической документации Кодекс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1.

2. Диденко А.Н. Сущность парламентаризма и некоторые особенности его становления в субъектах Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3).

3. Ждановский А.М., Чадаева З.Т. Региональный парламентаризма в парламентской системе Российской Федерации // Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. № 2.

4. Заикин А.А. Особенности политической борьбы в процессе формирования регионального парламентаризма в современной России // Управленческое консультирование. 2018. № 8.

5. Поляков Л. Парламентаризм в России: проблемы истории и современности // Тетради по консерватизму. 2018. № 4.

6. Рыбакова С.С. Особенности формирования региональных парламентов в субъектах РФ // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 3.

7. Сысолятина Е.Л. Современный парламентаризм: институционально-правовая парадигма // ARS ADMINISTRANDI. 2009.

8. Таницура М.С. Региональный парламентаризм в условиях снижения эффективности системы представительства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1.

D.I. PLESHAKOVA

*Graduate student, Tambov State University
named after G.R. Derzhavin, The Russian Federation,
Tambov, Russia*

REGIONAL PARLIAMENTARISM IN MODERN RUSSIA: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROBLEMS

The author studies the peculiarities of the formation of Russian parliamentarism in the regions. Regional parliamentarism is an integral part of the entire parliamentary system and the closest to society. Therefore, the study of regional parliamentarism is relevant for scientists who are engaged in the study of the Russian political system.

The author of the article believes that regional parliamentarism was formed under the influence of the state parliamentary system and in the context of the conflict between the executive and legislative branches. The author uses institutional and systemic methods to analyze parliamentarism in Russian regions. This is how the author defines the specifics of the development of parliamentarism, the state's role in this process and the influence of the configuration of state institutions on the position of regional parliaments.

In addition, the author identified the main problems of regional parliamentarism at the present time (such as the strengthening of executive power, the decline in the role of parliaments in the decision-making process and public confidence in them) and gave an assessment of its further development.

Key words: *parliamentarism, political system, regional parliamentarism, executive branch, legislature, regional parliament, separation of powers, head of the regional administration, parliament.*

ПРИЧИНЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕСС ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Представленное исследование посвящено вопросу о причинах повышенного интереса со стороны внешних и внутренних политических акторов к вовлечению представителей молодежи в процессы, призванные дестабилизировать внутреннюю ситуацию в России. Автор приходит к выводу, что повышенное внимание к выстраиванию коммуникации с подрастающим поколением в данном случае связано отчасти с относительной слабостью государства в плане контроля над пространством социальных медиа, отчасти – с аномально высокой степенью репрезентации молодежи в структуре потребителей соответствующего медиаконтента, продуцируемой процессом культурной глобализацией «революцией потребительских ожиданий» и спецификой политического восприятия молодого поколения, обусловленной дефицитом социального опыта и особенностями возрастной психологии.

Ключевые слова: молодежь, политическая стабильность, протест, социальные сети, социальные медиа, Россия.

На сегодняшний день значимой специфической чертой, характеризующей источники угроз для политической стабильности России, является ориентация на молодежную среду. Отчасти это объясняется структурой доступа политических акторов, участвующих в подрыве политической стабильности в РФ, к рынку масс-медиа. Большинство традиционных СМИ, включая электронные, занимают лоялистскую позицию, в силу чего трансляция посредством их ресурсов месседжей радикальной оппозиции представляется невозможной. Как результат, противники действующей власти фокусируют свои усилия на продвижении на площадках социальных медиа. Особое внимание уделяется площадкам, функционирующим за счет выработки наиболее удобного для восприятия контента – видеороликов развлекательного характера. Значительная часть пользователей, посещающих соответствующие ресурсы, являются подростками, что закономерно обусловило преобладание последних среди потребителей дестабилизирующего контента [5. С. 55].

Согласно данным компании Mediascope за апрель 2020 г., видеохостинг YouTube стал вторым по посещаемости сайтом в России, уступив по популярности лишь поисковой системе Google. Ежемесячно данный ресурс хотя бы один раз посещали с мобильных и десктопных устройств более 47,6 млн. россиян. Из них 8,2 млн. относились к числу пользователей в возрасте от 12 до 24 лет. Доля представителей возрастной группы 12-34 лет составляла около 19,7 млн. человек [2]. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2019 г., 48% россиян в возрасте 18-24 лет ежедневно посещают YouTube [9].

Показательны и данные рейтинга влияния YouTube-каналов за май 2020 г., составленного компанией «Медиалогия». Первую позицию в нем занял канал Влада Бумаги (24 года), также известного как «А4». Количество подписчиков на канале на тот момент достигало 20,4 млн., основной контент формировался за счет пародий и челленджей в ключе «побег из картонной тюрьмы», «кто последний выйдет из круга получит 1000\$» и пр. Второе место занял канал 29-летнего Марина Мокану («Marmok»): 13,5 млн. подписчиков, контент формировался за счет обзоров на видеоигры. На третьей позиции оказался канал Like Nastya (57,4 млн. подписчиков). Его ведут родители 6-летней девочки Анастасии Радзинской, подавляющее большинство роликов посвящено посещению ей детских парков развлечений [6].

На первый взгляд, работа с молодежной аудиторией может представляться малоперспективным направлением работы: традиционно считается, что представители подрастающего поколения достаточно неохотно участвуют в выборах (либо в силу возраста не имеют соответствующих прав) и в массе своей испытывают слабый интерес к общественно-политической повестке. Однако выстраивание коммуникации с молодежью имеет и очевидные преимущества. Во-первых, ее представители не имеют травмирующего опыта 1990-х гг., а их личность формировалась в период активного распространения в культуре элементов «престижного потребления» [1. С. 651]. Развитие социальных медиа облегчило для них доступ к наглядной информации о стандартах качества жизни среднего класса наиболее развитых в экономическом плане стран. При этом соответствующая информация зачастую подается сквозь призму концепции «легких денег»: достижение материального благополучия в рамках массовой культуры не увязывается с продолжительным и тяжелым трудом, обретением сложных навыков и т.д. Уровень жизни, достигнутый россиянами в период «тучных нулевых», воспринимается как данность, естественное положение, что во многом обесценивает в глазах молодых людей достижения властей. Как следствие, они склонны требовать от властей куда большего, чем поколение их родителей. На специфике политического восприятия молодежи сказываются и особенности социального положения данной возрастной группы. В лучшем случае, ее представители

несут ответственность лишь за самих себя, они не должны отвечать за благополучие супругов, детей или пожилых родителей. Как следствие, у молодых людей отсутствует сдерживающий фактор, блокирующий канализацию накопившейся агрессии в политические акции у представителей старших возрастов [7. С. 93; 8. С. 25].

Свою роль играет и своеобразная «политическая наивность», связанная с объективно ограниченным объемом социального опыта. Представители старшего поколения помнят период, когда в Госдуме доминировали сначала депутаты от ЛДПР, а затем – от КПРФ, а региональные власти пользовались чрезвычайно широким объемом прав по отношению к федеральному центру. Однако это не конвертировалось в рост материального благополучия россиян, а, напротив, сопровождалось падением уровня жизни граждан. Часть представителей старшего поколения помнят о том, что первоначально Б.Н. Ельцин позиционировал себя в качестве демократа и борца с коррупцией, привилегиями и социальным неравенством, и могут на собственном опыте оценить, насколько последовательно он воплощал в жизнь свои предвыборные обещания. Молодые люди не могут опереться на соответствующий эмпирический опыт, что заметно облегчает задачу манипулирования их поведением [5. С. 45].

Нельзя проигнорировать и то, что молодежь относится к числу особо опекаемых обществом категорий населения. Соответственно, любой акт насилия представителей власти в отношении школьника способен вызвать куда большую эмоциональную отдачу у аудитории, нежели аналогичные действия в отношении взрослого мужчины. Таким образом, широкое участие представителей молодежи в протестных акциях открывает для оппозиционеров широкие возможности с точки зрения решения задач демонизации власти и дегуманизации правоохранителей [4. С. 9].

Важно отметить, что акторы, вовлеченные в процесс дестабилизации политической ситуации внутри России, ведут работу с молодежью с учетом долгосрочных перспектив. Наглядным подтверждением этого служит кейс фейков относительно внесения поправок в Конституцию РФ. По оценке экспертов Лиги безопасного Интернета, большинство сообщений, содержащих в себе ложную информацию относительно конституционной реформы, распространялись посредством таких ресурсов, как Instagram, «ВКонтакте», TikTok, Twitter, Telegram. При этом особенно ошутимую динамику демонстрировал прирост фейков именно в TikTok – социальной сети, ориентированной преимущественно на детей и подростков (43% аудитории данной соцсети в России, по данным за март 2020 г., относились к возрастной группе 13-17 лет) [3].

Таким образом, широкое вовлечение представителей молодежи в процесс дестабилизации внутриполитической ситуации в РФ обусловлено относительной слабостью действующей власти в плане контроля над про-

странством социальных сетей, преобладанием подрастающего поколения в структуре потребителей соответствующего медиаконтента, порожденной культурной глобализацией «революцией ожиданий» среди молодых людей и особенностями политического восприятия, связанными с дефицитом социального опыта и особенностями возрастной психологии. Соответственно, купировать риски, связанные с вовлечением молодежи в протестное движение, можно лишь за счет развития собственных социальных медиа (включая обеспечивающую их функционирование кадровую базу и технологическую инфраструктуру), выстраивания (на основе принципа учета обратной связи) диалога с лидерами общественного мнения в сетевых сообществах, а также обеспечения устойчивого роста качества жизни молодежи. Последнее предполагает необходимость проведения крупномасштабных реформ в области экономики, образования и политики пространственного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авцинова Г.И., Бурда М.А.* Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 4 (44).
2. Аудитория интернета в России // <https://webindex.mediascope.net/>.
3. Аудитория TikTok в России достигла 18 млн пользователей // <https://ruvod.com/auditoriya-tiktok-v-rossii-dostigla-18-mln-polzovatelej/>.
4. *Иванов О.Б.* Социальные конфликты и политический протест в России последних лет // Политика и общество. 2019. № 6.
5. *Семченков А.С.* Политическая стабильность как приоритет обеспечения национальной безопасности России. М., 2016.
6. ТОП-20 каналов в YouTube, май 2020 // <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/youtube/7486/>.
7. *Фельдман П.Я., Аветисов Э.К.* Согласование интересов государства и общества как фактор обеспечения политической стабильности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 7 (122).
8. *Юрьев А.И., Ханнанова Э.И.* Роль СМИ в обеспечении политической стабильности в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2.
9. YouTube – «телевидение» XXI века // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10022>.

S.V. NESHKOV

*Postgraduate student of Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

REASONS FOR THE INVOLVEMENT OF YOUTH IN THE PROCESS OF DESTABILIZING THE INTERNAL POLITICAL SITUATION IN RUSSIA

The presented research is devoted to the question of the reasons for the increased interest on the part of external and internal political actors in the involvement of young people in processes designed to destabilize the internal situation in Russia. The author comes to the conclusion that the increased attention to building communication with the younger generation in this case is due partly to the relative weakness of the state in terms of control over the social media space, partly to the abnormally high degree of representation of young people in the structure of consumers of the corresponding media content, produced by the process of cultural globalization “revolution consumer expectations ”and the specificity of the political perception of the younger generation, due to the lack of social experience and the peculiarities of developmental psychology.

Key words: *youth, political stability, protest, social networks, social media, Russia.*

ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Сегодня тема экстремизма в среде молодежи становится все более актуальна, поскольку для его распространения и развития появляются новые способы и методы. Одним из таких способов являются средства массовой информации и, в частности, сеть Интернет. Цель статьи – рассмотреть роль интернета и социальных сетей в распространении экстремизма в молодежной среде, а основная задача – проанализировать рост экстремистских преступлений за последние несколько лет, оценив проблему перехода преступности в виртуальный мир. Методами исследования в работе послужили контент-анализ публикаций в социальных сетях и интернете, синтез и обобщение существующих мер противодействия молодежному экстремизму, а также социологические методы – статистические оценки и результаты всероссийских опросов авторитетных центров социологических исследований. В ходе статьи были изучены основные способы распространения экстремистских материалов в сети Интернет, а также исследованы основные проблемы противодействия экстремизму и их возможные причины. В работе был проведен краткий анализ существующего законодательства в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет. В результате проведенной работы было сформулировано обоснование актуальности разработки мер противодействия экстремизму в интернете, а также предложены рекомендации по совершенствованию текущей системы противодействия молодежному экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, терроризм, государство, средства массовой информации, Интернет, Россия.

Сегодня массовое использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет и ее развитие становится общемировой тенденцией. Практически все сферы жизни человека так или иначе связаны с использо-

ванием Интернета: личные цели (общение в социальных сетях, развлечения и др.), социальные нужды (получение государственных услуг, запись в медицинские учреждения и т.д.), служебные обязанности (ведение документооборота, закупки и пр.). О растущей тенденции использования Сети говорят и результаты опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): на апрель 2020 года в цифровую среду было вовлечено 82% россиян, о ежедневном использовании Сети сообщили 71% соотечественников [6]. Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 только положительно повлияла на эту тенденцию: был отмечен рост использования интернета для получения новостей, обучения, общения и совершения банковских переводов.

Несмотря на преимущества использования гражданами Сети, на сегодняшний день она также представляет и значительную угрозу. Так, информационные технологии в современных условиях активно используются экстремистскими и террористическими организациями в ходе их деятельности. Посредством использования интернета активно распространяются экстремистские материалы, осуществляется вербовка новых членов радикальных организаций, координация противоправной деятельности. Особенный интерес для экстремистских группировок представляет молодежь в силу их восприимчивости к пропаганде и не до конца сформированным политическим и религиозным взглядам, полному отсутствию социальной позиции или ее маргинальности. А поскольку, согласно данным РБК, в 2020 г. доля молодежи в возрасте от 12 до 24 лет среди всех пользователей интернета в России составила 97,1% [3], ситуацию необходимо подвергнуть более подробному изучению.

В последние несколько лет в России в целом наблюдается рост числа преступлений, совершаемых по мотивам социальной, национальной, религиозной нетерпимости, и классифицируемых как экстремистские. Статистика отчетливо прослеживается в характеристике состояния преступности в Российской Федерации, публикуемой на сайте МВД РФ. Так, за 2017 год было зарегистрировано 1521 преступление экстремистской направленности, что составило на 32% больше, чем в 2014 году. В 2018 и 2019 гг. ситуация улучшилась, но автор связывает это с частичной декриминализацией ст. 282 УК РФ (о возбуждении ненависти и унижении достоинства), когда был внедрен механизм административной преюдиции: первое правонарушение по данной статье наказуемо в административном порядке при отсутствии отягчающих обстоятельств. Однако, в таблице 1 наглядно прослеживается значительное увеличение количества экстремистских преступлений некоторое время спустя после этого события. Так, за первое полугодие 2020 года было зарегистрировано 442 преступления экстремистской направленности, что практически равно общему количеству аналогичных преступлений в предыдущем 2019 году. Стоит отметить, что в данной работе не учитываются террористические преступления, рост которых не прекращался с 2016 года (напомним, что всего за 2020 г. было зарегистрировано 2342 преступления террористического характера).

**Число зарегистрированных преступлений
экстремистской направленности [5]**

	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (январь-февраль)
Значение	1450	1521	1265	585	833	149
Прирост (в %)	+9,1	+4,9	-16,8%	-53,8%	+42,4%	+12,9%

При этом растет и количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и преступлений в сфере компьютерной информации – в 2020 г. отмечается их прирост на 29,4% по сравнению с предыдущими годами. Факт роста преступлений в этой области отмечал Генеральный прокурор РФ на апрельском заседании Совета Федерации еще в 2019 г.

В целом, быстрые темпы роста и развития информационных технологий и возможностей интернет-ресурсов создали проблему, заключающуюся в практически полной невозможности контролировать публикуемую информацию, в связи с чем значительная доля публикуемых материалов может содержать деструктивную информацию экстремистского характера или пропаганду радикальных идей. О переходе преступлений экстремистской направленности в интернет-среду говорят и цифры в отчетах о преступности, публикуемых на сайте МВД: на сегодняшний день более 90% преступлений экстремистской направленности совершаются с использованием сети Интернет.

Кроме того, преступления в интернете характеризуются высокой степенью латентности, что становится следствием применения различных механизмов для обеспечения анонимности автора публикации и зачастую это позволяет правонарушителям избегать мер ответственности и совершать преступления повторно.

Также в контексте исследуемой темы важно понимать, что часто преступления в интернете носят трансграничный характер – то есть правонарушитель и объект его посягательства могут находиться в юрисдикции разных государств. Такие преступления совершаются дистанционно, а часть их может быть даже выполнена в автоматизированном режиме. Подобный разброс следов совершенного преступления, а зачастую и отсутствие фиксированного места преступления значительно осложняет процесс расследования.

Помимо этого, стоит обратить внимание на нестандартность совершаемых преступлений, их сложность и разнообразие способов и средств, применяемых в них. Все это увеличивает потенциал экстремистских организа-

ций, зачастую действующих как сетевые структуры. И для таких сетевых структур важнейшим ресурсом становятся люди, что обуславливает растущую угрозу в виде вербовки людей через сеть Интернет. Здесь наибольший интерес вызывают как раз молодые люди, обучающиеся в средних специальных и высших учебных заведениях, как лица, наиболее восприимчивые к пропаганде. Для их привлечения в свои ряды и координации противоправной деятельности члены экстремистских организаций активно используют социальные сети, такие как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», поскольку в данных сетях существует большое количество сообществ и отдельных страниц, с помощью которых ведется пропагандистская работа и публикуется информация, направленная на разжигание ненависти по признаку религии, национальности и т.д. На опасность соцсетей как источника распространения информации ранее уже указывал и руководитель ФСБ Александр Бортников на одном из заседаний Национального Антитеррористического Комитета [2].

Также стоит обратить внимание на пополняющийся год от года Федеральный список экстремистских материалов, который в 2020 году обновился 26 раз, увеличившись до 5143 наименований. В список было внесено 139 новых пунктов, из которых минимум 90 являются материалами из Интернета (в значительной доле представлены материалы как раз из социальных сетей – аудиозаписи, видеоролики, длинные тексты постов и изображения). Однако предположительно, что экстремистских материалов, обязанных своим происхождением Интернету, на деле могло оказаться больше – по описанию некоторых пунктов Списка невозможно понять, где находился материал (например, п. 5017, связанный с описанием текста статьи с ее частичным цитированием) [7].

Рассмотрим основные механизмы привлечения молодежи к экстремизму, используемые членами радикальных группировок в сети Интернет. В первую очередь, это взаимодействие в уже ранее упомянутых социальных сетях. Здесь проводится агитационная и пропагандистская работа и деятельность по вербовке новых членов, основным инструментом которых становятся публикации текстов радикального содержания, изображений, видео- и аудиороликов с идеями экстремистского толка. Несформировавшееся сознание молодежи, проводящей большинство свободного времени в социальных сетях используется экстремистами в собственных целях. Зачастую они отслеживают негативные реакции в комментариях, выискивая людей, чьи взгляды соотносятся с их идеологией и действуют более направленно, отсылая материалы экстремистского содержания непосредственно в личной переписке. Согласно данным «Левада Центра», на февраль 2021 года самой популярной социальной сетью остается ВКонтакте, второе место занимает YouTube, третье место поделили Instagram и Одноклассники, а четвертое занял TikTok. Именно на эти сетевые платформы следует обратить внимание при разработке мер профилактики экстремизма в среде молодежи.

Также учитывается интерес молодежи к многоэтапным электронным играм, в ходе которых создается практически полный эффект присутствия за счет подключения не только зрительных, но и слуховых и тактильных ощущений. Так, экстремистские организации внедряют подобные механизмы для вывода завербованного неопита из виртуальной реальности в реальный мир. Особую опасность при этом могут представлять игры, где для выполнения виртуального задания необходимо выполнить задание в реальном мире. Так, самым громким случаем стал интернет-проект в 2011 году под названием «Большая игра. Сломай систему». Эта игра была разработана экстремистским сообществом «Северное братство», а ее главной целью было увеличение количества участников для планируемой экстремистами диверсии по разрушению конституционного строя Российской Федерации. Игра была хорошо структурирована, поделена на различные уровни, а игрокам присваивались различные звания, согласно которым выдавались задания, в ходе которых нужно было собрать ту или иную информацию или выполнить другие действия. Данный проект в 2011 году официально был признан экстремистским и заблокирован.

Н.И. Болычев в своем исследовании указывает еще на два метода, используемые экстремистскими и террористическими организациями для вербовки новых членов: метод «инфицирования» и метод «кристаллического зерна» [1]. Первый из них заключается в том, что аудитория, на которую нацелено распространение пропагандистской информации, является своеобразным «сосудом», который члены радикальных группировок стремятся заполнить информацией и убеждениями, характерными для их деятельности, т.е. правильными на их взгляд. Такая работа осуществляется непосредственно с отдельными лицами путем их убеждения и привлечения на свою сторону. Способ же «кристаллического зерна» более латентный: экстремист просто живет своей жизнью, свободно выражая свои взгляды, но при этом никому их не навязывая во избежание привлечения лишнего внимания. Но в то же время всем интересующимся такой элемент подробно объясняет свои принципы и идеологию: часть таких людей интересуются из чистого любопытства, а часть из них – потенциальные экстремисты. Однако отметим, что последний способ более эффективен при личном контакте, чем при взаимодействии в Интернете.

Обратим внимание на увеличившееся количество блокировок различных интернет-сайтов в последние несколько лет. Как правило, на таких сайтах осуществляется информационная и финансовая поддержка экстремистских и террористических организаций, пропаганда нетерпимости, межнациональной розни, религиозной вражды и сепаратизма. Стоит заметить, что значительная часть адресов интернет-сайтов с подобным содержанием зарегистрирована в других государствах. Неоднозначный характер носят и справочные ресурсы, которые напрямую не содержат никакого экс-

тремистского содержания, но при этом подразумевающие совершение противоправной деятельности – это инструкции по изготовлению взрывчатых веществ и бомб, способы самостоятельного получения смертельных ядов и пр. Само собой разумеется, что такие ресурсы регулярно меняют адреса и доменные имена, но их количество продолжает возрастать, что не может не вызывать беспокойства. В решении такой проблемы могло бы помочь совершенствование законов Российской Федерации в области распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и выделение дополнительного количества рабочих мест для цифровых специалистов в силовых структурах, чьей задачей могло бы стать обнаружение подобных ресурсов и потенциальное отслеживание их создателей (при возможности).

На сегодняшний день в России существует система борьбы с экстремизмом и терроризмом, которая базируется на федеральных и нормативных актах и нормативно-правовых актах субъектов РФ. Самым важным документом является Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», где описаны проявления экстремизма и меры противодействия ему. Часть положений этого Федерального закона конкретизирована в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. – здесь отмечены наиболее опасные виды экстремизма. В контексте данного исследования важно заметить, что в этой Стратегии выделяется опасность активного использования экстремистами информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе интернета) в целях привлечения в свои ряды новых соратников, распространения экстремистских идей и координации противоправной деятельности экстремистского характера. Также в противодействии экстремизму имеет важное значение ряд норм уголовного и административно-правового законодательства. В частности, они устанавливают меры наказания за преступления экстремистского характера: за организацию экстремистской деятельности, за участие в ней или призывы к участию, возбуждение ненависти либо вражды, за финансирование экстремистской деятельности и за публикации относительно экстремистской деятельности либо деятельности запрещенной организации.

Необходимо понимать, что эти нормы не играют большой роли в эффективном противодействии молодежному экстремизму в сети Интернет и поэтому автор обратился к законодательству в сфере информационно-коммуникационных технологий. Анализ показал, что правовое регулирование здесь регламентируется федеральным законодательством. Так, ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» обеспечивает Роскомнадзор возможностью накладывать ограничение доступа к ресурсам, где осуществляются призывы к беспорядкам или экстремистской деятельности, через обращение Генерального прокурора либо его заместителей. Поскольку сеть

Интернет относится к источникам СМИ, то имеет смысл обратиться и к Федеральному закону «О средствах массовой информации», где установлена недопустимость использования средств массовой информации для распространения экстремистских материалов, совершения противоправной деятельности и запрет на публикацию материалов пропаганды экстремизма, насилия, жестокости и нецензурной брани.

Со стороны международных норм противодействие экстремизму можно рассмотреть через призму Конвенции Шанхайской организации сотрудничества, принятой в 2017 году странами-членами, и ратифицированной в Российской Федерации Федеральным законом № 196-ФЗ в 2019 году. Согласно положениям Конвенции, страны-участницы осуществляют противодействие экстремизму на национальном уровне, используя такие меры как ограничение доступа к экстремистским материалам в сети Интернет, мониторинг СМИ и Интернета в целях обнаружения экстремистских материалов и их своевременной блокировки и ведение работу по противодействию экстремизму в СМИ и Интернете. Таким образом, мы можем отметить, что данная конвенция учитывает опасность Интернета как средства распространения экстремизма и предлагает заняться разработкой мер противодействия ему в этой сфере [4].

Однако нужно понимать, что фактически ни одно из вышеперечисленных положений не может в полной мере стать эффективной базой для противодействия молодежному экстремизму в сети Интернет, так как все они охватывают лишь общую идею и в качестве максимальной меры предлагают (в основном) блокировку Интернет-ресурса. Но здесь существует несколько проблем: во-первых, зачастую экстремистские веб-страницы создаются на зарегистрированных или находящихся физически серверах за границей, а во-вторых, во время принятия решения о блокировке судом материалы, публикуемые на таких ресурсах, оказываются растиражированы на других сайтах.

Именно поэтому российское законодательство требует внесения изменений в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет. Возможно, эффективным инструментом в борьбе с экстремизмом в сети мог бы стать отдельно созданный федеральный орган или отдельное подразделение в силовых структурах, максимально оснащенное техническими возможностями. Задачей такого органа стал бы мониторинг Сети для отслеживания экстремистских материалов и ресурсов, анализа Интернета на предмет преступной деятельности и своевременное оказание мер противодействия распространению экстремистских материалов и пропаганды экстремистской идеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Большев Н.И.* Противодействие вовлечению молодежи в радикальные организации, осуществляемому с помощью сети Интернет // Вестник ВИ МВД России. 2016. № 1.

2. Глава ФСБ назвал соцсети источником экстремистских идей // Российская газета. 2013 // <https://rg.ru/2013/06/11/bortnikov-site.html>.

3. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100% // РБК // https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426.

4. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280036>.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // МВД РФ. 2021. Аналитический обзор // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>.

6. Сеть как спасение // ВЦИОМ. 2020. Аналитический обзор // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/set-kak-spasenie>.

7. Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации. 2021 // <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=50&>.

A.K. RUZAVINA

*Post-Graduate of Siberian Institute
of Management – the branch of RANEP,
Novosibirsk, Russia*

INTERNET AND SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF SPREADING YOUTH EXTREMISM

The article is devoted to the role of the Internet and social networks in spreading extremism among youth. The article gives an analysis of the growth of extremist crimes over the past few years and the problem of the transition of crimes to the virtual reality. Much attention is given to the main ways of placing extremist materials on the Internet. Further the author reports focus on new problems of countering extremism and their possible causes and analyses existing legislation in the field of countering extremism on the Internet. The author justifies the relevance of developing measures to counter extremism on the Internet.

Key words: *extremism, youth extremism, terrorism, state, mass media, Internet, Russia.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.025

УДК 32.327

Ж.С. СЫЗДЫКОВА

доктор исторических наук,
профессор ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

МЕГАПРОЕКТ КИТАЯ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного мира, которая привлекает к себе особое внимание, в силу того, что в ближайшей перспективе может определить основные магистральные пути развития всей мировой экономики и мировой политики. Данный проект может вывести Китай по основным показателям на первое место, что в перспективе ведет к изменениям конфигурации существующего мира. Отмечается, что в настоящее время в геополитическом плане Китай противодействует политике США и Запада в целом. Обращается внимание, на то, что проект «Один пояс, один путь» затрагивает целые регионы мира. А Китай на официальном уровне предпочитает не акцентировать внимание на своих геополитических целях.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», Китай, мегапроект, государство, безопасность.

Китайский мегапроект по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры «Один пояс, один путь» объединяет в своей основе практически два вполне самостоятельных проекта – «Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)» и «Морской Шелковый путь XXI века». К данному проекту может быть подключено более 60 государств и около 60% населения мира. Мегапроект Китая «Один пояс, один путь» представляет из себя структурированный, комплексный план направленный на осуществление грандиозных планов китайской экономики, начиная с приграничных районов и далее по всему миру. Официальный Китай не устает повторять, что их планы совпадают с интересами партнеров, по всей вероятности, это возможно, когда речь идет об огромном инвестиционном потенциале КНР. Китай стремится обеспечить растущую собственную эко-

номику сырьем, выпускаемую продукцию рынком сбыта, а также решить проблемы трудоустройства многочисленных китайцев. Предлагая новую международную модель сотрудничества множеству государств председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что необходимо «конвертировать преимущества политического диалога, географической близости и экономической взаимодополняемости в преимущества сотрудничества, устойчивого роста, создания общности интересов на основе взаимной выгоды и общего выигрыша» [1. С. 197]. Впервые идея формирования «Экономического пояса Шелкового пути» озвучена в Назарбаев университете в Астане (ныне Нур-Султан), в рамках госвизита Си Цзиньпина в Казахстан в сентябре 2013 г., где китайский лидер заявил о готовности Пекина активно рассматривать совершенствование трансграничной транспортной инфраструктуры с целью постепенного создания транспортной сети, соединяющей Восточную, Западную и Южную Азию, что создало бы благоприятные условия для экономического развития этих регионов [4].

Концепция «Один пояс, один путь» – международная инициатива Китая, направленная на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных, а также экономических коридоров, самых протяженных в мире и связывающих страны Центральной Азии (ЦА), Европы и Африки, с одной стороны. А с другой, именно один «Один пояс, один путь» оценивается как связующее звено между «китайской мечтой» и «мировой мечтой». И тогда возникает совершенно закономерный вопрос: Видит ли Китай себя гегемоном XXI века? Если да, то имеются ли уязвимые места? Имеются ли вызовы внутреннего и внешнего характера?

С одной стороны, проблема уйгурского сепаратизма в СУАР, которая уже более полувека не дает покоя руководству Коммунистической партии Китая (КПК), а до него – Гоминьдану и империи Цин. А с другой же стороны, именно Синьцзянь имеет все шансы в перспективе стать опорой проекта «Один пояс, один путь» и стать транспортно-логистическим, внешнеэкономическим, а далее финансово-экономическим центром всей центральной части Евразии. Естественно, что помимо внутренних проблем, связанных с уйгурским сепаратизмом, есть проблемы отсталости СУАР в социально-экономическом отношении от центральных и восточных районов КНР, имеются проблемы трансграничных рек, экологические вопросы, к вопросам внешнего характера можно отнести спорные вопросы с островами Южно-Китайского моря. И все же в качестве основного вопроса эксперты выделяют вопрос о том, насколько США готовы уступить место гегемона XXI в. Китаю. Китаевед Тавровский пишет: «После 2013 г. провозглашения инициативы Нового Шелкового пути Урумчи и весь Синьцзян приобретают стратегическое значение базового района сопряжения внутренних китайских и внешних транспортных маршрутов материка Евразия» [13. С. 328]. Си Цзиньпин, неслучайно, впервые озвучил стратегию проекта в одной

из стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР), не только из-за близкого географического расположения Казахстана, но с учетом того, что этот регион ЦА является стратегически важным для Китая. Общая протяженность казахстанско-китайской границы (проходит с СУАР) составляет 1782 км самая протяженная среди границ стран ЦА. К тому же «государства Центрально-Азиатского региона обладают значительным природным и экономическим потенциалом, имеют большое геостратегическое значение для КНР и рассматриваются Пекином как «близкие соседи и важные партнеры» [3. С. 58-59].

Мегапроект – это часть общей политики КНР по развитию региональной экономической кооперации в отношении своих стран-соседей и призвана создавать между государствами региона тесные отношения в экономической, политической и гуманитарной сферах [15]. По мнению ученого К. Сыроежкина, в основе этой концепции лежит «не забота о развитии промышленного потенциала стран, через которые будет проходить ЭПШП, а прежде всего – интенсивное развитие западных регионов Китая и их превращение в транспортно-логистический, внешнеэкономический, а в перспективе – и финансовый хаб «Большой Центральной Азии» [8]. Проектирование новых маршрутов, согласно инициативе «Один пояс, один путь» в долгосрочной перспективе может привести к большим, масштабным переменам, которые затронут и Россию. В своем труде «Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений» К. Сыроежкин отмечает: «И, хотя Си Цзиньпин акцентировал внимание на том, что делать это Китай собирается совместно с Россией, подписанные со странами региона документы говорят об обратном. Китай действует не только в обход России, но и особо не считаясь с ее национальными интересами. А это означает, что конфликт интересов Китая и России в Центральной Азии будет нарастать, и вполне предсказуемо, что новые политические элиты государств региона сделают выбор в пользу Китая» [9. С. 71]. Итак, «регион Центральной Азии все более заметно становится полем вероятного столкновения мировых игроков» [12. С. 264]. Нельзя не согласиться с мнением американского политолога Фарида Закария, который пишет: «Насколько мирным окажется подъем Китая, будет определять комбинация его действий и реакций других стран, а также системный результат этого взаимодействия. Из-за своих размеров Китаю не стоит надеяться проскользнуть на мировую арену незамеченным» [5. С. 134]. По мнению Дэвида Даокуй Ли, руководителя центра «Китай и мировая экономика» Института управления экономикой Цинхуа в Пекине «... перемены, происходящие в Китае на протяжении последних трех десятилетий, – это всего лишь половина пути. Перемены будут носить также и социальный, и политический характер. Я приглашаю подумать над совсем иной перспективой. Забудьте о последних 500 годах западной философии и западного восприятия мира. Забудьте об оценке международных

отношений категориями победителей и побежденных. А вместо этого посмотрите на мир через призму традиционных китайских философов, конфуцианцев [11. С. 105]. Возникает вопрос: «Каково будет другое видение мира с китайской точки зрения»? Вопрос сложный. Возможно именно поэтому в концептуальном китайском документе, под названием «Перспективы и действия» не имеется очень важного, на наш взгляд, пункта, касающегося развернутой характеристики угроз и вызовов, а также перечня первейших и необходимых мер, которые нужно предпринять при столкновении с трудностями террористического характера в самой КНР и ее партнеров по проекту «Один пояс, один путь». Вероятно, это объясняется и тем, что китайское руководство пытается обходить стороной этот непростой вопрос, чтобы избежать обвинений в свой адрес, о том, что Китай стремится закрепиться не только в экономически, но, и имеет серьезные военно-политические планы в тех регионах, которые относит к сфере своих национальных интересов. «Поскольку вопросы безопасности тесно связаны с оборонной политикой, а, следовательно, с суверенитетом государств-участников, Китай, возможно, специально вывел данную тематику из общих рамок сотрудничества, передав ее на двусторонний и непубличный уровень» [7. С. 43]. Итак, одной из важнейших задач проекта «Один пояс, один путь» является построение трансконтинентального транспортного коридора, включительно из г. Урумчи – столицы СУАР. Имеется, как минимум три фактора, которые определяют Синьцзян как важнейшее звено КНР: во-первых, СУАР занимает срединное положение на евразийском континенте; во-вторых, в древности являлся главным коридором на Великом Шелковом пути, таковым остается и в новом проекте «Один пояс, один путь»; в-третьих, согласно статистике имеет наиболее крупные национальные образования в составе КНР.

Кардинальные шаги были предприняты в 1980-х гг., которые изменили ситуацию в СУАР и связаны они напрямую с именем патриарха китайских реформ Дэн Сяопином. Если к середине XX в., Восточный Туркестан не так был зависим от центральных властей Китая, и доля ханьцев составляла всего около 5%, но по итогам «4 модернизаций» СУАР в экономическом отношении стал составной частью КНР, а также был достигнут паритет между китайским и некитайским населением региона в демографическом отношении. Также формально был решен и кадровый вопрос, хотя на деле он был отражением воли руководства КНР, а не способствовал реально существующих проблем не уйгур, не других представителей тюркского населения, которые являются нацменьшинствами/

По подсчетам К. Сыроежкина: «... один из сценариев демографической ситуации в СУАР КНР предусматривает перспективу увеличения численности его населения до 35 млн. человек в 2030 году и до 53,5 млн. человек до 2050 году. ...речь может идти лишь о масштабной миграции ханьцев из внутренних регионов Китая, что коренным образом изменит не только социальную, но и этническую структуру Синьцзяна» [10. С. 276].

Переселение этнических китайцев (ханьцев) из центральных и восточных областей Китая началось в 1990-е гг. Этот процесс, поддерживаемый властями, был спровоцирован развитием добывающей и смежных с ней отраслей хозяйства. В последние годы процесс активного переселения ханьцев приводит к размыванию, сложившегося национального равновесия, к стремительному повышению доли ханьцев ведет и к постепенному вытеснению языков национальных меньшинств и их замене на общегосударственный мандаринский (основная диалектная группа китайского языка). В итоге, эти процессы могут привести к потере уйгурами своей национальной идентичности, исторически сложившейся традиции и своеобразия, привычной природно-географической среды, сугубо национальных черт культуры и этнического самосознания коренного населения. Поднебесная может изменить свою политику в отношении столь беспокойного народа, не инкорпорировать уйгур в китайское общество, а наладить процесс мирного сосуществования столь непохожих друг на друга этносов.

Активное и поступательное движение китайской экономики выводит на первый план еще один из важнейших вопросов – это вопрос водных ресурсов. Речь идет в основном о трансграничных реках Китая, Казахстана, России, так как Китай из года в год увеличивает водозабор, что уменьшает количество воды, поступающей в прилегающие страны. Российский эксперт Е.А. Борисова считает: «Эксплуатация Китаем водных ресурсов ведется по всем направлениям. По количеству крупных плотин Китай занимает первое место в мире, значительно опережая по этому показателю США. Его доля в общемировом количестве этих сооружений – 45% примерно 25 000 плотин, а (если считать вместе с мелкими, то все 45000) Правда, не все плотины имеют отношение к гидроэнергетике» [2. С. 188]. Дальнейший рост экономики Китая может усугубить и без того сложную проблему для соседних государств, связанную с использованием водных ресурсов трансграничных рек. Таким образом, из вышеизложенного следует, что очевидна стратегическая уязвимость, по крайней мере, одного из пяти намеченных главных маршрутов этого проекта, который проходит по западным провинциям КНР и автономному району Синьцзян, через Казахстан, а также по территории России и Белоруссии.

По мнению китайского ученого Сюй Хоэй Фан: «С точки зрения новой геополитики, успех во внешней политике вытекает из правильного выбора национальных интересов» [17. С. 328]. Становится, все более очевидным, что США не были готовы к такому внезапному прорыву Китая, но это во все не означает, что у Америки нет арсенала для сдерживания КНР. Как отмечает американский исследователь Найл Фергюсон «...экономические вызовы Китая одновременно являются и вызовами гегемонии Соединенных Штатов» [11. С. 45]. Некоторые западные специалисты по международным отношениям говорят, что современный мир попал в «ловушку Фукидида»

и что противостояние между усиливающим свое влияние Китаем и теряющими былую мощь США неизбежно закончится войной, как это случилось в античной Греции, когда Спарта начала войну против усиливавшихся Афин. Китайская дипломатия традиционно подчеркивает, что Китай не стремится к гегемонии [16]. Очевидно, что и США не оставляет своей цели отрыв стран Центральной Азии от Китая и России. «К тому же Америка уже пыталась продвигать свои интересы в центрально-азиатском регионе с помощью программы «Нового Шелкового пути» [20]. Немаловажный вопрос, как будут развиваться ситуация на Ближнем и Среднем Востоке с учетом той роли которую играл Иран в борьбе с международным терроризмом. В книге «ИГИЛ как угроза международной безопасности» подчеркивается, что «... сегодня именно Иран, не международная коалиция в составе 60 стран во главе США, оказывает реальное сопротивление исламистам...» [6. С. 91]. Сын последнего шаха Ирана Реза Пехлеви, говоря о недавних протестах в Иране заявил, что смена режима – «это высшая формула». «Это, чего хочет иранский народ. Это произойдет не потому, что так говорят США, Британия, саудиты или израильтяне. Это произойдет потому, что иранский народ этого хочет», – сказал он [13]. Итак, отсюда вывод, что много в регионе будет зависеть от Ирана и отношении к нему США.

Отвечая на эти вопросы нужно помнить слова Генри Киссинджера, который заметил: «Коренное отличие между китайским и западным подходом к стратегии состоит в том, что западный подход нацелен на возможности другой стороны; целью же китайской стороны является психологическое состояние другой стороны» [11. С. 54]. Стоит над этим задуматься всерьез.

По утверждению Роберта Гилпина: «Чтобы лучше обеспечить собственную безопасность, она будет пытаться расширить границы политического, экономического и территориального контроля и изменить международную систему в соответствии с собственными интересами» [18]. Фарид Закария утверждает: «И, если Китай поднимается, в Индии, Японии, Индонезии, во Вьетнаме и Южной Корее на это будет весьма бурная реакция. Мы уже видим признаки этого. Китай поднимается не в вакууме. Он поднимается на континенте, где существует много, очень много соперников» [11. С. 45]. Збигнев Бжезинский считает, что «географический фактор также является важной составляющей интереса Китая к созданию союза с Пакистаном и обеспечению своего военного присутствия в Бирме. В обоих случаях геостратегической целью является Индия» [1. С. 147]. Задача Китая ограничить возможности Индии стать лидером в Азии. Имеются претензии и со стороны Индии. Нью-Дели официально объясняет свой демарш тем, что один из ключевых проектов, намеченных к реализации в рамках идеи Шелкового пути, – Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) угрожает суверенитету Индии, так как его инфраструктура пройдет по кашмирскому региону Гилгит-Балтистан, который в Нью-Дели считают собственной тер-

риторией [19]. Ф. Закария пишет: «Китаю становится сложнее сохранять политический контроль. Чего мы не видим в Китае, так это готовности к открытию для внешнего мира и попытки объявить о ряде амбициозных политических реформ» [5. С. 104].

Таким образом, к трудностям, носящим внутренний характер, присоединяются и вопросы, связанные с рядом внешних проблем. Среди активных внешних игроков, которые не разделяют позиции Китая, можно выделить США, Индию и ряд других стран. Заметим, что на решение вышеуказанных проблем уйдет немало времени, и они носят долгосрочный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999.

2. *Борисова Е.А.* Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии: Дефицит воды и ресурсы по его преодолению. М.: ЛЕ-НАНД, 2015.

3. *Ван Шучунь, Вань Цинсун.* Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // *Обозреватель.* 2014. № 10.

4. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете // Газета «Жэньминь жибао» онлайн. 7 сентября 2013 // <http://russian.people.com.cn/95197/8392674.html>.

5. *Закария Ф.* Постамериканский мир. М.: Издательство «Европа», 2009.

6. ИГИЛ как угроза международной безопасности: монография / коллектив авт; под ред. канд. филол. наук А.В. Глазовой: Рос. Ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015.

7. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи. Аналитический доклад. М.: Научный эксперт, 2016.

8. *Сыроежкин К.* Геополитические проекты в Центральной Азии и роль Казахстана // *CABAR – Central Asian Bureau for Analytical Reporting.* 30 марта 2016 // <http://cabar.asia/ru/konstantin-syroezhkin-geopoliticheskie-proekty-v-tsentralnoj-azii-irol-kazahstana/>.

9. *Сыроежкин К.Л.* Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений / монография. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента.

10. *Сыроежкин К.Л.* Сынцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Монография. Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015.

11. Станет ли XXI век веком Китая? Манковские дискуссии о роли Китая: Генри Киссинджер и Фарид Закария против Найла Фергюсона Дэвида Даокуя Ли / пер с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2013.

12. *Сыздыкова Ж.С.* Теория и практика общественного развития. 2013. № 8.

13. *Тавровский Ю.В.* Новый Шелковый путь. М.: Эксмо, 2017.

14. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете // Веб-сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан // <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.html>.

15. *Цветов А.* Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая // Сайт Российского совета по международным делам. 20 декабря 2013 // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883.

16. *Allison G.* The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic, Sept. 24, 2015 // <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/>.

17. *Discovering Central Asia.* Taiwan Central Asia Cultural and Economic Association. Sun Wind Printing/Taipei. 2005.

18. *Robert Gilpin.* War end Change in Wolrd Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

19. https://tsargrad.tv/articles/pochemu-indija-bojkotiruet-pekinskij-forum-odin-pojas-odin-put_63372.

20. https://forbes.kz/massmedia/proekt_ssha_predpolagaet_otryiv_kazahstana_ot_kitaya_i_rossii?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

ZH.S. SYZDYKOVA

*Doctor of History, Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Institute of Asian and African Studies,
Moscow, Russia*

CHINA'S ONE BELT, ONE ROAD MEGAPROJECT: INTERNAL AND EXTERNAL CHALLENGES

The article is devoted to one of the urgent problems of the modern world, which attracts special attention, due to the fact that in the near future it can determine the main main ways of development of the entire world economy and world politics. This project can bring China to the first place in the main indicators, which in the future leads to changes in the configuration of the existing world. It is noted that at present, in geopolitical terms, China opposes the policy of the United States and the West as a whole. Attention is drawn to the fact that the “One Belt, One Road” project affects entire regions of the world. And China at the official level prefers not to focus on its geopolitical goals.

Key words: “One belt, one road”, China, megaproject, state, security.

кандидат политических наук,
доцент, заведующая кафедрой нравственного
воспитания факультета Марксизма Технологического
Университета Внутренней Монголии Китая, доцент,
эксперт Российско-Монгольского исследовательского центра
КНР, Внутренняя Монголия, г. Хух-Хот

ХАНЬ ХАОЛЭЙ

кандидат политических наук,
доцент кафедры Китаизации марксизма факультета Марксизма
Технологического Университета Внутренней Монголии Китая,
КНР, Внутренняя Монголия, г. Хух-Хот

ДИНАМИКА КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ДВУСТОРОННИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

В 2019 году по случаю 70-летия установления дипотношений между Китаем и Россией лидеры двух стран подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». Двусторонние отношения вступили на новый этап истории. В данной статье рассматривается состояние развития китайско-российского энергетического сотрудничества в контексте двусторонних политических отношений между двумя странами. Показано влияние китайско-российских политических отношений на энергетическое сотрудничество между двумя странами. Автор указывает на препятствия, стоящие перед углублением китайско-российского энергетического сотрудничества. В статье выдвигаются пути укрепления энергетического сотрудничества между Китаем и Россией в «постэпидемическую эпоху».

Ключевые слова: энергетическое сотрудничество, политические отношения, Китай, Россия, национальная стратегия, новая эпоха.

¹ Данная статья является поэтапным результатом исследования молодежного проекта Национального фонда социальных наук Китая «Роль и влияние китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства на китайско-российское энергетическое сотрудничество в новой ситуации» № 19CGJ020.

В настоящее время, хотя практическое сотрудничество в сфере энергетики между двумя странами продолжает углубляться и достигло ряда крупных достижений, но из-за влияния некоторых факторов внутренней и внешней среды двух сторон все еще существуют определенные ограничения и проблемы. При вступлении в «постэпидемическую эпоху» углубление энергетического сотрудничества между Китаем и Россией на основе политического взаимного доверия имеет большое значение для повышения рискоустойчивости обеих сторон на международном энергетическом рынке.

Китайские и российские ученые сходятся во мнении, что углубление всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства между Китаем и Россией имеет большое значение для обеих сторон. Китай и Россия являются крупнейшими соседями друг друга, это важнейшая геостратегическая реальность отношений между двумя странами. Установление и углубление «всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства» должны не только исходить из правильного выбора географических отношений, но и справляться со сложной и тяжелой международной обстановкой, отстаивать национальные стратегические интересы [8. С. 6]. По целому ряду причин Китай сейчас также нуждается в стабильной и сильной России как геополитическом и экономическом партнере, поскольку стабильная Россия в какой-то мере уравнивает интересы Китая в его сложных партнерских и конкурентных отношениях с Западом [2. С. 628-631].

С перемещением фокуса потребления энергоресурсов в Азию и влиянием «сланцевой революции» в США вектор внешней политики России в области энергетики постепенно смещается в Китай. Одновременно Китай является одним из ключевых игроков в обеспечении энергетической безопасности в АТР, и в связи с ростом энергопотребления Китая необходимо активно развивать энергетическое сотрудничество с соседней Россией для обеспечения собственной энергетической безопасности. С точки зрения каналов импорта энергоресурсов Китаем увеличение импорта энергоресурсов из России является одним из наиболее осуществимых путей. Аналогичным образом укрепление сотрудничества с Китаем в области энергетики также имеет важное значение для диверсификации энергетического экспорта России [5. С. 68].

Кроме того, политические отношения и энергетическое сотрудничество между двумя сторонами способствуют друг другу. С углублением китайско-российского политического сотрудничества и продолжающимся укреплением политического консенсуса энергетическое сотрудничество постепенно интегрируется в производственную, инвестиционную, металлургическую и другие комплексные сферы. В частности, ввод в эксплуатацию восточного газопровода Китай-Россия стоимостью 400 миллиардов долларов США в 2019 году не только успешно завершил 10-летние переговоры о поставках газа между двумя странами, но и ознаменовал ключевой шаг в новую эру

энергетического сотрудничества между двумя странами. В контексте сопряжения Евразийского Экономического Союза и проекта «Один пояс и Один путь», при реализации проекта «Ледяной шелковый путь», а также в условиях пандемии COVID-19 меняющаяся международная энергетическая ситуация придала новый импульс китайско-российскому энергетическому сотрудничеству и создала новые возможности для его развития.

Энергетическое сотрудничество между двумя странами достигло значительных результатов, причины которых можно обобщить в следующих аспектах:

Во-первых, Китай и Россия стремятся к новому историческому позиционированию и национальной идентичности. Китай и Россия делают выбор в отношении друг друга исходя из политических соображений двух стран. Для России существует несколько причин, по которым дипломатический фокус сместился в Азиатско-Тихоокеанский регион: (1) Россия стремится к тому, чтобы ослабить политическую и экономическую зависимость от Европы и углубить политическое и экономическое сотрудничество с Китаем, усилив влияние России в Азии как евразийской державы; (2) Москва считает, что значение Азии главным образом отражается в продвижении России как глобального центра силы в многополярном мире. России нужна региональная держава, глобальная держава, такая как Китай, чтобы помочь ей достичь этого [6. С. 172]. Для Китая выбор России обусловлен тем, что Китай выдвинул новую идею международных отношений для установления «нового типа отношений великих держав». Китай также нуждается в партнере, чтобы показать всему миру, что решимость Китая развиваться мирным путем поможет полностью избежать ловушки Фукидида и отношений с нулевой суммой.

Во-вторых, стратегические цели Китая и России в высшей степени совпадают. Китай и Россия разделяют точку зрения, что двусторонние отношения являются эффективным рычагом повышения общей национальной мощи и международной конкурентоспособности двух стран, а также важным фактором обеспечения стабильности двух стран и сохранения их суверенитета и территориальной целостности [3. С. 36]. Сегодня обе страны находятся на критическом этапе национального развития и берут на себя трудную задачу достижения «национального омоложения» и «национального возрождения». Китай и Россия сталкиваются с серьезными вызовами в сфере международной безопасности, такими как контрглобализация, односторонность и гегемонизм. Таким образом, обе страны имеют «совместимость» своих стратегических целей, особенно в Евразийском регионе. Дмитрий Тренин считает, что в 2015 году Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России был модернизирован до Евразийского экономического союза, а концепция «Большой Европы» трансформировалась в бинарную структуру, состоящую из Европейского союза и Европейского

экономического пространства. Связь между пекинской инициативой «Один пояс и один путь» и московским Евразийским экономическим союзом еще больше повлияла на Европейское экономическое пространство [4. С. 33]. Это не только определяет новые перспективы для китайско-российского сотрудничества в целом, но и открывает глубокое интеграционное пространство для китайско-российского энергетического сотрудничества.

В-третьих, энергетические потребности двух стран в значительной степени дополняют друг друга. Энергетическая стратегия Китая и России (с точки зрения потребностей) для одной стороны заключается в обеспечении безопасности спроса на энергию, а с точки зрения другой – в обеспечении безопасности энергоснабжения. В настоящее время энергетическое развитие Китая сталкивается со многими проблемами, одной из наиболее важных среди них является сильная зависимость Китая от импорта энергоносителей. Энергетические морские транспортные маршруты Китая сталкиваются с потенциальными проблемами, поскольку Соединенные Штаты реализуют стратегию сдерживания Китая и все больше контролируют морское пространство вдоль западного побережья Тихого океана. Таким образом, диверсификация каналов энергоснабжения Китая требует сильной и стабильной России. И Москва постепенно сместила фокус своей энергетической стратегии на азиатский рынок энергопотребления путем дальнейшего углубления сотрудничества с Китаем в целях обеспечения национальной энергетической безопасности России.

Хотя сотрудничество в сфере энергетики обеих сторон достигло отрядных результатов, но с национальной стратегической точки зрения в будущем обе стороны все еще сталкиваются со многими проблемами в энергетическом сотрудничестве.

Во-первых, существует определенный разрыв в уровнях экономического развития между двумя странами. По мнению китайских ученых Сюй Циньхуа и Юань Мяо, «Модель «под руководством государства» определяет инвестиционные субъекты и основные соображения международного энергетического сотрудничества Китая. В силу специфики своего размера и характера энергетическое сотрудничество смешивается с более политическими соображениями, а политические отношения являются краеугольным камнем и необходимыми гарантиями сотрудничества» [9. С. 12]. Можно сказать, что энергетическое сотрудничество Китая и России сильно зависит от политических отношений двух стран, углубление энергетического сотрудничества неотделимо от высокого уровня политического взаимного доверия между двумя странами. А подъем Китая и усиление его мощи в Евразии коренным образом изменили положение России в Евразии и принесли новые вызовы. Некоторые российские ученые считают, что Китай может стать «восточной монополией энергопотребления» и «азиатской страной транзита энергоресурсов», тем самым угрожая энергетической без-

опасности России в Северо-Восточной Азии. Россия неохотно становится младшим партнером Китая, опасаясь стать «сырьевым вассалом» или «ресурсной короной» для модернизации Китая [4. С. 40]. Эти взгляды в определенной степени повлияли на уверенность России в необходимости углубления энергетического сотрудничества с Китаем.

Во-вторых, присутствует энергетическая геополитическая игра между Китаем и Россией в Центральной Азии. В целях диверсификации импорта энергоносителей Китай активно участвует в энергетическом сотрудничестве с богатыми ресурсами стран Центральной Азии. К концу февраля 2020 года Китай импортировал более 300 миллиардов кубометров природного газа по газопроводу Китай – Центральная Азия [7]. Увеличение Китаем импорта нефти и газа из стран Центральной Азии в некоторой степени ударило по экспорту нефти и газа из России в Китай. Надо обратить внимание на то, что энергетические ресурсы всегда считаются важным политическим оружием России для усиления ее регионального влияния и даже глобального стратегического плана. Центральная Азия всегда рассматривается Россией как «традиционно жизненно важный регион» и занимает особое место во «внешнеполитических приоритетах» [1]. Поскольку углубление сотрудничества Китая со странами Центральной Азии ускорило экономическую активность России и геополитическое ослабление в регионе, вызовы для России очевидны.

В-третьих, имеется неопределенность, вызванная корректировкой энергетической политики Китая. В 30 июня 2019 г. Национальная Комиссия по Развитию и Реформам и Министерство торговли Китая издали «Специальные административные меры по доступу иностранных инвестиций (негативный список) (издание 2019 года)», чтобы снять ограничения на разведку и разработку нефти и газа, которые ограничивали деятельность совместных предприятий и сотрудничество. Корректировка политики Китая в отношении энергетической горнодобывающей промышленности в краткосрочной перспективе не окажет большого влияния на энергетическое сотрудничество Китая и России, но в долгосрочной перспективе, безусловно, вызовет некоторые проблемы в этой сфере отношений двух стран.

Выводы. Китай и Россия, как крупнейшие мировые потребители и производители энергии, обеспечивают стабильную гарантию комплексных изменений на глобальном энергетическом рынке в «постэпидемическую эпоху». Обе страны по-прежнему нуждаются в дальнейшем углублении энергетического сотрудничества. Во-первых, Китай и Россия должны продолжать играть ведущую политическую роль лидеров. Обе стороны должны в полной мере использовать механизм регулярных встреч премьер-министров Китая и России и реализовать консенсус, достигнутый лидерами двух стран. Обе стороны должны совместно содействовать стыковке энергетической политики Китая и России, избегать политизации энергетических вопросов и перехода к энергетической дипломатии. Во-вторых, Китай и Россия долж-

ны также развивать нефтегазовое сотрудничество между Китаем и другими государствами-членами Евразийского Экономического Союза, расширять сотрудничество в угольной, электроэнергетической и атомной энергетике, а также создавать консолидированное стратегическое энергетическое партнерство. В-третьих, в контексте нынешней сложной международной ситуации США постепенно утратят основной рычаг влияния на Евразию и АТР. Китай и Россия должны укреплять сотрудничество на энергетических финансовых рынках и ускорить переход на расчеты в национальных валютах между двумя странами. В-четвертых, Китай и Россия должны активно углублять двустороннее всестороннее энергетическое сотрудничество через углубление сотрудничества в рамках ШОС, БРИКС и других платформ, совместно противостоять рискам глобального энергетического рынка.

Энергетическое сотрудничество является не только важной частью всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства между двумя сторонами в новую эпоху, но и важной частью поддержания национальной безопасности. В сложных и изменчивых условиях глобального энергетического рынка и структуры поставок обе стороны активно ищут точки соприкосновения и подходящие опоры взаимной выгоды в энергетической сфере, что в перспективе консолидирует всестороннее стратегическое сотрудничество и партнерство между Китаем и Россией в новую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Международной конференции высокого уровня по Афганистану «Мирные процессы, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», 27 марта 2018 г. // МИД // https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzA/content/id/3141288.

2. Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. Издательство: Весь Мир, 2013.

3. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско китайских отношений / отв. ред. сост. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018.

4. Dmitri Trenin. Should We Fear Russia? Cambridge: Polity Press, 2016.

5. 陈宪良. 中国能源安全与中俄能源合作 // 东北亚论坛. 2017. № 3. (Chen Xianliang. China Energy Security and Sino-Russian Energy Cooperation // Northeast Asia Forum. 2017. № 5) (In Chin.)

6. 波波罗. 孤独的帝国: 俄罗斯与新世界无序 // 中信出版社. 2019. (Popolo. The Lonely Empire: Russia and the Disorder of the New World // CITIC Publishing House. 2019) (In Chin.)

7. 中亚天然气管道已累计向我国输气超3000亿立方米. 2020.03.02 // 中华人民共和国商务部 (The Central Asian Gas Pipeline has cumulatively transported

more than 300 billion cubic meters of gas to my country. 02.03.2020 // Ministry of Commerce of the People's Republic of China) (In Chin.) // <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/202003/20200302940812.shtml>.

8. 王海运. 结伴而不结盟: 中俄关系的现实选择 // 俄罗斯东欧中亚研究. 2016. № 5. (Wang Haiyun. Partnership but not alliance: the realistic choice of Sino-Russian relations // Russia, Eastern Europe and Central Asia Studies. 2016. № 5.) (In Chin.)

9. 许勤华、袁淼. “一带一路”建设与中国能源国际合作 // 现代国际关系. 2019. № 4. (Xu Qinhu, Yuan Miao. "One Belt One Road" construction and China's energy international cooperation // Modern International Relations. 2019. № 4) (In Chin.)

CHU LING

*Ph.D. of Political Sciences,
Associate Professor, Head of the Department of Moral
Education of the Faculty of Marxism of the Inner Mongolia
Technological University of China, expert of the Russian-Mongolian
Research Center of the Inner Mongolia Technological
University of China, China, Inner Mongolia, Hohhot*

HAN HAOLEI

*Ph.D. of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Sinicization of Marxism,
Faculty of Marxism China Inner Mongolia University
of Technology, China, Inner Mongolia, Hohhot*

DYNAMICS OF CHINA-RUSSIA ENERGY COOPERATION IN THE CONTEXT OF BILATERAL RELATIONS POLITICAL RELATION

In 2019, on the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia, the two leaders signed the "Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on the Development of a Comprehensive Strategic and Cooperative Partnership in the New Era ". Bilateral relations have entered a new stage in history. This article examines the state of development of Sino-Russian energy cooperation in the context of bilateral political relations between the two countries. The influence of the Sino-Russian political relations on the energy cooperation between the two countries is shown. The author points out the obstacles facing the deepening of Sino-Russian energy cooperation. The article puts forward ways to strengthen energy cooperation between China and Russia in the "post-epidemic era."

Key words: *energy cooperation, political relations, China, Russia, national strategy, new era.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.027

УДК 32.327

М.Ф. МАГАДИЕВ

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва

ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И РАДИКАЛИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена изучению глобальной нестабильности как фактора политической мобилизации и радикализации массового сознания. Россия является мощнейшей державой в мире, обладает сильным военным, интеллектуальным, ресурсным потенциалом. Все это является значимым фактором конкурентоспособности страны на мировой арене, что вызывает недовольство среди других стран. США и страны ЕС становятся источниками разрушения социальной стабильности в мире, пронизывая нестабильностью все глобальное пространство. Для наращивания негативных тенденций, США путем вмешательства во внутренние дела слабых государств форсирует в них внутривостановые конфликты, войны и потоки беженцев, что в последствии становится фактором развития терроризма и экстремизма в мире. Таким образом, глобальная нестабильность в мире выступает одним из факторов политической мобилизации и радикализации массового сознания людей.

Данная статья нацелена на систематизацию методов политической мобилизации и радикализации массового сознания людей. Приведены основные направления противодействия подобным явлениям и возможности недопущения их массовости в России.

Ключевые слова: *глобальная нестабильность, политическая мобилизация, радикализация, массовое сознание, прокси-войны, глобализация, противодействие.*

Для того, чтобы исследовать формы политической мобилизации и радикализации массового сознания населения целесообразно представить понятие и причины глобальной нестабильности в России, как и во многих странах мира. Именно так можно охарактеризовать современный этап со-

стояния мировой экономики и атмосферу международного сотрудничества. В целом, нестабильность представляется вероятностью скачкообразного развития какой-либо системы [7. С. 55]. В контексте международных отношений данная нестабильность характеризуется как глобальная [9. С. 40]. Глобальная нестабильность рядом исследователей соотносится с глобальными дисбалансами, имеющими место в мировой экономике [8]. При этом существует множество причин, формирующих дисбалансы, которые в совокупности вызывают финансовые и экономические кризисы, негативно сказывающиеся на экономике всех стран.

Современные глобальные дисбалансы в мировой экономике представлены тремя основными блоками:

- 1) системный глобальный дисбаланс между странами полюса сбережений и странами полюса потребления (инвестирования);
- 2) глобальный дисбаланс внешнего финансирования (задолженности);
- 3) противоречие между глобальным характером рынка и оперирующими на нем институтами с одной стороны, и сохранением основных рычагов контроля за рынками в руках институтов регулирования и надзора – с другой.

Именно последний дисбаланс выступает наиболее значимой причиной современной нестабильности, вызвавшей трансформацию международных отношений России и стран ЕС. Так, если представить распределение долей рынка в мире среди ведущих стран международной торговли в динамике, то станет ясно, что последние теряют свои позиции, постепенно передавая значимые доли своих рынков развивающимся странам и России. Динамика, приведенная на рисунке 1, доказывает данный вывод.

Видно, что рынок трансформируется, и, если США в начале 2000-х имела 13,5% мирового рынка, то к 2019 году этот показатель уменьшился до 7,8%.

Одновременно наблюдается прирост продаж Китая до 24,1% и России с 1,4% до 4,5%. При этом в отношении стран ЕС также имеется негативная динамика. То есть, новые страны выходят на международные рынки с продукцией, которая более конкурентоспособна и по цене, и по свойствам, вымещая при этом производителей США и ЕС. Данный дисбаланс не позволяет развитым странам придерживаться выбранной социальной политики, воздействует на прирост бюджетного дефицита, что, в конечном итоге, становится причиной для нарастания социальных возмущений среди населения и нестабильности политической обстановки внутри данных государств [10].

Ситуация значительно усугубилась эффектом вмешательства США в страны Африки и Ближнего Востока, вызвав огромный приток беженцев в Европу, которые генерируют беспорядки и рост преступности в цивилизованных государствах.

Таким образом, причинами современной глобальной нестабильности стали следующие факторы:

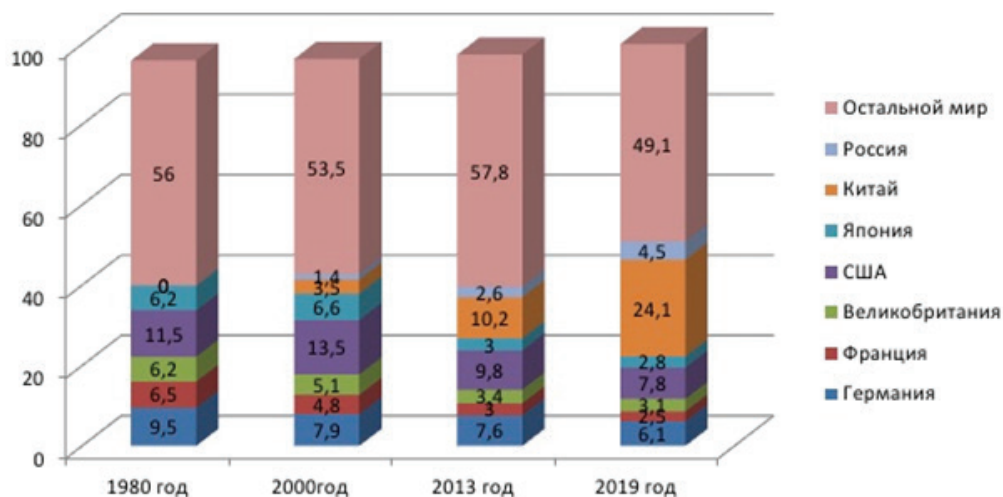

Рис. 1. Динамика распределения долей глобальной торговли в мире между крупнейшими участниками, % [10. Р. 166]

- перераспределение мировой торговли, торговые войны, выход на рынки новых стран, потеря рынков развитыми государствами;
- волна миграций из стран Африки и Ближнего Востока, вызванная войнами и вмешательствами США во внутреннюю политику государств посредством проведения государственных переворотов.

Именно в этих условиях сформировалось новое явление – радикализация массового сознания, ставшая инструментом притока молодых людей в экстремистские группировки, формируемые на фоне разрастающихся межнациональных конфликтов, спровоцированных третьими странами.

Обращаясь к определению «радикализации», стоит отметить, что, по сути, это социокультурный феномен, сопровождаемый спецификой исторического, социального, экономического и религиозного развития страны, нацеленный на переориентацию мышления отдельных групп населения на оппозиционность, тотальный, быстрый темп перемен [4. С. 96].

Угрозы, трансформируются информационными войнами, открытостью информационного пространства, нарастанием внешнего давления на Россию со стороны США и ЕС. Все это снижает степень сопротивления населения радикальным направлениям, все более активно проникающим в массы, особенно, молодых людей страны. Они начинают задумываться о перемене религии, становятся приверженцами идей экстремистов, принимать противоположное преобладающему в стране политическому мнению, что становится причиной для включения их в террористическую деятельность.

Конечно, радикально мыслить – это не означает стать террористом. Тем не менее радикализации подвержен фактически каждый человек и при грамотном донесении до него идеалов «новых религий», он может оказаться на стороне экстремистов [1. С. 351-355].

Обострение ситуации в условиях глобальной нестабильности соотносится с тем, что помимо радикального давления, человек находится в условиях «информационной войны», когда из всех СМИ разносится информация об «обманах в своей стране», коррупции и «недостойном правительстве». Все это оказывает давление на мышление простых граждан страны и позволяет добиваться поставленных террористами целей. В этой ситуации, по большей части, причины политической мобилизации и радикализации массового сознания можно отнести к социальным.

Особую опасность здесь представляет маргинализированное меньшинство, более поддающееся простой вербовке в радикальные движения.

Зачастую, обиженные на правоохранительные органы представители «асоциальных» групп населения становятся «жертвами» джихадистов, лоббирующих интересы запрещенных в России террористических групп. В последние годы сотни, если не тысячи, людей из беспокойных южных окраин России последовали призыву исламистов и уехали в Сирию [6].

Стоит также подчеркнуть тенденцию центрирования «радикализации» именно в крупных городах России. При этом в большинстве случаев, это приезжающие на заработки люди, выходцы из Кавказа или стран Ближнего зарубежья. Именно данная категория населения наиболее усиленно привлекаются в состав террористических групп и покидают страну, уезжая в Сирию.

Конечно, глобальная нестабильность усиливает данные тенденции не только посредством ведения прокси-войн. Глобализация стала причиной и для появления новых течений в нашей стране, большая часть из которых имеет негативный характер («чайлд-фри», течения половых меньшинств, националистические группировки и др.) [3. С. 113].

Вектор «радикализации» мышления сопровождается информационной открытостью, в результате которой в сеть проникают группы запрещенного характера. И, опираясь на исследования ведущих ученых, необходимо подчеркнуть, что подобное мышление не рождается в голове у человека, занятого любимой работой, имеющего полную семью. В большинстве своем в радикализм включаются люди, и как правило молодежь, имеющая проблемы в семье, отсутствие стабильного заработка, страдающего недостатком образования [2. С. 58].

Наиболее часто местом радикализации являются интернет и соцсети – именно здесь, а также общаясь с уже радикализированными друзьями и родственниками, люди чаще всего подвергаются воздействию экстремистских идей. Террористы из ИГ и других групп об этом знают и стремятся распространять свою пропаганду во множестве форматов [5].

Подобно Европе и другим западным странам, Россия пытается остановить процесс радикализации молодых мусульман и пресечь их вербовку агентами «Исламского государства» и других джихадистских организаций. Но перед Правительством России стоит еще более неотложная и трудная задача: сделать все, чтобы сирийская война не спровоцировала действия своих собственных боевиков-исламистов в республиках Северного Кавказа.

И хотя наша страна победила чеченскую войну, исламистское бандподполье по-прежнему существует, и молодежь все чаще вступает в ряды исламистов – или, как говорят местные, «уходит в лес» [2. С. 58].

То есть на людей воздействуют не только внешние факторы. Человек, решивший присоединиться к «ИГ» или совершить теракт, прежде всего, руководствуется внутренней мотивацией, которая все более активно трансформируется под информационным воздействием СМИ, потоком негативной информации, текущей из глобального потока разных стран, а также переменной ценностей общества, его мышления, которые происходят в результате недружественного воздействия на граждан России странами Запада США.

В этих условиях важно не потерять главную ценность нации – российский народ, обладающий сильнейшим генофондом, имеющий древнейшие корни происхождения, выстоявший в двух страшных войнах новой истории, отличающийся силой духа и патриотизма, что не позволяет никому разрушить страну. Для этого необходимо уже на уровне детских садов внушать детям ценность семьи и ее роль в государстве, социальные устои общества и устранять угрозы, несущие в себе радикальные идеи. Конечно, все это должно быть выстроено в соответствии с возрастом детей, на которых нацелены подобные мероприятия.

Также целесообразно ужесточить контроль за публикацией информации в СМИ, воспользовавшись опытом Китая, в котором нет доступа у жителей страны к иностранным платформам и мессенджерам, аналогами их являются собственные разработки. России также стоит пересмотреть политику в отношении информационной открытости и постепенно отказывать иностранным мессенджерам в присутствии на отечественном рынке. Это позволит не только в разы уменьшить распространение радикальных мышлений в молодежной среде, но и снизить негативные проявления политической мобилизации, продвигаемые зарубежными странами в Россию в условиях глобальной нестабильности в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Батиев Л.В.* Системный анализ предпосылок экстремизма на Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научной конференции / под редакцией А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2008.

2. *Белинская Е.П., Илюхина С.Н.* Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14).

3. *Большунова Т.В.* Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник ГУУ. 2018. № 4.

4. *Внукова Л.Б.* Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4.

5. Дайджест онлайн-дискуссии на КУ «Северный Кавказ: как отвечать на вызовы ИГ?» // <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/22328>.

6. ИГ привлекает молодых мусульман обещанием социальной справедливости // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/268043/>.

7. *Красина О.В., Синяев М.В.* Нестабильность и риски в развитии политической системы // Государственная служба. 2014. № 4 (90).

8. *Спартак А.Н., Лихачев А.Е.* Долговременные тренды и новые явления в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/dolgovremennye-trendy-i-novyye-yavleniya-v-mezhdunarodnoy-torgovle>.

9. *Юренков И.Н.* Нестабильность социальной системы: основания и индикаторы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. «Социология. Политология». 2016. № 4.

10. International trade statistics 2015 // World trade organization. Geneva, 2019.

M.F. MAGADIEV

Candidate of Sciences (sociology), Associate Professor at the Chair of Public Administration in Foreign Policy, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia

GLOBAL INSTABILITY AS A FACTOR OF POLITICAL INSTABILITY MOBILIZATION AND RADICALIZATION OF MASS CONSCIOUSNESS

The article studies global instability as a factor of political mobilization and radicalization of mass consciousness. Russia is the most powerful country in the world with a strong military, intellectual and resource potential. All this is a significant factor in the country's competitiveness on the world stage, which causes discontent among other countries. The United States and the EU countries are the source of destruction of social stability in the world, permeating the entire global space with instability. In order to increase negative trends, the United

States, by interfering in the internal affairs of weaker states, forces internal conflicts, wars and refugee flows which subsequently become a factor in the development of terrorism and extremism in the world. Thus, global instability in the world is one of the factors of political mobilization and radicalization of the mass consciousness of people.

The article aims to systematize the methods of political mobilization and radicalization of the mass consciousness. It shows the main directions of countering such phenomena and preventing their mass occurrence in Russia.

Key words: *global instability, political mobilization, radicalization, mass consciousness, proxy wars, globalization, counteraction.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.028

УДК 323.11 (574)

С.К. ЖЕТПЫСБАЕВ

*кандидат экономических наук,
ассоциированный профессор кафедры экономики
НАО «Торайгыров университет»,
Республика Казахстан, г. Павлодар*

КАЗАХСТАНСКИЙ ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ – ПУТЬ К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Автор статьи проанализировал основные аспекты внутренней и внешней политики суверенного Казахстана в контексте обеспечения улучшения благосостояния народа и национальной безопасности страны. Исследование охватывает более чем 20-летний период становления независимого казахстанского государства, еще недавно малоизвестного в мире, но за короткое время ставшего заметным субъектом современного мирового сообщества.

В статье раскрываются страницы истории рыночного реформирования, отмечается успешная антикризисная политика Казахстана, его инициативы на глобальном уровне политической и социальной модернизации казахстанского общества.

Значительное место в работе отводится укреплению национальной безопасности страны, мерам по обеспечению внутренней политической стабильности общества. Показывается историческая роль и знаковые шаги Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на пути становления молодого независимого государства, после распада СССР. В статье освещены основные этапы экономической реформы Казахстана в условиях мирового экономического кризиса. В статье рассматриваются самые трудные и яркие моменты казахстанского пути в новейшей истории Казахстана. Это работа над Стратегией развития Казахстана до 2030 года, процесса принятия действующей Конституции республики, ввода национальной валюты, процесса разгосударствления и приватизации, переносе столицы в Астану. В статье раскрываются международные инициативы молодого государства и его вклада в поддержание глобального мира, согласия и политической стабильности на современном этапе.

Ключевые слова: *рыночная экономика, мировой кризис, модернизация, Казахстан, независимость, стратегия, разгосударствление, приватизация, государство, история, мировое сообщество, СНГ, ЕЭС, переходный период, стабильность.*

У различных народов формирование государства шло длительными процессами, разными путями. Государство необходимо любому народу всегда, пока существует общество. По мнению историка Д. Кшибекова: «... Более лучшей формы организации общества, чем государство, люди не придумали...» [20. С. 19]. И здесь, можно согласиться. Государства возникают из потребности общества, объективно, имеют многогранный и разноплановый характер и будут осуществляться, пока есть человеческое общество. К сказанному, можно добавить мнение другого ученого, академика С.У. Сартаева: «...Сегодня в мире существует 149 независимых государств, население которых разговаривает примерно на пяти тысяч языках. Это при 7,5 миллиардном населении планеты. И каждое государство живет и по-своему развивается...» [27. С. 12]. Да, в судьбе каждого народа есть события, которые оказали огромное влияние на их становление, оставили след в сознании и характере. Процесс же формирования национального самосознания казахов исторически неоднократно прерывался. Как пишет известный государственный и общественный деятель, поэт Олжас Сулейменов: «...История возникновения государственного образования казахов уходит в глубь веков...» [29]. Чаще всего историки обозначают 1465-1466 годы, когда султаны Керей и Жанибек положили основу самостоятельному казахскому ханству. Предки казахов отстаивали земли ценою своих жизней в течение нескольких веков. Основные его вехи – национально-освободительная борьба под предводительством хана Кенесары, Национальная автономия «Алаш Орда» и восстание в декабре 1986 года – это события одного ряда. Безусловно, события 1986 года уступают по масштабу и охвату двум предыдущим, но ни в коем случае не по значимости. Декабрьское событие в Алма-Ате имело огромное историческое значение для роста национального самосознания людей. Именно, тогда многие впервые задумались о своей национальной принадлежности, вспомнили свои корни, язык, культуру, историю. При этом, необходимо понять, что это был не межнациональный конфликт, а конфликт между народом и тоталитарной властью. И, если обратимся к источникам, да и сама жизнь доказала, что казахская молодежь выступила не против другого народа, а в защиту своих прав и национального достоинства [30. С. 6]. Лучшие представители национальной интеллигенции казахского народа пожертвовали собою ради Независимости и процветания Казахстана. В одном из своих выступлении Первый Президент страны Н.А. Назарбаев отмечал: «...Обретение Независимости – это закономерное возмещение жертв, принесенных нашими предками в многовековой борьбе за свободу, торжество исторической справедливости, совершившейся волей самой судьбы [22. С. 56].

Казахский народ издревле живет на своей земле, переданной предками последующим поколениям. В этом окружающем ландшафте сформировались национальный характер и культура. И экономика, безусловно, должна

строиться с учетом этих особенностей народа и того нового, что пришло в Великую степь за последние столетия. Исходя из этого рассмотрим, что же представляла собой экономика Казахстана и общественно-политическая ситуация в стране накануне приобретения независимости?

К началу 90-х годов в республике работало около 1,3 тысячи предприятий. Наибольший удельный вес имели предприятия тяжелой промышленности, в том числе и в добывающих отраслях. Из Казахстана вывозилось для нужд Советского Союза – 70% добываемой нефти, 100% топочного мазута, 43% угля, 37% цветных металлов, 55% железной руды, 46% черных металлов и других природных ресурсов. Более 60% всех ввозимых товаров приходилось на товары культурно-бытового и хозяйственного назначения [7. С. 71]. На смену некогда единым экономическим, хозяйственным и социально-регулирующим связям между субъектами бывшего СССР пришли новые отношения. Практически во всех постсоветских республиках происходили строительство новых независимых национальных государств [19. С. 24].

В 90-е годы была отчаянная ситуация. Перед Казахстаном, стояла серьезная и ответственная задача, жесткая дилемма – быть или не быть? Страна погрузилась в «дикий капитализм». Голоса всевозможных экспертов и политиков со всех сторон пугали весь народ быстрым распадом и гражданской войной. К тому времени, к началу 90-х годов из Казахстана уехало 3 миллиона 568 тысяч человек. И население республики, в те годы снизилось с 17 до 14 миллионов человек. Это сказалось на демографическом, социально-политическом и экономическом состоянии страны.

Путь развития современного Казахстана к независимости был сложным и тернистым.

Миссия возрождения государственности страны легла на плечи одного из государственных и политических деятелей современной глобальной политики Н.А. Назарбаева. Именно ему в переходный период народ доверил проектирование и строительство нового Казахстана. А, рейтинг доверия казахстанцев к своему Первому Президенту в тот переходный период был, очень высоким. При поддержке народа и выработанной стратегии независимости Н.А. Назарбаев повел страну к реформам, преобразованиям и модернизации общества. Усилия Главы государства были сконцентрированы на вопросах укрепления организационно-правового фундамента республики, институционального строительства, безопасности и международных отношений, обеспечения финансово-экономического суверенитета и формирования идеологии национального единства и общественного согласия. По инициативе Первого Президента был создан Высший экономический совет республики (ВЭС). Благодаря слаженной креативной работе ВЭС, успешно осуществлялась модернизация экономики. В октябре 1990 года Постановлением Верховного Совета Казахской ССР была принята Декларация о государственном суверенитете Республики Казахстан [31].

Историческое значение Декларации состоит, в том, что она придала реальное содержание государственному суверенитету Республики, напомнила о собственной государственности Казахстана, имеющего многовековую историю, культуру и сложившиеся государственно-правовые традиции, подчеркнула принцип целостности территории Казахстана [21. С. 36].

Новый отсчет времени для Казахстана начался с декабря 1991 года, когда была провозглашена его государственная независимость. В 1991 году произошло главное событие в истории Казахстана, Президентом страны Н.А. Назарбаевым был подписан Конституционный Закон «О государственной независимости Республики Казахстан» [17; 18], который положил начало строительству суверенной государственности.

Это стало событием, которое открыло новый период в истории Казахстана. Республика стала суверенным и независимым государством. Вот, что писали обо всех этих переменах в начале 90-х годов в новостях Казахстана и СНГ: «...Будучи Главой Казахстана Н.А. Назарбаев инициировал кардинальные реформы во всех областях постсоветского социума, которые оказали глубочайшее влияние на обновление стран СНГ и в конечном счете на глобальные процессы...» [2. С. 8]. Казахстан, став суверенным и независимым государством имел много положительных преимуществ для того, чтобы органично вписаться в мировое сообщество.

Главный экономический потенциал страны был связан с его огромными природными ресурсами. По запасам и разнообразию полезных ископаемых Казахстан – является одним из богатейших регионов мира. В недрах республики сконцентрированы значительные минерально-сырьевые ресурсы для развития многих отраслей промышленности [7. С. 62]. Так, в западном регионе сосредоточены значительные запасы нефти и газа, позволяющие отнести Казахстан к десятке крупнейших нефтедобывающих государств мира, оказывающих значительное влияние на формирование мирового рынка энергоресурсов. Имея такой богатый природный потенциал перед страной встали задачи по строительству собственной государственности, обеспечению функционирования всех сфер общественной жизни. Необходима была разработка своей стратегии развития рыночной экономики [25. С. 23]. Казахстану необходим был свой путь развития на пути к демократизации.

Какие же трудности и проблемы испытывала республика в этот период развития? Сложность ситуации усиливалось тем, что Казахстан был в фазе перехода от плановой экономики к рыночной, который на практике еще ни одна страна не переходила и не было даже оценок последствия этого процесса. У Казахстана не было готовой научно-обоснованной концепции перехода к рынку. Несмотря на это в стране объективно была применена монетарная модель ускоренного «шокового» перехода к рынку. Насколько она была верной покажет время. В результате, она привела к финансовому кризису на всех уровнях. В стране не хватало квалифицированных кадров,

владеющих методами маркетинга, знающих законы и условия функционирования рынка. Не готов был пакет законов, необходимых для становления и развития рыночных отношений. Как отмечает экономист Оразалы Сабден (в те годы работавший директором Института экономики КН МОН РК): «...в начале 90-х годов в республике наблюдался самый большой экономический спад за всю современную историю развития, сопровождающийся беспрецедентным ростом уровня инфляции...» [26. С. 48]. В таких условиях нужно было что-то предпринимать и это все усилило значимость принятия стратегически важного программного документа. Согласно, разработанной и принятой в 1992 году «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства», – правительство объявило о переходе от плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к либеральной политике. Как вспоминает государственный деятель и финансист Д.Х. Сембаев (в 90-х г. работал председателем Нацбанка РК): «В данном документе было представлено видение текущих и долгосрочных целей развития страны. Стратегия стала основным ориентиром для работы правительства Казахстана на ближайшие годы» [8. С. 52].

В период с 1991 по 1995 годы наблюдалось снижение объемов промышленного производства. Однако с 1996 года за исключением 1998 «кризисного» года в республике было наращивание производства. Горнодобывающая, металлургическая, химическая и легкая промышленности, нефтегазовый сектор, электроэнергетический комплекс, машиностроение и аграрный сектор стали ведущими, которые начиная с 1999 года вышли на траекторию устойчивого роста. Казахстан полностью обеспечивал потребности своей индустрии в сырье [16. С. 26].

Итогом проведенных социально-экономических преобразований явилось то, что Казахстан первым среди стран СНГ получил статус страны с открытой рыночной экономикой. Не прошло и десяти лет независимости, как США, Германия, Франция, Италия, Австрия признали Казахстан, как государство рыночной модели экономического развития и приверженца демократии.

Дальнейшее решение социально-экономических проблем зависело от правильности выбора стратегических целей и приоритетов развития.

И такой выбор был сделан, когда впервые на постсоветском пространстве в 1997 году была разработана Стратегия долгосрочного развития Казахстана до 2030 года, ставшая главным ориентиром для развития экономики и социума республики [11. С. 46].

Стратегия развития Казахстана до 2030 года и первоочередные меры по ее осуществлению были официально озвучены в октябре 1997 года в первом Послании Первого Президента страны Н.А. Назарбаева народу Казахстана [23. С. 353], которая стала знаменательным событием в истории независимости страны.

Стратегия определила национальную цель и систему базовых приоритетов на пути к ее достижению. Миссией государства было объявлено построение независимого, процветающего и политически стабильного Казахстана с присущим ему национальным достоинством [12. С. 151].

В реализации Стратегии Казахстан становится все более активным участником мировой торговли. С 1999 года внешняя торговля страны имела постоянную динамику роста (за исключением кризисного 2009 г.). В 2010 году Казахстан осуществлял торговые сделки с 107 странами мира [5. С. 20].

С момента обретения независимости одной из приоритетных задач государственной политики Казахстана было поддержание благоприятного инвестиционного климата и дальнейшее стимулирование притока прямых иностранных инвестиций в экономику страны. В ноябре 1993 года на территории страны была введена собственная национальная валюта – тенге. Установлен курс: 1 тенге за 500 рублей [7. С. 253]. Создан Совет иностранных инвесторов при Президенте страны. Важным шагом стало учреждение в 2001 году Национального фонда. В 2003 году был принят Закон РК «Об инвестициях», который в полной мере регламентировал правовые и экономические основы стимулирования инвестиций.

Благодаря рыночной трансформации эксперты Всемирного банка признали Казахстан страной с наиболее успешными реформами по улучшению условий ведения бизнеса. В мировом рейтинге стран с наиболее благоприятным бизнес климатом Казахстан занимал на тот период 59-е место среди 183 стран мира [10. С. 22]. О благоприятном инвестиционном климате и имидже Казахстана свидетельствует объем привлеченных в казахстанскую экономику инвестиций. По официальным данным, за 20 лет независимости было привлечено 131,9 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций. Золотовалютные активы Казахстана составили 75 млрд. долларов. Доходы казахстанских граждан выросли в 17 раз. Если в 1994 году ВВП на душу населения в Казахстане составлял – 700 долларов, то в 2006 г. – 4.500 долларов, а в 2011 г. – этот показатель превысил 9 тысяч долларов, то есть вырос в 12 раз [28. С. 7].

В 2015 году в результате длительного переговорного процесса Казахстан вступил во Всемирную торговую организацию (ВТО). Это обеспечило стране равные права на внешних рынках, а также доступ к возможностям ВТО по урегулированию торговых споров и др. Таким образом, если подвести итоги, то результаты проводимых реформ показали, что процесс реформирования шел полным ходом и Казахстан, состоялся, как независимое суверенное государство, обрел свое место на политической карте мира.

Только сформировавшееся социально-ориентированное государство – это одно из ключевых достижений независимости Казахстана.

Казахстан последовательно усиливал социальную политику и наращивал объем инвестиции в эту сферу. Так, благодаря масштабному жилищно-

му строительству с 2006 по 2016 годы жилищный фонд страны увеличился на 86,5 млн. м². Более 628 тысяч семей или порядка 1,8 млн. человек въехали в новые квартиры. В стране сформировался устойчивый средний класс. За последние четверть века количество населения с доходами ниже прожиточного минимума снизилось в 15 раз, а реальная заработная плата выросла в 4 раза [24. С. 42].

В государственном строительстве Н.А. Назарбаев с самого начала провозгласил принцип «сначала экономика, потом политика». Время доказало эффективность такого подхода. Построив сильную экономику, страна шаг за шагом шла к устойчивой сбалансированной политической системе с сильным гражданским обществом.

Кардинальные структурные реформы в политической и экономической сфере на заре независимости требовали наличия сильной президентской власти [13. С. 6]. В целом, учрежденный в апреле 1990 года институт президентства стал центральным элементом всей системы государственного управления суверенного Казахстана.

Сегодня функционирует устойчивая многопартийная система, в стране официально действуют шесть политических партий. Прошедшие впервые по партийным спискам 10 января 2021 года выборы депутатов в Мажилис Парламента республики и Маслихатов всех уровней показали, что выборы состоялись на демократической основе, выборы были не досрочными, а очередными. Правящая партия НурОтан сохранила свой статус доминирующей партии в Мажилисе, набрав 71,1% голосов и получив 76 мест. Но, по сравнению с предыдущими выборами 2016 года партия набрала на 11,1% меньше голосов и потеряла 8 мест. Две партии, номинально входящие в оппозицию – Демократическая партия «Ак Жол» и Народная партия Казахстана, присутствующие в Мажилисе с 2012 года, улучшили свои результаты. Другие конкурирующие партии не преодолели 7-процентный избирательный барьер и не прошли в парламент. Единственная зарегистрированная партия, которая представляет настоящую оппозицию правительству Общественная социал-демократическая партия (ОСДП), отказалась участвовать в предвыборной гонке. На выборах в законодательные органы явка составила 63,3%, что является самым низким показателем с 1999 года. А 11 января 2021 года Ассамблея народа Казахстана избрала в Мажилис 9 своих членов [6]. Таким образом, принятые Законы «О политических партиях», «Об общественных объединениях», регламентирующие деятельность общественно-политических структур, обеспечивают плюрализм мнений и представляют все возможности для участия людей в принятиях решений на всех уровнях.

Важным проявлением новой казахстанской государственности стала символика Республики Казахстан: Герб, Гимн, Флаг.

Символы Казахстана – это свидетельства его суверенитета и независимости, единства народа и власти [3. С. 21]. Они выражают идею казахстан-

ской государственности, консолидации и устремленности к национальным и общечеловеческим ценностям. Немаловажными задачами для новой государственности стало и создание 7 мая 1992 года собственных Вооруженных Сил, в целях обеспечения независимости и национальной безопасности.

Важнейшим шагом, который сделал Казахстан, вступая в международные сообщества на правах нового суверенного государства стала антиядерная политика. Вслед за закрытием Семипалатинского испытательного ядерного полигона в марте 1992 года в Москве был подписан меморандум между Россией, Казахстаном, Украиной и Беларусью, согласно этому документу Казахстан отказался от атомного оружия.

Казахстан встал на безъядерный мирный путь развития. Этот период в истории страны был ознаменован и другими важными историческими событиями.

В 1992 г. в Алматы под патронатом Президента состоялись I Всемирный конгресс духовного согласия, который собрал представителей различных конфессий, духовных школ, гуманитарных общественных движений, а также I Всемирный курултай казахов собравших 700 делегатов из 30 стран мира. На этом форуме обсуждались насущные проблемы развития казахского этноса. Таким образом, на начальных этапах строительства государства Н. Назарбаев четко обозначил ключевые аспекты развития, которые стали драйверами роста республики.

Решая вопросы усиления и укрепления государственности, важнейшее значение придавалось углублению межнационального согласия, политической стабильности, развитию демократических процессов, становлению новых политических институтов, так в марте 1995 года был создан общественный институт Ассамблея народов Казахстана. Принятием в 1993 г. первой Конституции, а затем в августе 1995 года новой Конституции был заложен фундамент государственного устройства страны и тем самым завершен первый этап государственного строительства.

В 1997 году принято решение о переезде столицы из Алматы в Акмолу и началось активное ее строительство и с 1998 года столицей Казахстана после ее переименования стала Астана. С передислокацией столицы завершился важный этап в становлении государственности.

С обретением независимости Казахстан стал самостоятельным субъектом международных отношений. Казахстан установил дипломатические отношения со 138 государствами мира, а в 73 из них открыл казахстанские дипломатические представительства. В свою очередь, в Казахстане были аккредитованы дипломаты 107 государств, а также представителей региональных и международных организаций [28. С. 10].

Первый Президент Казахстана является автором многих международных интеграционных инициатив. При активном участии Н.А. Назарбаева создано Содружество Независимых Государств (СНГ). В последующие годы

он неоднократно выдвигал инициативы, направленные на трансформацию СНГ в эффективную структуру по примеру Европейского союза. Также отдельно нужно отметить проект создания Евразийского экономического союза, инициатором которого был Н.А. Назарбаев и спустя два десятилетия она нашла свое воплощение.

Знаковым событием в международной жизни и значимым достижением во внешнеполитической деятельности Казахстана стало проведение в Астане в 2010 году Саммита ОБСЕ.

Председательство в ОБСЕ стало для Казахстана историческим событием. Это был крупный международный успех страны.

Сегодня Казахстан является ответственным и авторитетным участником мирового сообщества. И первым шагом к этому стало вступление Казахстана в ООН 2 марта 1992 года, которая явилась исторической по своему значению акцией [9. С. 83]. В июне 2016 года в ходе голосования в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке Казахстан впервые был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН на 2017-2018 годы.

Избрание в Совет Безопасности ООН стало широким международным признанием активной роли Казахстана и его Лидера в решении важных глобальных проблем мира и безопасности. В целом, Казахстан под руководством Н.А Назарбаева проводил активную внешнеполитическую и миротворческую деятельность, позволившую стране занять достойное место на международном уровне.

Отдельно, хотелось бы остановиться на взаимоотношениях Казахстана и России. С момента обретения независимости между Казахстаном и Россией сложились дружественные отношения, которые выдержали испытание временем и на современном этапе сотрудничества приобретают динамичное развитие. Первоначально в основу двустороннего взаимодействия лег подписанный 25 мая 1992 года Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией в котором были зафиксированы основные принципы добрососедства – уважение государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости существующих границ [14. С. 73]. Согласно процесса делимитации между Казахстаном и Россией были подписаны протоколы намерений. Главный принцип которого равновеликий территориальный обмен [4. С. 22]. Очень важно, что оно оформлено в соответствии с международно-правовыми нормами. С принятием договора казахстанско-российские связи перешли на новый уровень международных отношений. Говоря о дружественных связях между Казахстаном и Россией нельзя не упомянуть заключенный договор об аренде космодрома Байконур. В космосе побывали три казахстанских космонавта – Тохтар Аубакиров, Талгат Мусабаев и Айдын Аимбетов.

Казахстан вошел в число космических держав, какими не стали еще и многие страны Западной Европы.

Подводя итоги, можно заключить, что:

– по данным опросов общественного мнения, различных исследовательских центров от 80 до 88% населения выражают удовлетворенность своей жизнью. Граждане страны с гордостью отмечают, что в итоге последовательных реформ построено сильное и успешное государство – 92% [15. С. 246];

– Казахстан стал известен в глобальном масштабе благодаря политике и инициативам, проведенным Первым Президентом страны, Елбасы. Исторический феномен Н.А. Назарбаева заключается в том, что он сумел консолидировать созидательный потенциал нации и мобилизовать общество на мощнейший прорыв в будущее, получивший в мире образное название – «прыжок казахстанского барса»;

– к важнейшим достижениям страны нужно отнести мир и межэтническое согласие, создание Ассамблеи народа Казахстана;

– к числу победоносных вех независимости относится и построение новой столицы в центре Великой степи;

– за годы независимости Казахстан провел масштабные преобразования, осуществив переход от плановой административной системы к рыночной экономике.

Казахстан вошел в число 50 самых конкурентоспособных стран мира. Распад СССР не стал трагедией, а стал на взгляд автора началом расцвета наций, где новые стимулы получили дальнейшее развитие государственного языка, русского языка – как языка межнационального общения, национального языка этносов, культуры, традиции и обычаев казахского народа и народов, проживающих в стране. Таким образом, главными достижениями и важными ценностями, достигнутыми Казахстаном за годы Независимости стали внутривнутриполитическая стабильность, успех социально-экономических реформ, признание Казахстана как состоявшегося государства в мире, где царит мир, общественное согласие и единство народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Альжанова Р.С.* Анализ научной литературы по военной истории в период суверенитета и обретения независимости (1992-2005 гг.) // Вестник Каз НУ. Сер. Историческая. Алматы, 2006. № 2 (41).

2. В зеркале СМИ: Президент и народ вместе сделали Казахстан общепризнанным мировым лидером государственного успеха // МИРАС. Астана, 2014. № 4 (32).

3. *Валиханов Ш.* Символы независимости страны // МЫСЛЬ. Алматы, 2011. № 12.

4. *Васильев Ю.* Граница по требованию // ОГОНЕК. М., 2005. № 49.

5. Внешняя торговля Казахстана // Вестник промышленности и торговли. Шелково МО, 2011. № 4.

6. Выборы в Мажилис в Казахстане // https://ru.sputnik.kz/trend/vybory_mazhilis/.

7. *Есентугелов А.* Экономика независимого Казахстана: история рыночных реформ / монография. Астана, 2012.

8. *Ертлесова Ж.* Реформы 90-х: интервью с ключевыми участниками событий. Алматы, 2016.

9. *Жыгелдинов М.* Вступление в ООН первый шаг Казахстана к международному признанию // МИРАС. Астана, 2016. № 4 (40).

10. Инвестиционный климат Республики Казахстан // Вестник промышленности и торговли. Шелково МО, 2011. № 4.

11. История суверенного Казахстана: 20 лет Независимости: Историко-документальное исследования / сост. Б.Г. Аяган, Ж.У. Кыдыралина, А.Ж. Габдуллина, С.В. Селиверстов. Алматы, 2011.

12. История независимого Казахстана / под. общ. ред. Х.М. Абжанова, Л.Н. Нурсултановой. Алматы, 2011.

13. *Кадыржанов Р.* Институт президентства на постсоветском пространстве // МЫСЛЬ. Алматы, 2001. № 8.

14. Казахстан: 20 лет независимости / монография. под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы, 2011.

15. Казахстан 2050. К новым высотам / под. ред. А. Агеева, Ф. Менш, Р. Мэтьюз. Астана, 2013.

16. Казахстан – анализ основных отраслей промышленности // Вестник промышленности и торговли. Щелково МО, 2011. № 4.

17. Конституционный Закон РК «О государственной независимости Республики Казахстан 1991 г.» // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 51. Ст. 622 // adilet.zan.kz.

18. Казахстан: этапы государственности. Конституционные акты / сост. Баишев Ж. Алматы, 1997.

19. *Коновалов А.* Национальные процессы: исследования в Семипалатинском регионе // МЫСЛЬ. Алматы, 2004. № 9.

20. *Кишибеков Д., Кишибеков Т.* Независимость и государство: проблемы теории // МЫСЛЬ. Алматы, 2011. № 12.

21. *Морозов А.А.* Казахстан за годы независимости. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005.

22. *Назарбаев Н.А.* XXI век станет звездным веком Казахстана. Астана, 2010.

23. *Назарбаев Н.А.* Послание народу: Казахстан-2030 Избранные речи. 1995-1998 гг. Астана, 2009. Т. 3.

24. *Прилепская А., Магер Ю.* Самый первый трудный год // Казахстанская правда. 17 августа 2016.

25. *Ретивых А.* Испытание независимостью (геополитическая стратегия Республики Казахстан как условие выживания нации и государства). Алматы, 2004.

26. Сабден О. Экономическое развитие Казахстана за двадцать лет независимости // МЫСЛЬ. Алматы, 2011. № 12.

27. Сартаев С.У. У истоков независимости // МЫСЛЬ. Алматы, 2016. № 12.

28. Султанов Б.К. Республике Казахстан 20 лет: состояние и перспективы. Казахстан // СПЕКТР. Алматы, 2011. № 3.

29. Сулейменов О. Достояние предкам – благодарная память, Отчизне служить – священный долг // Казахстанская правда. 10 апреля 2015.

30. Желтоқсан-86: Статьи и публикации за 1986-1995 гг. Алматы, 2006. Книга 6.

31. Қазақ Советтік Социалистік Республикасының Мемлекеттік егемендігі туралы Декларация. Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР. Архив Президента РК. История Казахстана / Документы и материалы (1917-2012 гг.). ҚРПМ. 7 Қ. Т. 1. Дело 516. № 71.

S.K. ZHETPYSBAEV

*Candidate of Economic Sciences,
Associated Professor of the Department of Economics,
NJSC named Toraigyrov University,
Pavlodar, Kazakhstan*

KAZAKHSTAN'S PATH TO INDEPENDENCE IS THE PATH TO DEMOCRATIZATION AND INTEGRATION

The author of the article has analyzed the main aspects of the domestic and foreign policy of sovereign Kazakhstan in the context of ensuring improvement of the welfare of the people and the country's national security. The study covers more than twenty years of the formation of the independent state of Kazakhstan, which until recently was little known in the world, but in a short time became a prominent subject of the modern world community.

The article covers the history of market reform, notes the successful anti-crisis policy of Kazakhstan, its initiatives at the global level of political and steps aimed at social modernization of Kazakhstan's society.

A significant place in the work is given to the strengthening of the country's national security and measures ensuring the internal political stability of the society. The article shows the historical role and significant steps of the First President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev on the way to the formation of a young independent state after the collapse of the USSR. The article highlights the main stages of Kazakhstan's economic reforms in the context of the global economic crisis. The article covers the most difficult and bright mo-

ments of the Kazakh way in the modern history of Kazakhstan. It was the work on the Strategy of Kazakhstan's Development until 2030, the process of adopting the current Constitution of the Republic, the introduction of the national currency, the process of denationalization and privatization and the transfer of the capital to Astana. The article reveals the international initiatives of the young state and its contribution to the maintenance of global peace, harmony and political stability at the present stage.

Key words: *market economy, global crisis, modernization, Kazakhstan, independence, strategy, denationalization, privatization, state, history, world community, CIS, UES, transition period, stability.*

АТЛАС БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: КРЫМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В статье представлен обзор статей Атласа Большого Средиземноморья (rusrimland.ru), охватывающих ключевые события истории средиземноморско-черноморского региона. Вслед за обзором приводятся наиболее яркие сюжеты, указывающие на ключевое место Крымского полуострова на перекрестке цивилизаций, снабженные архивной картографической информацией. Представленные карты наглядно демонстрируют политические, культурные и военные процессы, повлиявшие на облик Европы и Азии. Атлас Большого Средиземноморья – академический онлайн-ресурс, представляющий научное знание с опорой на доходчивые для визуального восприятия карты и инфографику.

Ключевые слова: Крым, Севастополь, Атлас Большого Средиземноморья, Средиземноморско-Черноморский регион, Большое Средиземноморье.

V.V. BLINOV

*Candidate of Political Sciences, Associate
Professor at the Department of Political Science, the
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ATLAS OF THE GREATER MEDITERRANEAN: CRIMEA AT THE CROSSROADS OF CIVILIZATIONS

The article presents an overview of the articles of the Atlas of the Greater Mediterranean (rusrimland.ru), covering key events in the history of the Mediterranean-Black Sea region. The review is followed by the most vivid stories that point to the key place of the Crimean Peninsula at the crossroads of civilizations supported by archival cartographic information. The presented maps clearly demonstrate the political, cultural and military processes that have influenced

the image of Europe and Asia. Atlas of the Greater Mediterranean is an academic online resource that presents scientific knowledge based on visually understandable maps and infographics.

Key words: *Crimea, Sevastopol, Atlas of the Greater Mediterranean, Mediterranean-Black Sea region, Greater Mediterranean.*

Since ancient times, the Crimean peninsula has been the object of desire for many powers and nations. Only in the last millennium, the fates of Russians, Greeks, Khazars, Polovtsy, Pechenegs, Goths, Mongols and Turks have left a mark in its history. And for the last one hundred and fifty years, a lot of German, English, French and Italian people have been buried in Sevastopol.

The place of the peninsula in the world history is explained by its special geographical position. Being on the border of the great steppe, Crimea at all times was a part of the Black Sea-Mediterranean ecumene, and the nearby trade route from the Varangians to Greece made it a crossroad of three worlds.

Eurasian people, appearing and disappearing from the pages of history, left their mark on Crimea. Here you can view Greek sculptures, Silk Road items and Varangian weapons. Through this place Christianity came to Russia, and the plague came to medieval Europe from Asia. Here we can find a principality where in Orthodox churches people prayed in German next to Genoese settlers and Greek descendants who converted to Islam. And since the XVIII century the battles for Crimea have determined the most powerful countries in the world.

For the last two and a half centuries, Russia, having taken “Our Crimean peninsula under its power” [16], has been actively involved in the life of the Black Sea-Mediterranean region. The Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University studies the past and the future of the Greater Mediterranean area based on the interests of Russia.

The online atlas of the Great Mediterranean area rusrimland.ru is intended to visually show the place of Crimea in the world history, based on the data of cartographers and the modern interpretation of historical evidence. The information is provided with comments of the leading historians and social scientists of the Institute of Social Sciences and International Relations (I.A. Chikharev, A.A. Irkhin, A.P. Kabachenko, A.M. Kanakh, V.V. Kovalenko, M.V. Ilyin, D.V. Makovskaya, M.A. Matrosov, L.P. Nelina, A.V. Martynkin, V.V. Blinov).

The Atlas of the Great Mediterranean area includes the articles on the historical periods of the development of the macro-region with an emphasis on the place of Crimea and Sevastopol in the current events.

First of all, it is worth mentioning the article “The Great Mediterranean area: development in time and space” written by M.V. Ilyin [2]. It deals with the chronology of events in this part of the world from the geological formation of the continents to the analysis of historical epochs, including the present time.

The author suggests the idea that the Black Sea appeared as a result of a fault in the Bosphorus region and the Dardanelles and further flooding of surrounding areas. That happened seven thousand years ago.

And its further flooding by the waters of the surrounding lowland, what remains to be remembered to humanity because of the relatively small age of events of seven thousand years ago. Furthermore M.V. Ilyin suggests an idea of the birth of humanity in the upper reaches of the Nile, describes the formation of the first three centers of civilizations, tells about the decline of the times of the Bronze Age crisis and resettlement of Aryan peoples to the regions of the Great Mediterranean area. A special place in the annals of the Great Mediterranean area is given to the peculiarities of the formation of the Kiev state and the thousand-year existence of Russia in a multitude of interrelations with the surrounding states. Review M.V. Ilyin can be called a brief planetary history of the macro-region.

A.P. Kabachenko, M.A. Matrosov in the article “The History of the Great Mediterranean area: from the first settlements to the X century” [7] draw attention to the formation of the first civilizations in the macro-region. They start with the history of the Sumerians, analysing the versions of the arrival of this mysterious people from the north or south. The authors describe further assimilation of the Sumerian ethnos by the Semitic tribes and the subsequent relocation of the center of the Middle Eastern world to Babylon. Kabachenko and Matrosov enchantedly describe mysterious Egypt, drawing attention to the achievements of Nile civilization in agriculture, astronomy, sciences and arts. The story of Egypt unfolds from the time of the most ancient kingdoms to the Hellenistic period. In the period under review, the authors highlight the characteristic features of all states and peoples of the macroregion, which are called “systematization of relations” or “increasing discreteness”. According to their interpretation, systematization leads to the accumulation of forces for qualitative development, the discrete state activates the search for new directions. Such directions reflect the global tendency of alternation of information and entropy stages. The authors trace the influence of these tendencies of development by the example of ethnic groups that appear in different epochs at the forefront of the Great Mediterranean: Greeks, Persians, Phoenicians, Romans, and subsequently: Germans, Huns, Slavs and others.

The work by A.P. Kabachenko and M.A. Matrosov “The History of the Great Mediterranean area in the X-XIV cc.” [6] begins with a description of the entropy period that followed the collapse of the Western Roman Empire and the constant clashes and confrontation of barbarians. Particular attention is paid to the Scandinavian tribes, who rushed both along the Atlantic coast, and also going “from the Varangians to the Greeks” into the Great Mediterranean area. The result of the enhanced Varangian expansion was the appearance of Scandinavian dynasties in Normandy, England and Russia. In the latter case, coming to power characterized by building agreements with the local nobility. Following the Normanization of the Greater Mediterranean, the authors see the main trend of the macro-region in

striving of Catholic Europe to conquer the Holy Land. At this time in Western Europe, there appeared a religious concept, substantiating the claims of the Roman First Bishop to secular power, which, in the authors' opinion, provoked opposition to Catholicism in the person of sovereigns. In many ways, this set the stage for the subsequent spread of Protestantism. Next, the authors consider the development of Islamic civilization in the designated time period. Special attention is paid to the development of science and arts. The authors cover before the period before the discovery of America and the advent of the Renaissance.

The article by A.P. Kabachenko, V.V. Kovalenko, M.A. Matrosov "History of Sevastopol and Crimea development from primitive times to the present day" [5] addresses the meaning of the term sacrality in connection with the description of the special significance of Chersonesus or Korsun in the history of Russia. The article provides information on the inner regions of Crimea and their special historical development. The authors claim that the first sites on the peninsula date back one hundred thousand years ago, and cattle breeding and farming appeared here two thousand years B.C. The work tells about the first Greek colonies, about successive transition of power over Crimea to Goths, Huns, Khazars during the period of resettlement of peoples. It tells how Chersonesus gradually lost paramount importance, describes the appearance of the capital of the Orthodox principality of Theodoro, the subsequent conquest of the southern Crimea by Turks and the transition of the Crimean Khanate, which was located in the north, in vassal dependence from the Ottoman Empire. Subsequently, the events surrounding the conquest of Crimea by Russia, the foundation of Sevastopol and Russian history in the Great Mediterranean area in the XIX and XX cc. are described. The authors bring the chronology of events up to the recent years, describing the return of Crimea to Russia and the reaction of Crimeans and Sevastopol to these events.

In the article "The Great Mediterranean area at the beginning of the XV – the second half of the XVIII century" D.V. Makovskaya [10] explains that it is appropriate to perceive the macroregion in a spatial sense in the light of the concept of Fernand Braudel, who considered the direction of expansion as an essential characteristic. From that prospect is the connecting point of the Greater Mediterranean. In the XV-XVIII centuries, the main contradictions of the macroregion were about the desire to take control of the sea routes. The most active challenger was the Ottoman Empire, which came into active conflict with the Catholic states. At the periphery of this confrontation, centralized Russian state was gaining momentum growing its power. In Crimea, in a bizarre way at the beginning of the XV century there appeared a number of contradictions, characteristic of the whole Great Mediterranean area started to appear. Here were located the carriers of Catholic, Islamic and Orthodox civilizational foundations. At the same time, Crimea was a key element of the trading system connecting the Mediterranean with India and China. The situation changed dramatically after the capture of Constantinople and the subordination of trade relations by the

Ottomans. In many ways, this situation pushed European states to seek new trade routes to India across the Atlantic. After the establishment of the Moscow Kingdom and the determination to be a defender of true Christianity, Russia is actively expanding across all borders. Of particular importance is access to the Baltic and Black Seas. After reaching the Baltic, the Russian Empire rushed in the Black Sea direction. The battles with Turkey were originally marked by the signing of the Kyuchuk-Kaynardzhi peace treaty, which gave Russia an unimpeded access to the Black Sea, and later annexation of Crimea by the Russian Empire in 1783.

A.A. Irkhin in the article “Russia and the Great Mediterranean area 1783-1920: from Crimea’s joining Russia to the evacuation of the white elite from Sevastopol” [3] studies the influence of the two systems formed under the influence of international treaties: Westphalian (1648) and Vienna (1815). At the beginning of this period, the Baltic-Black Sea arc turns out to be the leading direction of Russian expansion. Russia’s successes in this direction were largely due to the constant contradictions between Britain and France. The important milestones of the period under review are the Crimean War of 1853-1856 and the outcome of the Franco-Prussian War of 1871. If before the Crimean War, Russia was actively moving in the Black Sea direction, then in the second half of the 19th century, it faced consolidated opposition from the West. The annexation of Crimea by Russia becomes the point of explosion of fears from Europe, which affects the events of the Crimean War. In World War I, a secret protocol is signed between Russia and Britain, where Britain agrees to transfer the straits to Russia in exchange for not concluding a separate peace treaty with Germany. Unfortunately, the long-standing object of the desire of Russia is unattainable, and through the Bosphorus and the Dardanelles, the European powers send support to the white movement in the Civil War. In 1920, Wrangel evacuated the forces remaining at his disposal from the Crimea, which marks the end of the era in question.

The article “Russia and the Great Mediterranean area (1920-2014)” by A. Irkhin and L. Nelina [4] depicts the Versailles-Washington and Yalta-Potsdam systems of international relations’ influence over the macro-region at the given period of time; it was also affected by the Era of Stagnation from the year 1991. As a result of the end of the First World War, a powerful participator from the outside – the reinforced USA – entered the region’s territory. The period described could be divided into two completely different realities for Russia: from 1920 to 1991 and from 1991 to 2014.

The treaty on mutual recognition and settlement of the borders between Soviet Russia and Turkey was signed in 1921. In 1936 the issue of the Straits was agreed upon, which is relevant to this day. The Montreux Convention entitles a free passage of merchant ships in peacetime, during wartime Turkey is allowed to impose restrictions. After the end of the war Stalin made efforts to have the Montreux Convention revised by indicating the possibility of collaborative Soviet-Turkish defense which implied the establishment of a military base on Turkish territory,

but in vain. In the postwar world the USA attempted to limit the Soviet Union influence over the Great Mediterranean area with the help of their allies: Turkey and Greece being a united NATO front of the region.

The emergence of Israel and the further waves of the Arab-Iranian-Israeli confrontation affected the Great Mediterranean area. In the postwar years the Soviet Union relied on Syria and Egypt. The naval operational formation – the Fifth squadron of warships – located in Egypt, Syria, Yugoslavia, Algeria, and Tunisia, was established in the USSR in 1967. After the Soviet Union collapse the influence in the region considerably decreased and the presence of the Black Sea fleet in Sevastopol had been in doubt up to 1997. In the XXI century with the collapse of the bipolar world Turkey is gaining regional influence again.

The reunification of the Crimea with Russia causes less damage for Turkey rather than placing U.S. bases on the peninsula territories. The steps taken by Americans in the last decades aiming at expanding their presence on the territories of the former USSR republics affect Turkish interests and cause an intention to counteract. Furthermore, Turkey is increasingly focused on the domination of the region and the restoration of the power once lost.

The article by A.V. Martynkin, A.M. Kanakh [11] “The Black Sea Fleet in the context of Russian-Syrian relations” describes the realities after the Second World War. During this War the dominant influence of such superpowers as the USSR and the United States emerged in the Great Mediterranean area. As a result Britain and France claims took a back seat. The USSR began to support the national Arab movements against the former colonialists. The highest point of the emerging contradictions and designation of superpowers’ claims became the Suez crisis. After 1948, the Arab-Israeli confrontation became another important factor. It determined the balance of forces and the degree of contradictions. The United States interests were provided by the presence of the naval group. It was meant to be able to strike at the southern borders of the USSR with a capacity equal to 3400 atomic bombs dropped on Hiroshima. Consequently, the presence of Soviet naval force based in the ports of the Mediterranean Sea was all-important. In 1967, the 5th Mediterranean USSR Navy operational squadron appeared. During the Arab-Israeli war of 1967, the USSR warned the United States of its readiness to use military measures to deter Israel. It was the act which played a role in the settlement of the conflict. In the context of the Arab-Israeli confrontation in 1973, the Soviet Navy also restrained Israel, threatening to support the Arab side. The presence of the Soviet Navy on a regular basis had a stabilizing influence on the military and political situation in the Eastern Mediterranean. From 1991 the combat service of Russian Navy ships in the Mediterranean sea ceased. In 1992 the 5th Operational squadron was disbanded. Full military presence of Russia in the Mediterranean Sea resumed only in 2013, when fleet formation was established.

Its tasks were similar to the former 5th Operational squadron. Russia’s strategic role started to grow significantly after the treaty with Syria on the use of

the Khmeimim Air Base. Nowadays, Russia is following the course of strengthening its role in the Middle East, facilitated by military presence in the Syria Arab Republic.

Special attention in the atlas of the Greater Mediterranean area is paid to old maps, which depict the outlines of the Crimean peninsula and the surrounding states of the macro-region.

The most interesting and pictorial cartographic works showing political geography, climatic characteristics and other circumstances of the epochs are reviewed on rusrimland.ru.

In the atlas they explore the impact of the ideological views of the authors and historical events on the maps.

Outlines of the peninsula through the eyes of cartographers from different eras. For a long time, maps of Crimea were based on simple sketches made by all kinds of amateurs. After all, without satellites, the main source of information for the maps was fragmentary information that cartographers put together, relying on courage and fiction. From time to time, the drawings were based on generalized stories told by some travelers.

Only rare archival maps can surprise by their credibility. One of them was successfully performed by the Turkish master who had an access to rich data of his compatriots about the Black Sea (Picture 1).

As for the maps of Europeans [1], here the abundance of inaccurate information was filled with amazing imagination.

Picture 1

Picture 2

Even if we consider the location of settlements, it is clear that it is difficult for a Dutchman to visit Bakhchisarai or Balaklava. The coastline looks very unusual as it was drawn based on significantly embellished seamen's` stories about berthings. Many European maps of the Tauride Peninsula resemble the contours of the Norwegian fiords. They have nothing to do with the familiar to contemporaries triangle that faces the acute angle of the Sevastopol ledge towards Constantinople. On this map of 17th century the Black Sea coast and the coastline of Crimea are depicted by the famous Dutch cartographer Nicolas Visscher (Picture 2). [14].

The first thing that strikes our eyes is that the usual features of the Peninsula are distorted beyond recognition. Except for the inaccuracy of the sources, the form of display is explained by the important map function for naval commanders. This product of cartographic "expressionism" is a visual instruction for the navigator where they avoided keeping proportions and considered harbors. Thus, Sevastopol Bay is several times larger than the capital of the Crimean khanate Bakhchisaray.

The Russian military demonstrated a very detailed approach in the creation of the peninsula exact image. For them, the Tavricheskaya governorate became not just an “outskirt”, but a strategic outpost overlooking the former Greek territories. Mapping of Crimea was carried out by the Military Topographical Department of the General Staff of the Russian Empire (Picture 3) [15].

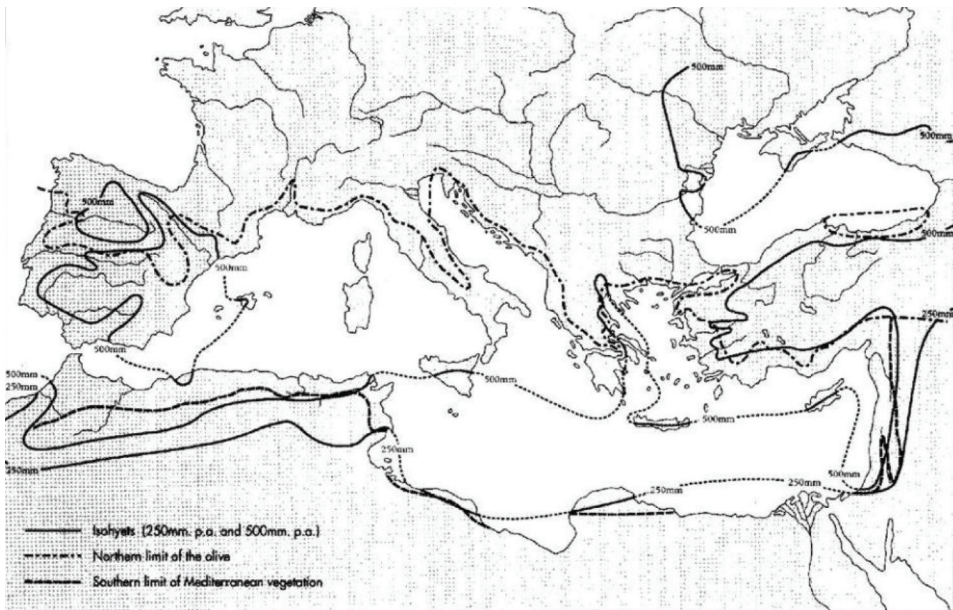
Climatic Ecumene. It is well known that climatic characteristics are determined by belonging to the common sea area. The Baltic and the Norwegian Sea, regardless of the northern latitudes, carry the warm waters of the Atlantic, heated by the Gulf Stream, and the climate of the Black Sea coast is very similar to the Mediterranean one.

Today, the perception of the world is based on the boundaries of political geography, but for ancient people Pont Evksinsky (EúxeinosPóntos), as well as the modern coast of Turkey, was a part of the ecumene – an area with a similar climate and lifestyle. As it can be seen on the map [12], the line of total Mediterranean precipitation (isohyets), as well as the boundary of vegetation, reaches the southern coast of Crimea. Even olives are found on the territory of Crimea, although there are fewer of them here than in Crete (Picture 4).

Aristotle pointed out that the division into Barbarians and Hellenes is determined by the climate. The northerners are filled with courage, but they are not capable of sensible management, and the Eastern peoples tend to be good at crafts, but suffer from the lack of courage. And the Greeks, unlike those and others, possess courage, intelligence and are born to dominate others. The pupil of Aristotle, Alexander the Great, put the views of his teacher into practice.

Picture 3

Picture 4

These ideas reflect the Hellenes' perception of the "homeland" and allow us to conclude that the Crimea is the border of the Greek ecumene, which for centuries has been located in the cradle of the Mediterranean civilization.

How Kerch became the first outpost of Russia in Crimea. Life shows that meaningful changes do not take place immediately. And it may seem strange to contemporaries that Crimea was an independent state when the Turkish territory stretched in the north. And Russia had very little influence in Crimea, having only one outpost there.

Nevertheless, this situation [13] characterises a short lull of 1774 between the Russian-Turkish wars, which was formalised in the Kyuchuk-Kaynardzhiy agreement. According to this document, Crimea was declared independent of Turkey, and Russia acquired some territories in the northern Black Sea region and cities that provided access to the Black Sea (Picture 5).

And if Azov is used to moving from Turks to Russians and vice versa, then Kerch becomes the outpost of the Russian Empire on the peninsula for the first time in the new history. The city blocked the Azov Sea from military activities, the entire coast of which, with rare exceptions, turned out to be under Turks.

Three hundred years before Potemkin. There is hardly a place on the Earth like Crimea, where so many people have left traces over the last millennium. The history of Russia indicates converting to Christianity of Vladimir the Great in Chersonesus as the starting point of a civilization. But for 800 years between the

Picture 5

Roman and Russian two-headed eagles, Crimea saw a lot of things, absorbing lots of people's stories in its history.

Being the arena of confrontation of Russians, Greeks, Khazars, Polovtians, Pechenegs, and even Goths from the XIII century, Crimea became a dependent territory of the Golden Horde. After its collapse in the XV century the Crimean Tatar Khanate appeared, which assimilated numerous peoples in Islamic culture. Side by side with it, there was an Orthodox Greek-German principality of Theodoro, as well as Genoese colonies.

In the second half of the XV century, Turks came to Crimea. They captured Orthodox cities and Genoese colonies, and Tatars were declared vassals (Picture 6).

That lasted till the change of borders according to the Kuytchuk-Kainadzhirsky Treaty in 1774. The southern coast of Crimea was under the power of the Turkish Sultan, the northern part of the peninsula with the nearby steppes was under the rule of the Crimean Khan.

Picture 6

And if Krymchaks annoyed Russians with raids, they could not be considered as powerful as Moscow princes, then Russia and Turkey were destined to resist each other not for life, but for death like Rome and Carthage.

On the map of the XVII century, you can see the three hundred year status-quo on the peninsula, stretching from the XV till the XVIII century until the Russian military changed the boundaries.

Pre-imperial map. A picturesque picture of the Russian lands of the XVII century is compiled by the English cartographer John Speed [8]. Geographical details are provided with illustrations of large cities. The heart of the third Rome is framed by the images which artists of that time used as decorations of the outlines of maps (Picture 7).

Here, the symbolism is intentionally enhanced by double-headed eagles, personifying the hereditary power of the Constantinople Caesars. It was handed down to Moscow princes by Sofia Paleolog. The coat of arms crowns the “imperial city of Moscow”. It is depicted on the shield of a Russian resident, while the Kremlin is called “the emperours Court”.

It is characteristic that the word “imperial” literally means the succession of the Roman Empire, which the Austrian Hapsburgs and Russian Romanovs inherited at that time from Rome and Constantinople respectively. In Europe Russian Tsars had not dared actually to point to the “imperial” attributes of their power, being content with the royal regalia.

After all, the very word Tsar was formed from the title Caesar and marks the succession of Caesar and Augustus. The title of Emperor was assigned to the Russian autocrats from the time of Peter the Great’s victories when the heir of Rome confirmed his supremacy in the rank of military glory.

The map shows that the Russian land had ceased to be “Tartar” for Europeans by the XVII century. In fact, Muscovy was often named like this in the images of the previous centuries. Now the lands, lying to the east of the European part of Russia, are called this way.

Why does “Tartar” refer to the lands on the left bank of the Volga, when the “Caesars” power have already crossed the Ural Mountains under Ivan the Terrible and, under the first Romanovs, began to approach the borders of China and

Picture 7

the Pacific Ocean – this is the question which is to be discussed in the section below (See: map of Tsar Fedor).

Or it can be assumed that the cartographer drew attention not so much to shaky political boundaries as to the outskirts of the Map of Russia, which obtained special names closer to the edge. Thus, apart from Tartaria, Livonia, Volynia, Lithuania, Poland, and the Crimean Khanate are distinguished here. They are lands that are historically related to Russia in a wide sense and they will find themselves under “its power” in a short time.

Here is a remarkable map by Johann Batista Homann [9] of the early XVIII century. It depicts the lands to the north of the Black Sea, where Ukraine and Russia Rubra turn out to be one of the largest formations. Another significant territory is CosacciCircassi lands (Picture 8).

Johann Batist was born in Germany in 1664 after the entry of the Little Rus’ into Russia. The cartographic publishing house named after him was

Picture 8

founded in 1702. The presented map of Ukraine and Cossack lands came out between 1716 and 1720. This is the time when the events of the Poltava battle of 1709 were still fresh in the memory of Europeans, and when Mazepa died branded as a betrayer.

Even according to the terms of the “Treaty of Eternal Peace”, concluded between Russia and Poland in 1686, the borders of the States passed along the Dnieper, the left bank of which belonged to Russia.

Although the Sejm of Rzeczpospolita ratified the Treaty only in 1764, few decades before the country was divided between Russia, Prussia and Austria.

Above doesn't make sense, this is better. The treaty was eventually ratified in 1764 by the Sejm of Rzeczpospolita, a few decades before the country was divided between Russia, Prussia and Austria.

As may be seen, the political system of that time was not in accordance with the drawn lines of state borders. These borders are given rather to point out the important regions of “Ukraine”, “Cossack lands” and surrounding new lands, not considering the realities of political geography.

There are different versions concerning who the artist portrayed under the title of the map. Some people are inclined to believe that the half-lying person in the center of the painting is Hetman Ivan Mazepa with A Swedish emissary, waving a sword with an appeal for war on his left, and Cossacks sitting near them. There is a version that Philip Orlik, Mazepa's right-hand, is also portrayed among them. Peter I is said to be on the Mazepa's very right, next to him the Polish king Stanislaw Leszczynski, who is also calling to war.

It is quite easy to guess that this work of cartographic art is an important artifact of the Ukrainian independence ideology. The work of “alternative history” of the XVIII century is now a part of the collection of the Ukrainian National Museum.

Map of Tsar Fyodor. The passion of the ruler on frequent occasions has a strong influence on the course of history. If in the case of Peter Alekseevich we see with our own eyes where the tsar's “fun” brought the state and the world to, and so a person of smaller scale can have A lesser but important impact on historical science.

Thus, Fedor Borisovich Godunov ruled Russia from April to June 1605, that is the shortest period in a thousand-year history, and he did not even manage to get crowned. Soon after the sudden death of Boris Godunov, the boyars killed the young Tsar, and handed on the power to the impostor. A lot of historical textbooks do not even mention that there was someone else between the time of Boris and False Dmitry I. Sometimes the narration is confined to the fact that the sudden death of Boris opened the way to the reign of Grigory Otrepyev.

We should focus on the enthusiasm of Fyodor Borisovich in cartography as an important historical fact. Thanks to his passion we now have a number of images that historians ascribe to the tzarevitch. In its turn, a lot of other maps were

Picture 9

based on these ones, that is why FedorBorisovich can be called the creator of the “viral effect” in the European cartography of the Russian lands of the XVII century (Picture 9).

We have admired one of such images previously, wondering why the English map of the XVII century was based on the information from a century ago, when the land to the East from the Volga had not been marked yet by the hands of the Russian rulers.

Apparently, in this case, an English cartographer used as a basis the image which was published by the Dutchman GesselGerits in 1613, what their similarity indicates. Gessel provided the map with the words “Map of Russia according to the manuscript, which Fedor, the son of Tsar Boris, took care to draw...”. He claimed that he published the work on the sketch made by Fyodor Borisovich. It is still a controversial question whether there was Prince Fedor’s order to print these sketches or the Europeans got it as a trophy from the ruined state. The only thing historians do not argue about is that Fedor took a map of a hundred years ago as a basis for his map. “A big drawing” that was composed by the order of Ivan Vasiliyevich the Terrible, or even some earlier document.

Undoubtedly, it remains a mystery why the heir to the new dynasty decided to ignore the actual geographical data and, in particular, description of the Siberian possessions. Thus, academician Boris Rybakov in his work “Muscovite Maps” supposed that Fyodor Borisovich reworked and supplemented the cartographic drawing of the year 1523. Leo Bagrov expressed his opinion that the map of Fyodor represents a training drawing, modelled on some earlier sketches.

Now we can only guess what happened in fact.

We should focus on the fact that the object of our close attention Tauride Peninsula in the canvas, which is attributed to Fedor’s authorship, is divided between Turkey and the Crimean Khanate. It is more likely to be the truth from the historical point of view than the version of the English cartographer. And the lands between Tartary, which in this case is appropriate to call the part of the Nogai Horde and Turkey, are separated by a narrow line of the Russian lands. It is the joined Khanate of Astrakhan which was ignored by the authors of the English maps of the XVII century.

Anyway, we would like to express our gratitude to Fyodor Borisovich for the fact that thanks to his efforts European cartographers began to draw Russian lands. Of course, with some mistakes and inaccuracies, but with significant interest. Looking at the pieces of the past, we get food for interpretation. (awful, use we get information to interpret).

Conclusion. We live in the age of information abundance, when the speed of communication flow overloads the semantic space. It is a peculiar feature not only of mass-media, marketing, the culture of blogs but also of scientific knowledge. The text narratives are more often replaced by interactive means with intuitively perceived infographics.

Though in modern times such things have changed the world’s image qualitatively, it has an established academic tradition. Since antiquity the maps have always been helpful to geographers, military men and historians, and graphic visualization has been an important branch of mathematics, statistics, and sociology. The new era has breathed new life into the graphic embodiment of information, and the emergence of software solutions has highlighted infographics not only in the academic field, but also in popular fields.

In modern times, databases are of particular importance, combining all sorts of formats in a convenient and visual form. The encyclopedic function, which has been traditionally presented in a multivariate textual narrative, structured alphabetically and equipped with illustrations, is replaced by visual online resources.

The rich history of the Crimean Peninsula, which is an important node at the crossroads of civilizations and the window of Russia in the Mediterranean, makes it necessary to develop a resource that makes it possible to present this data easily using infographics.

In the future, an important direction for the development of rusrimland.ru will be the consolidation of links with reviews and translations on the most important databases of life in the region of the Great Mediterranean area on its basis.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Блинов В.В. Очертания полуострова глазами картографов разных эпох. Атлас Большого Средиземноморья. 11.10.2018 // <http://rusrimland.ru/krymskie-ochertanija-glazami-kartografov-raznyh-jepoh/>.

2. Ильин М.В. Большое Средиземноморье: развитие во времени и пространстве. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/koncepcija-bolshogo-sredizemnomorja/>.

3. Ирхин А.А. Россия и Большое Средиземноморье 1783-1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/rossija-i-bolshoe-sredizemnomore-1783-1920-gg-ot-prisoedinenija-kryma-k-rossii-do-jevakuacii-beloj-jelity-iz-sevastopolja/>.

4. Ирхин А.А., Нелина Л.П. Россия и Большое Средиземноморье (1920-2014). Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/rossija-i-bolshoe-sredizemnomore-1920-2014-gg/>.

5. Кабаченко А.П., Коваленко В.В., Матросов М.А. История Севастопольского и Крымского месторазвития с первобытных времен до наших дней. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/bolshoe-sredizemnomore-v-nachale-xv-vtoroj-polovine-xviii-veka/>.

6. Кабаченко А.П., Матросов М.А. «История Большого Средиземноморья в X-XIV веках. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/istorija-bolshogo-sredizemnomorja-v-x-xiv-vekah/>.

7. Кабаченко А.П., Матросов М.А. История Большого Средиземноморья: от первых поселений до X века. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/istorija-bolshogo-sredizemnomorja-ot-pervyh-poselenij-do-x-veka/>.

8. Карта Джона Спида // <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/europe/russia/speed-russia-moscow-1676::1279>.

9. Карта Иоганна Батиста Хоманна начала XVIII-го века // <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/europe/ukraine/homann-ukraine-black-sea-1720::11815>.

10. Маковская Д.В. Большое Средиземноморье в начале XV – второй половине XVIII века. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/bolshoe-sredizemnomore-v-nachale-xv-vtoroj-polovine-xviii-veka/>.

11. Мартынкин А.В., Канах А.М. Черноморский флот в контексте российско-сирийских отношений. Атлас Большого Средиземноморья // <http://rusrimland.ru/chernomorskij-flot-v-kontekste-rossijsko-sirijskih-otnoshenij/>.

12. Blinov V.V. Climatic Eumene. Atlas of the Great Mediterranean area. 1.10.2018 // <http://rusrimland.ru/klimaticheskaja-ojkumena>.

13. Map of Crimea, drawn in the Russian Empire of the end of the XVIII century // <http://www.archmap.ru/1774/1774.htm>.

14. Map of the Black Sea of Nicolas Visscher, XVIII century. Archive of old maps // <https://www.vintage-maps.com/en/antique-maps/asia/russia/visscher-russia-black-sea-constantinople-1700-11493>.

15. Map of the Military Topographical Department of the General Staff of the Russian Empire, 1816 // <http://portulan.ru/редчайшая-карта-крыма-начала-19-века>.

16. The proclamation of the Great Empress Catherine II about the annexation of Crimean peninsula, Taman Island and the All Kuban side to Russia, 1783, April 8 // Central State Historical Archive of St. Petersburg.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛИВАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье рассмотрен внешний фактор, государства, имеющий интерес и влияние в Ливанской Республике. Отмечается, что данные государства имеют противоположные интересы в этом стратегическом регионе и прямо влияют на внутривнутриполитические процессы в стране. Констатируется, что противоборство государств в регионе отражается на нестабильности внутри страны и приводит к межконфессиональным противоречиям и столкновениям. Таким образом, ряд перечисленных в статье стран являются фактором, который влияет на судьбу Ливанской Республики и отношения населяющих ее конфессий между собой, а также с внешними акторами.

Ключевые слова: *внешний фактор, политический игрок, конфессионализм.*

С самого своего основания (1943 год) Ливанская республика являлась и является ареной противоречий различных политических игроков. Стратегическое положение Ливана в центре Ближнего Востока, а также наличие ряда региональных игроков в данной части земного шара сделало государство желаемой целью для продвижения интересов и распространения влияния на данной территории.

Основными игроками в регионе являются сверхдержавы: США, Франция. Другие региональные игроки, распространяющие свое влияние на территорию: Иран, Турция, Саудовская Аравия, Сирия, Израиль. Государства умело используют противоречия в ливанском обществе, играя на политических, религиозных и культурных принципах и предпочтениях населения. Как известно, ливанское общество мультиконфессионально и состоит из мозаики, в котором соседствуют районы и населенные пункты с различным религиозным составом. В политической системе Ливана большую роль играет клановость и религиозная принадлежность, которая и является ее основой. В правительстве и в парламенте места распределены по конфессиональному признаку. Различные региональные игроки имеют вли-

яние на различные конфессиональные группы: Турция и Саудовская Аравия на мусульман-суннитов, Иран на мусульман-шиитов, Франция и США, совместно с ливанской диаспорой имеют влияние на христиан-маронитов и т.д. Эти противоречия негативно сказываются на взаимоотношениях конфессий в государстве. В данной статье имеется цель разобрать все основные государства-акторы имеющие прямое и косвенное влияние на внутренние взаимоотношения в «ближневосточной Швейцарии», а также степень их влияния на эти политические процессы.

Турция – исторически крупный игрок на Ближнем Востоке, преемник Османской империи. Государство в той или иной степени имеет влияние на все свои бывшие территории и в особенности – мусульманские: например, Боснию и Герцеговину на Балканах и арабские страны на Ближнем Востоке. Ливан всегда был местом встречи западных и восточных цивилизаций, а также ценностей.

Со времен своего основания Ливан не имел широких связей с Турцией, что особенно стало невозможным во время и после Гражданской войны в Ливане в 1975-1990 годах. Кроме того, в государстве находились сирийские войска до 2005 года, также осложнявшие двусторонние отношения Турции и России. По данным ливанской разведки Турция поставляет вооружения в Северный Ливан (г. Триполи), а также создает инфраструктуру (дороги и колодцы), оказывая помощь суннитскому населению страны. Турция умело использует свою роль исламского государства для продвижения своих интересов среди суннитского арабского населения, а также свой пантюркизм среди тюрков Ближнего Востока. Турция медленно и усердно работает через НПО и правительственные организации по оказанию помощи, такие как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации – Тика (также действующее в Иерусалиме), чтобы закрепиться в стране [2]. Некоторые бывшие министры открыто сотрудничали с Турцией для построения последней в Ливане ряда политических и религиозных организаций. Турецкая разведка и представители правящей партии Справедливости и Развития открыто сотрудничают с местным отделением движения «Братья-мусульмане» в Ливане.

При этом в Ливане присутствует немало этнических и религиозных групп, которые явно опасаются расширения турецкого влияния в стране. Это в первую очередь курдское и армянское сообщества. С религиозных позиций противодействуют турецкому влиянию главным образом шииты (Хезболла) и христиане-марониты.

После взрыва нитрата аммония в 2020 году Турция оказалась одной из первых стран, готовых протянуть руку помощи Ливану.

Саудовская Аравия – один из крупнейших центров исламского мира. На его территории расположены две основные исламские святыни: мечети в Мекке и Медине. Король Саудовской Аравии, правитель одного из мощней-

ших арабских государств стремится к усилению своего влияния в арабском и исламском (главным образом суннитском) мире. Со времен обладания саудовской династией провинцией Хиджаз у государства есть стремление к установлению своей особой руководящей роли в процессах исламских стран.

Ливан со своим суннитским населением стал объектом интереса со стороны Саудовской Аравии. Политическая помощь оказывалась Саудовской Аравией Ливану во время его противостояния с Израилем. После Исламской революции в Иране в Саудовской Аравии не могло не вызвать тревогу растущее влияние шиитов среди Хезболлы в Ливане. В результате король начал вкладывать инвестиции в реконструкцию Ливана после Гражданской войны. Саудовская Аравия делает все возможное для ослабления влияния Хезболлы в Ливане, ориентируясь на суннитские силы. Для Саудовской Аравии шиитский Иран – основной враг в регионе и поэтому королевство предпринимает все шаги для того, чтобы ослабить влияние исламского государства в Ливане. Клан Харири лоббирует интересы Саудов и неоднократно пользовался и пользуется поддержкой Саудовской Аравии, а королевство оказывает им поддержку в борьбе с проиранскими группировками и движениями. Ливан и Саудовская Аравия как страны арабского мира обе выступают за разрешение израильско-палестинского конфликта в пользу палестинцев.

Иран – вторая исторически крупная держава на Ближнем Востоке. Иран с Османской империей соперничали за распространение своего влияния на исламские страны и территории. Иран после Исламской революции взял курс на установление отношений с мусульманами-шиитами по всему Ближнему Востоку. Иран по своей новой конституции экспортировал революцию в другие исламские страны. В Ливане Иран распространяет свое влияние на мусульман-шиитов, а главным образом движение Хезболла. США серьезно обеспокоены ростом влияния Ирана в регионе. Непосредственно в Ливане, Тегеран делает ставку на «Хезболла», и это пока единственная действенная сила, противостоящая Израилю на юге страны [3]. Иран оказывал поддержку шиитам и финансовую и идеологическую. Во время вторжения Израиля в Ливан Иран направил в страну части КСИР для отражения нападения. Израиль и США, в свою очередь, обеспокоены влиянием и усилением позиций Хезболлы в Ливане. Иран также оказывал и оказывает поддержку ХАМАС, палестинцам, живущим в Ливане и Сирии, имеющей влияние в Ливане. Иран не просто контролирует и поддерживает ливанских шиитов и антиизраильские силы, но и стремится расширить свое влияние на политическую жизнь Ливана. Торговые отношения между Ираном и Ливаном могут достигать до 10 млн. \$.

Многие страны ЛАГ критиковали Иран за создание «шиитского полу-месяца» и провоцирование Хезболлой войны с Израилем.

Франция – одна из мощнейших держав мира, после разгрома Османской империи взяла на себя мандат на управление Ливаном. Многие ливанские

христиане нашли себе приют во Франции – одном из центров католической религии. До нахождения на территории Ливана банков и финансовых центров Франция была основным торговым и финансовым партнером государства. Франция сотрудничает с Ливаном в вопросах нелегальной миграции и незаконным оборотом наркотиков. Франция оказала помощь Ливану в восстановлении города после Гражданской войны. Первоочередная задача – начать переговоры с Международным валютным фондом о помощи Ливану. Просьба своевременная, ситуация в стране – крайне сложная [5]. Республика стала альтернативой мощному влиянию Сирии в Ливане и выразалось это главным образом в поддержке христианского населения. США использовали Ливан для оказания политического давления на Сирию, при этом Франция стремилась в противовес той же Сирии упрочить свое влияние в «ближневосточной Швейцарии».

США – мировая сверхдержава, имеющая крупномасштабные интересы по всему миру, в том числе и на Ближнем Востоке. В геополитическом плане США заинтересованы в ослаблении антиизраильского сопротивления в регионе, а также в подавлении влияния Ирана и Сирии, то есть Хезболлы и представителей Асада и агентов влияния Исламской Республики. США выступают за полное разоружение всех вооруженных формирований в Ливане и построение в государстве гражданского общества и демократии. За время Гражданской войны в Ливане США выделили до 400 млн. долларов для помощи в восстановлении страны. В заявлении говорится, что Агентство США по международному развитию (USAID) развернуло спецгруппу по оказанию помощи в случае стихийных бедствий для координации и доставки грузов в Ливан [4].

В заключении статьи стоит отметить, что противоречащие интересы внешнего фактора в Ливане приносят свои негативные плоды и приводят к межконфессиональным столкновениям внутри страны. При этом, стоит отметить, что события (2019-2021) годов, протесты в Бейруте стали фактором, который сплотил ливанское общество перед лицом социальных проблем, в том числе и против внешнего вмешательства в дела государства. Граждане Ливана в США признают, что клановость, коррупция и внешнее влияние и привело к одной из крупнейших катастроф Ливана, к взрыву в Бейруте в августе 2020 года. Ливанское общество все более стремится к избавлению от внешнего влияния и построению гражданского общества. В Ливане протест впервые за долгие годы, прошедшие с конца гражданской войны, смог выйти за рамки конфессиональных различий: на улицы вышли шииты, сунниты, христиане, друзы – протест объединил всех. Впервые ливанцы заговорили не о различиях, а о том, что их объединяет – ливанской национальности [1]. Таким образом увеличение политической просвещенности и правовой грамотности населения может привести к сокращению влияния иностранных держав в Ливане и сделать Ливан самодостаточным государством с демократическим режимом и выборами без конфессионализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Год массовых протестов в мире. Ждать ли новую «арабскую весну»? // ВВС. 11 ноября 2019.
2. Двигается ли Турция в северный Ливан? // ANF NEWS. 2020.
3. Иран использует карту Ливана против США – богослов // Anadolu, Mahmut Geldi. 11.02.2021.
4. США начали поставку гуманитарной помощи в Ливан // Голос Америки. 08 Августа 2020.
5. Франция открыто увеличивает свое политическое влияние на Ливан // Вести РУ. 01 сентября 2020.

G.T. BATSAZOV

*Graduate Student of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

THE INFLUENCE OF THE EXTERNAL FACTOR ON THE DOMESTIC POLITICAL PROCESSES IN THE LEBANESE REPUBLIC

In this article the external factor, the states having interest and influence in Republic of Lebanon are addressed. It is noted that those states have opposite interests in this strategic region and directly influence domestic political processes in the country. It is also stated that the confrontation of the states in the region impacts on the instability in the country and leads to inter-confessional contradictions and clashes. Thus, a number of the countries listed in the article are the factor that influences the destiny of Republic of Lebanon and relations of the confessions inhabiting it between them and the external actors.

Key words: *external factor; political player; confessionalism.*

ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА В ОТНОШЕНИИ КАЗАХСТАНА: ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение. Статья посвящена рассмотрению отношений в энергетической сфере между Казахстаном и ЕС в контексте глобальных сдвигов структуры потребления топливно-энергетических ресурсов, создания общеевропейского энергетического рынка, а также с учетом разработки передовых энергетических технологий. **Цель** статьи заключается в изучении составляющих и ключевых направлений политики Евросоюза в отношении Казахстана в энергетическом аспекте. **Задачи:** 1) проанализировать особенности энергообеспечения ЕС; 2) рассмотреть векторы взаимовыгодного сотрудничества Европы и Казахстана в сфере энергетики. **Методы:** анализ, синтез, сравнение, исторический обзор, прогнозирование, моделирование, обобщение, систематизация. **Результаты.** В процессе исследования установлено, что цели, предусмотренные программными документами ЕС в сфере развития альтернативной энергетики, отказа от ископаемых энергетических ресурсов не достигнуты, а меры по их реализации не эффективны и не дают ожидаемого результата. Вследствие этого страны континента зависят от поставок нефти и газа, которые в энергетическом балансе занимают соответственно 39,3% и 22,6%. С учетом этого ЕС демонстрирует высокую заинтересованность в диверсификации источников энергии, не зависящих от российских или ближневосточных месторождений. С учетом этого, в статье выделены три ключевых вектора энергетической политики Европы в отношении Казахстана: инвестиционная поддержка разведки и добычи каспийских энергетических ресурсов; развитие ядерной энергетики, добычи и экспорта урана-сырца; содействие переходу Республики к зеленой энергетике. **Выводы.** Главный вектор политического взаимодействия Евросоюза с Казахстаном в энергетической сфере заключается в обеспечении безопасности поставок энергоносителей в страны Европы. С этой целью ЕС поддерживает развитие нефтяных месторождений и ядерной энергетики, а также активно вовлекает Республику в «зеленую» повестку дня на континенте.

Ключевые слова: Европа, энергетика, нефть, газ, Казахстан, поставки, возобновляемые источники энергии, сокращение выбросов, энергобаланс.

Энергетическая стратегия государств Европейского Союза реализуется в сложной глобальной экономической среде, основными характеристиками которой являются рост цен и конкуренция за энергоресурсы, ускоренное истощение запасов энергоносителей, непрозрачность части контрактов на поставку, дефицит инвестиций в энергодобывающие отрасли стран-экспортеров. Кроме того, нынешний мировой энергетический рынок в значительной степени является политизированным, поэтому страны, которые обладают энергоресурсами и инфраструктурой их поставки, имеют дополнительные возможности для реализации своих интересов как в рамках отдельных регионов, так и в пространстве мировой политики в целом [1. С. 693].

Несмотря на то, что 10 ноября 2010 г. Европейская Комиссия приняла один из важнейших программных документов в сфере энергетики – «Энергия 2020. Стратегия для конкурентной, устойчивой и безопасной энергетики», в котором была поставлена цель до 2020 года довести в энергобалансе стран долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) до 20%, а до 2050 года сократить выбросы CO₂ на 80-95%, что фактически означает вытеснение ископаемых видов топлива [4. С. 18], на сегодняшний день, текущие данные о структуре энергообеспечения свидетельствуют о том, что первой цели достичь не удалось, а меры по реализации второй являются недостаточными и неэффективными.

Так, в энергообеспечении стран-членов ЕС, нефть занимает наибольшую составляющую – ее доля составляет 39,3%, что обусловлено в определенной степени стабильной динамикой снижения стоимости фьючерсов на североморскую нефть марки Brent и WTI в последние несколько лет. Доля природного газа равна 22,6%, угля – 20,8%, атомной энергии 10,6%, ВИЭ занимают всего 4,8%, а гидроэнергия – 1,9% [5. С. 37].

Очевидно, что в условиях высокой зависимости европейских стран от поставок нефти особую значимость приобретают отношения ЕС со государствами поставщиками этого стратегического энергетического ресурса. И одной из таких стран является Казахстан, 70% экспорта нефти которого идет в ЕС, обеспечивая таким образом почти 6% импорта сырья в Европу [2. С. 44]. ЕС очень заинтересован в центральноазиатской нефти как источнике энергии, не зависящем от российских или ближневосточных месторождений. Кроме того, Казахстан также является членом Энергетической хартии и играет активную роль в продолжающихся в настоящее время дебатах по ее модернизации.

Очевидно, что в таких условиях взаимоотношения ЕС и Казахстана в энергетической сфере привлекают особое внимание и имеют высокую значимость, а также выдвигают на первый план потребность в проведении углубленных научных исследований и их регулярной актуализации, что в целом обуславливает выбор темы данной статьи.

Научный интерес к раскрытию энергетической компоненты международных отношений Европы и Казахстана проявили такие зарубежные исследователи, как Alfred Gerstl, Ute Wallenböck, Pavličević Dragan, Collins N.

Довольно активно тему энергетической дипломатии двух стран обсуждают ученые из Казахстана и России, из числа которых можно выделить Темникова Р., Иванова Д.А., Бейсекову П.Д., Сайлаубекова Н.Т., Тасмаганбетову С.Ж. и др.

Однако несмотря на имеющиеся наработки и достижения в контексте завершения формирования общеевропейского энергетического рынка, а также с учетом повышенного внимания к экологическим проблемам и активной разработке передовых энергетических технологий, ряд актуальных вопросов взаимодействия ЕС и Казахстана в энергетической сфере остается нерешенным.

В частности, особого внимания заслуживают новые вектора сотрудничества, которые включают в себя содействие устойчивому развитию энергетических ресурсов, диверсификацию маршрутов, обмен ноу-хау.

Таким образом, с учетом вышеизложенного цель статьи заключается в изучении составляющих и ключевых направлений политики Евросоюза в отношении Казахстана в энергетической плоскости.

Прежде всего, необходимо отметить, что ЕС проводит активную инвестиционную политику в отношении развития энергетического сектора Казахстана. Реализуется она посредством привлечения крупных европейских энергетических компании к разведке и добыче каспийских нефтяных ресурсов. Например, в состав акционеров консорциума North Caspian Operating Company, разрабатывающего морское нефтяное месторождение Кашаган, входят такие европейские компании, как Total, Eni и Royal Dutch Shell. Казахстанская нефтяная промышленность вызывает интерес у и других крупных европейских компаний, таких как британско-голландская Shell или британская BG Group Kazakhstan, что помогает казахским предприятиям закрепиться на европейском нефтяном рынке. С этой целью национальная нефтяная компания Казахстана «КазМунайГаз» купила Rompetrol. В табл. 1 представлен перечень европейских компаний, которые вовлечены в развитие нефтегазового сектора Казахстана.

При этом, следует отметить, что данное направление сотрудничества является обоюдовыгодным, поскольку, казахстанская нефтегазовая компания KMG контролирует важные активы в ЕС по переработке, оптовой и розничной торговле нефтепродуктами в Юго-Восточной Европе.

Второй аспект сотрудничества в энергетической сфере касается развития ядерной энергетики, добычи и экспорта урана-сырца. Казахстан является крупнейшим поставщиком ядерной энергетики ЕС, который удовлетворяет более 21% потребности Европы в уране и вносит значительный вклад в энергетическую диверсификацию континента [6. С. 151]. Для поддержки ядерной

**Участие европейских компаний
в нефтегазовой отрасли Казахстана [7]**

Компания (страна/регион)	Месторождение
Eni (Италия)	Карачаганак/Кахаган
Total E&P Kazakhstan (Франция)	Кахаган
Royal Dutch Shell (Великобритания/Нидерланды)	Кахаган
British Gas (Великобритания)	Карачаганак
Repsol YPF (Испания)	Жамбай Южный
Petrom (Австрия)	Тасбулат, Актас
Maersk Oil (Германия)	Дунга

энергетики ЕС оказал политическую и значительную финансовую поддержку на высоком уровне в процессе создания в Казахстане Банка низкообогащенного урана (LEUB), который принадлежит и контролируется Международным агентством по атомной энергии, но эксплуатируется Правительством Казахстана в соответствии с его собственным законодательством, и согласно стандартам безопасности и руководящим указаниям МАГАТЭ.

Третья составляющая энергетической политики ЕС в Казахстане заключается в содействии переходу Республики к зеленой энергетике. С целью достижения поставленной цели Евросоюзом была запущена флагманская программа стоимостью 7 миллионов евро, которая нацелена на содействие переходу Казахстана к зеленой экономике. В рамках данной программы в Кызылординской области были установлены гибридные солнечные и ветряные электростанции. Это позволило генерировать энергию для снабжения водой местных фермеров, животноводства и питья, что также способствовало обновлению сельского хозяйства на засушливых, засоленных землях.

Кроме того, в данном направлении реализуется программа INOGATE. Эта программа, кроме содействия развитию устойчивой энергетике, как источнику энергии будущего, продолжает поддерживать безопасность энергоснабжения, предоставляя всестороннее исследование современных технологий сокращения потерь газа. Другие ключевые области постоянной поддержки INOGATE включают развитие системы энергетической статистики и гармонизацию приоритетных газовых стандартов [3].

Таким образом, подводя итоги, отметим, что главной целью политических отношений ЕС и Казахстана в энергетической сфере является диверсификация поставок энергоносителей в европейский регион. Данная цель реализуется посредством поддержки нефтегазовой отрасли Казахстана,

реализации ряда программ со стороны Европы по устойчивому развитию в Республике ядерной энергетики, а также включает в себя использование широкого спектра инструментов, стимулирующих активный переход Казахстана к зеленой энергетике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Blasi Silvia*. The diffusion of a policy innovation in the energy sector: evidence from the collective switching case in Europe // *Industry and innovation*. 2020. Volume 27. Issue 6.

2. *Bocquillon Pierre*. EU energy policy integration as embedded intergovernmentalism: the case of Energy Union governance // *Journal of European integration*. 2020. Volume 42. Number 1.

3. INOGATE activities in Kazakhstan // <http://www.inogate.org/countries/5?lang=en>.

4. *Nikas A*. Perspective of comprehensive and comprehensible multi-model energy and climate science in Europe // *Energy: the international journal*. 2021. Volume 215. Number PA.

5. *Thomas Samuel*. Drivers of increasing energy consumption in Europe and policy implications // *Energy policy*. 2020. Volume 137.

6. *Youngs Richard*. EU foreign policy and energy strategy: bounded contestation // *Journal of European integration: Revue d'intégration européenne*. 2020. Volume 42. Issue 1.

7. ZP International LLP, Oil and gas companies of Kazakhstan // <http://zp.kz/en/25/29.html/>.

A.D. AFONIN

Postgraduate student at the Chair of political science and political philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

EU POLICY TOWARDS KAZAKHSTAN: ENERGY ASPECT

Introduction. *The article is devoted to the consideration of relations in the energy sector between Kazakhstan and the EU in the context of global shifts in the energy sector; the creation of a pan-European energy market, as well as taking into account the development of advanced energy technologies. The purpose of the article is to study the components and key directions of the EU policy towards Kazakhstan in the energy plane. Objectives: 1) to analyze the features of the EU energy supply; 2) to consider vectors of mutually beneficial cooperation*

between Europe and Kazakhstan in the energy sector. **Methods:** analysis, synthesis, comparison, historical review, forecasting, modeling, generalization, systematization. **Results.** In the course of the study, it was found that the goals stipulated by the EU program documents in the field of the development of alternative energy, the abandonment of fossil energy resources have not been achieved, and measures for their implementation are not effective and do not give the expected result. As a result, the countries of the continent depend on oil and gas supplies, which account for 39.3% and 22.6%, respectively, in the energy balance. Taking this into account, the EU demonstrates a high interest in diversifying energy sources that do not depend on Russian or Middle Eastern deposits. In this context, the article identifies three key vectors of Europe's energy policy towards Kazakhstan: investment support for the exploration and production of Caspian energy resources; development of nuclear energy, mining and export of raw uranium; assistance to the transition of the Republic to green energy. **Conclusions.** The main vector of political interaction between the European Union and Kazakhstan in the energy aspect is to ensure the security of energy supplies to European countries. To this end, the EU supports the development of oil fields and nuclear energy, and also actively involves the Republic in the "green" agenda of the continent.

Key words: Europe, energy, oil, Kazakhstan, supplies, balance, renewable energy sources, emission reduction, energy balance.

КТО МОЖЕТ НАРУШАТЬ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО? ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. МОНИЗМ И ДУАЛИЗМ. ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Данная работа призвана показать разные подходы в сфере взаимодействия и взаимосвязи национального и международного права, а также описать вопрос нарушения международного права, как письменного, так и устного, и последствия возможных нарушений. Также обсуждается влияние разных правовых подходов в международном праве на международные связи и взаимоотношения на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Для изучения данного вопроса был проведен сравнительный анализ конституций двух стран. Также были проанализированы общие международно-правовые акты, затрагивающие международные отношения двух стран. Авторы приходят к выводу, что применение странами монизма и дуализма не имеет прямого влияния на международные отношения. На примере России и Китая определяющее влияние оказывают другие факторы, разобранные в статье. Авторы также подчеркивают, что юридически субъекты международного права обычно не имеют правового основания к его нарушению, однако на несубъектов данное обязательство, по очевидным причинам, не распространяется.

Ключевые слова: международное право, монизм, дуализм, верховенство конституции, джентльменское соглашение.

Политическое взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики происходит на разных уровнях. Основное внимание в данной статье будет уделено мультилатеральному и билатеральному

международному сотрудничеству России и Китая. В данном контексте применяются разные способы фиксирования международных договоренностей и политических решений. Это может происходить в виде заключения двусторонних и многосторонних договоров, односторонних заявлений, подписания деклараций, меморандумов, конвенций, составления джентльменских соглашений (устных договоров) и тому подобного. Заключение такого рода соглашений является неотъемлемой частью любого двустороннего или многостороннего политического и экономического взаимодействия стран. Здесь политические аспекты тесно переплетаются с международно-юридическими.

Нарушение или несоблюдение тех или иных соглашений всегда приводит к негативным политическим последствиям, несмотря на то, что юридически данные соглашения являются обязательными не во всех органах Международного права. Отдельное внимание хочется уделить в данном контексте так называемым джентльменским соглашениям, так как в России данный вид договоров при обучении в ВУЗах рассматривается лишь поверхностно [12. С. 254-269]. Джентльменское соглашение – устный договор, заключенный между двумя субъектами международного права (в большинстве случаев контрагентами выступают страны) [11. С. 848]. Данные договоры часто заключаются «за закрытыми дверями» и не являются формальными. Причиной заключения такого рода договоров часто является желание стран-участниц избежать тех или иных внутривнутриполитических дискуссий по поводу содержания данных договоренностей. Также могут преследоваться и другие цели, например, заключение устных договоров дает большую гибкость в виду отсутствия формальности, и они дают больше возможности для наискорейшего реагирования в экстренных ситуациях. Также есть возможность пересмотра договоренностей, например, при изменении внешней политики государства ввиду смены власти. Письменные договоры такой пластичностью не обладают [16. Р. 501]. Однако и возможности зарегистрировать такой устный договор в органах ООН, согласно статье 102 Устава ООН, также нет. Как следствие, страны не смогут ссылаться на такое соглашение, например, в Международном Суде ООН. Однако факт отсутствия регистрации не вредит юридической силе таких договоренностей [6. С. 85]. При устных соглашениях также нет возможности сослаться на 3 статью Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, в соответствии с которой она не применима к договорам не в письменной форме, однако их юридической силы не затрагивает [4]. Для лучшего понимания, что такое «устный международный договор» можно привести как пример джентльменское соглашение между А.Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем, которое было заключено в аэропорту Пекина в сентябре 1969 года. Причиной данного соглашения послужили пограничные вооруженные столкновения двух стран. Благодаря переговорам, сторо-

ны смогли договориться о возобновлении телефонной связи между СССР и Китаем, о возобновлении ежегодных торговых переговоров и заключении ежегодных торговых протоколов, а также об обмене послами [12]. Анализируя состав данного джентльменского соглашения становится очевидно, что хоть нарушение данной договоренности между странами, с точки зрения юрисдикции органов ООН, не имело бы юридических последствий, однако с политической точки зрения могла бы подорвать добрососедские отношения между СССР и КНР на долгое время. Таким образом, можно сделать вывод, что нарушение любых международных договоров и договоренностей влечет за собой весомые последствия.

Говоря о последствиях нарушения «классических», то есть привычных нам письменных международных договоров, не помешает вспомнить и пункт 1 статьи 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (и Россия и Китай являются членами-участниками данной конвенции), которая, при существенном нарушении *«двустороннего договора одним из его участников дает право другому участнику ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения договора или приостановления его действия в целом или в части»* [4]. Иными словами, при существенном нарушении, не нарушающая договор сторона получает право на расторжение данного договора. Причина ясна: если одна сторона существенно нарушает договор, то подрывается сама основа договорных отношений и, как следствие, полезность сохранения такого рода отношений. Также важно помнить не только о юридических, но и о политических последствиях любых нарушений. Подрывается доверие к стране-контрагенту, и заключение последующих договоров с ней уже вряд ли будет происходить на таких же выгодных условиях. Также, недоверие может возникнуть не только у той страны, с которой был заключен договор, но и у других стран, что сильно скажется на уважении и политическом отношении к данной стране на мировой арене.

Все вышесказанное отчетливо указывает нам, что Китай, как страна-участница ООН и Венской конвенции 1969 года не вправе игнорировать международное право. Однако факт того, что Китай как страна и как субъект международного права должен соблюдать его еще не говорит окончательно о том, что международное право становится обязательным и для его населения.

Дело в том, что есть много факторов, влияющих на позицию международного права в правовой системе государства, и она не регулируется однозначно. Влиять на это может правовая семья, к которой относится страна. Однако данный аспект не играет важной роли относительно взаимодействия России и Китая, так как обе страны относятся к романо-германской правовой семье, в которой однозначно присутствует приоритет статутного права над прецедентным [13. С. 165]. Но на применение международного

права также влияет юридическая сила международных договоров в общей системе государственных норм. И тут в науке и практике существует два подхода: так называемые «монизм» и «дуализм».

При применении **монизма** в системе приоритетности государственных норм, международные правовые акты, при их создании, «автоматически» становятся частью правовой системы государства, происходит их инкорпорация. Часто при таких системах «главенствование» достается Конституции страны, однако любой международный договор, который не противоречит Конституции страны, становится неотъемлемой частью национального права. При таком подходе возможно столкновение конституционных и международных норм, что является серьезной темой юридических диспутов [2. С. 64-80]. Однако в рамках данной статьи этот аспект рассмотрен не будет, так как международные договоры в своем большинстве сформулированы недостаточно конкретно для прямого их применения или наложения ими на граждан прямых прав и обязанностей.

При применении **дуализма** международное право и национальное право существуют отдельно друг от друга. Отсюда и название – дуализм, так как присутствуют две самостоятельные правовые системы. Одна – национальная, вторая – международная. Таким образом, международное право не становится частью национального права, как это происходит при монизме. Для того чтобы международное право могло эффективно исполняться на национальном уровне нужна так называемая «трансформация» [14. С. 206-210]. В науке точное определение трансформации, к сожалению, разнится [5. С. 81-82; 10. С. 26]. Авторы придерживаются позиции, что *«трансформация осуществляется специальным законом, либо законодательным провозглашением действия международного договора на территории данного государства и обязанности лиц его соблюдать»* [1. С. 631]. Иными словами, под «трансформацией» имеется в виду национальный законодательный акт, который «переносит» позиции международных договоров в национальное право, открывая возможность его эффективного применения.

В пункте 2 статьи 4 Конституции РФ сказано: *«Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации»*. Данный пункт четко закрепляет главенствование Конституции и Федеральных конституционных законов над любыми другими законами в Российской Федерации. Исходя из этого, можно было бы предположить, что Россия относится к дуализму, но пункт 4 статьи 15 Конституции гласит: *«Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»*, что однозначно указывает на монизм [7]. Подводя итог

можно уверенно заявить, что Россия относится к монистическому строю, с главенствованием Конституции. Это означает, что международное право в системе источников российского права, занимает положение ниже Конституции и Федеральных конституционных законов, но выше обычных национальных законов.

Анализируя Конституцию Китайской Народной Республики, можно сделать интересное наблюдение, что в самой Конституции правовой статус международных договоров никак не зафиксирован. Ни одна статья китайской Конституции не содержит информации о международном праве. Последний абзац преамбулы Конституции КНР гласит: «*Настоящая Конституция в форме закона зафиксировала результаты борьбы народов Китая, определила основной строй и основные задачи государства. Конституция, основной закон страны, имеет высшую юридическую силу...*» [8]. Так как Конституция однозначно закрепляет свое главенствование, а положение международного права никак не закреплено в Конституции КНР, данная страна явно выбрала для себя путь дуализма. В КНР Международное право существует параллельно с национальным китайским правом [9. С. 74-79]. Обычные граждане Китая, как субъекты своего национального права, вполне могут игнорировать международное право, так как оно не имеет прямого применения в системе их национальных законодательных норм.

Поднимая тему взаимодействия России и Китая, а также стратегическому партнерству двух стран важно отметить, что разность в подходе применения международного права, в теории, может стать преградой, если, например, КНР вовремя не произведет трансформацию международных договоров в свое национальное право. Однако пока такие случаи широкой общественности не известны. Практика показывает, что более важной составляющей международных договоренностей является понимание и интерпретация сути договоренностей и односторонних заявлений. В данном контексте можно привести пример из практики взаимодействия СССР и КНР по вопросу демаркации и линии государственных границ. В мае 1989 года М.С. Горбачев встречался с Дэн Сяопином. Когда на данной встрече Дэн Сяопин высказался, что «*Китаю принадлежат от трех до четырех миллионов квадратных километров советской территории*», М.С. Горбачев не выдал никакой реакции. Впоследствии данное действие (а точнее – бездействие) было интерпретировано как согласие Горбачева с данной позицией Китая, что вызвало много политических и международно-правовых диспутов [15. С. 142-143]. Окончательно завершился процесс демаркации между (теперь уже) Россией и Китаем только в 2004 году.

Важно отметить, что для китайской стороны при выстраивании международных связей приоритетом является обеспечение среды для экспансии китайского бизнеса и доступ к природным ресурсам. Такие сферы как особенности политических режимов контрагентов, права человека или за-

щита экологии занимают второстепенное место в политической повестке. Это может негативно влиять на интерпретацию договоренностей и на доверие между контрагентами [3. С. 41-54].

Китай, как субъект международного права не имеет легальной возможности нарушать данное право. Однако, так как КНР страна, следующая дуализму при соотношении международного и национального права, международное право требует трансформации для того, чтобы стать обязательным для субъектов китайского права. Отсюда можно представить ситуацию, в которой международное право не соблюдается, но, де-юре, не его субъектами, что не является нарушением. Более значимую роль играют интерпретация международных актов и изначальные цели, которые преследовались контрагентами при международных сношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухаева, В.Е. Крутских. М., 2001.
2. Будылин С.Л. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Журнал «Закон». Декабрь 2013. № 12.
3. Васильева Н.И. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской народной республики: правовые и экономические аспекты взаимодействия // Журнал Вестник Московского университета. Серия 27. «Глобалистика и геополитика». 2019. № 4.
4. Венская конвенция о праве международных договоров. 1969.
5. Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Сов. государство и право. 1985. № 1.
6. Комментарий к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации». М.: Спарк, 1996.
7. Конституция Российской Федерации (в редакции 2020 года).
8. Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 2018 года) // https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/.
9. Лю Цюэнь. Источники права КНР и РФ: сравнительный анализ. Москва, 2018.
10. Международное право / отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шингарецкая. М., 2003.
11. Международное право / отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016.
12. Ромашев Ю.С., Остроухов Н.В. Правовая природа устных международных договоров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.
13. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994.
14. Толстых В.Л. Курс международного права. Издательство Проспект.

-
15. Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009.
16. Lipson C. Why are some international agreements informal? // International Organization. 1991. Vol. 45. No. 4.

N.A. BUZANOV

*PhD student, Faculty of Global Studies
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

D.V. VOROVSKAYA

*Magistra iuris,
Paris Lodron University Salzburg,
Salzburg, Austria*

WHO CAN VIOLATE INTERNATIONAL LAW? THE RELATIONSHIPS BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW. MONISM AND DUALISM. IMPACT ON RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

This work aims to show different approaches in the sphere of interaction and interrelation of national and international law, as well as to define the issue of violation of international law, both written and oral, and the consequences of possible violations. It also discusses the impact of different legal approaches in international law on international relations and arrangements using the example of the Russian Federation and the People's Republic of China. A comparative analysis of the constitutions of the two countries was conducted to examine this issue. General international legal acts, which are regulating international relations of the two countries were also analyzed. The authors conclude that the application of monism and dualism by these countries has no direct influence on international relations. In the case of Russia and China, other factors, discussed in the article, have a determining influence. The authors also emphasize that subjects of international law usually have no legal basis for its violation, but non-subjects, for obvious reasons, are not subject to this obligation.

Key words: *international law, monism, dualism, supremacy of the constitution, gentlemen's agreement.*

DOI 10.35775/PSI.2021.68.4.033

УДК 32.327

Р.С. ЧЕРНЫШЕВ

*магистр Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

А.А. РАШКОВАН

*аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются некоторые правовые проблемы международных отношений в киберпространстве, которые напрямую влияют на эффективность работы механизма по борьбе с киберпреступностью. Данные пробелы в праве способны напрямую влиять на отношения между различными акторами международных отношений.

Авторами предлагается системное рассмотрение нормативно-правового регулирования правоотношений в киберпространстве, а именно: проблемы установления виновных лиц в кибератаках и их последующая ответственность; неопределенности в применении «презумпции политического преступления».

Авторы приходят к выводу, что киберпространство, новая сфера для международных отношений, оставляет сегодня огромное количество нерешенных вопросов, из-за которых переговоры или даже отношения стран могут заходить в тупик. В данном случае из-за отсутствия единого международного документа или конвенции, которая позволяла бы регулировать судебные процессы в этой области, большинство киберпреступников имеют возможность оставаться безнаказанными, что является благодатной почвой для крупных кибератак.

Ключевые слова: *кибербезопасность, киберпространство, международные отношения, мировая политика, право.*

21 год назад мир перешагнул черту нового тысячелетия. В XXI веке терпели изменения многие сферы жизни человека: политическая, экономическая, культурная и др. Индустриальная эпоха ушла за кулисы, уступив свое место эпохе постиндустриальной, или информационной.

Правоотношения, складывающиеся между субъектами в рамках сети Интернет, уже стали привычной и неотъемлемой частью жизни множества

людей. Данные правоотношения напрямую влияют на существующую вне киберпространства объективную реальность и способны как позитивно, так и негативно менять реальный ход политических и экономических событий. Именно поэтому регламентация и нормативно-правовое регулирование данных правоотношений особенно важно и актуально в современном мире.

Правовое регулирование отношений, включающих в себя правоотношения в киберпространстве, во многом фактически отстает от динамично развивающихся технологий, имеет ряд проблем и пробелов. Повсеместное распространение интернета и внедрение компьютерных технологий во все сферы человеческой жизни имеет как позитивные, так и негативные последствия. Чем больше систем становится подключено к сети интернет, тем больше становится объектов для хакерского внедрения, хищения данных и даже перехвата контроллеров управления. С каждым годом количество кибератак на частные и государственные структуры только увеличивается. Утечка правительственных данных и внедрение хакеров в системы управления стратегически важных государственных инфраструктур становится все более частым явлением, заставляющим правительства вкладывать огромные средства в развитие систем кибербезопасности и усиления контроля над компьютерными сетями.

Одной из проблем, с которой сталкиваются международные и внутренние государственные судебные органы, является установление виновных в кибератаках лиц и их последующая ответственность. В большинстве случаев кибератаки производятся из других стран, что придает делу международный статус и обязывает оперировать исключительно нормами международного права. Именно это становится большой проблемой, которая зачастую приводит к тому, что наказание установленных преступников становится физически невозможным.

В современной международной юридической практике юристы все чаще называют институт «экстрадиции» инструментом не юридическим, а дипломатическим. Обращаясь к истории, можно отметить, что первый договор об экстрадиции преступников был подписан еще 33 века назад фараоном Рамзесом II и Хеттами в Египте. Уже в то время, содержание договора было схоже с современными договорами об экстрадиции: содержались обязательства сторон по выдаче беглых преступников, описывался механизм данного процесса, а также перечислялись преступления, по которым экстрадиция не допускалась.

На данный момент Российской Федерацией ратифицирован ряд конвенций, обеспечивающих содействие в сфере разрешения вопросов правовой помощи и поддержания правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам: Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г., Конвенция о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 г., Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания нака-

зания в государстве, гражданами которого они являются, от 19 мая 1978 г., Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г., Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.

По большей части, данные конвенции являются ничем иным как «рамочными правилами поведения» в области содействия в разрешении вопросов правовой помощи. Более конкретный, детальный механизм прописан в многосторонних и двусторонних договорах Российской Федерацией с рядом стран, к примеру Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, от 28 мая 2015 г.; Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Австрийской Республикой по вопросам гражданского процесса от 11 марта 1970 г.; Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г.; Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам от 30 июня 1958 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Ангола о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы от 31 октября 2006 г. и другие.

Исходя из содержания данных конвенций, соглашений и договоров, можно сделать вывод о том, что экстрадиция представляет собой выдачу одним государством другому государству лица, не являющегося гражданином данного государства для привлечения его к уголовной ответственности или исполнения уже вынесенного приговора.

Из года в год, механизм выдачи преступников только усложняется. Рассмотрим данное явление на практике. Существует несколько условий, необходимых для осуществления экстрадиции:

- преступление совершено на его территории;
- преступник является гражданином этого государства;
- преступление было направлено против этого государства и причинило ему вред.

Но при должной осмотрительности преступник, особенно «кибер» преступник, способный действовать «на расстоянии» может избежать появления данных условий, так необходимых для совершения экстрадиции, тем более учитывая дополнительные оговорки, в случае которых, исходя из нормативно-правовых актов разных стран, экстрадиция невозможна. К примеру, дополнительным условием для экстрадиции преступника является наличие международного договора о сотрудничестве в области содействия разрешения правовых вопросов. Но в то же время, ни одним государством в мире

на данный момент не заключены такие договоры со всеми странами мира. К примеру, США не заключили данные договоры более чем с пятьюдесятью странами, включая Китай. То есть, у преступника всегда есть так называемые «пути отступления» в страны, не являющимися участниками дипломатических отношений в данной сфере.

Еще одной лазейкой в праве для преступников является так называемая в правовой доктрине «презумпция политического преступления». Исходя из Европейской конвенции 1957, ратифицированной Российской Федерацией, не допускается выдача преступников, совершивших политическое преступление. В свою очередь, политическим оно должно признаваться на территории того государства, где находится желаемый для выдачи преступник. Но, стоит отметить, что, к примеру, в нашей уголовно-правовой системе на сегодняшний день отсутствует разграничение на политические и неполитические преступления. Полный отказ от термина «политическое преступление» произошел еще в 1958 году. Принятый в этом году Закон Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [3] ввел новую категорию преступлений «особо опасные государственные преступления», что в свою очередь оставляет отнесение их к политическим на усмотрение правоприменителя. Такой же подход сохраняется и при принятии уголовных кодексов республик в 1960-1963 годах. При ратификации Европейской конвенции о выдаче преступников Российская Федерация ввела оговорку относительно ст. 3 Конвенции, указывая, что, в силу российского законодательства, на территории РФ невозможно привести в действие ст. 3 Европейской конвенции о выдаче преступников. Так же, на сегодняшний день отсутствует, единое легальное определение «киберпреступления» также, как и возможность отнесения его к политическим или неполитическим преступлениям. Это приводит к тому, что вопрос об экстрадиции киберпреступников решается по исключительному усмотрению страны, предоставившей убежище. Ведь, к примеру, в США киберпреступления возможно отнести как преступления в сфере информационных технологий, так и к экономическим преступлениям, включая экономический шпионаж. В России, в свою очередь, киберпреступления регулируются Уголовным Кодексом Российской Федерации, а именно главой 28 [1]. Исходя из текста данной главы можно сделать вывод, что при необходимости, отсутствие квалификации такого рода преступлений дает возможность отнесения их политическим через нарушения основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, а именно через статьи 4, 17, 23 и 24 Конституции Российской Федерации. Точно также можно признать преступление неполитическими, ссылаясь при этом на формальное несоответствие данной категории преступлений в уголовном законодательстве. Данный вопрос соотношения буквы и духа закона может играть как на руку, так и против интересов государств в сотрудничестве по вопросам экстрадиции киберпреступников.

При этом, следует отметить следующий факт. Согласно Российскому агентству правовой и судебной информации, «количество экстрадиций в Россию намного меньше как числа безрезультатных запросов, направляемых Генпрокуратурой РФ, так и преступников, выданных нашей страной. По данным Генпрокуратуры РФ, ежегодно Россия направляет в разные страны примерно около 700 запросов об экстрадиции, из которых доводится до завершения 30-60 в год, т.е. процент эффективности этого института для нас – менее 10%. Относительно успешно контакты в поимке и задержанию преступников из России у нас налажены с Германией и Испанией. Гораздо активнее идет обратный процесс – экстрадиция из России. По официальным данным, Россия выдает более 1000 иностранных граждан, подозреваемых и обвиненных в совершенных преступлениях» [2].

Именно поэтому можно сделать вывод о том, что киберпространство, новая сфера для международных отношений, оставляет сегодня огромное количество нерешенных вопросов, из-за которых переговоры или даже отношения стран могут заходить в тупик. В данном случае из-за отсутствия единого международного документа или конвенции, которая позволяла бы регулировать судебные процессы в этой области, большинство киберпреступников имеют возможность оставаться безнаказанными, что является благодатной почвой для крупных кибератак. Именно поэтому, законодательство стран, регулирующих правоотношения в киберпространстве, требует актуализации, совершенствования и хотя бы частичной унификации, которая, в свою очередь, позволила бы увеличить эффективность международного сотрудничества по борьбе с преступлениями в киберпространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Место России в обмене преступниками // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации // http://rapsinews.ru/international_publication/20160525/276192431.html.
2. Об уголовной ответственности за государственные преступления. Закон. Верховный совет СССР. 25 декабря 1958 г. // АльянсМедиа // http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_36447.html.
3. Преступления в сфере компьютерной информации // УК РФ. Глава 28 // <http://www.uk-rf.com/glava28.html>.

R.S. CHERNYSHEV

*Master, Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia*

A.A. RASHKOVAN

*PhD student, Saint-Petersburg
State University, Saint-Petersburg, Russia*

LEGAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CYBERSPACE

The article examines some of the legal problems of international relations in cyberspace, which directly affect the effectiveness of the mechanism for combating cybercrime. These gaps in the law can directly affect the relationship between various actors in international relations.

The authors propose a systematic consideration of the legal regulation of legal relations in cyberspace, namely: the problem of identifying the perpetrators of cyber attacks and their subsequent responsibility; uncertainties in the application of the "presumption of political crime".

The authors conclude that cyberspace, a new area for international relations, leaves a huge number of unresolved issues today, because of which negotiations or even relations between countries can come to a standstill. In this case, due to the lack of a single international document or convention that would allow regulating legal processes in this area, most cybercriminals have the opportunity to remain unpunished, which is fertile ground for major cyberattacks.

Key words: *cybersecurity, cyberspace, international relations, world politics, law.*

ОТНОШЕНИЕ ФРАНЦИИ К ВОСТОЧНОМУ ПАРТНЕРСТВУ ЕС

Статья посвящена анализу отношения Франции к Восточному партнерству – программе сотрудничества Европейского союза с Арменией, Белоруссией, Украиной, Молдавией, Азербайджаном и Грузией. В статье рассматриваются основные факторы, обуславливающие поддержку французским правительством данной программы. Особое внимание действиям Франции в рамках приоритетных направлений Восточного партнерства. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что несмотря на отсутствие особого интереса со стороны французского руководства к проекту Восточного партнерства ЕС с самого его начала, в настоящее время Франция пересматривает свое отношение к данному проекту. Не являясь активным сторонником Восточного партнерства, Франция стремится играть значимую роль в урегулировании конфликтов в государствах постсоветского региона. Восточное партнерство, по мнению французского руководства, не должно восприниматься в качестве механизма вступления участвующих в нем государств в Европейский союз, а также как инструмент геополитической борьбы ЕС с Россией.

Ключевые слова: Франция, Европейский Союз, Восточное партнерство, Европейская политика соседства, Россия, урегулирование конфликтов.

Программа Восточное партнерство, запущенная по инициативе Польши и Швеции в 2009 г. является одним из направлений политики соседства Европейского союза. Данная программа нацелена на развитие сотрудничества ЕС с шестью государствами постсоветского пространства: Белоруссией, Украиной, Молдовой, Арменией, Азербайджаном и Грузией. С самого начала своего существования Восточное партнерство не представляло для Франции особого интереса, так как государство уделяло и продолжает уделять большее внимание развитию южного вектора европейской политики соседства – Союза для Средиземного моря ввиду географической близости данного региона и ряда исторических причин [5]. Тем не менее, в современных условиях французское руководство постепенно меняет видение Вос-

точного Партнерства, рассматривая его как важный инструмент сотрудничества ЕС с пограничными регионами [11].

Исследователи сходятся во мнении, что поддержка Франции польской инициативы о Восточном партнерстве было обусловлена стремлением французского руководства заручиться поддержкой государств Центрально-Восточной Европы в пользу своего проекта Союза для Средиземного моря [15. Р. 151]. Политический ход французского руководства, которое поддержало выдвинутую Польшей инициативу о Восточном партнерстве, в данной связи стоит рассматривать как желание Франции наладить отношения с государствами ЦВЕ [6]. Кроме того, Франция, которая в тот момент председательствовала в Совете ЕС, старалась внести свой вклад в развитие сотрудничества Европейского союза с государствами обозначенного региона с целью расширить свое политическое влияние на европейской арене [7]. Французские власти полагали, что появление Восточного партнерства будет способствовать гармоничному и сбалансированному развитию политики соседства ЕС, так как данная программа органично дополняла Союз для Средиземного моря, позволяя ЕС взаимодействовать с приграничными южными и восточными регионами [12]. По мнению французского президента Н. Саркози, Восточное партнерство позволяло решить проблемы Восточной Европы и Южного Кавказа (территориальные конфликты, проблемы этнических меньшинств и ряд других), способствуя укреплению региональной стабильности и безопасности [4]. Восточное партнерство позволяло выработать наиболее адекватный подход к государствам региона, демонстрируя определенный интерес со стороны ЕС к приграничным государствам, и, в то же время, ограничивая возможности вступления обозначенных государств в европейское интеграционное объединение [4]. Важно отметить, что Франция выступала против расширения финансирования проекта Восточного партнерства, справедливо опасаясь сокращения поддержки столь стратегически важного для нее направления политики соседства, как Средиземноморский союз [9].

Желание Франции развивать политический диалог с государствами-участниками Восточного Партнерства было отчасти продиктовано желанием расширить свое присутствие в регионе, который ранее не входил в геополитические приоритеты страны [4]. Как отмечает в своей работе польский исследователь А. Адамчук, особенностью французского отношения к данному направлению европейской политики соседства определяется значительным влиянием состояния отношений с Россией. Желание Франции играть роль региональной державы требует от государства равного внешнеполитического интереса как к южному, так и к восточному направлению европейской политики соседства. Французское руководство, внося свой вклад в функционирование программы Восточного партнерства, стремится держать под контролем новые инициативы ЕС с учетом их потенциального

влияния на отношения с Россией [1. Р. 203]. Дополнительным фактором, обусловившим французский интерес к данному вектору политики соседства ЕС, стал рост политического влияния ФРГ в Европе в результате расширения Европейского союза в 2004-2007 гг., в данных условиях Франция столкнулась с необходимостью уравновесить политическое влияние ФРГ в государствах ЦВЕ своей вовлеченностью в решение проблем на восточных рубежах ЕС [4].

Несмотря на то, что из двух основных векторов европейской политики соседства – Восточного партнерства и Средиземноморского союза – Франции традиционно более близок последний, французское государство сыграло немаловажную роль в ряде ключевых событий на постсоветском пространстве. Среди приоритетных направлений Восточного партнерства Франция особо подчеркивает важность механизма урегулирования конфликтов и содействия политическим, экономическим и административным реформам в государствах обозначенного региона [4], стараясь при этом вносить свой вклад в реализацию данных направлений. Несмотря на то, что из двух основных векторов европейской политики соседства – Восточного партнерства и Средиземноморского союза – Франции традиционно более близок последний, французское государство сыграло немаловажную роль в урегулировании конфликтов на территории государств Восточного партнерства. В 2008 г. дипломатические усилия французского лидера в немаловажной степени способствовали нормализации российско-грузинского конфликта. Кроме того, Франция, выступив вместе с ФРГ одним из инициаторов Нормандского диалога, играет роль медиатора в урегулировании продолжающегося с 2014 г. конфликта на востоке Украины. Посредничество в разрешении конфликтов на постсоветском пространстве позволяет Франции, как государству, претендующему на политическое лидерство в ЕС, укреплять свои позиции в рамках европейского интеграционного объединения [14]. Франция выступила в поддержку принятия взаимного соглашения об ассоциации ЕС с Грузией, Украиной, Молдовой. Государство в данном вопросе продолжает придерживаться принципа дифференциации, который подразумевает, что наиболее успешные в плане проведения реформ страны, выражающие особую заинтересованность в углублении структурных связей с европейским объединением, могут осуществить задуманное в рамках данного соглашения [10]. При этом официальный Париж неоднократно подчеркивал, что помощь, которую ЕС оказывает государствам-участникам Восточного партнерства, должна заключать не в распространении в данных государствах демократических ценностей и практик ЕС, а в содействии эндогенным процессам развития государств данного региона [4]. В 2015 г. Франция совместно с Польшей и ФРГ подписала Веймарскую декларацию, в которой было закреплено построение эффективного диалога между ЕС и государствами-участниками Восточного партнерства на основе взаимного уважения и соблюдения интересов [4].

Французское руководство неоднократно подчеркивало, что Восточное партнерство, являясь механизмом сотрудничества государств постсоветского пространства и ЕС, не имеет своей целью вступление данных государств в европейское интеграционное объединение [8]. Франция считает, что лимиты евроинтеграции практически исчерпаны, и в данном вопросе стоит ограничиться лишь отдельными государствами, с которыми имеется ряд договоренностей (Западные Балканы) [8]. Такая позиция обусловлена значительными проблемами в управлении европейским интеграционным проектом, которые могут обостриться в случае дальнейшего расширения ЕС. Кроме того, стоит учитывать тот факт, что после расширений ЕС Франция значительно потеряла в политическом весе на европейской арене за счет перераспределения влияния в пользу ФРГ. Участие Франции в работе Пятого саммита ЕС-Восточное партнерство только отчетливо подтвердило позицию французского руководства об отказе рассматривать Восточное партнерство как механизм, в обозримой перспективе способствующий присоединению государств постсоветского пространства к ЕС [16]. Взгляды Франции разделяют ФРГ, Нидерланды и Испания, в то время как страны Балтии и государства Вышеградской группы (Польша, Чехия, Венгрия, Словакия) продолжают придерживаться прямо противоположных взглядов [13]. Кроме того, французское руководство убеждено, что ЕС не должен использовать или рассматривать Восточное партнерство как геополитический инструмент в борьбе с влиянием России в регионе. Французский исследователь Д. Кадье считает, что в случае с Восточным партнерством позиция Франции определяется не столько отдельными, специфическими соображениями Франции касательно конкретных государств, в частности, РФ, а сколько французским видением общих стратегических приоритетов ЕС [4]. В качестве подтверждения такой позиции можно привести распространенное среди политических элит Франции мнение о том, что ЕС не может претендовать на глобальное лидерство, если не в состоянии решить проблемы безопасности и обеспечить стабильность на границах региона [4].

Анализ позиции Франции по отношению к Восточному партнерству ЕС неизбежно затрагивает проблему современного состояния франко-российских отношений. С одной стороны, как было отмечено ранее, Франция не считает Восточное партнерство механизмом геополитического противодействия РФ со стороны ЕС в обозначенном регионе. С другой стороны, Франция, выступая в качестве медиатора в урегулировании украинского кризиса, придерживается общей европейской политики санкционного давления на Россию, возлагая на нее большую часть ответственности за происходящий конфликт. Французская политика по отношению к России европеизируется, то есть, в значительной степени определяется состоянием отношений РФ и ЕС [3].

Об усилившемся интересе Франции к восточному направлению европейской политике соседства свидетельствует факт неоднократного посещения французскими политическими деятелями саммитов Восточное партнерство – ЕС. Участие французского лидера Э. Макрона в работе саммита в 2019 г. показало обеспокоенность французского руководства проблемой безопасности в регионе [11]. Для поддержания своего влияния в Европе Франции необходимо уделять значительное внимание разным аспектам европейской интеграции и играть важную роль в обеспечении безопасности европейских границ [2. Р. 87]. Нестабильная ситуация на востоке одного из государств Восточного партнерства – Украины только способствует интенсификации французских усилий по решению данного конфликта. Политический кризис в Белоруссии в 2020 г. и ухудшение отношений между Арменией и Азербайджаном из-за проблемы Нагорного Карабаха выступили дополнительными факторами, обусловившими рост французского интереса к Восточному партнерству.

До прихода к власти во Франции президента Э. Макрона, некоторые исследователи, рассматривая возможность дальнейшего увеличения интереса Франции к Восточному партнерству, придерживались мнения о малой вероятности роста французского интереса к данному направлению политики соседства ЕС [9]. Решение проблем собственной безопасности, возникших в результате террористических атак 2015 г., а также значительный наплыв мигрантов в государства ЕС все больше акцентировали внимание французских властей на обеспечении безопасности южных границ, усиливая приоритетность средиземноморского направления европейской политики соседства [9]. Особенности современного европейской политики нового французского президента Э. Макрона в сочетании с новыми вызовами и угрозами французскому лидерству в ЕС свидетельствуют об изменении ситуации. Стремление Франции играть активную роль в решении политических проблем в Белоруссии в связи с протестами 2020 г., а также активная роль французского лидера в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном показывают заинтересованность Франции в Восточном партнерстве [11]. Таким образом, можно заметить, что Восточное партнерство ЕС в настоящее время хотя и не является стратегическим приоритетом, но представляет для Франции определенную важность. Внутренняя логика Восточного партнерства для Франции заключается в стабилизации приграничных к ЕС регионов.

Таким образом, в последнее время Восточное партнерство приобретает для Франции больший интерес в связи с необходимостью обеспечения безопасности границ ЕС. Вместе с тем французское руководство до сих пор не выработало в отношении данного направления европейской политики соседства четкой стратегии действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Adamczyk A.* The role of Poland in the creation process of the Eastern Partnership // Yearbook of Polish European studies. 2010. № 13.
2. *Belgacem K.* Why should France strengthen its position in the Eastern Partnership // Eurolimes, Supplement. № 22.
3. *Cadier D.* Detour or Direction. Europeanisation of France's policies towards Russia // FIIA Briefing Paper. May, 2016. № 195.
4. *Cadier D.* France's policies toward the Eastern Partnership countries in context // GIP Commentary. Georgian institute of politics. Tbilisi, 2017. № 13.
5. *Casablanca S.* The dilemma of the EU Neighborhood policy: Mediterranean vs Eastern Partnership // Eastern Europe in brief. Readings. 2015. № 3.
6. *Depo B.* Theorizing the interests of the EU Member States in the Eastern Partnership // ISA BISA Conference Edinburgh. June 2012.
7. Eastern Partnership: The Opening Report / ed. by *Wojna B.* The Polish Institute for International Affairs. Poland, Warsaw, 2009.
8. France: Eastern Partnership Doesn't Mean EU Membership (rferl.org) // <https://www.rferl.org/a/france-eastern-partnership-doesn-t-mean-eu-membership/30400380.html>.
9. France and the Eastern Partnership: the view from Paris. European council on foreign relations // http://www.ecfr.eu/article/commentary_france_and_the_eastern_partnership_the_view_from_paris3033#.
10. Germany, France say Eastern Partnership with Moldova is cooperation, not confrontation – Moldova.org // <https://www.moldova.org/en/germany-france-say-eastern-partnership-moldova-cooperation-confrontation/>.
11. Macron Looks East. DGAP // <https://dgap.org/en/research/publications/macron-looks-east>.
12. *Rinnert D.* The Eastern Partnership in Georgia. Increasing efficiency of EU Neighborhood policies in the South Caucasus // SWP Working paper. 2011. № 5.
13. The Fifth Eastern Partnership Summit: Between hyperbole and understatement – CEPS // <https://www.ceps.eu/ceps-publications/fifth-eastern-partnership-summit-between-hyperbole-and-understatement/>.
14. Towards Improved French-German Cooperation in the EU Neighbourhood // New Eastern Europe // <http://neweasterneurope.eu/2013/04/23/towards-improved-french-german-cooperation-in-the-eu-neighbourhood/>.
15. *Wodka J.* Union for the Mediterranean and Eastern Partnership geopolitical interests or complementary concepts // Turkish policy quarterly. 2010. Vol. 9. № 3.
16. <http://www.gouvernement.fr/partage/9764-5eme-sommet-du-partenariat-oriental>.

A.I. CHERPAKOVA
Post-graduate student,
Faculty of Political Science,
Moscow State University,
Moscow, Russia

FRANCE'S ATTITUDE TOWARDS THE EU EASTERN PARTNERSHIP

The article is dedicated to the analysis of France's attitude towards Eastern Partnership—the EU program of collaboration with Armenia, Belorussia, Ukraine, Moldova, Azerbaijan and Georgia. The article considers the main factors shaping the French government endorsement of this program. The particular attention is given to French actions in the scope of the Eastern Partnership priorities. The results of the research demonstrate that despite the fact that France has not paid any particular attention to the Eastern Partnership since its beginning, nowadays France reconsiders its attitude to this project. Not being an active adherer of the Eastern Partnership, France tries to play a significant role in post-soviet countries conflicts regulation. According to the French government, the countries which participate in the Eastern partnership should not consider it as a mechanism of EU accession, the Eastern partnership should be deemed as an instrument of EU's geopolitical struggle with Russia.

Key words: *France, European Union, Eastern partnership, EU Neighborhood policy, Russia, conflict regulation.*

*магистрант кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Афганистан, г. Кабул*

*магистрант кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Афганистан, г. Кабул*

*бакалавр кафедры политического анализа
и управления Российского университета
дружбы народов, Афганистан, г. Кабул*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В АФГАНИСТАНЕ

Афганистан является поликультурной, многоязычной нацией и включает этнические группы пуштунов, таджиков, узбеков, хазарейцев, нуристанцев, имамов, белуджей и других более мелких этнических групп. В течение многих лет в Афганистане существовали несколько языков, каждый со своей определенной географической областью. В этой статье рассматривается политика прошлых режимов в отношении использования и официального статуса различных языков. Но основное внимание уделяется дари и пушту – двум наиболее важным официальным языкам страны.

Языковая политика в Афганистане в течение XX века часто менялась с учетом социально-политических условий и усилий по продвижению политических целей переходных режимов. Их основными целями являются содействие национальному единству, национальной идентичности, этническим мотивам и политической мысли, и, таким образом, история Афганистана в XX веке сопровождается частыми изменениями в афганской языковой политике.

Ключевые слова: *Афганистан, языковая политика, история, современное состояние, языковое разнообразие.*

Языковое разнообразие. Три наиболее распространенных языка в Афганистане – пушту, дари и узбекский.

¹ Научный руководитель: Нестерчук Ольга Алексеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов.

Пушту, иногда называемый афганским, принадлежит к юго-восточной группе иранской ветви индоевропейских языков, на которой говорят пуштуны в Афганистане, на северо-западе и западе Пакистана. Пушту имеет два основных южных и восточных диалекта. Хотя есть некоторая пуштунская литература с VII века, язык пуштунов не был замечен до XVIII века, пока Ахмад Шах Дуррани (1747-1773) не основал медицинскую империю и не стал известен в XIX веке как Афганистан.

Пуштуны составляют самую большую этническую группу в Афганистане – порядка 38-44% населения Афганистана. Племя Дараан является самым крупным и самым важным племенем пуштунов. Драни правили Афганистаном с 1747 по 1978 годы. Их родиной являются западные и юго-западные районы Кандагара. Второе по величине племя пуштунов – аль-Каузи. Роули живут в районах между Газни и Кандагаром. К другим важным пуштунским племенам относятся пограничные племена вазири, хатти, мохманы, слушания, юсуфиты и африди, известные как охранники Хайбер-Котел. Проведя британцами южную и восточную границу Афганистана в 1893 году, проведя линию Дюранда, она разделяет пограничные племена пуштунов между Афганистаном и Индией. По словам Анвара аль-Хакка, линия Дюранда значительно ослабила власть пуштунов в Афганистане. Но этот недостаток компенсируется тактикой Абдул Рахмана насильственной передачи большого числа пограничных пуштунских племен в северный Афганистан.

Дари – это наименование персидского языка в Афганистане. На его диалектах на севере и западе говорят в первую очередь таджики, которые составляют более трети населения Афганистана. Дари является престижным межнациональным языком среди других афганцев. На разных диалектах дари говорят в Герате, Хазаре, Балхе, Горе, Газни, Бадахшане, Панджшире и Кабуле. Но кабульский акцент принят в качестве критерия, который был популяризирован кабульским радио.

Дари в качестве административного и судебного языка существует с Газневидов в X и XI веках. Дари также был межэтническим языком торговли. С созданием современного афганского правительства Ахмадом Шахом Дуррани в 1747 году дари сохранил свое значение в качестве административного языка, несмотря на тот факт, что пуштуны доминировали на всех уровнях управления. Квалификация в дари является одним из условий трудоустройства и необходимости улучшения государственной службы (правительственные ведомства). В связи с этим пуштуны, узбеки и другие небольшие группы изучают дари. Но очень немногие непуштуны изучают пушту.

Узбекский язык. Узбеки и туркмены из Афганистана имеют тюркское этническое происхождение. Они живут в сельскохозяйственных районах северного Афганистана, от Фарьяба до Бадахшана, что составляет около 8% населения. Они переехали в Центральную Азию в XVI веке, что привело к большому количеству смешанных узбеков и таджикских деревень на се-

вере Афганистана. В конце XIX века Амир Абдул Рахман взял узбеков под свой контроль и, как упоминалось выше, принял политику переноса перевозчиков, которая привела к вторжению пуштунов в традиционных узбеков. Его целью было укрепление национального единства путем интеграции людей разных языков на севере.

Пушту и пуштунский вопрос. Создание Пакистана после ухода Великобритании с индийского субконтинента в 1947 году побудило Афганистан подвергнуть сомнению линию Дуранд и ввести право на самоопределение для Пуштунистана (оккупированного пуштунами района Бретани), который касается Пакистана. Эти события совпали с рождением пуштунского национального движения во главе с пуштунскими интеллектуалами. В 1947 году лидеры движения, в том числе 22 молодых писателя из Кандагара, Нангархара и Кабула, выступили с заявлением под пуштунским лозунгом Виш Залмиан Говаров «Мы хотим пробудившейся молодежи», известного как Виш Залмиан (Пробужденная молодежь. Их программа сосредоточена на проблеме пуштунов и пропаганде пушту против персидского. В 1950 году видными членами организации стали Гюль Пача аль-Фатт, Мухаммед Расул Паштун, Фейз Мохаммад Ангар, Абдул Рафва Бинва и Нур Мохаммад Тареки, которые впоследствии стали лидером афганской марксистско-ленинской народной партии.

Языковая политика Демократической Республики Афганистан (1978-1992). В 1973 году Захир Шах был свергнут в результате государственного переворота его сыном Давидом, который правил страной с 1933 года. Фракции Демократической партии воссоединились с советским посольством в Кабуле в 1977 году во время президентства Давида. В апреле следующего года Демократическая партия приходит к власти, когда президент Дэвид был убит в результате кровавого военного переворота офицерами, связанными с партией. Демократическая партия создает Демократическую Республику Афганистан, взяв власть в свои руки.

Первый кабинет делится осторожно и пропорционально народным группировкам и флагу после апрельского переворота. Тареки является премьер-министром и главой революционного совета, Кармель – заместителем премьер-министра, а Хафизулла Амин – министром иностранных дел.

В своем первом радиообращении 5 мая 1978 года Тарик заявил, что Демократическая партия не имеет никакой связи с коммунизмом и искусственными обвинениями в «сессионизм». Тогда, как правило, созданное марксистско-ленинским переворотом 1978 года, основано на советском влиянии.

Демократический революционный совет в апреле и мае 1978 года издал серию указов, объявляющих цели нового режима. В указе № 4 от 15 мая говорится о приверженности режима языковому равенству этнических групп и подчеркивается, что языки, на которых «говорят 7 этнических групп в Афганистане, являются национальными языками страны. К ним относятся

пушту, дари, узбеки, туркмены, нуристаны, комары и белуджи» [6]. Лингвистическая политика этой Демократической партии соответствует ленинскому равенству наций и языков и его провозглашению, что «полное равенство включает в себя отрицание какой-либо привилегии на одном языке». Языковая политика Демократической партии получила одобрение в 2003 году на *Wicklworker* (еженедельник труда) Коммунистической партией Великобритании:

Угнетенные языковые группы впервые услышали свой родной язык по кабульскому радио. Господство пуштунов официально закончилось. Юридически страна стала многоязычным и все еще светским государством. Ислам не сталкивается с агрессией, но правительство заявило, что оно не поощряет и не вмешивается ни в какую религию.

Режим Демократической партии принимает множество мер, чтобы продемонстрировать свою приверженность развитию своих различных языков и этнических групп. Как упоминалось выше, большинство людей были из пуштунов и сельских районов с сильными племенными тенденциями. Кармель и его близкие друзья принадлежали к городским пуштунским семьям, которые, по мнению людей, были лишены традиционных пуштунских ценностей. Несмотря на его социалистические идеи, Тареки и его последователи были этническими пуштунами. Сам Тареки когда-то был членом пробужденной этнической молодежи пуштунов. По словам Ахади, кхалки давно мечтали сделать пушту доминирующим языком в Афганистане.

Когда коммунисты пришли к власти в 1978 году, этнические отношения вышли на первый план. Во время своего правления Народная партия (1979-1978) объявила Демократическую партию и коммунистические власти, в дополнение к пушту, дари, персидскому, узбекскому, туркменскому, белуджскому и нуристанскому, официальными языками. Хотя Народная партия считала это попыткой подорвать господство пуштунов, в действительности их политика была направлена на ослабление дари и в конечном итоге на укрепление пуштунского языка как межрелигиозного разговора. Эта программа соответствовала марксистско-ленинским принципам Салливания (возможная интеграция всех языков и культур в один).

Одним из ключевых действий политики демократического правительства была борьба с неграмотностью. Общая неграмотность масс была главным препятствием на пути целей Демократической партии по строительству социалистического общества. Ленин утверждал, что невозможно построить коммунистическое общество в стране, где люди были неграмотны. Следуя модели советской политики в Центральной Азии, Демократическая партия начинает кампанию по ликвидации крупномасштабной неграмотности, особенно среди женщин (которые составляют большинство неграмотного афганского сообщества). Однако из-за массовых восстаний в ответ на большое количество политики Демократической партии и советского военного при-

сутствия в Афганистане кампания по неграмотности в конечном итоге будет ограничена столицей, которая находится под контролем режима.

Оппозиция демократическому правлению начинается практически сразу после объявления о новой радикальной политике революционного совета. Бунт в Герате начался спустя несколько месяцев после прихода к власти Демократической партии и вскоре распространился на другие части страны. В конце 1978 года Демократическая партия объявила четыре группы врагами режима: Исламская организация Афганистана, нация, управляемая этническими пуштунами, маоистское бессмертное пламя и националистическая тирания (группа маоистских тенденций, которые выступали за отделение таджиков и узбеков). Одобрение Демократической партией всех языков меньшинств в качестве национальных языков и приверженность их продвижению мало влияют на усилия, направленные на получение поддержки со стороны этнических политических групп.

Возрождение пушту во время Талибана. В 1996 году, спустя четыре года после гражданской войны, талибы захватили Кабул и свергли режим раавина. Появление талибов, которые по сути были пуштунами, привело к возрождению пуштунского этнического происхождения.

Проблема Пуштунистана была устранена путем установления просоветского режима в 1978 году и миграции крупных пуштунских мигрантов из Афганистана в приграничную провинцию Пакистана. В 1980-х годах позиция Пакистана в вопросе пуштунов была усилена созданием семи антимарксистских групп в провинции Суба, где он стал центром сопротивления просоветскому режиму. Однако проблема пуштунов не умирает. Принимая во внимание постоянную поддержку Пакистана, лидер талибов мулла Омар не согласится с тем, что Пакистан признает линию Дуранда официальной границей между Афганистаном и Пакистаном.

Талибы не объявляют официальную языковую политику, но пушту – это диалектический язык их правительства. Впервые за свое пятилетнее правление пуштуны стали единственным языком в истории афганских отраслевых коммуникаций. В результате многие афганцы лишены права голоса и подвергаются дискриминации со стороны правительственных чиновников. Одной из причин серьезного навязывания пуштунов в эпоху талибов было отсутствие знаний у лидера талибов Дари. В отличие от большинства обученных городских пуштунов, талибы обучались в племенных районах в местных школах и почти не знали дари.

Постталибанская языковая политика. Через три года после падения талибов (силами коалиции в октябре 2001 года) в 2004 году была объявлена новая конституция. Эта новая конституция не определяет какой-либо афганский язык как национальный язык, в отличие от предыдущих конституций. Согласно статье 4 Конституции 2004 года «Нация Афганистана состоит из всех лиц, являющихся гражданами Афганистана. К нации Афганиста-

на относят следующие этнические группы: пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, нуристанцы, аймаки, арабы, киргизы, кызылбаши, брахмуи и другие» [3]. В статье 16 обозначаются официальные языки государства – пушту и дари при наличии пушту, дари, узбекского, туркменского, белуджского, москитного, нуристанского, памирского и других языков страны [3]. Однако некоторые исследователи признают, что «с момента введения в Афганистане официального двуязычия, заметных изменений в сфере функционирования двух языков не произошло» [5. С. 53].

Также закон регулирует использование третьих официальных языков – узбекского, туркменского, москитного, нуристанского, белуджского или памирского [3]. С учетом того, что «численность афганцев составляет 34,5 млн, что на 5 млн больше, чем приводит статистический ежегодник 2017 года» [4. С. 316], правительство должно принять эффективные программы для планирования, адаптации и развития всех языков Афганистана. Все доступные в стране языки разрешены в печатных СМИ. В стране сохраняется национальный научный и административный фон.

Конституция 2004 года, в отличие от конституции 1964 года во времена Захир-шаха, не определяла пушту как национальный язык Афганистана. Но в статье 20 он передает афганский национальный гимн пушту и заявляет, что «Бог велик», и называет все племена Афганистана.

Новый гимн на пушту, введенный вскоре после конституции 2004 года, изображает единство различных этнических групп, которые считают Афганистан своим домом и заканчивают исламско-арабской фразой, объявляющей связь Афганистана с исламом: «Это земля Афганистана. Это дом гордости каждого афганца. Земля мира и земля мечей. Все его сыновья храбры. Это страна каждого племени. Земля белуджей, узбеков, пуштунов, хазар, туркмен и таджиков. Наряду с ними арабы, гогры, памирцы, нуристанцы, брахманы и зальцбургцы. А также имамы и комары. Эта земля пылает вечно. Как солнце в голубом небе. В азиатском подносе. Это навсегда останется их сердцем. Мы следуем за одним Богом. Мы все говорим, Бог велик. Мы все говорим, Бог велик» [1].

Языковая политика в Афганистане с 1930-х годов до основания Демократической Республики Афганистан Народно-демократической партией Афганистана в 1978 году подчеркнула важность пушту как национального языка, поскольку на пушту говорит самое большое этническое лингвистическое сообщество, и оно отражает пуштунский характер афганского правительства. Он был основан в 1747 году Ахмад-шахом. Несмотря на усилия правительства в 1930-х годах по постепенному изменению дари на пушту, дари все еще занимал эту должность в качестве языка управления, образования и межрелигиозного общения. Сочетание внутренних социальных движений и внешних факторов способствовало развитию пушту в течение 1950-х и 1960-х годов. Лингвистическая политика диктовалась, в основном,

правлящей элитой до провозглашения Конституции 1964 года. Конституция 1964 года – первая конституция, которая ссылается на языковую политику. Закон определяет пушту как национальный язык Афганистана, но считает дари и пушту официальными языками правительства.

Установление марксистского режима Демократической партией в 1978 году стало самым большим изменением в афганской языковой политике. Демократическая партия принимает политику языкового равенства и признает все языки семи основных этнических групп в качестве национальных языков Афганистана. В результате пушту теряет свой статус национального языка Афганистана, но остается одним из официальных языков правительства.

Конституция 2004 года, принятая после падения талибов, признает все этнические группы в Афганистане, не упоминая какой-либо этнический язык в качестве национального языка. Пушту как язык крупнейшей этнической группы можно понять только благодаря тому, что языком государственного гимна является пушту. В отличие от других афганских конституций, пушту и дари имеют равный официальный статус.

Заключение. Языковая политика в конце первого десятилетия XXI века, как и все другие периоды афганской истории, не соответствовала пуштунам. Согласно сообщению Радио Свободная Европа, языком, обычно используемым в школах и офисах, является дари, и многие пуштуны считают, что их язык подвергается дискриминации. При этом дари остается доминирующим языком в правительственных ведомствах, официальных слушаниях, судах, публикациях, радио- и телевидении.

В целом следует отметить, что языковая политика в Афганистане как инструмент формирования этнополитической культуры должна развиваться «в направлении решений этнополитических проблем, создания и поддержания конструктивной диалогичности между межнациональными представителями, недопущения социальной этнической напряженности» [2. С. 74].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гимн Афганистана // Afghanistan.ru. Все об Афганистане // <https://afghanistan.ru/doc/4030.html>.

2. Донай Л., Нестерчук О.А., Гришин О.Е. «Новый формат» этнополитической культуры современного российского общества // *Kultura polityczna w poszukiwaniu nowego paradygmatu/pod redakcją A. Stelmach, M. Lorenc – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im Adama Mickiewicza w Poznaniu. 2018. Tom I.S.*

3. Конституция Исламской Республики Афганистан // Конституции государств (стран) мира // <https://worldconstitutions.ru/?p=24>.

4. Окимбеков У.В. Население Афганистана: динамика численности, состав и этнические конфликты на этнической почве // Труды Института Востоковедения РАН. 2019. № 26.

5. Слинкин М.Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66.

6. Языки Афганистана // Википедия // https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_Afghanistan.

МОHAMMAD ANWAR BAKTASH

*Student working for the Master's Degree at the
Chair of political analysis and management,
RUDN, Kabul, Afghanistan*

KAMWAR AHMAD JAVID

*Student working for the Master's Degree at the
Chair of political analysis and management,
RUDN, Kabul, Afghanistan*

MOHMAND HASHMATULLAH

*BA at the Chair of political analysis and management,
RUDN, Kabul, Afghanistan*

LANGUAGE POLICY IN AFGHANISTAN

Afghanistan is a multicultural, multilingual nation and includes ethnic groups of Pashtuns, Tajiks, Uzbeks, Hazaras, Nuristanis, Imams, Balochis, and other smaller ethnic groups. For many years, there were several languages in Afghanistan, each within its own specific geographical area. The article examines the policies of past regimes regarding the use and official status of different languages. The focus is on Dari and Pashto, the country's two most important official languages.

During the 20th century, the language policy in Afghanistan has often changed in response to socio-political conditions and efforts to advance the political goals of the transitional regimes. The main goals were to promote national unity, national identity, ethnic motives and political thought, and thus the history of Afghanistan in the 20th century is accompanied by frequent changes in the Afghan language policy.

Key words: *Afghanistan, language policy, history, current state, linguistic diversity.*

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ИЗРАИЛЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В статье впервые в научном дискурсе в рамках новой геополитической парадигмы предпринято концептуальное осмысление «геополитической инженерии» (на примере Израиля) с учетом ее специфического проявления в ближневосточном ареале с возможной перспективой использования представленных наработок в качестве алгоритма изучения и геополитического прогнозирования явлений в других регионах.

Ключевые слова: геополитическая инженерия, Израиль, Ближний Восток, концептуальное осмысление, геополитическое прогнозирование.

Введение. Ближний Восток, как условно и широко трактуемый регион с ярко выраженной геополитической судьбой, является геополитической опорной точкой с геостратегическими приоритетами, целями и возможностями признанных и «новых» центров силы в реалиях формирующегося полицентричного миропорядка. Особое место в данной региональной подсистеме международных отношений занимает современный Израиль, актор со своей специфической миссией, субъект и в своем роде экспериментальная теневая лаборатория геополитики с ресурсами (прежде всего ментальными), потенциалом и технологиями формирования, применения заданного алгоритма развития, трансформации многомерного геополитического пространства.

Современный *Zeitgeist* с его нетривиальными вызовами и угрозами детерминируют динамичный поиск и освоение Израилем качественно новой геополитической «ниши» («окна») для прорыва изоляции, легитимации, обеспечения и продвижения собственных геополитических интересов Эрец Исраэль Хашлема (ивр. המלשה לארשי קרא (в условиях геополитического противоборства, жесткой стратегической взаимозависимости, а также параметров активизации нелинейного взаимодействия при «инвариантности господства» гранд-стратегии (панидеи) «на все времена» – *divide et impera*.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, геостратегической значимостью Ближнего Востока как «жизненно важного узла» (*choke point*), ключевого региона как плацдарма в силу военно-стратегии-

ческих, политических, экономических, энергетических, миграционных детерминантов. Во-вторых, императивом учета и политологического анализа нелинейных проекций мирового порядка, геополитического влияния, латентного или опосредованного воздействия, взаимодействия Израиля в современных условиях «стабильной деградации», «динамического хаоса», «диффузии власти» и сил в регионе. В-третьих, прикладным значением комплексного изучения геополитической инженерии как организационных технологических моделей расширения и увеличения ресурсов, контроля и распространения влияния в геополитическом пространстве в целях принятия своевременных и адекватных политических решений.

Новизна исследования обусловлена ракурсом, методологией и комплексным характером предложенной проблематики как потенциально-продуктивного поля для дальнейших исследований с возможной перспективой использования представленных наработок в качестве алгоритма изучения и геополитического прогнозирования явлений в других регионах.

Рабочая гипотеза состоит в осуществлении Израилем геополитического проектирования и «перенастройки» (переформатирования) своего геополитического окружения в борьбе за обладание статусом регионального лидера, геополитического центра силы и придание ему легитимного характера.

Теоретические и методологические основы исследования. В ходе исследования основной акцент сделан на концептуальное (connecting dots) осмысление современных геополитических технологий Израиля на Ближнем Востоке с расширением зоны релевантности, применение факторного подхода (интегрирование и механизм влияния эндогенных и экзогенных переменных) и уровневого анализа (уровня государства и уровня межгосударственной системы) и их специфического проявления в ближневосточном ареале.

Израиль в контексте современной ближневосточной топологии. Начало реализации технологического проекта преемственной войны регионального уровня под названием «Арабская весна» XXI века привело к очередной глобальной перекройке политической карты Ближнего Востока, смене режима (regime change), размыванию или демонтажу национально-государственного суверенитета стран региона, постепенному погружению мусульманского мира в состояние хаоса в результате цепного процесса распада и переформатирования. Иран, Турция и Саудовская Аравия как субъекты, ранее не игравшие серьезной роли в региональном геополитическом пространстве, по разным причинам не готовы принять утраченное Ираком при Саддаме Хусейне «знамя лидерства».

Израиль, имея компактную географическую проекцию, со своей конкурирующей геополитической стратегией сохраняет традиционные сакральные образы политического сознания о ценности Lebensraum, своей ойкумены и ее «границ как периферийного органа» [11. S. 598]. Способность политического центра (с опорой на «пространственное чувство народа»

и геополитическое единство, скаляры формального и неформального еврейского лобби в США) удерживать в сфере своего влияния собственную пограничную периферию становится мерой реального национального суверенитета, наглядным показателем геополитического статуса Израиля.

Возможности обеспечения количественного и качественного военного превосходства над арабскими государствами, в том числе благодаря подписанному с США новому Меморандуму о взаимопонимании на 2019-2028 гг. с выделением Израилю 38 млрд. долл. США в качестве военной помощи [12], создают предпосылки для институционализации арабо-израильского сотрудничества. При этом сами США, предполагая формирование в лице Израиля главной оси своей внешней политики в отношении Ближнего Востока, последовательно сокращают свои обязательства и избегают от роли регионального арбитра, столкнувшись с пределами своих возможностей в ценностно-риторическом и мобилизационном плане.

В создавшихся реалиях ряд арабских стран выражают заинтересованность в создании нового ближневосточного порядка (реализации принципа «через хаос к порядку»), основанного на взаимодействии с Израилем в сфере безопасности (в противодействии Ирану и радикальным исламистским группировкам) и в сфере экономики (энергетика, водные ресурсы, сельское хозяйство, туризм и торговля). Осенью 2020 г. создан прецедент и инициирован возможно новый тренд на Ближнем Востоке: в результате неформальной дипломатии и кулуарных контактов Израилем подписаны Договор с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) [6] и Декларация с Бахрейном [7], («Соглашения Авраама»), достигнуто предварительное соглашение о нормализации отношений с Суданом [13], считавшим Тель-Авив врагом и формально принимавшим участие в Войне Судного дня.

Таким образом, сформированная в результате «арабской весны» топология ближневосточного игрового поля создает для его акторов примерно равные условия и соответственно плоскости маневра. Положительные импликации создавшейся ситуации для Израиля – в способности формировать заданный алгоритм развития геополитического пространства на региональном уровне, возможности проецировать свои истинные замыслы на избранные объекты влияния, применяя имеющийся интеллектуальный и экономический потенциал в конкретной или прогнозируемой политической обстановке.

Современная геополитическая инженерия Израиля на Ближнем Востоке: технологии проектирования. Современная геополитическая инженерия Израиля охватывает технологии проектирования политической, экономической, информационно-идеологической инфраструктуры на Ближнем Востоке для наращивания (в том числе за счет наличия и постепенного нарастания слабости «суверенов») своего присутствия в качестве центра силы, придания ему легитимного характера и осуществления долгосрочного

геополитического влияния на различные сферы жизнедеятельности геополитического окружения и региона в целом.

Технологии политического проектирования выступают фактором формирования и трансформации Израилем политической топологии субъектов своего геополитического окружения с целью последующего взятия последних под контроль и управление со стороны внешних или внутренних сил влияния.

На ближневосточной «игровой площадке» Израиль, прежде считавшийся проблемой, сегодня позиционирует себя как часть решения, активно разыгрывает «Иранскую карту». Ставка делается на выстраивание асимметричных отношений с разнородными курдскими организациями и активные призывы к созданию независимого Курдистана [8], рассматривая его в качестве геополитического «окна» проникновения в зону «шиитского полумесяца» в составе Ирана, Ирака, Сирии и Ливана [4. С. 82] с целью дробления геополитического пространства. На фоне искусственно раздутого суннитско-шиитского конфликта и идущей по всему региону гибридной войны с Ираном тесное сотрудничество Израиля с ОАЭ, в том числе в Йемене, подвергает эрозии лидерство Саудовской Аравии в противостоянии иранскому влиянию и борьбе за палестинцев, сокращает ее возможности к суверенному функционированию, усугубляет отложенные проблемы (диффузия средств, растущее недовольство населения и части королевской семьи).

Применение технологий геоэкономического проектирования в относительно новой для Израиля области геополитического пространства связано с открытием и началом эксплуатации месторождений Тамар и Левиафан [2] в Левантийском нефтегазоносном бассейне (на шельфе Средиземного моря), в «зоне внутреннего полумесяца», а также с соглашением о проекте МГП EastMed для транспортировки природного газа в Европу [1].

Реализация привлекательных для инвесторов геоэкономических проектов с приложением ресурсов влияния позволяет ослабить и, по возможности, устранить стратегического противника (прежде всего Иран), путем обеспечения поставок сырья (в Египет и Иорданию) лишить ресурсной самодостаточности, способности к устойчивому развитию, добиться согласия по внешнеполитическим вопросам и навязать ориентиры развития. Например, Иордании в рамках проекта («сделки века» [10]) поиска альтернативной территории для проживания палестинцев и урегулирования «палестинской проблемы».

Технология информационно-идеологического проектирования носит долговременный характер и предусматривает трансформацию («культурное строительство») социума, прежде всего арабской «улицы» (сегодня большинство молодежи уже не воспринимает близко к сердцу «палестинскую накрутку») путем селекции и интерпретации (с позиций собственных актуальных и долгосрочных интересов) ценностей и ориентиров (в том числе против «палестинского» нарратива [3]). «Стратегия не прямых геополитических

действий» [5. С. 284] преломляется через привлекательность (безопасность и стабильность), включенность и незаменимость (принятие еврейского государства в свою «правильную» коалицию как общество, а не врага) Израиля в качестве структурированного и структурирующего геополитического центра силы, а также проецирование его воли по жизненно важным геополитическим векторам.

Реализация последующей стадии технологического проекта строительства «суверенов» и конституирования де-юре субъектов геополитического окружения (nation building & remaking the country) по этническим и конфессиональным признакам рассматривается как альтернативный источник моральной легитимации еврейского государства. В условиях распада проекта светского панарабского национализма, «религиозного возрождения», «la revanche de Dieu» [9], «Соглашения Авраама («отца всех верующих»)» могли бы послужить отправной точкой для формирования представлений об Израиле как объединяющем духовно-религиозном центре на Ближнем Востоке, «задающим стандарты человеческой цивилизации».

Заключение. Приведенные в подтверждение рабочей гипотезы аргументы позволяют сделать некоторые выводы.

1. Формирующаяся полицентрическая система международных отношений предоставляет Израилю возможность стать более интегрированным и официально признанным геополитическим центром силы, и альтернативным аттрактором на Ближнем Востоке, очертить контуры геополитической ниши, постепенно наращивать свою стратегическую автономию, оставаясь «под зонтиком» американских гарантий.

2. В современных реалиях геополитическая инженерия Израиля на Ближнем Востоке предполагает геополитическое проектирование и «перенастройку» своего геополитического окружения путем политической, экономической, информационно-идеологической трансформации, в том числе с помощью развития событий в регионе, в выгодном для себя треке; «встраивание» и переход к активной экспансии посредством интеллектуального и экономического проникновения; стратегаемный подход, расширение «сфер влияния» не территориального свойства, обеспеченных ресурсами силы и мощи государства.

3. Направление развития ситуации на Ближнем Востоке в соответствии с предначертанной ему исторической судьбой будет во многом определять траекторию дальнейших событий, типологию и содержание выстраиваемого на этой основе мирового геополитического пространства XXI в.

4. Знание организационных технологических моделей, закономерностей практического использования нелинейных проекций мирового порядка различными субъектами геополитики (в особенности Израилем) – одно из важнейших условий сохранения суверенитета, организационная предпосылка для «выживания» геополитического субъекта в рамках новой геополитиче-

ской парадигмы. Это особенно важно и значимо в связи с возвращением на Ближний Восток Российской Федерации как геостратегического центра, обладающего силой, способностью и национальной волей оказывать влияние вне собственных границ в своих геополитических интересах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Греция, Израиль и Кипр подписали соглашение о строительстве газопровода // Российская газета. 02.01.2020 // <https://rg.ru/202/01/02/greciia-izrail-i-kipr-podpisali-soglashenie-o-stroitelstve-gazoprovoda.html>.

2. Левиафан поплыл. На проблемном израильском месторождении началась добыча газа // Neftegaz.ru. 17.01.2020 // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/519531-leviafan-poplyl-na-problemnom-izraiskom-mestorozhdenii-nachalas-dobycha-gaza/>.

3. Мифы и поддельный нарратив палестинских арабов: Израиль в фокусе // EurAsia daily. 19.12.2018 // <https://eadaily.com/ru/news/2018/12/19/mify-i-poddelnyu-narrativ-palestinskih-arabov-izrail-v-fokuse>.

4. Пуховая Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/shiitskiy-polumesyats-kak-sovremennyy-geopoliticheskiy-fenomen-virtualnaya-ili-realnaya-ugroza-po-materialam-kanala-al-dzhazira/viewer>.

5. Шамин И.В. Свообразие «американского варианта» концептуальной модели ведения борьбы между государствами «Стратегия непрямых геополитических действий» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6 // <https://docplayer.ru/39860553-Svoeobrazie-amerikanskogo-varianta-konceptualnoy-modeli-vedeniya-borby-mezhdu-gosudarstvami-strategiya-nepryamyh-geopoliticheskikh-deystviy.html>.

6. Abraham Accords: Peace Agreement // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/09/ABRAHAM-ACCORDS-PEACE-AGREEMENT.pdf>.

7. Declaration of Peace // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/09/DECLARATION-OF-PEACE.pdf>.

8. Frantzman S. World should support Kurds' struggle against despotic Iranian regime / Seth J. Frantzman; The Jerusalem Post. Jerusalem, 2017 // <https://www.jpost.com/Middle-East/Israel-should-support-Kurds-struggle-against-despotic-Iranian-regime-485272>.

9. *Kepel Gilles*. La revanche de Dieu: Chrétiens, Juifs et musulmans à la reconquête du monde. Paris: Seuil, 1991 // <https://archive.org/details/la-revanchededieu0000kepe/page/n9/mode/2up>.

10. President Donald J. Trump's Vision for Peace, Prosperity, and a Brighter Future for Israel and the Palestinian People Issued on: January 28, 2020 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-vision-peace-prosperity-brighter-future-israel-palestinian-people/>.

11. Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München und Berlin. Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1903 // <https://archive.org/detailspolitischegeogr01ratzgoog/page/n621/mode/2up>.

12. Spetalnick M. U.S., Israel sign \$38 billion military aid package // Reuters. 14.09.2016 // <https://www.reuters.com/article/us-usa-israel-statement-idUSKCN11K2CI>.

13. Sudan und Israel normalisieren Beziehungen // Tagesschau.de. 23.10.2020 // <https://www.tagesschau.de/ausland/israel-sudan-beziehungen-101.html>

K.S. KOMAROV

Student, Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia

MODERN GEOPOLITICAL ENGINEERING OF ISRAEL IN THE MIDDLE EAST

The article introduces in the scientific discourse in the framework of new geopolitical paradigm conceptual comprehension of “geopolitical engineering” (illustrated by Israel) and its specific manifestation in MidEast area, with broad forecasting application prospects.

Key words: *Geopolitical engineering, Israel, the Middle East, conceptual comprehension, geopolitical forecast.*

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1986 ГОДА В АЛМА-АТЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате были этническим конфликтом во время Советского Союза в столице Казахской Советской Социалистической Республики и являлись первой крупномасштабной вспышкой национальной проблемы Советского Союза. Непосредственным поводом событий стало то, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза снял с должности первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева и прямо назначил на должность Геннадия Васильевича Колбина. Смена Кунаева вызвала сильное недовольство среди казахского населения, затем разразилась широкомасштабная демонстрация протеста. Из-за неправильного суждения о ситуации советские власти применили силу для подавления волнений, что в итоге привело к кровавым конфликтам и жертвам и большое количество людей было арестовано и наказано. После инцидента ЦК КПСС охарактеризовал беспорядки в Алматы как «проявление казахского национализма». Тем не менее, этот вывод серьезно задел национальную гордость казахов, и они решительно выступили против этого решения. Три года спустя, с изменениями ситуации и растущим голосом людей, Центральный Комитет КПСС отменил свое предыдущее решение, и инцидент был в конечном итоге реабилитирован. В условиях неравной национальной политики Советского Союза декабрьские события были неизбежным результатом длительного накопления этнических противоречий. Высокоцентрализованная система позволяла союзной республике иметь мало власти, ограничивала политическую и экономическую автономию и сильно подавляла развитие национального языка и культуры. С постепенным усилением национального самосознания, национальная элита, представленная национальными интеллигентами, все больше и больше была недовольна властью Советского Союза и решительно призывала к реализации национального равенства и сохранению государственного суверенитета. В сочетании со свободной обстановкой, созданной реформой Михаила Сергеевича Горбачева, это кадровое назначение, которое не про-

думали в полной мере, стало началом серии последовательных массовых вспышек советской национальной проблемы, и страна начала находиться в потрясении. В конце концов, национальный кризис, начавшийся в декабре в Алматы, ускорила процесс распада Советского Союза.

Ключевые слова: декабрьские события в Алма-Ате, национальная проблема, распад СССР.

Краткий обзор декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате. Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате, также известные как Желтоқсан, выступления казахской молодежи, произошедшие 17-18 декабря 1986 года в Алма-Ате, бывшей в то время столицей Казахской ССР. Вспышка этого инцидента была вызвана назначением кадров. В отсутствие всестороннего обсуждения Коммунистическая партия Советского Союза сняла с должности первого секретаря компартии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева и заменила его русским Геннадием Васильевичем Колбиным, первым секретарем Ульяновского областного комитета партии. «Это решение было принято за спиной высшего органа власти и правительства республики узким кругом лиц» [2]. Чрезмерно авторитарное командование ЦК КПСС оскорбило национальное достоинство казахов, что вызвало гнев казахской молодежи и в конечном итоге привело к массовой демонстрации протеста.

В течение брежневского периода многие лидеры союзных республик служили в течение длительного времени, а некоторые из них служили первым секретарем даже более десяти лет без замены. В частности, Кунаев, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, работал верховым лидером Казахстана в течение 24 лет. После прихода к власти Горбачева в 1985 году он начал проводить перестройку в Советском Союзе. Тем не менее, такая кадровая политика, похожая на систему пожизненной службы руководящих кадров, не способствовала реформе, поэтому он сначала приступил к регулированию кадровой команды. В такой политической обстановке на XXVII съезде КПСС Динмухамед Кунаев подал Горбачеву заявление о своей отставке. 11 декабря 1986 года без участия Кунаева состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, удовлетворившее его просьбу об уходе на пенсию. Но преемник Кунаева не был сразу объявлен.

16 декабря состоялся Пленум ЦК КП Казахстана, который продолжался всего лишь 18 минут. На повестке дня стоял организационный вопрос – выборы первого секретаря ЦК КПК. Первым секретарем вместо ушедшего на пенсию Д.А. Кунаева был единогласно избран Г.В. Колбин, работавший до этого первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, для Казахстана Колбин являлся совершенно незнакомым лицом.

Это решение на самом деле очень неправильное, оно серьезно нарушает национальные интересы и национальную гордость казахов. Бывший коман-

дующий войсками Среднеазиатского военного округа Владимир Николаевич Любов сказал в интервью: «Решение было, скажем прямо, не слишком дальновидным. Принятое без какого бы то ни было предварительного обсуждения кандидатур, для определенной части казахстанской элиты такое назначение «варяга», не имевшего никакого отношения к республике, являлось как бы оскорбительным по содержанию. Оно было воспринято как грубый диктат центра при решении вопросов, затрагивающих жизненные интересы населения. Особое возмущение вызвало явное противоречие между провозглашаемыми демократическими принципами перестройки и традиционно-командными действиями центра» [5. С. 39-46].

После распространения новостей, утром 17 декабря 1986 года, протестующие, основываясь на молодых студентах из институтов и университетов в Алматы, вышли на площадь имени Леонида Ильича Брежнева перед центральным офисным зданием Казахской Коммунистической партии, держа знаки против центрального решения, такие как: «Требуем самоопределения!», «Положить конец великодержавному безумию!» и «Каждому народу – свой лидер!» и другие лозунги. Все лозунги и плакаты призывали к отставке Колбина и требовали назначить на должность главы республики представителя коренного населения. При этом назывались конкретные кандидаты, в том числе и русские и представители других национальностей, для которых Казахстан являлся родиной. В этот этап митинг был мирным протестом, и люди просто попросили объяснения о назначении и не было никакой тенденции к подрыву насилия. После этого Нурсултан Абишевич Назарбаев, наряду с другими официальными лицами республики, выступал перед разбушевавшейся толпой, призывая молодежь вернуться на свои учебные и рабочие места, но все было безрезультатно, а недовольство молодежи усилилось.

Утром 18-го числа демонстранты собрались снова, объединяя больше людей различных профессий и классов, их количество добилось размеров тысяч людей. Потом появились побоища, стычки и драки в хаосе, большое количество людей получало ранение, и некоторые даже отдавали жизнь. Ситуация ухудшалась. Тем не менее, центральный комитет КПСС и новый первый секретарь КазССР Колбин недооценили ситуацию, рассматривая ее как действия угрожающие власти. Потом, исключая лидеров Казахстана, центральный комитет КПСС решил использовать военные средства для подавления беспорядков. Власти Советского Союза приступили к мобилизации отрядов специального назначения из сибирского военного училища, а также курсантов местного пограничного училища и полиции, и приняли план подавления, который называли операцией «Метель». Разъяренные демонстранты столкнулись с солдатами и полициями, и ситуация была критической. «Конфликт между толпой и правоохранительными органами постепенно превратился в жестокую порочную борьбу» [6. Р. 32]. В конце концов,

беспорядки были жестоко подавлены. Позже волнения казахской молодежи прошли и в других городах и регионах КазССР.

Итог этого инцидента очень тяжелый. «По данным КГБ КазССР погибло три человека, получили телесные повреждения 1137 человек. По опубликованным в Казахстане данным задержано правоохранительными силами 8500 человек, подвергнуты допросам в прокуратуре 5324, в КГБ – 850 человек. И некоторые люди подвергнуты к административным мерам наказания, даже масса студентов отчислены из учебных заведений. Комсомольские и партийные взыскания получили около 1400 человек» [3]. Началась безрезультатная борьба с националистическими настроениями среди казахской интеллигенции.

25 декабря 1986 года на заседании Политбюро ЦК КПСС алма-атинские события впервые были оценены как «факты проявления национализма». В начале 1987 года было принято постановление ЦК КПСС, в котором произошедшее объявлялось проявлением казахского национализма. Однако в дальнейшем в связи с развитием процессов перестройки и изменением политической конъюнктуры позиция центральных властей изменилась. В 1989 году под влиянием различных факторов формулировка «проявление казахского национализма» была отменена. Интересно, что 16 декабря 1991 года, в пятую годовщину декабрьских событий, Казахстан отделился от Советского Союза и провозгласил свою независимость.

Все сказанное выше является основной картиной декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате.

Причины декабрьских событий. Непосредственной причиной декабрьских событий в Алма-Ате стало увольнение Кунаева, однако за этим конфликтом есть более сложные причины. Как Махмут Касмубеков сказал: «Декабрьские события кажутся спонтанными и случайными, но на самом деле это представляло собой неизбежный результат десятилетий накопления многих социальных и политических противоречий в стране» [7. Р. 193]. Инцидент в Алматы, как и спичка, зажгла давно накопившиеся противоречия в республике Казахстан и в Советском Союзе, и возбудил длительно подавленное недовольство среди населения.

2.1. Конфликт в распределении власти между центром СССР и КазССР.

После смерти Ленина Иосиф Виссарионович Сталин стал верховным лидером Советского Союза, объединяющим власть партии и правительства страны, и постепенно создал высокоцентрализованную политическую и экономическую систему, которая продолжалась в течение последующих высших руководителей. В рамках этой системы распределение власти между центром и союзными республиками серьезно не соответствовало Конституции СССР, сравнивая с практическим исполнением.

2.1.1. Политические аспекты.

Высокоцентрализованная политическая система серьезно нарушила государственный суверенитет союзной республики, и казахская респу-

блика не являлась исключением. Конфликт распределения политической власти в первую очередь проявляется в том, что государственная власть союзной республики не может полностью реализоваться. При централизованной системе власть республики чрезвычайно мала, а полномочия на принятие решений почти по всем аспектам внутренней политики, экономики и социальной сферы находятся в центральном правительстве. Республика имела лишь небольшую часть права управления и фактически стала провинцией Советского Союза. Непосредственной причиной возникновения инцидента в Алматы является очень яркое воплощение: без обсуждения с Политбюро ЦК Коммунистической партии Казахстана и поиска общественного мнения ЦК КПСС прямо приказал Колбину служить первым секретарем. Это нарушило традицию назначения первого секретаря, который обязательно родился в союзной республике и его национальное происхождение принадлежит к титульной нации. Такая традиция уже сформировалась на десятилетие. А высокомерие и произвол центрального правительства вызвали большой гнев среди казахского народа. Можно сказать, что «некомпетентные и самоуверенные действия центральной власти сыграли провокационную роль» [1. С. 6]. На митинге событий плакаты и лозунги людей полностью выразили свое недовольство самовластием. Например: «Казахстан принадлежит казахам!», «Каждому народу – свой лидер!» и так далее.

Конфликт распределения политической власти также отражается в соотношении состава членов партии и кадров руководящих органов Коммунистической партии Казахстана и государственных учреждений Казахстана. Прежде всего, первый секретарь ЦК Компартии республики, председатель Совета Министров, и председатель Президиума Верховного Совета обслуживались кадрами титульной нации республики, но у каждого поста должен быть русский состав. «Второй секретарь ЦК Компартии республики, как обычно, русский. Первый заместитель председателя Совета Министров тоже русский, еще на poste заместителей председателя также один или два русских. У вице-председателя Президиума Верховного Совета также есть русский» [8. Р. 307]. Эти кадры почти все были отправлены центром, являлись агентами ЦК КПСС и центрального правительства, чтобы надзирать за политической деятельностью республики, и они имели немалые полномочия. Кроме того, «Председатель Комитета государственной безопасности республики русский, и это ведомство фактически находилось под прямым руководством Комитета государственной безопасности при Совете СССР» [8. Р. 307]. В периоде инцидента в Алматы приказ о мобилизации элитного спецназа был непосредственно издан тогдашним министром внутренних дел СССР Александром Владимировичем Власовым. Доля таких кадров является серьезным препятствием для нормального осуществления государственной власти в Казахстане.

2.1.2. Экономические аспекты.

Высокоцентрализованная экономическая система подорвала экономическую автономию союзной республики. Помимо изменения механизма управления экономикой административным районом в хрущевский период советская система управления экономикой всегда была системой секторального управления. Согласно этой системе, подавляющее большинство предприятий с высокими инвестициями, крупными масштабами и высокой эффективностью управлялось центральным правительством, а прибыль естественно передавалась центральному правительству. Промышленные производственные мощности и объем промышленного производства Казахстана в то время уступали только России и Украине, но большинство из них находилось под непосредственным управлением центрального сектора СССР, а республика не имела никаких прав на управление. В важных предприятиях ответственное лицо напрямую назначалось центральным правительством, и большая часть прибыли, получаемой предприятиями, также передались центральному правительству. Республика, которая предоставляла сырье, землю и рабочую силу, могла получать лишь небольшую часть своего дохода. Такая форма усилила силу союза, но портила интересы республики и значительно тормозила собственное экономическое развитие Казахстана.

Кроме того, под влиянием политики специализации и разделения труда с районной спецификой Советского Союза, в экономической структуре Казахстана преобладала тяжелая промышленность, а легкая промышленность слаба, поэтому промышленная структура Казахстана являлась простой, структура экономики неразумная. Казахская республика – страна с огромной территорией и богатыми ресурсами, крупнейшая индустриальная страна в Центральной Азии, в которой горнодобывающая промышленность и тяжелое машиностроение занимали важное место. Эти отрасли тратили большие капитальные ресурсы, но получили низкую прибыль. Производительность по промышленной переработке в стране также были очень слаба. Хотя большое количество минеральных продуктов добывалось из-под земли каждый год, но обычно элементарно обрабатывались, а затем отправлялись в другие страны. Например, «железная руда составляет 10,5% от общего объема Советского Союза, но производство чугуна и стали составляет только 4,6% и 4,3%» [9. Р. 136]. Есть очень развитая горнодобывающая промышленность, но дорогостоящее горнодобывающее оборудование импортировалось из России и Украины. То же самое относилось и к легкой промышленности, например, «Производство овечьей шерсти составляет 24% от общего объема Советского Союза, а производство шерстяной ткани – только 4,7%» [9. Р. 136]. Большинство товаров повседневного спроса также импортировались. Сельскохозяйственное производство тоже централизованно управлялось центральным правительством. Задачи сельскохозяйственного производства определялись центром, и распределение

сельскохозяйственной продукции также находилось в ведении центрального правительства. В случае единого директивного плана, сельскохозяйственное производство не могло развиваться в соответствии с местными условиями, а экономические выгоды от сельского хозяйства очень низки. «Как большая аграрная страна в период с 1981 по 1985 год 53% совхозов и колхозов в стране были в состоянии убытков» [8. Р. 324].

Таким образом, Казахская республика фактически стала дешевой промышленной и сельскохозяйственной сырьевой базой в Советском Союзе, а прибыль страны невысока. Промышленное и сельскохозяйственное производство подчинялось общему планированию альянс. Центр брал больше и оставляло меньше для народа. Нерациональная экономическая структура снижала экономическую эффективность Казахстана, такая ситуация напрямую влияла на вопросы занятости, здравоохранения, образования и социального обеспечения, связанные с народным благосостоянием людей, в конечном итоге привела к низкому уровню жизни людей. Экономическая база определяет надстройку. Экономическая несправедливость не только делала отношения между республикой и центром все более напряженными, но также повышалась неудовлетворенность народа к обществу государственной системой день ото дня. Все эти факторы создали скрытую опасность для социальных волнений.

В общем, конфликт распределения власти между центром и Казахстаном является основной причиной возникновения декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате.

2.1.3. Культурные аспекты.

Первый президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев упомянул в своей книге: «Третий способ, которым центр контролирует место, это культурная интеграция. Она обеспечивает ее реализацию двумя мощными способами: во-первых, идеологическая обработка человеческого сознания, во-вторых, языковая политика. При определенной языковой политике стабильность всей государственной системы укрепляется» [10. Р. 24].

Во-первых, речь идет о статусе русского и казахского языков. Советское правительство придавало большое значение вопросу о языке с самого начала. В качестве многонациональной страны, это был чрезвычайно важный вопрос, что использовать какой язык как политический язык и язык образования. Согласно Конституции Советского Союза, все национальные языки равны. Тем не менее, в процессе развития языка появилось фактическое неравенство. С конца 1930-х годов в Советском Союзе начали принимать принудительные меры для распространения русского языка, затем были приняты последовательные документы для улучшения статуса русского языка. Указано в этих документах, что каждому надо освоить русский язык, все школы и высшие учебные заведения должны делать русский язык обязательным предметом. Занятость и работа тоже зависит от уровня освоения

русского языка. Поэтому развитие казахского языка стало чрезвычайно серьезным. С 1954 года по 1986 год в республике было закрыто более 600 казахских школ. В начале 1980-х годов в республике Казахстан даже не было казахских школ. Через использование административно-командных методов по обеспечению продвижения русского языка, русский язык стал фактически национальным языком. Статус и роль казахского языка значительно сократились. Казахские интеллигенты были глубоко обеспокоены этим. В ходе демонстраций были выдвинуты требования относительно развития национального языка и культуры.

Во-вторых, подавление развития национальной культуры являлось многогранным. Русская литература, кино, телевидение и другие культурные формы на русском языке постоянно занимали ведущее место в области культуры. «Начиная с 60 годов, выпускаемые в Казахстане периодические издания на национальном языке снизились с 16,5% до 12% от общего объема распределения» [11. Р. 222]. А количество публикаций на русском языке поднялось. Слабость национальной издательской индустрии неизбежно привела к препятствию распространения культуры, это оказало большое отрицательное влияние на развитие казахской национальной культуры. Что касалось радио-телевизионных программ, программы на русском языке также занимали значительную долю. Что еще важнее, вмешательство в интерпретацию казахской национальной истории и народных героев, продолжение казахских прекрасных традиционных литературных произведений также затруднено. В общем развитие казахской традиционной культуры было сильно подавлено.

2.2. Укрепление национального сознания в республике Казахстан.

2.2.1. Влияние волны международного национализма в XX веке.

В XX веке в мире существовало три больших волны национализма. Первая волна появилась после первой мировой войны. Вторая появилась в конце второй мировой войны до 1960-х и 1970-х годов. В этот период некоторые социалистические страны хотели избавиться от контроля Советского Союза, эта тенденция показала новую волну национализма в социалистическом лагере. Третья волна международного национализма именно началась в это время, и в 1980-х и 1990-х годах постепенно развивалась и расширялась. «Третья волна национализма пришла с постоянного появления мысли гегемонизма Советского Союза. И сформировалась волна национализма, которая стремилась измениться, чтобы избавиться от контроля Советского Союза и освободиться от модели развития социализма» [12. Р. 51-55]. Этот процесс сопровождался возрождением национальной традиционной культуры и различными экстремальными видами деятельности. Среди них национальная традиционная культура в этой волне находилась в беспрецедентном положении. Таким образом, «с середины 80-х годов, когда под демократией некоторые стали понимать вседозволенность, в ряде союзных республик СССР оживились националистические настроения, появились группы экстремистов, сепаратистов. Все это в условиях нарастания

экономических трудностей привело к социальной и межнациональной напряженности» [4]. Все это создало международную обстановку для укрепления национального самосознания народа Казахстана.

2.2.2. Влияние демографических факторов.

Как видно из таблицы, численность населения казахов, хотя и росла с 1939 по 1959 год, но в целом с 1930-х по 1950-е годы доля населения казахов находилась на нисходящей тенденции от общей численности населения страны. В то же время доля населения русских возросла. Причина этого явления заключается в том, что центр проводил плановую иммиграционную политику в Центральной Азии, в этот период в республику Казахстан принималось наибольшее количество иммигрантов. Среди них наибольшее влияние оказала волна иммиграции, вызванная освоением целины в период Хрущева. Во время освоения целины, большое количество эмигрантов ринулось в республику Казахстан, особенно русские. Миграция значительно изменила долю этнического населения в республике Казахстан, снижение доли казахов и повышение роста доли русских вызвали серьезные опасения в Казахстане. Так как согласно положениям Конституции СССР, если количество титульной нации составляло менее 50% всего населения республики, то она утратила свою цену как республика. Несмотря на то, что не было никакого аннулирования республики, но тот факт, что доля населения самой национальности в течение длительного времени была ниже русских в республике, являлся тяжелым давлением и неразрешимым бременем за короткое время в республике Казахстан. Вплоть до 1989 года численность населения казахов находилась в недоминирующей ситуации на протяжении длительного времени. Это угрожало существованию и развитию казахов, серьезно препятствовало осуществлению государственного суверенитета республики Казахстан и приносило угрозу обеспечению национальной без-

Таблица 1

Численность населения по национальности в РК (1939-1989) [13. Р. 31-58]

Год	Общая численность (млн. человек)	Численность населения (млн. человек)		Процент (%)	
		казах	русский	казах	русский
1939	615.1	232.8	245.9	37.8	40.0
1959	931.0	279.5	397.4	30.0	42.7
1970	1300.9	421.5	556.8	32.4	42.8
1979	1468.4	528.6	599.1	36.0	40.8
1989	1646.4	653.5	622.8	39.7	37.8

опасности страны. Кроме того, русские в Казахстане имели более или менее привилегии в области экономики, политики, культуры и образования, это еще больше сжимало пространство существования и развития казахов. Все это постоянно стимулировало нарастание национального настроения казахов. В ходе декабрьских событий появились такие лозунги, как «Русские отступают!» и «Казахстан принадлежит казахам!».

С 1970 по 1989 год доля казахского населения постепенно увеличивалась, и в 1989 году окончательно превзошла русских и казахи стали в истинном смысле титульной нацией в стране. Причины быстрого роста численности населения в этот период в том, что устойчивое развитие социальной экономики и улучшение уровня социального обеспечения и медицинского обслуживания, эти элементы привели к высокому естественному приросту населения страны. Кроме того, после этого никаких крупномасштабных иммиграционных мероприятий не проводилось. В таких условиях возросла национальная сила, которая обеспечивала необходимую социальную основу для повышения казахского национального самосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алейников М.В. Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате: причины, характер, последствия [J] // Мир Евразии. 2013. № 1.
2. Выводы и предложения комиссии Президиума Верховного Совета Казахской ССР по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17-18 декабря 1986 года // <http://www.elimai.kz/vyvody-i-predlozheniya-17-18-dekabrya-1986-goda.html>.
3. Декабрьские события в Алма-Ате-Википедия // <https://ru.wikipedia.org>.
4. Журавель В.П. Так все начиналось (декабрь 1986 года в Алма-Ате) [J] // Право и безопасность. 2001. № 1.
5. Любов В.Н. Пролог «великих потрясений» [J] // Военный академический журнал. 2017. № 1 (13).
6. [俄]雷日科夫.大国悲剧·苏联解体的前因后果 [M].徐昌翰等译.北京:新华出版社, 2010.
7. [哈]马赫穆特·卡斯木别科夫.领袖:哈萨克斯坦总统努·纳扎尔巴耶夫纪实 [M].冯育民等译.北京:民族出版社, 2013.
8. 王治来,丁笃本.中亚通史 [M].北京:人民出版社, 2010.
9. 赵常庆等.苏联民族问题研究 [M].北京:社会科学文献出版社, 2007.
10. [哈]纳扎尔巴耶夫.站在21世纪门槛上—总统手记 [M].陆兵译.北京:时事出版社, 1997.
11. 青觉,栗献忠.苏联民族政策的多维审视 [M].北京:中央民族大学出版社, 2009.
12. 杨恕,汪金国.20世纪80~90年代全球民族主义浪潮及相关理论探讨 [J].新疆社会科学, 2005. No. (05).
13. 吴宏伟.中亚人口问题研究 [M].北京:中央民族大学出版社, 2004.

SUN WENXIAN
Master, Lanzhou University, Institute
of Foreign Languages, China

INTEGRATIVE APPROACH TO THE FORMATION OF ECONOMIC COMPETENCE OF FUTURE TECHNOLOGY TEACHERS

The December 1986 events in Alma-Ata were an ethnic conflict during the Soviet Union in the capital of the Kazakh Soviet Socialist Republic and were the first large-scale outbreak of the Soviet Union's national problem. The immediate cause of the events was that the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union removed Dinmukhamed Akhmedovich Kunayev from the post of the first Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan and directly appointed Gennady Vasilyevich Kolbin to the post. The change of Kunayev caused strong discontent among the Kazakh population, then a large-scale protest demonstration broke out. Due to a misjudgment of the situation, the Soviet authorities used force to suppress the unrest, which eventually led to bloody conflicts and casualties, and a large number of people were arrested and punished. After the incident, the Central Committee of the CPSU described the riots in Almaty as "a manifestation of Kazakh nationalism." However, this conclusion seriously hurt the national pride of the Kazakhs, and they strongly opposed this decision. Three years later, with the changes in the situation and the growing voice of the people, the Central Committee of the CPSU reversed its previous decision, and the incident was eventually rehabilitated. In the context of the unequal national policy of the Soviet Union, the December events were the inevitable result of a long accumulation of ethnic contradictions. The highly centralized system allowed the Union Republic to have little power, limited political and economic autonomy, and severely suppressed the development of the national language and culture. With the gradual strengthening of national consciousness, the national elite, represented by national intellectuals, became increasingly dissatisfied with the power of the Soviet Union and strongly called for the realization of national equality and the preservation of state sovereignty. Combined with the free environment created by the reform of Mikhail S. Gorbachev, this personnel appointment, which was not fully thought out, was the beginning of a series of successive mass outbreaks of the Soviet national problem, and the country began to be in turmoil. After all, the national crisis that began in December in Almaty accelerated the collapse of the Soviet Union.

Key words: *December events in Alma-Ata, national problem, collapse of the USSR.*

НАШИ АВТОРЫ

Александров Артем Романович – аспирант Тамбовского государственного технического университета; депутат Тамбовской городской Думы Тамбовской области седьмого созыва, Россия, г. Тамбов (liberty1917@gmail.com).

Афонин Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ, Россия, г. Москва (79254001065@yandex.ru).

Бацазов Георгий Тельманович – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (geor.354315@mail.ru).

Бекмуродова Гульшода – кандидат философских наук, доцент Каршинского государственного университета, Республика Узбекистан, г. Карши (avazov.75@bk.ru).

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Belov2006s@yandex.ru).

Беспамятнова Марина Николаевна – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (marina.bespamiatnova@gmail.com).

Блинов Владимир Владимирович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (917404@gmail.com).

Бузанов Никита Алексеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nickbuza@gmail.com).

Ван Цзясюй – аспирант Института истории и политики МПГУ; старший преподаватель Хэйлуунцзянского университета КНР, Китай (voprospolitolog@yandex.ru).

Воровская Диана Витальевна – магистр юридических наук, Университет им. Париса Лодрона города Зальцбург, Австрия, г. Зальцбург (dkvvdiana@gmail.com).

Денисенко Полина Викторовна – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (apollinaire1877@gmail.com).

До Тхань Ту – аспирант Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (dothanhtu0482@gmail.com).

Есиев Эльдар Таймуразович – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (apollinaire1877@gmail.com).

Жетпысбаев Сейсембай Калижанович – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор кафедры экономики НАО «Торайгыров университет», Республика Казахстан, г. Павлодар (zha6752@yandex.ru).

Жолманов Азамат Сагатович – аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской акаде-

мии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (azamat.zholmanov@gmail.com).

Камвар Ахмад Джавид – магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Афганистан, г. Кабул (mohammadanvarbaktas05535@gmail.com).

Комаров Константин Сергеевич – бакалавр Московского государственного лингвистического университета, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Крюкова Елена Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент Государственного университета управления, Россия, г. Москва (greza21@yandex.ru).

Кузьмин Александр Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы и психологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Россия, г. Сыктывкар (akuzmin09@rambler.ru).

Магадиев Марат Флюсович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН Россия, г. Москва (mmf.172@mail.ru).

Маргынова Марина Юрьевна – доктор политических наук, профессор, профессор гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (newpolitia@mail.ru).

Мельникова Юлия Дмитриевна – аспирант Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (melnikova.yu.d93@gmail.com).

Мохманд Хашматулла – бакалавр кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Афганистан, г. Кабул (mohammadanvarbaktas05535@gmail.com).

Мохаммад Анвар Бакташ – магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Афганистан, г. Кабул (mohammadanvarbaktas05535@gmail.com).

Муратов Айрат Хасипович – соискатель кафедры конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, г. Казань (voprospolitolog@yandex.ru).

Нешков Сергей Владимирович – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (neshkov.sv@gmail.com).

Оселедец Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент Военного учебного центра Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (morreh.vl@mail.ru).

Перевалова Екатерина Андреевна – старший преподаватель Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (catrineperev@mail.ru).

Плешакова Дарья Игоревна – аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов (daria.pleshakova94@gmail.com).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (setjpo@mail.ru).

Равочкин Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово (nickravochkin@mail.ru).

Рашкован Антон Александрович – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (rashkovan001@gmail.com).

Рузавина Анастасия Константиновна – аспирант Сибирского Института Управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (ak_ruzavina@mail.ru).

Сажаев Михаил Иванович – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (mihailsazhaev@yandex.ru).

Сардар Алаа – аспирант кафедры теории политики и коммуникации Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород (alaa.saradar89@gmail.com).

Семибоков Денис Александрович – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (d.semibokov@mail.ru).

Сунь Вэньсянь – магистр Института иностранных языков Ланьчжоуского университета, Китай, г. Ланьчжоу (voprospolitolog@yandex.ru).

Сыздыкова Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ссса-iaas@yandex.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государ-

ственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_ushkov@mail.ru).

Устюжанинов Илья Дмитриевич – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ustug94@yandex.ru).

Хань Хаолэй – кандидат политических наук, доцент кафедры Китайизации марксизма факультета Марксизма Технологического Университета Внутренней Монголии Китая, КНР, Внутренняя Монголия, г. Хух-Хот (chuling-js@yandex.ru).

Чернышев Роман Сергеевич – магистр Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (roman.chernyshev.spb@gmail.com).

Черпакова Алёна Игоревна – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (a_cherpakova@inbox.ru).

Чу Лин – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой нравственного воспитания факультета Марксизма Технологического Университета Внутренней Монголии Китая, КНР, Внутренняя Монголия, г. Хух-Хот (chuling-js@yandex.ru).

Эбру Биринчи – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени В.М. Ломоносова, Россия, г. Москва (ebrubirinci61@gmail.com).

OUR AUTHORS

AFONIN A.D. – Postgraduate student at the Chair of political science and political philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ALEXANDROV A.R. – Postgraduate student at Tambov State Technical University; Deputy of the Tambov City Duma of the Tambov Region of the seventh convocation, Tambov, Russia.

BATSAZOV G.T. – Graduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

BEKMURODOVA G. – Candidate of Sciences (philosophy), Associate Professor at Karshi State University, Karshi, Uzbekistan.

BELOV S.I. – PhD, Associate Professor of Faculty of Political Science of Moscow State University, Moscow, Russia.

BESPAMIATNOVA M.N. – PhD student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

BIRINCHI E. – Postgraduate student at the Chair of comparative political science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BLINOV V.V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BUZANOV N.A. – PhD student, Faculty of Global Studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHERNYSHEV R.S. – Master, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

CHERPAKOVA A.I. – Post-graduate student, Faculty of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia.

CHU LING – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Moral Education of the Faculty of Marxism of the Inner Mongolia Technological University of China, expert of the Russian-Mongolian Research Center of the Inner Mongolia Technological University of China, China, Inner Mongolia, Hohhot.

DENISENKO P.V. – Postgraduate student at the Faculty of Politology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

DO THANH TU – Postgraduate, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

HAN HAOLEI – Ph.D. of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sinicization of Marxism, Faculty of Marxism China Inner Mongolia University of Technology, China, Inner Mongolia, Hohhot.

KAMWAR AHMAD JAVID – Student working for the Master’s Degree at the Chair of political analysis and management, RUDN, Kabul, Afghanistan.

KOMAROV K.S. – Student, Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia.

KRYUKOVA E.V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia.

KUZMIN A.G. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of social work and psychology of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

MAGADIEV M.F. – Candidate of Sciences (sociology), Associate Professor at the Chair of state administration in foreign policy activities, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

MARTYNOVA M.YU. – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Humanities, Russian State Social University, Moscow, Russia.

MELNIKOVA YU.D. – Postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

MOHAMMAD ANWAR BAKTASH – Student working for the Master’s Degree at the Chair of political analysis and management, RUDN, Kabul, Afghanistan.

MOHMAND HASHMATULLAH – BA at the Chair of political analysis and management, RUDN, Kabul, Afghanistan.

MURATOV A.H. – Ph.D. in the Department of Conflictology of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Russian, Kazan, Russia.

NESHKOV S.V. – Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

OSELEDETS A.G. – Ph.D., Associate Professor, Military Science Center of Far Eastern Federal University Vladivostok, Vladivostok, Russia.

PEREVALOVA E.A. – Senior lecturer at the Northwestern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; postgraduate student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

PLESHAKOVA D.I. – Graduate student, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Federation, Tambov, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

RASHKOVAN A.A. – PhD student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

RAVOCHKIN N.N. – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Legal Disciplines Kuzbass State Agricultural Academy; Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.

RUZAVINA A.K. – Post-Graduate of Siberian Institute of Management – the branch of RANEPA, Novosibirsk, Russia.

SARDAR ALAA – Graduate student, Department of Political Theory and Communication, the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia.

SAZHAEV M.I. – Graduate student professor in the Department of International Relations and Law at Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

SEMIBOKOV D.A. – Post-graduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SUN WENXIAN – Master, Lanzhou University, Institute of Foreign Languages, China.

SYZDYKOVA ZH.S. – Doctor of History, Professor, Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

USTYUZHANINOV I.D. – Postgraduate student of History of political movements and political parties' department Lomonosov MSU Faculty of History, Moscow, Russia.

VOROVSKAYA D.V. – Magistra iuris, Paris Lodron University Salzburg, Salzburg, Austria.

WANG JIAXU – Postgraduate, Institute of History and Politics, Moscow state pedagogical university, Senior lecturer at Heilongjiang University, China.

YESIEV E.T. – Postgraduate student at the Faculty of Politology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ZHETPYSBAEV S.K. – Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department of Economics, NJSC named Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan.

ZHOLMANOV A.S. – Postgraduate student at the Chair of political science and political management of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]); ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994–2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камиль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВЕДРИН Оливье – профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (*Revue Défense Nationale*), спикер европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ДОНАЙ Лукаш – д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

ИРХИН Юрий Васильевич – д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской-политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлуунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 4 (68), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.04.2021

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

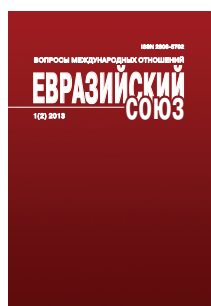
Журнал включен в базу РИНЦ.
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrzouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная				Количество комплектов						
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											